

ISSN 2077-8325

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА

(РОССИЙСКО-ТАДЖИКСКИЙ (СЛАВЯНСКИЙ) УНИВЕРСИТЕТ)

- **ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ**
- **ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ**

№ 2 (92)-2026

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА

(РОССИЙСКО-ТАДЖИКСКИЙ (СЛАВЯНСКИЙ) УНИВЕРСИТЕТ)

UNIVERSITY BULLETIN

(RUSSIAN-TAJIK (SLAVONIC) UNIVERSITY)

**РОССИЙСКО-ТАДЖИКСКИЙ
(СЛАВЯНСКИЙ) УНИВЕРСИТЕТ**

Основан в 2002 г.

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА
(РОССИЙСКО-ТАДЖИКСКИЙ (СЛАВЯНСКИЙ) УНИВЕРСИТЕТ)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 2 (92) – 2026 г.

Душанбе – 2026

RUSSIAN TAJIK (SLAVONIC) UNIVERSITY

Founded in 2002

UNIVERSITY BULLETIN

(RUSSIAN-TAJIK (SLAVONIC) UNIVERSITY)

SCIENTIFIC JOURNAL

№ 2 (92) – 2026 г.

Dushanbe – 2026

ISSN – 2077-8325

Учредитель: Межгосударственное образовательное учреждение высшего образования «Российско-Таджикский (Славянский) университет»

Главный редактор: Иброхимзода Илхомуддин Раджабали, доктор экономических наук

Редакционная коллегия:

Русакова Марина Васильевна, кандидат филологических наук,
заместитель главного редактора журнала

Баратова Рано Вахидовна, ответственный секретарь журнала

по филологическим наукам:

Шамбезода Хусрав Джамшедович, доктор филологических наук (Таджикистан)
Искандарова Дилоро Мукаддасовна, доктор филологических наук (Таджикистан)
Султанова Рафохат Мирзоевна, доктор филологических наук (Таджикистан)
Абдуллозода Масрур Ахмад, доктор филологических наук (Таджикистан)
Муллоев Шариф Бокиевич, доктор филологических наук (Таджикистан)
Мамадназаров Абдусалом, доктор филологических наук (Таджикистан)
Турсунов Фаёз Мелибоевич, доктор филологических наук (Таджикистан)
Косимов Олимджон Хабибович, доктор филологических наук (Таджикистан)
Муродов Мурод Бердиевич, доктор филологических наук (Таджикистан)

по экономическим наукам:

Султанов Зубайдулло Султанович, доктор экономических наук (Таджикистан)
Комилов Сироджиддин Джалалиддинович, доктор экономических наук (Таджикистан)
Амонова Дильбар Сабхоновна, доктор экономических наук (Таджикистан)
Тураева Мадина Октамовна, доктор экономических наук (Россия)
Ткаченко Александр Александрович, доктор экономических наук (Россия)
Плоских Елена Викторовна, доктор экономических наук (Кыргызстан)
Ташбаева Рано Гайбуллаевна, кандидат экономических наук (Узбекистан)

Редактор: Р.В.Баратова

Технический редактор/
компьютерная верстка: Г.Х.Ташматова

Перевод на английский язык: С.У.Тагаева

Перевод на таджикский язык: К.Камолов

Журнал зарегистрирован в Министерстве культуры Республики Таджикистан

Свидетельство о регистрации №488/ЖР-97 от 22 апреля 2026 года.

Входит в Перечень рецензируемых научных журналов и изданий ВАК Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и ВАК при Президенте Республики Таджикистан

Подписной индекс журнала 77691

Адрес редакции: 734025, Республика Таджикистан, город Душанбе, улица М. Турсунзаде, д.30

тел: (+992) 44 620 42 34; 44 620 42 11

www.vestnik.rtsu.tj

vestnik_rtsu@mail.ru

© Российско-Таджикский (Славянский) университет
Типография РТСУ

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Научный журнал «Вестник университета» (Российско-Таджикский (Славянский) университет) ежеквартально публикует статьи преподавателей, аспирантов и соискателей университета, других учебных заведений и научных учреждений Республики Таджикистан, являющиеся результатом их научных изысканий в области экономики и филологии. Журнал открыт для публикаций ученых стран ближнего и дальнего зарубежья.

Материал, представляемый в редакцию журнала, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других научных изданиях.

Статьи принимаются на рассмотрение редакционной коллегии при наличии рецензии от специалиста, имеющего ученую степень доктора наук (если автор статьи является доктором наук), доктора или кандидата наук (если автор статьи является кандидатом наук, соискателем или аспирантом). Рецензия должна быть подписана рецензентом и заверена по месту его работы (требования к рецензированию см. на сайте РТСУ).

Авторы представляют свои работы в электронной и печатной версиях, оформленные в соответствии с требованиями, установленными Правилами для авторов.

Распечатка рукописи должна быть полностью идентична электронному варианту статьи.

К рукописи статьи обязательно прилагается справка о прохождении через систему «Антиплагиат». Оригинальность текста должна составлять не менее 70%.

Общий объем статьи без аннотации, ключевых слов и списка литературы – не менее 10 страниц, но не более 14 страниц.

В структурные элементы статьи входят (в порядке расположения): УДК, название статьи, ФИО автора/авторов (полностью) с указанием ученой степени, ученого звания (при наличии), должности, названия структурного подразделения, учреждения/организации, почтового адреса с индексом, номера телефона и E-mail; аннотация (150-200 слов) на русском, английском и таджикском языках; ключевые слова (не менее 7 слов и выражений через точку с запятой).

Название статьи должно отражать проблематику работы, быть по возможности лаконичным, содержать ключевые слова, определяющие основные аспекты работы.

Аннотация должна ясно излагать содержание статьи и быть пригодной для публикации отдельно от статьи. В аннотации необходимо кратко описать актуальность рассматриваемой проблемы, цель работы, элементы новизны, результаты исследования и общий вывод.

Статья должна носить проблемный характер, в ней должны отражаться научная новизна проблемы или новизна подходов к её решению, знание автором научных достижений в этой области, результаты исследования и чётко сформулированные выводы. Необходимо соблюдать точность цитирования, фактологическую достоверность, научный стиль изложения, ясность и последовательность выражения суждений (мыслей).

В статье обязательны ссылки на источники информации, в том числе на источник получения статистических данных. Рисунки, диаграммы, таблицы размещаются в соответствующем по смыслу фрагменте текста. Они должны быть озаглавлены, пронумерованы и сопровождаться ссылками на источник заимствования данных. Объем рисунков и таблиц не должен превышать 1/3 объема научного текста.

Разрешаются общепринятые сокращения. Аббревиатуры приводятся сначала полностью с указанием в скобках принятого сокращенного варианта для его дальнейшего использования в тексте (например, Российско-Таджикский (Славянский) университет) (далее – РТСУ).

Список литературы оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ Р705-2008.

В списке должно быть представлено не менее 10 наименований только научной литературы, в том числе не менее 5 источников, опубликованных за последние 5 лет. При-

ветствуют материалы, опубликованные в рецензируемых научных изданиях и за рубежом. Самоцитирование, использование учебников и учебных пособий строго ограничено. Список литературы располагается в алфавитном порядке, сначала указываются работы на русском языке, далее литература на иностранных языках. Работы отечественных ученых, опубликованные на таджикском языке, приводятся в переводе на русский язык в общем перечне с русскоязычными источниками с указанием языка оригинала (на тадж.яз.). В список литературы не должны включаться работы, ссылки на которые отсутствуют в тексте статьи.

При цитировании или при ссылке на ту или иную работу в тексте статьи используются квадратные скобки, в которых указаны номер источника в перечне литературы и цитированная страница (напр.: [7, с.20]).

Источники публицистического характера, в том числе из печатных и электронных СМИ, официальные документы, архивные материалы, статистические издания и т.д. указываются в постраничных сносках на языке оригинала.

Ответственность за достоверность и полноту описания библиографических данных несёт автор статьи.

Завершают рукопись название статьи, данные о её авторе/авторах и текст аннотации на английском и таджикском языках.

Библиографический список приводится на двух языках: русском и английском.

Страницы статьи должны иметь сквозную нумерацию. Рукопись должна быть тщательно выверена и отредактирована автором.

Ответственный секретарь редакционной коллегии может самостоятельно отправить рукопись на доработку в случае, если её оформление не соответствует установленным правилам оформления.

Редакция оставляет за собой право вносить редакционные поправки, не искажающие основное содержание статьи.

Статьи, не отвечающие правилам оформления, к рассмотрению не принимаются, рукописи не возвращаются.

Доработанный вариант статьи с её электронной версией возвращается в редакцию вместе с первоначальной версией не позднее, чем через две недели после получения замечаний. В случае нарушения указанного срока, а также повторного обнаружения ошибок и недоработок дата опубликования статьи переносится на более поздний срок.

Датой поступления считается день поступления окончательного варианта текста статьи.

В редакцию принимаются тексты, подготовленные в формате MS Word for Windows. Шрифт – Times New Roman, размер шрифта основного текста – 12, списка литературы – 12, интервал одинарный, абзацный отступ – 1,25. Размер полей: сверху – 2 см, снизу – 2 см, слева – 3 см, справа – 1,5 см.

СОДЕРЖАНИЕ

• ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Захидова Л.С., Нагзибекова М.Б., Салоев А.Т. Афористичность как проявление специфики идиостиля писателя (на примере творчества Ю.М.Полякова)	13
Султанова Р.М. Метафорическое переосмысление как источник расширения семантической структуры слова	24
Икромзода Х.И. Сравнительный анализ спортивных фразеологизмов в русском и таджикском языках	36
Хамидова М.Н. Семантические особенности каузативных конструкций, выражающих побудительность в английском и таджикском языках	48
Неъматзода М.Х. Квантитативный анализ коллоквиальных маркеров разговорной речи в диалогической речи романа Рахима Джалила «Шураб»	60
Собиржанов С. Структурно-семантические и стилистические особенности качественных вопросительных местоимений таджикского языка	68
Каримов Н.А. Функционально-семантическое микрополе глаголов с временным значением в русском и таджикском языках	79
Некушоева Ш.С. Профилирование концепта дом в шугнано-рушанских языках: номинации <i>čīd</i> , <i>xūnā</i> и <i>mālā</i> в ситуативных контекстах	90
Козлова О.Л. Корпусный анализ как инструмент исследования лингвокультурного типажа (на примере ЛКТ «русская жена»)	101
Сайдализода З.Т. Лексико-семантический анализ единиц, отражающих символику чисел в китайском языке (на материале Толкового словаря)	119
Собирова А.А. Маркеры социального статуса как индикатор вежливости в таджикской лингвокультуре	130
Ансорова М.М. Лингвокультурологический анализ базовых цветообозначений в паремиологическом фонде таджикского языка	141

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЖУРНАЛИСТИКА

Салихов Н.Н. Социально-политические предпосылки развития таджикской публицистики в первое десятилетие государственной независимости	153
Бобоева М.С. Взгляд на эволюцию традиции комментирования поэзии Хафиза: сравнительный анализ комментариев Бахлула Бараки и Бадриддина Акбарабади	164
Рахмонов З.А. Историко-литературные аспекты перевода произведений А.М.Горького на таджикский язык	174
Шарипов В.А. «Гав и Талханд» (из «Шахнаме» Фирдоуси) в переводе М.М.Дьяконова	185
Бердиева Н.Н. Тематика и содержание русскоязычной детско-юношеской газеты «Пионер Таджикистана» (1938-1940 гг.)	199

К 70-ЛЕТИЮ ПРОФЕССОРА Х.Д.ШАМБЕЗОДА

Курбонова Х.Х. Ассоциативный портрет профессора в языковом сознании студентов: в честь юбилея профессора Х.Дж.Шамбезода209

• ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Саидова Х.У. Методологические подходы к исследованию рынка труда и занятости населения.....217

Раджабеков Г.Дж., Додаева Н.А. Проект CASA-1000 и практические аспекты его реализации.....233

Раимдодов У.С., Назаров М. Подготовка квалифицированных рабочих кадров по потребностям внутреннего – внешнего рынка как основа продуктивной занятости молодёжи.....247

CONTENTS

• PHILOLOGICAL SCIENCES

LINGUISTICS

Zakhidova L.S., Naghziebekova M.B., Saloev A.T. Aphoristic writing as a manifestation of the specific character of a writer's idiotype (based on the works of Yuri Polyakov).....	13
Sultanova R.M. Metaphorical rethinking as a source of expansion of the semantic structure of words.....	24
Ikromzoda Kh.I. Comparative analysis of sports phraseological units in Russian and Tajik languages.....	36
Khomidova M.N. Semantic features of causative constructions expressing inducement in English and Tajik languages.....	48
Nematzoda M.Kh. A quantitative analysis of colloquial markers in the dialogical speech of Rahim Jalil's novel "Shurab".....	60
Sobirjanov S. Structural, semantic, and stylistic features of qualitative interrogative pronouns in the Tajik language.....	68
Karimov N.A. Functional-semantic microfield of verbs with temporal meaning in Russian and Tajik languages.....	79
Nekushoeva Sh.S. Identifying different aspects of the house concept in the Shughnani-Rushani languages: the nominations <i>čīd</i> , <i>xūnā</i> and <i>mālā</i> in different contexts of use.....	90
Kozlova O.L. Corpus analysis as a tool for researching linguocultural types (on the example of the lct "Russian wife").....	101
Saydalizoda Z.T. Lexico-semantic analysis of units reflecting numerical symbolism in the Chinese language (based on an Explanatory dictionary).....	119
Sobirova A.A. Social status markers as a politeness indicator in Tajik linguoculture	130
Ansorova M.M. Linguocultural analysis of basic color designations in the paremiological fund of the Tajik language.....	141

LITERARY CRITICISM, JOURNALISM

Salikhov N.N. Socio-political preconditions for the development of Tajik publicism in the first decade of state independence.....	153
Boboeva M.S. A Look at the evolution of the tradition of commenting on Hafiz's poetry: a comparative analysis of the commentaries by Bahlul Baraki and Badr al-din Akbarabadi.....	164
Rahmonov Z.A. Historical and literary aspects of translating the works of A.M.Gorky into Tajik language.....	174
Sharipov V.A. "Gav and Talkhand" (from Firdausi's "Shahname") translated by M.M.Dyakonov.....	185
Berdieva N.N. The topic and content of the Russian-language children and youth newspaper "Pioneer of Tajikistan" (1938-1940).....	199

TO THE 70th ANNIVERSARY OF PROFESSOR Kh.J.SHAMBEZODA

Kurbanova Kh.Kh. Associative portrait of a professor in the linguistic consciousness of students: in honor of the anniversary of professor Kh.J.Shambezoda,...209

• ECONOMIC SCIENCES

Saidova Kh.U. Methodological approaches to researching the labor market and employment.....217

Rajabekov G.J., Dodaeva N.A. The CASA-1000 project and its practical implementation aspects.....233

Raimdodov U.S., Nazarov M. Training of qualified workers according to the needs of the domestic and foreign markets as a basis for productive youth employment.....247

МУНДАРИҶА

• ИЛМҲОИ ФИЛОЛОГӢ

ЗАБОНШИНОСӢ

Зоҳидова Л.С., Нағзибекова М.Б., Салоев А.Т. Афористикӣ ҳамчун зухури хусусияти идиоуслубли нависанда (дар мисоли осори Ю.М.Поляков).....	13
Султонова Р.М. Бозтафсири истиоравӣ ҳамчун манбаи густариши сохтори маъноии калима.....	24
Икромзода Х.И. Таҳлили мукоисавии фразеологизмҳои варзишӣ дар забонҳои русӣ ва тоҷикӣ.....	36
Ҳомидова М.Н. Хусусиятҳои семантикии конструксияҳои каузативии ифодагари маъноӣ мачбури дар забонҳои англисӣ ва тоҷикӣ.....	48
Неъматзода М.Х. Таҳлили квантитативии нишондиҳандаҳои гуфтугӯии нутқи муҳоваравӣ дар нутқи диалогии романи Раҳим Ҷалил «Шӯроб».....	60
Собирҷонов С. Хусусиятҳои сохторӣ-маъноӣ ва услубии ҷонишинҳои саволии сифатии забони тоҷикӣ.....	68
Каримов Н.А. Микромайдони функционалӣ-семантикии феълҳо бо маъноӣ замонӣ дар забонҳои русӣ ва тоҷикӣ.....	79
Некушоева Ш.С. Муайянсозии паҳлуҳои концепти хона дар забонҳои гурӯҳи шугӯнӣ-рушонӣ: номинатсияҳои <i>čīd</i> , <i>xūnā</i> ва <i>mālā</i> дар контекстҳои мухталифи истифода.....	90
Козлова О.В. Таҳлили корпус ҳамчун васоити тадқиқи намудҳои Сайдализода З.Т. Таҳлили лексико-семантики воҳидҳое, ки рамзи адабӣ дар забони ҷинӣ инъикос мекунад (дар асоси Луғати тавзеҳӣ).....	101
забонфарҳангӣ (дар мисоли 1st "зани русӣ").....	119
Собирова А.А. Нишонаҳои мақоми иҷтимоӣ ҳамчун нишонадиҳандаи одоб дар фарҳанги забони тоҷик.....	130
Ансорова М.М. Таҳлили лингвофарҳангшинохтии аломатҳои асосии рангҳо дар ганҷинаи паремиологии забони тоҷикӣ.....	141

АДАБИЁТШИНОСӢ, ЖУРНАЛИСТИКА

Салихов Н.Н. Пайомадҳои иҷтимоӣ-сиёсии рушди публицистикаи тоҷик дар даҳсолаи аввали истиқлолияти давлатӣ.....	153
Бобоева М.С. Назаре ба таҳаввули анъанаи шарҳнависӣ ба ашъори Ҳофиз: таҳлили мукоисавии шарҳҳои Баҳлул Баракӣ ва Бадриддин Акбарободӣ.....	164
Раҳмонов З.А. Ҷиҳатҳои таърихӣ адабии тарҷумаи асарҳои А.М.Горкий ба забони тоҷикӣ.....	174
Шарипов В.А. «Гав ва Талханд» (аз “Шохнома”-и Фирдавсӣ) дар тарҷумаи М.М.Дяконов.....	185
Бердиева Н.Н. Мавзӯҳо ва мазмунӣ матбуоти кӯдакона ва наврасонаи русзабони «Пионери Тоҷикистон» (солҳои 1938-1940).....	199

Қурбонова Ҳ.Ҳ. Симои ассосиативии профессор дар шуури забонии донишҷӯён: ба муносибати чашни фархундаи профессор Х.Ҷ.Шамбезода.....209

• **ИЛМҲОИ ИҚТИСОДИ**

Саидова Х.У. Равишҳои методологии таҳқиқи бозори меҳнат ва шугли аҳоли.....217

Рачабеков Ғ.Ҷ., Додаева Н.А. Лоихаи CASA-1000 ва ҷанбаҳои амалии татбиқи он.....233

Раҳимдодов У.С., Назаров М. Тайёр кардани кадрҳои коргарии соҳибта-хассус бо талаботи бозори дохилӣ ва хориҷӣ дар заминаи шугли пурмахсули ҷавонон.....247

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 821.161.-31: 82-84

DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.3.2-337-347

**АФОРИСТИЧНОСТЬ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ СПЕЦИФИКИ ИДИОСТИЛЯ
ПИСАТЕЛЯ (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА Ю.М.ПОЛЯКОВА)**

Захидова Лариса Сергеевна

Кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры философии и гуманитарных наук
Новосибирский государственный университет экономики и управления
630099, Россия, Новосибирская область, Новосибирск, ул. Каменская, 56
Тел.: +7 (383) 224 59 55, +7 (383) 243 95 95
l.s.zahidova@edu.nsuem.ru

Нагзибекова Мехриниссо Бозоровна

Доктор филологических наук,
профессор кафедры перевода и межкультурной коммуникации
Таджикский национальный университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, пр. Рудаки, 17
mnagzibekova@mail.ru

Салоев Азиз Тошмуродович

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры современного русского языка
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 44 620 42 10
saloev_aziz@mail.ru

В статье на материале прозаических произведений Ю.М.Полякова разных периодов анализируется динамика и специфика функционирования афоризмов, их роль в формировании авторской картины мира и в раскрытии характеров персонажей. Показано, что афористичность у Полякова последовательно усиливается от ранних текстов к более поздним, приобретая ярко выраженный философский, иронический и назидательный характер. Афоризмы выступают не только как выразительное средство художественной речи, но и как форма «интеллектуального фольклора», отражающая авторскую мудрость и жизненный опыт. Особое внимание уделяется структурным и стилистическим особенностям афоризмов: преобладанию формы синтаксической

фразы, экспрессивности, использованию развёрнутых сравнений, парадоксов, интертекстуальных отсылок и языковой игры. Отмечается значимая роль персонажей-носителей афористичной речи, через которых реализуется философская и дидактическая направленность текста. Делается вывод о том, что афоризмы («поляковки») являются важнейшим элементом идиостиля Ю.М.Полякова и служат эффективным средством концептуализации действительности в его художественном мире.

Ключевые слова: афоризмы; афористичность; идиостиль; интертекстуальность; интеллектуальный фольклор.

Введение. Специфике языка произведений Ю.М.Полякова в последние годы уделяется большое внимание исследователей, находящих всё новые и новые особенности идиостиля писателя [4; 5]. Специфичным для текстов Ю.М.Полякова считается большое количество крылатых слов, окказиональных фразеологизмов, афоризмов [6; 7]. В предисловии к книге «Слово за слово: карманный цитатник от Юрия Полякова» автор пишет: «Всякий нормальный писатель так же хочет быть афористичным, как всякая нормальная женщина – привлекательной» [30, с.1]. И там же: «Мысль составить сборник собственных афоризмов и удачных, на мой взгляд, цитат созрела у меня давно» [30, с.1]. Сам писатель, обращая внимание читателей и исследователей своего творчества на афористичность своих текстов, обобщает и классифицирует по содержанию собственные афоризмы в нескольких книгах.

Следует отметить, что афоризмы были востребованы во все времена, однако в наше динамичное время, требующее краткости изложения мысли, это особенно заметно. Появилось много исследований теоретического и практического характера по специфике афоризмов [9; 10; 11]. Обращаясь к авторитетным источникам, обобщая определения понятия «афоризм», видим, что учёные рассматривают афоризмы как короткие, меткие изречения, выражающие глубокую мысль или моральное наставление. «Афоризм (греч. aphorisms – определение, краткое изречение), краткое изречение, выражающее некую обобщённую законченную поучительную или парадоксальную мысль. Источники афоризмов – литературные произведения, рассказы о случаях из жизни исторических лиц» [19, с.24]. Существует много определений афоризмов, отражённых в словарях и справочниках XIX-XX веков. Афоризм – это «изречение, выражающее в лаконичной форме обобщённую законченную мысль» [23, с.105]. Есть несколько направлений определения этого понятия: одни словари отмечают глубокую поучительную мысль, суждение [26, с.63], другие называют афоризмы синонимами изречения, высказывания подчеркивая древнейший характер афоризма как литературного жанра [20, с.434].

В афористичности проявляется лингвистический талант авторов, поскольку они в сжатой форме выражают значимые для людей идеи, проявляя индивидуально-авторскую мудрость. Не стремясь ничего доказывать или аргументировать, авторы через афоризмы воздействуют на сознание необычной формулировкой мысли, содержащей в себе больше, чем написано, увлекающей читателя в

интеллектуальное сотворчество. Безусловно, афористичность присуща писателям, отличающимся особым философским складом ума.

Самые яркие представители оригинальной афористичности как самостоятельного жанра – Ф. де Ларошфуко, Н.Шамфор, Б.Паскаль, И.В.Гёте, широко известны пародийные афоризмы Козьмы Пруtkова и др. Однако в большинстве случаев афоризмы – это цитаты из произведений разных авторов. Яркая афористичность присуща Оскару Уайльду, Гильберту Честертону, Джорджу Бернарду Шоу, Станиславу Ежи Лецу, Карлу Краусу и многим другим. Во многих афоризмах используется каламбурная игра слов, нарушение логических связей, парадоксы, разрушение закрепившихся за словами связей и ассоциаций. Афоризмы привлекают внимание исследователей как феномен языка, культуры и психологии [Верещагин, Костомаров, 1990]. Афоризмы выразительны и образны, что сближает их с художественной литературой, однако можно заметить и связь афоризмов с наукой, проявляющуюся в синтезе мысли, связи между явлениями, в точности и лаконизме [26, с.25].

Наше исследование направлено на выявление афоризмов в текстах Ю.М.Полякова, которые, отличаясь от близких понятий (фразеологизмов, крылатых слов, пословиц и др.), имеют явный уклон в философию и встречаются в речи образованных людей. Е.М.Верещагин и В.Г.Костомаров видят специфику афоризмов и их отличие от фразеологизмов в том, что языковые афоризмы имеют синтаксическую форму фразы, а фразеологизмы – синтаксическую форму словосочетания [2, с.71-76]. Целый ряд исследователей также видят различия между формами фольклора и афоризмами. «Афоризм – это уже произведение малых форм современной литературы. Это своеобразный “интеллектуальный фольклор” от известных и признанных авторов» [3, с.132]. Выразительность афоризма возрастает при уменьшении числа слов; около 3/4 всех афоризмов состоит из 3-5 слов [10, с.29]. Афоризм — это текст малой формы, который имплицитно содержит более широкую информацию, чем та, которая выражена эксплицитно. Е.В.Землянская подчеркивает, что имплицитность афоризма обусловлена тем, что его содержание является результатом авторского вымысла, позволяющего рассматривать афоризм как миниатюрное художественное произведение [8, с.11-14].

Основная цель данной работы заключается в определении специфичности употребления афоризмов в текстах Ю.М.Полякова, в доказательстве динамики этого процесса и его особенностей. Для достижения данной цели необходимо решить следующие задачи: выявить афоризмы, начиная с ранних текстов произведений писателя и заканчивая более поздними, для которых, по нашему мнению, афористичность особенно актуальна; определить особенности их употребления; проанализировать эти выражения с точки зрения их специфики, показать, что Ю.М.Поляков – большой мастер афоризмов, так называемых «поляков».

Методы и материалы исследования. Цель исследования и поставленные задачи определяют использование следующих методов: сплошная выборка языкового материала, лексический и стилистический анализы.

Материалом исследования послужили прозаические тексты Ю.М.Полякова, а также толковые, фразеологические словари русского языка, сборники афоризмов.

Результаты исследования. Нами были последовательно выделены и проанализированы афоризмы писателя Ю.М.Полякова от более ранних произведений до более поздних. Работа над афоризмами в текстах Ю.М.Полякова показала, что афористичность автора растёт с каждым новым произведением, а также меняются способы её представления читателям. Идиостилю Ю.М.Полякова присуща ироничность, а метод его работы – гротескный реализм, что и обуславливает специфику афоризмов автора, определяющих буквально все стороны жизни: от бытовых до глубоко философских.

В повести «Сто дней до приказа» (1980г.) – одном из ранних произведений писателя – ироничность пронизывает весь текст и, безусловно, ироничны афоризмы, связанные, в том числе, и с армейской жизнью самого Ю.М.Полякова, проходившего срочную службу в группе советских войск в Германии. Афоризмы с иронией отражают специфику армейских отношений. Следует начать исследование с названия повести: «Сто дней до приказа» – оно само по себе афористично не только для солдат, особенно последнего года службы, но и отражает эмоциональный настрой всех, кто понимает значение этого афоризма. Думается, что афоризм может восприниматься и с дополнительной коннотацией: «остаётся немного до завершения чего-то важного».

Текст повести начинается с афоризма, вложенного в уста «воспитателя солдат» – прапорщика Высовеня: *«Вставай! Трибунал простишь»* [27, с.11] и завершается им же: *«Я открываю глаза и вижу старшину Высовеня: «Трибунал простишь! – сурово острит прапорщик»* [27, с.112]. Речь прапорщика воспринимается им самим как воспитательный элемент, впрочем как и все его эмоционально-экспрессивные высказывания: *«В дисбате выступите!»* [27, с.12]. Однако иная реакция у его подчинённых и главного героя-рассказчика: *«...Я испуганно открываю глаза...»* [27, с.11].

Характерно для идиостиля Ю.М.Полякова использование сравнений в составе афоризмов, в том числе и в высказываниях Высовеня: *«Это не служба, а цирк зажигает огни»* [27, с.19]. Библиотекарь Таня, например, афористично отвечает персонажу, используя противопоставление: *«Товарищ воин, глазами нужно есть командиров, а не их жён»* [27, с.96].

Высказывания рядовых часто тоже афористичны, что, возможно, должно символизировать их житейскую и армейскую мудрость: до приказа о возвращении домой всего сто дней или ещё сто дней! – в зависимости от мировосприятия человека. Солдат Малик выражает общий урок, усвоенный за два года службы: *«Не хочешь – заставят, не можешь – научат!»* [27, с.14]. Следует отметить, что все афоризмы писателя имеют форму синтаксической фразы: *«Тебя за атомной войной посылать!» – заорал Зуб* [27, с.33]; *«Закон суров, но это закон» – Валера Чернецкий* [27, с.51]; *«На словах у нас одна справедливость, а в жизни – совсем другая!» – Чернецкий* [27, с.105]. Афоризмы в повести «Сто дней до приказа» яркие и запоминающиеся, однако их не так много.

В романе «Грибной царь» (2005г.) уже почти все персонажи афористичны, причём за счёт афористичности создаётся вполне узнаваемый образ того или иного персонажа. Например, замполит Агариков: *«Если ты такой умный, где твои лампы?»* [28, с.122]. Этот персонаж запал в память главного героя романа как представитель армейской школы жизни, подобно тем, которые были в судьбе самого Ю.М.Полякова. Слова этого офицера воспроизводятся почти всегда в виде афоризмов, автор подчёркивает тем самым серьёзность армейской школы жизни и воспитательной роли замполитов. В самые трудные минуты главный герой вспоминает наставления своего замполита, ставшие, как правило, единственно верными: *«Как говорил замполит Агариков, жизнь любит наоборот»* [28, с.62]. Замполит Агариков становится в романе неким дидактическим персонажем, проходящим через всё повествование со своими мудрыми мыслями, становящимися афоризмами и подводящими итог определённому этапу жизни: *«Как говорил замполит Агариков, капитализм – джунгли человечества»* [28, с.89]; *«... война – штука отвратительная. Но на ней можно хорошо заработать»* [Поляков, 2005, с.91]; *«... бывшие жёны способны на всё»* [28, с.104]; *«Говорил же замполит Агариков: «Это баба думает маткой, а ты офицер и должен думать мозгой!»* [28, с.118]; *«Как любил говорить замполит Агариков: «Женщина – человек бессознательный: за оргазм родину продаст!»* [28, с.325].

Часто афоризмы носят философский смысл, переходя из узкого высказывания того или иного персонажа в широкое обобщение, имеющее назидательный характер: *«Ложь украшает любовь, как хороший багет лнялую акварельку»* [28, с.41]. Этот афоризм содержит развёрнутое сравнение – любимый художественный приём Ю.М.Полякова. Многие афоризмы построены на сравнениях: *«Письменный стол лучше женского тела»* [32, с.233]; *«Мир тесен, как новый полуботинок»* [Поляков, 2010, с.34]; *«Современная культура похожа на огромную ассенизационную станцию»* [33, с.308].

Философские высказывания о смысле жизни писатель вкладывает в уста главного героя романа – Свирельникова, за которым угадываются биографические черты самого автора, что делает эти афоризмы ещё ценнее. *«Вот тебе и дорога к храму!» – подсадовал директор «Сантехюта»* [28, с.276]. В некоторых подобных афоризмах содержится отсылка к известным произведениям искусства, что позволяет говорить об интертекстуальности текстов Ю.М. Полякова, которая, в свою очередь, создаёт имплицитный смысл сказанного (как в приведённом выше – *«Вот тебе и дорога к храму!»*). В речах отца Вениамина есть много отсылок к Библии. Это не цитаты, а философские выводы на основе Святого текста: *«Блуд ведь тоже – змея, сердце сосущая»* [28, с.282]; *«... семья – малая церковь»* [28, с.282]. Интертекстуальность афоризмов заставляет посмотреть на то или иное высказывание с разных позиций, лучше понять глубину мысли, заключённую в них: *«Некоторым хорошая память заменяет ум»* [32, с.89]; *«Здоровье в ногах»* [33, с.239]; *«Герой может напиться лишь на могиле врага»* [33, с.300]; *«Все измены начинаются с клятв в верности»* [33, с.333].

Афоризмы Ю.М.Полякова часто имеют развёрнутый синтаксический строй: *«Коньяк – не физиологично. Виски – не патриотично. Водку, пожалуй!»*

[28, с.289]. Этот афоризм можно разбить на составляющие, каждая из которых может служить отдельным афоризмом. Следует заметить, что многие афоризмы у Ю.М.Полякова по интонации – восклицательные. Это свидетельствует о высокой эмоциональности творчества писателя.

Ироничные афоризмы Полякова часто имеют двойной смысл: *«Молодая жена дисциплинирует»* [28, с.386]. С одной стороны – стимул быть всегда подтянутым и современным, с другой – жить не своей жизнью, а в связи со сложившимися обстоятельствами.

В романе Ю.М.Полякова «Гипсовый трубач» (2008-2012 гг.) афористичность приобретает новое направление: писатель вкладывает афоризмы в уста Сен-Жон Персу – персонажа, проходящего со своими высказываниями через весь текст романа, являющемуся воплощением ироничности и одновременно авторской мудрости самого Ю.М.Полякова. Сен-Жон Перс – псевдоним французского поэта и дипломата Алексиса Леже (Сен-Леже), лауреата Нобелевской премии по литературе 1960 года. Один из главных героев романа «Гипсовый трубач» – Дмитрий Жарынин – часто цитирует именно Сен-Жон Перса под впечатлением, полученным во время обучения во ВГИКе, где мировую литературу студентам читал профессор Таратута, обожавший Сен-Жон Перса. Студенты, передразнивая Таратуту, стали не только повторять цитаты, приводимые профессором, но и приписывать Сен-Жон Персу то, что он никогда не говорил. Эта языковая игра была очень увлекательной. Погибший, по воле Полякова, Жарынин не успел издать сборник *«Так говорил Сен-Жон Перс»*, хотя и хотел это сделать. Обратимся к афоризмам Сен-Жон Перса, которые составляют основу романа «Гипсовый трубач». Как в первой части романа, так и во второй, афоризмы, вложенные в уста Сен-Жон Перса, носят назидательный характер и по синтаксической структуре напоминают определения из учебников по разным разделам науки, отражают научную стилистику текста, подчёркивая тем самым мудрость высказываний – как учебника жизни. Сказуемые часто присоединяются при помощи «это» и пропуска глагола-связки «есть»: *«Каждая прошедшая мимо незнакомка – это часть великого несбывшегося»* [32, с.86]; *«...искусство – это именно бахрома жизни»* [32, с.106]; *«Искусство – это безумие, запертое в золотую клетку замысла!»* [32, с.139]. *«Счастье – это всего лишь предбанник горя»* [32, с.225]; *«Безграничность фантазии – явный признак ограниченности ума»* [32, с.215]. *«Эрос есть даже в вакууме!»* [32, с.242]; *«Искусство – это придуманная правда»* [32, с.316]; *«Вся жизнь художника есть лишь титла для солитера вдохновения»* [33, с.89]; *«Зависть – геморрой сердца»* [33, с.287]; *«Мелкий шрифт – оружие мошенников!»* [33, с.316]; *«Западничество для России – это способ геополитического суицида»* [33, с.327]; *«Время – самый медленный и самый разрушительный ураган!»* [33, с.413]; *«Свобода – это путь к рабству»* [33, с.419]; *«Банальность – это пульсирующая матка новизны»* [33, с.420]; *«Хороший писатель – раб замысла»* [33, с.425]. *«Женское одиночество – это Клондайк для мужчин»* [33, с.434]; *«Кровь врага – нектар возмездия!»* [33, с.444]. В нередких случаях происходит языковая игра: слова того или иного персонажа приписываются Сен-Жон Персу. Например, Кокотов выдаёт свои мысли за слова Сен-Жон Пер-

са: «Любовь – это самый мучительный способ быть счастливым» [33, с.33] так же, как и Наталья Павловна свои: «Женская верность – такой же каприз, как и измена» [33, с.40].

Афоризмы, представляющие собой сложноподчинённые предложения, призваны подчеркнуть глубину мысли, философскую мудрость Сен-Жон Перса: «Лучше завещать, чтобы тебе соорудили надгробье из дерьма, нежели оставить потомкам свои дневники» [32, с.105]; «Женищина отдаётся, чтобы взять» [32, с.134]; «Когда я слышу слова «проект» и «формат», мне хочется достать мой семизарядный кольт!» [32, с.332].

Использование в афоризмах определений, выраженных причастными оборотами, также свидетельствуют о глубине выражения мысли, заложенной в высказываниях Сен-Жон Перса: «В мире мало людей, умеющих красиво любить» [33, с.337-338]; «Трагедия, сочинённая комедиографом» [33, с.415-416].

Заключение. На основе анализа афоризмов в текстах произведений Ю.М.Полякова можно сделать ряд выводов. Динамика употребления афоризмов Ю.М.Поляковым прослеживается последовательно: в ранних произведениях их значительно меньше, чем в более поздних, что свидетельствует об усилении философской составляющей идиостиля автора. Афоризмы помогают лучше понять характеры персонажей, их внутренний мир и дают их лингвистическую характеристику. Специфика афоризмов в текстах произведений писателя базируется на ироничности и гротеске, отражая главные особенности идиостиля автора. Почти все афоризмы представляют собой эмоционально-экспрессивные высказывания, по интонации они – восклицательные. Часто афоризмы носят философский характер, переходя из узкого высказывания того или иного персонажа в широкое обобщение, имеющее назидательный характер, чему способствует форма синтаксической фразы. Любимый художественный приём Ю.М.Полякова – развёрнутое сравнение – часто составляет основу афоризмов, имеющих развёрнутый синтаксический строй. Такие афоризмы можно разбить на составляющие, каждая из которых может служить отдельным афоризмом. Ироничные афоризмы Полякова часто имеют двойной смысл, позволяющий глубже донести содержание высказывания. Специфичным для идиостиля Полякова является введение персонажа – носителя афористичных высказываний, который проходит через всё повествование произведения. Афоризмы часто носят назидательный характер и по синтаксической структуре напоминают определения из учебников по разным разделам науки, подчёркивая их дидактичность. Сказуемые часто присоединяются при помощи «это» и отсутствия глагола-связки «есть» в неполном предложении. Афоризмы, представляющие собой сложноподчинённые предложения, призваны подчеркнуть глубину мысли, философскую мудрость. Использование в афоризмах определений, выраженных причастными оборотами, также свидетельствуют о глубине выражения мысли, заложенной в высказываниях. Интертекстуальность афоризмов заставляет посмотреть на то или иное высказывание с разных позиций, лучше понять глубину мысли, заключённую в них.

Итак, Ю.М.Полякова можно назвать одним из писателей, создавших в текстах своих произведений яркие и важные для понимания смысла афоризмы – «поляковки».

Литература

1. Ашукин Н.С, Ашукина М.Г. Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения. – 2-е изд., доп. – М.: Правда, 1960. – 751 с.
2. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – М.: Русский язык, 1990. – 248 с.
3. Дановский Н.Ф. Вводное слово в искусство перевода. – Рига-Харьков, 1983. – 174с.
4. Захидова Л.С. Коммуникация в пространстве художественных текстов Ю.М.Полякова // Человек и язык в коммуникативном пространстве: сб. науч. ст. – 2017. – №8. – С.123-129.
5. Захидова Л.С. Мифологический подтекст как специфика идиостиля писателя (на примере романа Грибной царь) // Идеи и идеалы. – 2021. – Т.13, №3, ч.2. – С.337-347.
6. Захидова Л.С. М.Поляков: традиции и новаторство // Динамика языковых и культурных процессов в современной России: материалы V Конгресса РОПРЯЛ (г.Казань, 4-8 октября 2016 г.). Вып.5. – СПб.: РОПРЯЛ, 2016. – С.821-830.
7. Захидова Л.С. Анализ мифопоэтического подтекста художественного произведения как мотивация к чтению современной литературы // Русский язык в поликультурном мире: материалы VI Международного симпозиума (8-12 июня 2022 г., г.Симферополь). – Симферополь: Крымский федеральный университет имени В.И.Вернадского, 2022. – С.237-242.
8. Землянская Е.В. Структурно-семантические и функциональные особенности стилевой интертекстуальности в англоязычном афоризме: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Землянская Евгения Викторовна. – СПб., 2004. – 209 с.
9. Федоренко Н.Т., Сокольская Л.И. Афористика. – М.: Наука, 1990. – 415 с.
10. Хлебцова О.А. Русский язык в пословицах, поговорках, крылатых словах и афоризмах. – М.: МНЭПУ. 1999. – 248 с.
11. Шаталова С.А. Лингвистические основы афоризмов и афористики в художественных текстах Достоевского на материале романов «Бесы» и «Подросток»: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Шаталова Светлана анатольевна. – М., 2000. – 208 с.

Словари

12. Афоризм // Большая российская энциклопедия. Т.2. – М., 2005. –С.525.
13. Афоризм // Литературная энциклопедия: в 11 т. Т.1 / отв. ред. В.М.Фриче. – М.: Изд-во Коммунистической академии, 1929. — С.279-280.
14. Афоризм // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н.Николукина: Институт научной информации по общественным наукам РАН: Интелвак, 2001. – 1596 с. – С.64.
15. Афоризм // Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост.: Л.И.Тимофеев и С.В.Тураев. – М.: Просвещение, 1974. – С.23-24.
16. Афоризмы // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86т. (82т. и 4 доп.). – СПб., 1890-1907.
17. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М., 1966. – 607с.
18. Бархударов С.Г. Русский семантический словарь. – М., 1982. – 566с.
19. Большой энциклопедический словарь. Языкознание / под ред. В.Н.Ярцевой. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.
20. Большая Советская Энциклопедия / гл. ред. А.М.Прохоров. –М.: Советская энциклопедия, 1970-1978. – 685 с.
21. Краткий словарь литературоведческих терминов. – М.: Просвещение, 1963. – 183с.
22. Лагута О.Н. Учебный словарь стилистических терминов. Практические задания. Ч.1: учеб.-метод. пособие. – Новосибирск: Новосибирский ун-т, 1999. –76 с.
23. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н.Ярцевой. – М., 1990. – 685с.

24. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Словарь русского языка. – М., 1999. – 943с.
25. Словарь литературоведческих терминов. – М., 1974. – 509с.
26. Словарь иностранных слов / под ред. Т.М.Капельзона. – М., 1987. – 608 с.

Источники

27. Поляков Ю.М. Сто дней до приказа: Сборник произведений. – М.: ООО «Издательство «РОСМЭН-ПРЕСС», 2004. – 413 с.
28. Поляков Ю.М. Грибной царь: – М.: ЗАО «РОСМЭН-ПРЕСС», 2005. – 461 с.
29. Поляков Ю.М. Мысли на ветер. Афоризмы, цитаты, записные книжки: Юрий Поляков. Аргументы недели. – М., 2020. – 384 с.
30. Поляков Ю.М. Слово за слово: карманный цитатник от Юрия Полякова. – М.: РОСМЭН, 2007. – 199 с.
31. Поляков Ю.М. Бахрома жизни: афоризмы, мысли, извлечения для раздумий и для развлечений. – М.: АСТ, 2013. – 410с.
32. Поляков Ю. Гипсовый трубач, или Конец фильма / Юрий Поляков. – М.: Астрель: АСТ, 2008. – 381с. – (Геометрия любви).
33. Поляков Ю. Гипсовый трубач: дубль два. – М.: Астрель: АСТ, 2010. – 488с. – (Геометрия любви).

**APHORISTIC WRITING AS A MANIFESTATION OF THE SPECIFIC
CHARACTER OF A WRITER'S IDIOSTYLE
(BASED ON THE WORKS OF YURI POLYAKOV)**

Zakhidova Larisa Sergeevna

Candidate of philological sciences,
associate professor of the chair of philosophy and humanities
Novosibirsk state university of economics and management
630099, Russia, Novosibirsk region, Novosibirsk city, Kamenskaya, str., 56
Ph.: +7 (383) 224 59 55, +7 (383) 243 95 95
l.s.zahidova@edu.nsuem.ru

Naghzibekova Mehriniso Bozorovna

Doctor of philological sciences,
professor of the chair of translation and intercultural communication
Tajik national university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Rudaki ave., 17
mnaghzibekova@mail.ru

Saloev Aziz Toshmurodovich

Candidate of philological sciences,
associate professor of the chair of modern Russian language
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str.,30
Ph.: (+992) 44 620 42 10
saloev_aziz@mail.ru

In the article, using prose works by Yu. M. Polyakov from various times, the dynamics and specific features of aphorisms and their role in shaping the author's worldview and revealing the characters' personalities are analyzed. It is shown that Polyakov's aphoristic nature consistently increases from early to later texts, acquiring a distinctly philosophical, ironic, and didactic character. Aphorisms act not only as an expressive means of artistic speech but also as a form of "intellectual folklore" reflecting the author's wisdom and life experience. Particular attention is paid to the structural and stylistic features of aphorisms: the predominance of syntactic phrase form, expressiveness, the use of extended similes, paradoxes, intertextual references, and language play. The significant role of the characters who carry the aphoristic speech is noted, through whom the philosophical and didactic focus of the text is realized. It is concluded that aphorisms ("Polyakovkas") are a crucial element of Yu. M. Polyakov's idiostyle and serve as an effective means of conceptualizing reality in his artistic world.

Keywords: aphorisms; aphoristics; idiostyle; intertextuality; intellectual folklore.

АФОРИСТИКӢ ҲАМЧУН ЗУҲУРИ ХУСУСИЯТИ ИДИОУСЛУБИ НАВИСАНДА (ДАР МИСОЛИ ОСОРИ Ю.М.ПОЛЯКОВ)

Зохидова Лариса Сергеевна

Номзади илмҳои филология, дотсент,
дотсенти кафедраи фалсафа ва илмҳои гуманитарӣ
Донишгоҳи давлатии иқтисод ва идоракунии Новосибирск
630099, Россия, вилояти Новосибирск, Новосибирск, кӯчаи Каменская, 56
Тел.: +7 (383) 224 59 55, +7 (383) 243 95 95
l.s.zahidova@edu.nsuem.ru

Нагзибекова Меҳриниссо Бозоровна

Доктори илмҳои филология,
профессори кафедраи тарҷума ва муоширати байнифарҳангӣ
Донишгоҳи миллии Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, хиёбони Рӯдакӣ, 17
mnagzibekova@mail.ru

Салоев Азиз Тошмуродович

Номзади илмҳои филология,
дотсенти кафедраи забони муосири русӣ
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯчаи М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 44 620 42 10
saloev_aziz@mail.ru

Дар мақола дар заминаи осори насри Ю.М.Поляков, ки ба давраҳои гуногуни эҷодиёти ӯ тааллуқ доранд, таҳаввул ва хусусиятҳои қорбурди афоризмҳо, нақши онҳо дар ташаккули ҷаҳонбинии муаллиф ва бозтоби ҳислатҳои қаҳрамонон мавриди таҳлил қарор гирифтаанд. Нишон дода мешавад, ки афористикӣ дар эҷодиёти Поляков аз осори аввалин то асарҳои дерина тадриҷан тақвият ёфта, хусусияти равшани фалсафӣ, ҳаҷвӣ ва пандомӯз касб мекунад.

Афоризмҳо на танҳо ҳамчун воситаи муассири баёни бадеӣ хизмат мекунанд, балки шакли хоси «фолклори зехнӣ» низ махсус меёбанд, ки ҳикмат, ҷаҳонбинӣ ва таҷрибаи зиндагии муаллифро таҷассум менамоянд. Таваҷҷуҳи махсус ба вижагиҳои сохторӣ ва услубии афоризмҳо равона шудааст: бартарии шакли ҷумлаҳои синтаксисӣ, ифоданоки, истифодаи ташбеҳҳои густурда, парадоксҳо, ишораҳои байниматнӣ ва бозии забонӣ.

Ҳамчунин нақши муҳими қаҳрамононе, ки сухани афористикӣ ба онҳо хос аст, таъкид мегардад, зеро маҳз тавассути онҳо самти фалсафӣ ва тарбиявии матн амалӣ мешавад. Дар натиҷа ҳулоса карда мешавад, ки афоризмҳо («поляковҳо») яке аз муҳимтарин унсурҳои идиоуслуби Ю.М. Поляков буда, ҳамчун воситаи муассири маъниофарӣ ва дарки воқеият дар олами бадеии нависанда хизмат мекунанд.

Калидвожаҳо: афоризмҳо; афористикӣ; идиоуслуб; байниматният; фолклори зехнӣ.

УДК 81'37:811.222.8

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ КАК ИСТОЧНИК РАСШИРЕНИЯ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ СЛОВА

Султанова Рафохат Мирзоевна

Доктор филологических наук,
профессор кафедры современного русского языка
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 80 666 66 68 (м.)
rafoat10@mail.ru

Статья посвящена анализу метафорического переосмысления как одного из механизмов формирования вторичных номинаций в семантической структуре полисемичных слов таджикского языка. Актуальность исследования определяется недостаточной изученностью способов структурирования производных значений в составе полисемичной лексемы, прежде всего с точки зрения взаимодействия архисемы, интегральных и дифференциальных сем. Цель работы заключается в выявлении закономерностей метафорического переноса и установлении характера смысловых связей между первичными и вторичными значениями. Исследование выполнено на основе значительного массива полисемичных лексических единиц, зафиксированных в современных лексикографических источниках; в рамках данной статьи представлены отдельные репрезентативные образцы компонентного анализа. Методологическую основу составляет компонентный анализ, позволяющий определить семную организацию лексико-семантических вариантов и выявить механизмы семантической деривации. Установлено, что метафоризация реализуется преимущественно по моделям «человек» → «физический мир» и «физический мир» → «психологический мир». Показано, что архисема выполняет интегрирующую функцию, обеспечивая смысловую целостность полисемичной лексемы и связь между её производными значениями. Полученные результаты уточняют представления о механизмах полисемии и вторичной номинации в таджикском языке.

Ключевые слова: метафора; метафорическое переосмысление; вторичная номинация; лексико-семантический вариант; архисема; дифференциальная сема; полисемичное слово; семантическая структура слова; модель метафорического переноса.

Метафора – одно из наиболее выразительных свидетельств творческого начала человека в языке. Будучи важным сегментом системы языка и речи, она восполняет лакуны в механизмах деривации и экспликации явлений действительности несмотря на то, что долгое время она позиционировалась в качестве второстепенной риторической фигуры для воздействия на слушателей или читателей. В современной науке можно выделить несколько направлений в изучении языковой метафоры, ее формирования, структуры и функционирования. Отметим только те, которые имеют непосредственное отношение к нашему исследованию,

например лексикографическое направление (Л.В.Щерба, В.В.Виноградов, И.Р.Гальперин), лексикологическое (В.К.Харченко, Г.Н.Скляревская, О.Н.Лагута), семасиологическое, призванное изучать семную структуру метафоры, а также образующие метафорическое значение семантические процессы (В.Г.Гак, Д.Н.Шмелев, Н.Д.Арутюнова).

Так, В.В.Виноградов характеризует метафору следующим образом: «В метафоре нет никакого оттенка мысли о превращении предмета. Наоборот, «двуплановость», сознание лишь словесного приравнивания одного предмета второму – резко отличному – неотъемлемая принадлежность метафоры» [2, с.88].

О.Н.Лагута интерпретирует метафору как «не просто языковой и/или речевой знак, «неясный» троп, ментальный механизм, поведенческий акт, а результат сложнейшей, иерархически (причем не линейно) организованной коммуникативной деятельности человека» [4, с.16].

Н.Д.Арутюнова рассматривает метафорическое творчество как акт, который «лежит в основе многих семантических процессов – развития синонимических средств, появления новых значений и их нюансов, создания полисемии, развития систем терминологии и эмоционально-экспрессивной лексики. Без метафоры не существовало бы лексики «невидимых миров», зоны вторичных предикатов, то есть предикатов, характеризующих абстрактные понятия» [1, с.7]. Феномен метафоры привлекает внимание ученых и как объект философии, психологии, психолингвистики, логики, литературоведения, Г.Н.Скляревская подчеркивает ее языковую сущность: «метафора, прежде всего, языковое явление и потому должна в первую очередь получить исчерпывающую интерпретацию в лингвистике» [6, с.28]. Однако, на современном этапе своего развития наука о языке не располагает точно и окончательно сформированной теорией метафоры. Дискуссионными остаются вопросы о типологии метафоры, о ее функциональном потенциале.

Несмотря на то, что проблемы двухуровневой структурной организации лексики, основанной на первичной и вторичной номинации, которая, в свою очередь, базируется на метафорическом и метонимическом переосмыслении, становились предметом многочисленных изысканий российских и зарубежных исследователей, в отечественном языкознании данные вопросы не привлекали внимание таджикских ученых ни в одностороннем порядке, ни в сопоставительном аспекте.

Цель проводимого в рамках настоящей статьи исследования заключается в выявлении механизмов метафорического переосмысления как источника расширения семантической структуры слова и как процесса вторичной номинации и полисемичных слов таджикского языка. Достижение поставленной цели предполагает решение таких задач, как установление русских лексико-семантических вариантов отдельно взятых полисемичных слов таджикского языка, проведение их компонентного анализа, заключающегося в выделении интегральных и дифференциальных сем, определение на основе общих сем моделей метафорического переноса значений. В свою очередь модели метафорического переноса устанавливаются согласно типологии Г.Н.Скляревской, предполагающей участие в

процессе метафоризации единиц, относящихся к пяти семантическим полям: 1) предмет; 2) человек; 3) животный мир; 4) физический мир; 5) психический мир [6].

В качестве языкового материала послужили данные словарных статей «Таджикско-русского словаря» (далее ТРС) [9] и «Толкового словаря таджикского языка» (далее ТСТЯ) [11].

Для достижения целей и задач исследования первичной и вторичной номинации использованы различные методологические подходы, которые обеспечат комплексный анализ рассматриваемых понятий. В частности: 1) лексикографический метод, предполагающий изучение лексикографических источников для определения полисемичных лексем и выявления их лексико-семантических вариантов; 2) компонентный анализ лексем, позволяющий расчленить значение слова на его минимальные составляющие и понять структуру значения слова, выявив его интегральные и дифференциальные семы; 3) определение модели метафорического переноса; 4) сравнительный метод, способствующий определению различий и сходств между первичной и вторичной номинацией в таджикском и русском языках.

Функционируя в лексической системе языка как достаточно активный способ словообразования, метафора характеризуется как процесс семантического переосмысления, при котором используется уже существующая в языке звуковая оболочка. Иными словами, используемая в языке словесная единица получает вторичное применение, в результате чего осуществляется процесс вторичной номинации. В этой связи примечательно высказывание Э.Сепира: «Ни один язык не был бы в состоянии выражать каждую конкретную идею самостоятельным словом или корневым элементом. Конкретность опыта беспредельная, ресурсы же самого богатого языка строго ограничены» [5, с.46].

Выбор семантического источника для метафорического переосмысления основывается на лексическом потенциале носителя языка интерпретировать новое посредством усвоенных моделей категоризации, даже в случае, если отождествление объектов представляется невозможным. В процессе метафорического преобразования лексема утрачивает часть своих исходных компонентов: базовые признаки нейтрализуются, а один из конститутивных сем признака наделяется доминантным статусом. Именно этот признак выполняет функцию отправной точки формирования вторичного, закрепляемого значения, которое впоследствии расширяется благодаря его включению в различные лексико-семантические отношения и ассоциативные схемы.

В наших ранних обращениях к проблемам метафоризации лексических единиц была сформирована следующая точка зрения: «Метафорическое переосмысление осуществляется на сходстве обозначаемого с исходным денотатом на основании их общего признака, то есть метафора формируется на фоне лексической единицы, реализующейся в прямом значении. Данное обстоятельство позволяет понимать новые понятия через известные и ранее знакомые, называние понятия происходит за счет сложившихся ассоциаций с конкретными явлениями

или предметами. Будучи «скрытым сравнением», метафора создается в процессе трансформации аналогий, установленных между объектами сравнения» [8, с.72].

Несмотря на то, что феномен метафоры привлекает внимание ученых и как объект философии, психологии, психолингвистики, логики, литературоведения, Г.Н.Скляревская подчеркивает ее языковую сущность: «метафора, прежде всего, языковое явление и потому должна в первую очередь получить исчерпывающую интерпретацию в лингвистике» [6, с.30]. Однако, на современном этапе своего развития наука о языке не располагает точно и окончательно сформированной теорией метафоры. Дискуссионными остаются вопросы о типологии метафоры, о ее функциональном потенциале. По мнению ученых, метафора наделена двумя [13], четырьмя [1] и даже пятнадцатью [12] функциями. Для нашего исследования особую значимость имеет номинативная функция метафоры, заключающаяся в формировании в слове переносного значения при одновременной невозможности образования новых слов.

Будучи одним из продуктивных способов вторичной номинации, процесс метафоризации заключается во вторичном использовании лексических единиц с сохранением их звуковой оболочки и материального облика. «Наряду с фактором экономичности языка, вторичная номинация обусловлена абстрагированным свойством человеческого мышления и является результатом его ассоциативности» [8, с.71].

Результатом вторичной номинации слова является его полисемичность, представленная в лексикографических источниках лексико-семантическими вариантами, сформированными главным образом на основе первичного значения слова. Такие варианты не только выполняют функции наименования объектов действительности, но и формируют определенные ассоциативно-концептуальные связи, при этом участвуют в осмыслении и структурировании соответствующих фрагментов знания о мире.

Настоящее исследование основывается на предположении о том, что в лексикографических источниках порядок представления значений полисемичного слова строится таким образом, что на первичной позиции фиксируется его исходное, базовое значение, так как он является «опорой и общественно осознанным фундаментом всех других значений и применений» [3, с.163]. За первичным значением размещаются вторичные семантические варианты, формирование которых обусловлено базовым значением. Количество таких значений может варьироваться, при этом не каждое из них прямо мотивировано основным семантическим компонентом. Как правило, такие значения представляют собой десемантизированные метафоры, утратившие первоначальную образность и выполняющие преимущественно номинативную функцию. После них в словарной статье обычно приводится переносное значение, также относящееся к сфере вторичной номинации, но сохраняющее метафорическую образность и характеризующееся более высокой степенью экспрессивности.

Как показало исследование, расширение семантической структуры происходит у слов различных частей речи, более всего субстантивных и адъективных

единиц. Более всего полисемичные слова репрезентированы конкретными именами существительными.

Существительное таджикского языка *багал*, согласно данным «Таджикско-русского словаря», выступает обозначением сразу четырех денотатов, а именно: «1. Подмышка, пазуха; 2. Объятия; 3. Охапка; 4. Промоина, расселина, склон, уступ» [9, с.57]. Примечателен факт аналогичной интерпретации исследуемого слова в «Толковом словаре таджикского языка», где слово *багал* является полисемичным и наделено пятью значениями: «1. Зери пайвандҳои дасту китф, каш; 2. Оғуш, канор, бар, сина, душ; 3. *мач*. Дарун, миён, байн, мобайн; 4. Холигии, ки аз бастанӣ миён дар ду тарафи чома пайдо мешавад; 5. Микдори ҳезум, алаф ё чизи дигар, ки бо ду дасти калонкушода онро ба оғуш гирифта бардоштан мумкин аст» [11, с.64]. Можно отметить полное соответствие русских и таджикских коррелятов, однако в первом случае наблюдается объединение ЛСВ₁ и ЛСВ₄, что, на наш взгляд, является абсолютно неоправданным.

Как было отмечено ранее, ЛСВ слов являются их вторичными номинациями, образующимися на основе определенных ассоциаций по сходству и смежности. Определение типа переноса значений возможно при использовании метода компонентного анализа, предполагающего разложение значения слова на минимальные семантические составляющие, так называемые семы – минимальные предельные единицы плана содержания.

В соответствии с установленными правилами оформления словарной статьи первый ЛСВ слова представлен в прямом значении, он является основным и непроизводным. Основной денотат – *подмышка*, обозначенный моносемичным словом, трактуется как «внутренняя часть плечевого сгиба между рукой и грудной клеткой» [10, с.499]. Слово *пазуха*, в свою очередь, будучи многозначным, в основном своём значении толкуется как «1. пространство между грудью и прилегающей к ней одеждой» [10, с.453]. Из приведенных толкований слов можно установить, что архисемой лексемы *подмышка* является сема 'часть тела человека', дифференциальными семами – 'углубление между частями тела', архисемой лексемы *пазуха* является сема 'часть одежды/человеческого тела', дифференциальной семой – 'пространство, созданное одеждой'. Однако существует ряд интегральных сем, на основе которых осуществляется перенос значения, это перенос по сходству, то есть метафорический. Сходство проявляется на уровне сем 'определенное пространство, локативность', 'закрытость от внешнего взгляда, укромность', 'способность что-то укрыть, поместить'. Мотивирующим признаком является внешнее сходство.

Вторым ЛСВ слова *багал* выступает денотат *объятия*, который в лексикографических источниках толкуется как «движение или положение рук, охватывающих кого-л. для ласки, выражения дружеских чувств» [10, с.410]. Архисема – 'действие охвата', дифференциальные семы – 'кратковременное действие', 'положительная эмоциональная окраска', 'участие двух человек'. В качестве интегральных сем ЛСВ₁и ЛСВ₂ выступают семы 'определенное пространство', 'участие руки'. Именно на основе данных интегральных сем осуществляется перенос значения по функциональному сходству – метафорический перенос.

Третьим ЛСВ слова *багал* выступает денотат *оханка*, трактуемый в словарях следующим образом: «количество чего-нибудь, уместяющееся в объёме рук» [10, с.450]. Архисема – 'количество, ограниченное физической вместимостью рук', дифференциальная сема – 'количество конкретных предметов', интегральная сема со словом *подмышка* – 'участие рук', со словом *объятия* – 'вместимость', 'участие рук', 'связь с конкретными объектами'. Перенос значения по функциональному сходству – метафоризация.

Четвёртый ЛСВ слова *багал* – *промоина*, имеет следующее толкование: «впадина, размытая дождем, потоком воды; место в плотине, дамбе, прорванное водой» [10, с.570]. Архисема – 'неровность земной поверхности, дифференциальная сема – 'образование, связанное с водой'. Интегральная сема – 'пространство между чем-либо, углубление, впадина'. Данное значение, также образованное на основе внешнего сходства, является метафорическим.

Следовательно, можно сделать вывод, что все три значения слова *багал* образованы на основе метафорического переосмысления первого значения, при этом мотивацией для переноса значения стало как внешнее сходство, так и функциональное. Следует подчеркнуть, что все лексико-семантические варианты анализируемой лексемы соотносятся с тематической сферой «физический мир». Это позволяет обоснованно говорить о возможности выделения единой модели метафорического переноса, характерной для всех трёх случаев вторичной номинации: «человек» → «физический мир».

В качестве следующего объекта нашего исследования можно представить конкретное существительное *реша*. Согласно источнику нашего языкового материала, данное слово многозначное, поскольку является обозначением трёх фрагментов объективной действительности: «РЕША 1. Корень, корешок; 2. Корень, начало, основа; 3. *грам., мат.* Корень» [9, с. 496]. Одинаковую в количественном плане интерпретацию данного слова даёт также ТСТЯ: «РЕША 1. Қисми зерихокии растанихо, ки аз хоку об моддаҳои ғизоиро ҷаббида мегирад, бех, бун; 2. Сабаби асли, моҳияти ҳар чиз; 3. Асли калима бе ванд» [11, с.163].

Как можно наблюдать, оба лексикографических источника приводят одинаковое количество ЛСВ слова *реша*. Однако в трактовке третьего значения наблюдается расхождение: в ТРС оно соотнесено с математическим термином, тогда как в ТСТЯ — с лингвистическим.

На основе какого механизма происходит процесс вторичной номинации?

Основное, номинативное значение данной лексемы *корень* можно растолковать как «подземная часть растения, посредством которой оно укрепляется в почве и получает из земли воду с растворёнными в ней минеральными веществами» [10, с.274]. Из данного определения становится очевидным, что архисема ЛСВ₁ представлена семей 'часть'.

ЛСВ₂ – *начало, основа* «первоисточник, основа, основная причина» [10, с.370]. Архисемой, как и в предыдущем случае, выступает сема 'причина'. В этом случае дифференциальной для первого денотата выступают семы 'растение', 'подземная часть', 'питание', а для второго – 'причина', 'фундамент явления', 'абстракция'. Интегральной семей является сема 'начало, основа'. На

основе установленного интегрирующего признака, свидетельствующего о явлении семного пересечения, следует констатировать факт соотносимости двух фрагментов действительности: *решаи растани* → *решаи офат* – *корень растения* → *корень зла*. Осуществлено метафорическое переосмысление на основе сходства предмета.

ЛСВ₃ – *мат. корень* «число, получаемое из данного с помощью операции, обратной возведению в степень» [10, с.275]. Архисема – 'число'. Дифференциальные семы 'математика', 'обратная операция', 'возведение в степень'. В качестве интегральной семы можно назвать сему 'начальное число', то есть в начале было число, его возвели в степень, а затем его вывели из степени, что обеспечило возврат к начальному числу. Следует констатировать факт изменения семантического содержания слова, которое реализовано в результате метафорического переноса значения: *решаи растани* → *решаи адад* – *корень растения* – *корень числа*.

Следовательно, семный анализ показал, что употребление готовой номинативной единицы *реша* в новой для её семантической функции осуществляется за счет внутренней связи этих новых значений с основным посредством метафорического переосмысления значения.

Процессы метафоризации значения слова и последующей его номинации затрагивают также и абстрактные существительные. К таковым относится следующий объект нашего исследования – слово *балогат*, представленное многозначной лексемой, которая, согласно информации ТРС, имеет два лексико-семантических варианта значения: «1. Совершеннолетие, возмужалость, зрелось; 2. Красноречие, совершенство речи» [9, с. 56].

Аналогичное толкование данной лексемы зафиксировано и в ТСТЯ: «1. Расидагй, пухтагй, камолот, булуг; 2. Хадди камолот дар суханварй» [11, с.129].

Первое номинативное значение слова *балогат*, или его ЛСВ₁ – *совершеннолетие, зрелость* следует интерпретировать следующим образом: «возраст, по достижении которого человек становится дееспособным гражданином» [10, с.687]. Архисема – 'состояние организма', дифференциальные семы – 'полное развитие', 'физическое и духовное развитие', 'зрелый возраст'.

ЛСВ₂ – *красноречие, совершенство речи*, «дар хорошо и красиво говорить» [10, с.282], в данном случае умения говорить красиво. Архисемой здесь можно считать сему 'речь', дифференциальными семами выступают 'способность', 'умение'. Однако в качестве интегральной семы реализована сема 'высший предел'. Именно на основе этой семы осуществляется перенос значения, то есть человек достигает определенного возрастного предела и становится совершеннолетним, подобно тому, как человек приобрел большую массу знаний и навыков ораторской речи и достиг ее высшего предела, высшей степени. Ассоциативное переосмысление происходит на основе сходства состояния на абстрактной шкале возраста и мастерства: *синни камолот* → *камолот дар суханварй* – *возраст совершеннолетия* → *совершенство речи*.

Таким образом, компонентный анализ слова *балогат* позволил установить факт вторичной номинации, осуществленной по метафорическому переносу значения, основанного на ассоциативном сходстве качества отвлеченных понятий.

Учитывая тот факт, что первичное значение рассматриваемой лексемы преимущественно связано с обозначением элементов физического мира, тогда как производное значение формируется на основе признаков, относящихся к внутреннему миру человека, его речевой и психической деятельности, представляется обоснованным выделение модели метафорического переноса «физический мир» → «психологический мир».

Лексический состав таджикского языка также широко представлен полисемичными единицами-прилагательными.

Весьма интересным объектом для нашего исследования может послужить лексема *баланд*, которая, будучи полисемичным словом, является обозначением одновременно девяти денотатов, а именно: «БАЛАНД 1. Высокий, высокого уровня; 2. Обильный, изобильный, богатый, щедрый; 3. Высокорослый, долговязый, длинный; 4. Громкий, звонкий, гулкий, зычный; 5. Яркий, насыщенный, сочный, интенсивный; 6. Дорогой, ценный; 7. Крепкий, насыщенный, концентрированный; 8. Яркий, сильный; 9. Громко, громогласно» [9, с.65]. Следует отметить, что несколько иной состав значений слова *баланд* предлагает ТСТЯ: «БАЛАНД 1. Афрошта, боло; *муқоб.* паст; 2. Дароз, навча, *муқоб.* кутох; 3. Бисёр, зиёд, афзун; 4. Тез, гузаро, шунав; 5. Бисёр сахт, бошиддат; 6. Ғализ, пурранг; 7. *мач.* Хеле хуб, фавкулода, оли» [11, с. 125].

Как же происходит расширение семантической структуры данной единицы?

Итак, первое, номинативное значение *высокий* трактуется как «большой по протяженности снизу вверх или далеко расположенный в таком направлении» [10, с.111], тогда как второй денотат *обильный* следует интерпретировать как «имеющийся в изобилии, в высшей степени достаточный» [10, с.397]. В первом случае архисема 'большая протяженность', во втором случае архисема 'большое количество'; дифференциальной семой для первого значения является 'пространство', 'вертикальная шкала' для второго – 'количественность, интенсивность', 'абстрактная шкала'. Интегральной для двух значений является сема параметрического признака 'большой', 'сверх нормы', 'шкала'. Выявленный общий признак подтверждает наличие семного пересечения, из чего следует констатировать факт соотносимости двух фрагментов действительности: высокий рост → высокий урожай. Осуществлено метафорическое переосмысление на основе ассоциативного сходства признака 'большой, сверх нормы'.

Явление вторичной номинации также представлено в ЛСВ₃ *долговязый*, имеющем следующее толкование: «высокий, худощавый и нескладный» [10, с.161]. Архисемой слова выступает 'больше нормы', 'шкала измерения', интегральной семой 'вертикальная протяженность', дифференциальной семой – 'наименьшая горизонтальная протяженность', 'нескладный', 'несоразмерный', 'неловкий в движениях'. То есть в данном случае можно наблюдать семное пересечение не только на уровне интегральных сем, но и на уровне архисемы. Дифференциальная сема характерная только для ЛСВ₃. Следовательно, речь идет не о

семантическом сдвиге, а о семантической генерализации, когда основное значение наделяется созначением или коннотацией. Третье значение стилистически маркировано, содержит ироническую оценочность и пренебрежительную коннотацию, имеет отношение к разговорному стилю. То есть изменение содержательной части происходит на метафорической основе: *высокий человек* → *долговязый человек*. Мотивация переосмысления основана на внешнем сходстве.

ЛСВ₄ – *громкий, звонкий* «звук, вызываемый колебаниями большой частоты» [10, с.136]. Архисема – 'звук', дифференциальные семы – 'колебания', 'физ.частота', 'абстрактная шкала'. Интегральной семой является сема 'больше нормы', 'шкала', на основе которой осуществляется метафорическое переосмысление. В данном случае отмечаются переходные явления на уровне концептосфер, то есть семантический сдвиг из системы параметрического восприятия в систему одорическую (слуховую) перцепции: *қади баланд* → *овози баланд* – *высокий рост* → *громкий голос*. Следовательно, перенос значения реализуется за счет функционального сходства признаков.

ЛСВ₅ – *насыщенный* «содержащий в себе большое количество какого-либо вещества» [10, с. 367]. Архисемой слова выступают семы 'больше нормы', 'шкала измерения'. В качестве интегральной можно назвать семы 'большой', 'сверх нормы', 'шкала', обусловившие метафорическое переосмысление значения: *қади баланд* → *ранги баланд* – *высокий рост* → *насыщенный цвет*. В данном случае также следует констатировать мотивацию, обусловленную функциональным сходством признаков.

ЛСВ₆ – *дорогой, ценный* «стоящий больших денег, продаваемый или покупаемый по высокой цене» [10, с.164]. Архисема – 'стоимость', дифференциальная сема – 'продавать и покупать', 'деньги'. Интегральной для двух значений является сема параметрического признака 'большой', 'сверх нормы', 'шкала'. На основе выявленного интегрирующего признака, подтверждающего явление семного пересечения, следует констатировать факт соотносимости двух фрагментов действительности: *қади баланд* → *нархи баланд* – *высокий рост* → *высокая цена*. Осуществлено метафорическое переосмысление на основе функционального сходства признака 'большой, сверх нормы'.

ЛСВ₇ – *крепкий, концентрированный* «неразбавленный, насыщенный» [10, с.283]. В данном случае, на наш взгляд, проявляется некоторая тождественность с ЛСВ₅. Вследствие чего архисемой слова выступают семы 'больше нормы', 'шкала измерения'. В качестве интегральной семы можно назвать семы 'большой', 'сверх нормы', 'шкала', обусловившей метафорическое переосмысление значения: *қади баланд* → *тамоқуи баланд* – *высокий рост* → *крепкий табак*. Переосмысление мотивировано ассоциативным тождеством признаков.

ЛСВ₈ – *яркий, сильный* «очень сильный, сияющий, ослепительный» [10, с.853]. В этом случае, по нашему разумению, как и в ЛСВ₇ проявляется тождественность с ЛСВ₅, поэтому следует констатировать, что архисемой слова выступают семы 'больше нормы', 'шкала измерения'. Интегральными являются семы 'большой', 'сверх нормы', 'шкала', обусловившей метафорическое пере-

осмысление значения: *қади баланд* → *оташи баланд* – *высокий рост* → *яркий огонь*.

ЛСВ₉ – *громко, громогласно*. Здесь наблюдается изменение содержательной части анализируемого слова на основе ассоциации по смежности, то есть на основе метонимического переноса по модели «признак предмета → признак действия» – *овози баланд* → *баланд хондан* – *громкий голос* → *петь громко*.

Таким образом можно заключить, что семантическая деривация лексемы *баланд* осуществляется за счет актов вторичной номинации на основе ассоциации по сходству – 7 раз и по смежности – 1 раз.

С учетом того, что почти все производные значения исследуемой единицы, как и основное значение, связаны с обозначением объектов и явлений физического мира, можно говорить о реализации модели метафорического переноса «физический мир» → «физический мир». Только в отношении ЛСВ₂ и ЛСВ₆ целесообразно выделение модели «физический мир» → «психический мир».

Проведенный лексико-семантический и компонентный анализ нескольких полисемичных единиц таджикского языка позволил выявить что при их интерпретации в большинстве случаев обнаруживается соответствие между русскими и таджикскими соотнесёнными лексемами. Это позволяет говорить о наличии общих принципов семантического структурирования, отражающих сходные элементы фрагментов языковой картины мира носителей обоих языков.

Метафорическое переосмысление реализуется преимущественно за счет переноса значения как на основе внешнего и функционального сходства называемых объектов, так и на основе ассоциативной метафоризации. Было выявлено, что в процессе метафоризации не всегда актуализируются ядерные семы, семное пересечение основного и производного значений может производиться и за счет периферийных сем.

Исходя из небольшого количества полисемичных единиц, подвергнутых семному анализу в рамках данного исследования, можно заключить, что в процессе метафоризации более всего задействованы объекты физического и психического мира.

Значимость проведенного исследования и полученных результатов заключается в формировании новых знаний в систематизации лексики таджикского языка, в разработке теории вторичной номинации. Результаты могут использоваться в лексикографической практике при уточнении и описании вторичных значений полисемичных слов, выявленные модели метафорического переноса полезны для систематизации словарных статей. Описание семантической структуры способствует развитию теории полисемии.

Для дальнейших исследований в рамках заявленной темы перспективным является изучение дополнительных механизмов вторичной номинации (метонимии, синекдохи, генерализации); обращение к дискурсивному материалу, а не только к лексикографическим источникам; анализ частотности метафорических моделей в разных регистрах языка.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Теория метафоры: Метафора и дискурс. – М.: Прогресс, 1990. – 512 с.
2. Виноградов В.В. Теория и практика русской лексикографии // Вопросы языкознания. – 1956. – №5. – С.80-94.
3. Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография: Основные типы лексических значений слова. – М.: Наука, 1988. – 312 с.
4. Лагута О.Н. Метафорология: теоретические аспекты. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2003. – 116 с.
5. Сепир Э. Язык. Введение в изучение речи. – М.: Русский язык, 1993. – 240 с.
6. Складеревская Г.Н. Метафора в системе языка. – СПб.: Наука, 1993. – 151 с.
7. Султанова Р.М. К вопросу об изучении метафоры в таджикском языке // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2019. – №2 (66). – С.161-169.
8. Султанова Р.М. Метафорический перенос как средство вторичной номинации // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2023. – №3 (81). – С.71-81.
9. Таджикско-русский словарь / под ред. Д.Саймиддинова, С.Д.Холматовой и С.Каримова. – Душанбе: Типография АН РТ, 2006. – 784 с.
10. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С.И.Ожегов, Н.Ю.Шведова Н.Ю. – 4-е изд., доп. – М.: ООО А ТЕМП, 2013. – 874с.
11. Толковый словарь таджикского языка («Фарханги тафсирии забони тотики») / под ред. С.Назарзода, А.Сангинова, С.Каримова. Т.1. – Душанбе: ХДММ Шуджойён, 2010. – 996 с.
12. Харченко В.К. Функция метафоры. – Воронеж: Изд. Воронеж. гос. ун-та, 1992. – 87с.
13. Newmark P. A Textbook of Translation. – Harlow: Pearson Education Limited, 2008. – 292 p.

METAPHORICAL RETHINKING AS A SOURCE OF EXPANSION OF THE SEMANTIC STRUCTURE OF WORDS

Sultanova Rafokhat Mirzoevna

Doctor of philological sciences,
Professor of the chair of modern Russian language
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str., 30
Ph.: (+992) 80 666 66 68 (m.)
rafoat10@mail.ru

This article analyzes metaphorical rethinking as one of the mechanisms for the formation of secondary nominations in the semantic structure of polysemous words in the Tajik language. The relevance of the study is determined by the insufficient study of the methods for structuring derived meanings within a polysemic lexeme, primarily in terms of the interaction of the archiseme, integral and differential semes. The aim of the work is to identify patterns of metaphorical transfer and establish the nature of semantic links between primary and secondary meanings. The study is based on a significant array of polysemic lexical units recorded in modern lexicographic sources; within the framework of this article, individual representative examples of component analysis are presented. The methodological basis is component analysis, which allows us to determine the semiotic organization of lexical-semantic

variants and identify the mechanisms of semantic derivation. It has been established that metaphorization is realized mainly according to the models "human" → "physical world" and "physical world" → "psychological world". It is shown that the archiseme performs an integrating function, ensuring the semantic integrity of the polysemic lexeme and the connection between its derivative meanings. The obtained results clarify the understanding of the mechanisms of polysemy and secondary nomination in the Tajik language.

Keywords: metaphor; metaphorical reinterpretation; secondary nomination; lexical-semantic variant; archiseme; differential seme; polysemic word; semantic structure of a word; model of metaphorical transfer.

БОЗТАФСИРИ ИСТИОРАВЌ ҲАМЧУН МАНБАИ ГУСТАРИШИ СОҲТОРИ МАЪНОИИ КАЛИМА

Султонова Рафоат Мирзоевна

Доктори илмҳои филология,
профессори кафедраи забони муосири русӣ
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯчаи М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 80 666 66 68
rafoat10@mail.ru

Мақола ба таҳлили бозтафсири истиоравӣ ҳамчун яке аз механизмҳои ташаккули номгузории дуҷумдараҷа дар соҳтори маъноии калимаҳои сермаъноӣ забони тоҷикӣ бахшида шудааст. Мухимияти мавзӯ бо нокифоя омӯхта шудани роҳҳои ташаккул ва низомбандии маъноҳои ҳосилавӣ дар таркиби воҳидҳои сермаъно, бахусус аз нуктаи назари ҳамкории архисема, семаҳои интегралӣ ва дифференсиалӣ, муайян мегардад.

Ҳадафи таҳқиқ муайян намудани қонуниятҳои интиқоли маъно тавассути истиора ва ошкор сохтани хусусияти робитаҳои маъноӣ байни маъноҳои асли ва ҳосилавӣ мебошад. Тадқиқот бар пояи маҷмӯи васеи воҳидҳои луғавии сермаъно, ки дар сарчашмаҳои муосири луғатнигорӣ сабт шудаанд, анҷом ёфтааст. Дар доираи ин мақола намунаҳои интиқоли таҳлили компонентӣ пеш-ниҳод мегарданд.

Асоси методологии таҳқиқро таҳлили компонентӣ ташкил медиҳад, ки имкон медиҳад соҳтори семавии вариантҳои луғавӣ-маъноӣ муайян гардида, механизмҳои ҳосилшавии маъноҳои нав ошкор карда шаванд. Муайян шудааст, ки истиорасозӣ бештар аз рӯи моделҳои «инсон → олами моддӣ» ва «олами моддӣ → олами равонӣ» амалӣ мегардад.

Нишон дода мешавад, ки архисема вазифаи муттаҳидкунанда дошта, ягонагии маъноии калимаи сермаъноро таъмин намуда, робитаи байни маъноҳои ҳосилавии онро нигоҳ медорад. Натиҷаҳои бадастомада тасаввуротро дар бораи механизмҳои сермаъноӣ ва номгузории дуҷумдараҷа дар забони тоҷикӣ дақиқтар мегардонанд.

Калидвожаҳо: истиора; бозтафсири истиоравӣ; номгузории дуҷумдараҷа; варианти луғавӣ-маъноӣ; архисема; семаи дифференсиалӣ; калимаи сермаъно; соҳтори маъноии калима; модели интиқоли истиоравии маъно.

УДК 811.161.1(797)

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СПОРТИВНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В РУССКОМ И ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКАХ

Икромзода Хайём Икром

Кандидат филологических наук, доцент,
декан факультета русской филологии
Таджикский национальный университета
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, пр. Рудаки, 17
Тел.: (+992) 93 719 80 30 (м.)
dalerti@mail.ru

Спортивная фразеология представляет собой динамичную и значимую область лексики, отражающую не только развитие спортивной терминологии, но и особенности культурных, исторических и социальных процессов, развивающихся в обществе. В рамках данного исследования рассматриваются структурные, семантические и функциональные характеристики устойчивых выражений, связанных со сферой спорта, механизмы их формирования, а также перехода спортивных терминов в разряд фразеологизированных единиц. Обосновывается, что спортивная фразеология сегодня является не просто интенсивно развивающейся областью специальной терминологии, а мощным инструментом, транслирующим концептуализацию социальной реальности, глубокие изменения исторического, культурного, социального характера общества. Результаты исследования вносят вклад в развитие сопоставительной лингвистики и лингвокультурологии, демонстрируя, как спортивные метафоры преодолевают границы профессионального дискурса, обогащая общеязыковой фонд и становясь инструментом межкультурного взаимодействия в условиях глобализации.

Ключевые слова: фразеологизмы; спортивная лексика; когнитивная метафора; молодёжный дискурс; русский язык; таджикский язык; сопоставительная лингвистика; метафора; эквивалентность; межкультурная коммуникация; лингвокультурология.

Введение. Фразеологические единицы представляют собой устойчивые словесные комплексы, формирующие одну из наиболее ярких и образных частей языка. Их изучение позволяет глубже понять особенности национальной культуры, её историю, мировоззрение и социальные процессы.

Одним из динамично развивающихся источников фразеологии в современном обществе является спорт – социально значимая сфера, оказывающая влияние на речь, мышление и массовую коммуникацию. В современных русском и таджикском языках наблюдается активный рост числа устойчивых выражений, берущих начало в спорте.

Фразеологизмы стали предметом изучения многих русских и таджикских учёных, в частности, В.В.Виноградова [2], Х.Маджидова [6], Н.М.Шанского [13], Х.Дустзода [4; 5], М.Саломова [10], Л.Г.Ярмолинец [15], Е.А.Тюняевой [12],

Т.Максудова [7] и других. Вопросами спортивных фразеологизмов занимались такие ученые, как З.Мирзоев, В.Д.Бояркина, А.В.Савченко, А.Н.Шафоатов (в своей докторской диссертации частично затрагивает этот вопрос) и другие.

А.В.Савченко в своей статье «Спортивная фразеология» современного русского языка: общая характеристика и основные особенности» отмечает, что «во фразеологической системе русского языка выделяется возрастающее количество фразеологизмов, в той или иной степени соотносимых со сферой спорта» [9, с.35]. Аналогичная тенденция наблюдается и в таджикском языке, что обусловлено влиянием русского языка. Однако число подобных единиц в таджикском языке уступает русскому.

По наблюдениям В.Д.Бояркиной, «язык спорта пополняется новыми перифразами, которые стали постоянно использоваться в периодической печати, художественной литературе, на радио и в телерепортажах» [1, с.331].

Русская лексема "спорт" является заимствованием из английского языка (sport), которое, в свою очередь, происходит от старофранцузского слова *desport* – "развлечение, забава, игра". Английское слово *sport* первоначально также имело значение "досуг", "увеселение", но в процессе развития языка семантика сместилась в сторону физической активности, соревнований и достижений. Согласно лексикографическим источникам, таджикское слово «варзиш» имеет несколько значений: в словаре «Бурхони Котеъ» оно трактуется как «упражняться» (малак кардан ва варзидан) [2, с.217], а в «Толковом словаре таджикского языка» под редакцией М.Ш.Шукурова определяется как «занятие, занятость; выполнение какого-либо дела, упражнения» («шуғл, машғулият; машқ кардани коре») [11, с. 225].

В русский язык слово "спорт" проникло преимущественно в связи с ростом популярности европейской спортивной культуры. Сначала оно использовалось в узком кругу, в том числе в военной среде, среди студентов и дворянской молодежи, позже стало общеупотребительным. Уже в советский период спорт приобрёл значение массового, организованного и идеологически окрашенного явления, связанного с физическим воспитанием граждан и международным престижем государства.

Сегодня в русском языке "спорт" воспринимается как:

- а) организованная деятельность по подготовке и участию в соревнованиях;
- б) форма досуга;
- в) элемент здорового образа жизни;
- г) профессиональная сфера.

На основе лексемы "спорт" также образовались многочисленные дериваты: *спортсмен, спорткомплекс, спортивный, спортзал, спортивный инвентарь, спортивное питание* и др.

Методика и принципы данного исследования. Методологическую базу данного исследования составляет комплексный междисциплинарный подход, объединяющий принципы когнитивной лингвистики, лингвокультурологии и дискурс-анализа. В качестве ведущего метода используется сравнительно-типологический анализ, позволяющий выявить универсальные и этноспецифиче-

ские механизмы фразеобразования в русском и таджикском языках. Работа опирается на теорию концептуальной метафоры (Дж. Лакофф, М. Джонсон), рассматривающую спорт как донорскую зону для формирования новых смыслов, а также на метод контекстуального и семантического анализа, применяемый к живому речевому материалу социальных сетей, спортивных СМИ и фанатских сообществ. Эмпирическую достоверность исследования обеспечивает дискурсивная этнография, фиксирующая лингвокреативную деятельность молодежных субкультур и речевые трансформации в моменты пикового психоэмоционального напряжения, что позволяет верифицировать теоретические выводы на репрезентативной базе актуальных коммуникативных практик.

Как в русском, так и в таджикском языке спортивная лексика активно метафоризируется, переходя из терминологической области в сферу повседневного общения. Спортивные фразеологизмы используются в СМИ, политическом дискурсе, образовательной среде и разговорной речи, становясь инструментом выражения оценки, борьбы, успеха и конкуренции.

Обе лексемы – "варзиш" и "спорт" – на современном этапе выступают как функциональные эквиваленты в таджикском и русском языках, но исторически имеют разную этимологию и культурную нагрузку. "Варзиш" – автохтонная, глубоко укоренённая в национальной культуре единица, отражающая традиции и менталитет персо-таджикского мира.

"Спорт" – заимствованная лексема, отражающая западноевропейский подход к физической активности, основанный на соревновании, достижении и систематизации.

Понимание этимологического фона обеих лексем необходимо для последующего анализа их семантической структуры и социокультурной функции в современной языковой практике. Для осуществления этой задачи были применены такие методы, как сравнительно-сопоставительный метод – для выявления общих и специфических черт спортивных фразеологизмов двух языков, описательный метод – для систематизации и классификации языкового материала, этимологический анализ – для определения происхождения отдельных выражений.

Особенности формирования современных спортивных фразеологизмов. Спортивная метафора перестала быть лишь «украшением» речи комментатора, превратившись в сложный когнитивный инструмент, позволяющий мгновенно упаковывать многослойные смыслы в краткие фразеологические единицы. В таджикском и русском языках этот процесс, несмотря на различия лингвокультурных кодов, подчинен единым законам психоэмоционального напряжения и социокультурной динамики.

Основной причиной появления современных спортивных фразеологизмов является информационная компрессия. В эпоху коротких видеороликов и мгновенных уведомлений язык стремится к экономии усилий. Обычные описательные способы заменяются экспрессивными метафорами, служащими средством объединения (например, фанатских сообществ: *прошить вратаря, выключить из игры*). В таджикском языке данное явление мало наблюдается (*девори сангин* /

каменная стена – непробиваемая защита, *чаптагардон кардан* – кардинальная смена тактики).

Современный спортивный дискурс уверенно разрушает лингвистический стереотип о том, что фразеологический фонд формируется исключительно вековыми традициями и старшим поколением. Сегодня именно креативная молодежь, не прикованная к литературным нормам, выступает главным двигателем метафорического обновления языка. Эпицентром этого словотворчества становятся моментами наивысшего накала соревнований, когда в русском и таджикском спортивных сегментах рождаются экспрессивные выражения, фиксирующие предельное эмоциональное состояние. Психологическое давление игры и колоссальное сопереживание аудитории заставляют мозг искать наиболее яркие, эмоциональные или триумфальные образы для выражения пережитого опыта. В итоге рожденные на спортивных аренах драматические метафоры мгновенно выходят за рамки стадионов, превращаясь в универсальные социальные выражения (например, *заагрить защитника*» (спровоцировать на атаку) *пас на гланды* (неудобный высокий пас) *валидольная концовка*, *нафаси охири* (последнее дыхание) или тадж. *дарвозаро эмин нигоҳ доштан* (запереть ворота).

В таджикской лингвокультуре понятие спорт/варзиш традиционно воспринимается как арена воспитания духа. Это рождает такие глубоко психологичные ФЕ, как «чони худро дар майдон гузоштан» (оставить душу на поле) или «номуси ватан» (честь родины). В русском языке акцент чаще смещается на результат и физическое доминирование: «выгрызть газон», «дожать соперника».

Таблица 1 – Сравнительная фактология механизмов формирования

Параметр	Русский язык (Спорт как индустрия)	Таджикский язык (Варзиш как культура)
Когнитивная модель	Механистическая (машина, каток, бетон)	Героическая/Биологическая (шер, паланг, чон)
Тип неологизации	Англицизмы и киберсленг	Гибридизация (заимствование + тадж. глагол)
Драйвер	Коммерция и медийный хайп	Патриотизм и национальная идентичность
Ключевой фразеологизм	«Валидольный матч»	«Бозии бо алам» (игра с болью/обидой)

Современная спортивная фразеология – это сложная самоорганизующаяся система, где эмоциональный накал и молодежная креативность выступают основными переменными в уравнении формирования смысла. Математически продуктивность метафоры (M_p) в спорте можно представить как функцию от интенсивности действия (I) и дефицита времени (t):

$$M_p = \lim (t \rightarrow 0) f(I, E)$$

где E – эмоциональный резонанс.

Взаимодействие этих факторов позволяет спортивным терминам преодолевать границы стадионов, обогащая общеязыковой фонд обеих культур. В то время как русский язык профессионализирует метафору, таджикский язык сохраняет антропоцентрическую и морально-этическую основу, адаптируя её под нужды нового поколения.

Обладая большим семантическим, стилистическим и образным потенциалом, «спортивная фразеология» не только способствует более глубокому пониманию спорта, привлекает к нему дополнительное внимание, но часто, особенно в последние годы, выходит за рамки спортивного дискурса, значительно обогащая общий фонд фразеологии русского и таджикского языков. Многие фразеологизмы из сферы спорта активно используются, например, в общественно-политическом и экономическом дискурсах, в повседневном языковом обиходе. Так, например, довольно часто встречается фраза *нарушать спортивный режим* в значении 'употреблять алкоголь, выпивать' не только применительно к спорту, также в языке активно используются такие выражения, имеющие «спортивное» происхождение, как, например: *играть в одни ворота, игра в одни ворота, (не) соблюдать принципы «фэйр плей», обязательная программа, прижать к канатам, выбросить полотенце, финишный спурт, взять тайм-аут, играющий тренер* и многие др.

В рамках современной спортивной коммуникации фиксируется высокая репрезентативность метафорической концептуализации, проявляющаяся в речи спортсменов. Данный феномен характеризуется выраженной экспрессивной вариативностью и семантической многослойностью профессиональных лексем.

Немало спортивных выражений сначала использовались как жаргоны, постепенно переходили в разговорную речь, потом вошли в словарный состав языка. Как отмечает А.В.Савченко, «в настоящее время наблюдается постепенный переход жаргонных выражений спортивного характера в более широкий пласт разговорной, часто экспрессивно окрашенной, эмоциональной лексики, при этом вне сферы спорта спортивные ФЕ преимущественно имеют литературный характер» [9, с.35].

Лексический пласт спортивного дискурса функционирует как специфическая форма языковой игры, реализуемая через деривацию и переосмысление бытовых понятий. В качестве примеров выступают следующие единицы: «отравленная пешка», «включить мясорубку», «взять игрока в бутерброд», «трамвайная остановка», «тёщин дворик», «хрустальная челюсть», «пас на гланды», «выходить под премиальные» (финансово-мотивационные клише), «накидать полную авоську», «поймать леща» и т.д.

В основе большинства приведенных выражений лежит когнитивная метафора: перенос признаков с хорошо знакомых бытовых объектов на специфические соревновательные ситуации.

Динамичный мир соревнований требует от языка мгновенной реакции, поэтому специфические реалии спорта находят свое отражение в уникальных вербальных конструкциях. Внедрение емких метафорических систем позволяет спортивному сообществу значительно ускорять обмен информацией, заменяя

длинные технические описания точными выражениями. Подобное словотворчество не просто оптимизирует коммуникацию, но и выполняет важную социальную функцию, укрепляя чувство профессионального единства среди единомышленников. Отражением этого глубокого социокультурного опыта становится высокая продуктивность базовых лексем – таких как русское «спорт» и таджикское «варзиш». Активно обрастая новыми связями в официальной и медийной речи, эти ключевые понятия формируют разветвленную сеть устойчивых выражений, без которых уже невозможно представить современный общественный дискурс.

"Варзиш" в таджикской культуре воспринимается как средство формирования личности, гражданина, носителя традиционных ценностей. В таджикской прессе часто встречаются такие словосочетания, как "варзиши миллӣ" (национальный спорт), подчеркивающие культурную значимость понятия.

В то же время "спорт" в русском языке всё чаще ассоциируется с индустрией (спортивный менеджмент, реклама, бренды), высокими результатами (рекорды, Олимпиады), зрелищностью (телетрансляции, шоу). Это понятие носит ярко выраженную соревновательно-представительскую функцию, в то время как "варзиш" чаще ассоциируется с воспитательной, духовной и культурной миссией.

Важной частью сопоставительного анализа является рассмотрение того, как лексемы функционируют в различных социальных и культурных контекстах. Понятие спорта как в таджикской, так и в русской лингвокультурах передает не только лексическое значение, но и глубинные культурные смыслы, которые отражаются в повседневной речи, СМИ, образовании и государственной политике.

В таджикском обществе лексема «варзиш» занимает важное место в формировании национальной идентичности и воспитании молодёжи. С исторической точки зрения, традиционные формы физической активности, такие как национальная борьба (*гуштингирӣ*), были неотъемлемой частью культурного наследия и служили способом поддержания здоровья и мужества.

В современном Таджикистане государство активно поддерживает развитие спорта как средство формирования здорового поколения. В официальных документах, образовательных программах и СМИ слово «варзиш» используется с акцентом на его воспитательную и патриотическую функцию. Пропаганда «варзиш» как части здорового образа жизни нередко сопровождается символами национального единства и патриотизма.

В СМИ и публичных выступлениях часто употребляются словосочетания: *варзиши миллӣ (национальный спорт)*, *варзиш барои саломатӣ (спорт для здоровья)*, *ҷавонон ва варзиш (молодёжь и спорт)*.

Также лексема *варзиш* интегрирована в школьные и университетские программы, где рассматривается не только как физическая нагрузка, но и как средство формирования дисциплины, коллективизма и ответственности.

В российском культурном пространстве слово "спорт" традиционно связано с широким спектром значений и функций. В советский период спорт был инструментом идеологической пропаганды, символом силы и международного престижа. В постсоветской России спорт остаётся важной социальной сферой, развивающейся в условиях профессионализации и коммерциализации.

Ключевыми концептами мира спорта выступают такие, как «соперничество», «успех», «поражение», «соблюдение правил», «честность». Причиной этому служит тот факт, что любители спорта психологически зависимы от достижений своих любимых команд и спортсменов, данная зависимость отражается на их общеэмоциональном и психологическом состоянии, и является источником для формирования фразеологических выражений.

В повседневной речи и СМИ спорт воспринимается как атрибут успешного и активного образа жизни. В новостных выпусках, спортивных обзорах и социальных сетях акцент делается на достижениях спортсменов, соревнованиях, рекордах, а также на вопросах финансовой и организационной стороны спортивной деятельности.

В отличие от таджикского языка, где ФЕ мало употребляются в спортивном дискурсе, в русском языке особый случай представляют ФЕ общего фразеофонда, получившие благодаря роли СМИ и частотному употреблению применительно к сфере спорта новую коннотацию: *борьба за выживание (остаться в данном турнире), бороться за выживание, сохранить прописку (остаться в турнире), [громко] хлопнуть дверью [напоследок] (выиграть в последнем матче, уже не влияющим на турнирный исход), оставить не у дел (обыграть игрока соперника) и т.п.*

Продуктивность образования ФЕ у определенного вида спорта зависит от его зрелищности, сложности тактических (интересных, привлекательных) действий и массовой популярности аудитории. Командные игры, такие как футбол, лидируют в этом процессе благодаря активному освещению в СМИ, где экспрессивно выраженные фразы помогают создать «ощущение присутствия» и передать накал эмоций. В то время как в индивидуальных дисциплинах акцент смещен на результат, игровые виды спорта фокусируются на самом процессе борьбы, что способствует формированию богатого и образного языка. Вот примеры подобных спортивных фразеологизмов: *поставить автобус, гол в раздевалку, валидольная концовка, группа смерти, двенадцатый игрок.*

Надо отметить, что некоторые из подобных сочетаний используются не только в спортивном дискурсе: «вне игры» (потеря влияния или когда человек перестает быть претендентом на звание или медаль), «играть в одни ворота» (одна сторона полностью контролирует ситуацию, а другая пассивна) и т.д.

Коммерциализация спорта и появление новых спортивных индустрий (фитнес, экстремальные виды спорта) влияют на расширение лексико-семантического поля слова "спорт" и изменяют культурные ассоциации (*второе дыхание, даст-боло шудан (выигрывать)*).

В таджикском языке понятие "варзиш" тесно связано с культурой (здоровье, воспитание, национальная идентичность). Это выражается в том, что слово активно используется в образовательных и общественных программах, направленных на развитие общества в целом.

В русском языке "спорт" чаще ассоциируется с конкуренцией, результативностью и профессионализмом. Отражается это и в широком использовании в массовой культуре, где спорт представлен как сфера достижений и личного

успеха (*брать новую планку* (прыжки в высоту/шестом) – ставить перед собой более сложные задачи, выходить на новый уровень профессионализма, *золотой пьедестал* – высшую ступень признания).

Спорт активно влияет на языковое сознание благодаря массовости спортивных соревнований, высокой эмоциональности спортивных событий, универсальности образов борьбы, победы и поражения и метафоричности спортивных терминов.

В обоих языках спорт стал источником ярких и выразительных фразеологизмов, которые перешли из профессиональной сферы в бытовую.

В русском языке спортивные фразеологизмы активно используются в области бокса: *загнуть в угол* – *поставить в сложную ситуацию*, *получить нокаут* – *быть ошеломлённым*, *нанести удар ниже пояса* – *поступить нечестно*, *принять бой* – *вступить в противостояние*.

Эти выражения отражают популярность бокса и единоборств в массовой культуре XX века.

Фразеологизмы из области лёгкой атлетики также широко распространены: *выйти на финишную прямую* – *приблизиться к завершению*, *взять барьер* – *преодолеть препятствие*, *дать старт* – *начать процесс*.

Спортивные фразеологизмы из области футбола довольно часто используются в речи: *пасовать* – *уклоняться от решения*, *играть в поддавки* – *сознательно уступать*, *забивать гол в свои ворота* – *вредить себе*.

В таджикском языке данное явление также наблюдается. Например, *гол задан* – *добиться успеха*, *аз бозӣ баромадан* – *выйти из игры (дела)*, *бозингари хуб будан* (*быть хорошим игроком*) – *хитрец*.

Примеры спортивных фразеологизмов из сферы борьбы и соперничества: *бозиш дуруш кардан* – *действовать жёстко, нарушая правила*, *пахлавони сари деги ош* – *бездельник*, *пахлавони руи қозақ* – *человек, который хорош в споре, а в деле слаб*, *герой на словах* – *даҳонбузург*, *показной герой* – *худнамой* и др.

Можно предположить, что «фразеологическая потенциальность» определённого вида спорта зависит от нескольких факторов. Во-первых, это уровень зрелищности данного вида спорта. Преимущество футбола здесь очевидно: сегодня это привлекающий миллионную аудиторию и коммерчески успешный вид спорта.

Футбол как национально значимый спорт породил множество метафор и в русском, и в таджикском языке: *золотой гол* – *голи тиллои*, *золотой мяч* – *туби тиллои*, *обстрел ворот* – *голборон кардани дарвоза*, *гол месяца* – *голи моҳ*, *гол года* – *голи сол*, *игрок месяца* – *бозингари моҳ*, *гол престижа* – *голи шармишкан* и др.

Во-вторых, это зависит от популярности того или иного вида спорта в определённой стране. Например, в таджикском языке много фразеологизмов из области спорта на темы борьбы, шахмат, конного спорта, хоккея на траве, происхождение и распространение которых связаны с культурой персоязычных народов. Спортивные фразеологизмы таджикского языка из сферы национальной борьбы (гуштингирӣ) достаточно часто встречаются в языке: *дастболо шудан* – «*взять*

верх», получить преимущество, ба замин задани касе – повергнуть соперника; одержать победу, бозгаштани қувват – восстановить силы и «вернуться в борьбу».

Для фразеологических единиц спортивной фразеологии характерна высокая мотивированность фразеологических значений и их тесная синхронная связь с буквальными значениями компонентов фразеологизмов [8, с.161].

Лексема «гӯй» (мяч для игрч в конное поло) широко представлена в составе ФЕ таджикского языка: *гуй рабудан – опередить (перехватить инициативу, первенствовать), гуйи гардон – мир, вселенная (букв. вращающийся шар), гуйи замин – земной шар, гуйи зар – солнце (букв. золотой шар), гуйи сим – луна (букв. серебряный шар), гуйи мардӣ – мужество, отвага, гуйи сабқат бурдан – победить (одержать верх, выиграть состязание)* [14, с.102].

Фразеологизмы из конного вида спорта (традиционные конные соревнования, игры типа бузкаши/козлодрание): *аз даст рафтан – «выпустить поводья», потерять контроль, чун асп ба давидан даромадан – резко активизироваться, зини аспро (харро) маҳкам бастан – «не надеяться на чью-то помощь» (крепко держаться в седле).*

В таджикском языке слова *тир, чавгон, гӯй* и др. довольно часто используются во фразеологизмах таджикского литературного языка из области спорта. Например, илми тир (искусство стрельбы), *гуй рабудан – пешдастӣ (опередить), гуйи гардон – дунё, чаҳон (мир, вселенная), гуйи замин – кӯраи замин (земной шар)* и т.д.

Фразеологизм «илми тир» в следующем бейте употреблён в значении «мастерство стрельбы»:

Кас наёмӯхт илми тир аз ман,

Ки маро оқибат нишона кард [11, с.363].

Никто не учился у меня искусству стрельбы (из лука),

*Чтоб в цель меня же самого потом не превратил*¹.

Заключение. Итак, проведённое исследование показывает, что спортивная фразеология русского и таджикского языков имеет как общие, так и уникальные черты. Общим является влияние глобального спорта и универсальных образов борьбы и соревнования. Отличительной особенностью таджикского языка остаётся связь с традиционными видами спорта, что придаёт фразеологизмам национальный колорит. Большая группа фразеологизмов в таджикском литературном языке связана с такими видами спорта, как чавгонбоз/хоккей на траве, гуштингирӣ/борьба, шохмот/шахматы, конные вида спорта. Они использованы в художественных произведениях выдающихся таджикских поэтов и писателей, поскольку в таджикской культуре эти виды спорта с древних времен были распространены.

Таким образом, современные ФЕ функционируют как специфические формы языка, обеспечивая когнитивную экономию и укрепляя профессиональное единство через емкие метафорические модели. В этом плане можно констатировать,

¹ Авторский перевод

во-первых, основной причиной формирования ФЕ выступает необходимость вербализации специфических реалий соревновательного процесса в условиях информационной компрессии (социолингвистический фактор); во-вторых, исследование опровергло сложившийся стереотип о том, что фразеологизмы в большей степени возникают в результате исторических событий или обычаев. Благодаря склонности к эксперименту и отсутствию страха нарушением языковых норм, молодёжь является источником появления современных спортивных метафор.

В-третьих, образования новых устойчивых выражений достигает максимума в финальных секундах и решающих раундах, и в этот момент появляются новые фразеологизмы.

В-четвертых, несмотря на общие тенденции глобализации, таджикская спортивная фразеология сохраняет глубокую связь с национальными образами (борьба «гуштингирй», конные игры), в то время как русская – активно профессионализируется через индустриальные модели (этнокультурный фактор).

В-пятых, фразеологизмы служат инструментом эмоционального переживания реальности, где психологическая зависимость болельщика от результата становится источником формирования ФЕ с яркой экспрессивной окраской.

Таким образом, спортивная фразеология, обладающая мощным экспрессивным потенциалом и фиксирующая предельную динамику человеческих эмоций и соперничества, выходит за пределы стадионов и активно обогащает общий языковой фонд (фразеологии), что обуславливает необходимость ее системного научного описания как важного инструмента межкультурного взаимодействия.

Литература

1. Бояркина В.Д. Неологизмы спорта и их отражение словарями русского языка // *Slavia. Casopis pro slovanskou filologii*. Roč. 67, sešit 3. – Praha 1998. – S.329-332.
2. Бурхони Котеъ. Тегеран: Изд-во «Сурхоб», 1963. – Т.2. – 672с.
3. Виноградов В.В. Лексикология и лексикография. – М.: Наука, 1977. – 336 с.
4. Дустзода Х. Семантические особенности аллегорических фразеологий // *Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук*. – Душанбе, 2023. – №3. – С.32-38 (на тадж. яз.).
5. Дустзода Х. Значение оценивания в содержании фразеологических единиц современного таджикского литературного языка // *Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук*. – Душанбе, 2022. – №2. – С.34-44 (на тадж. яз.).
6. Маджидов Х.М. Фразеологическая система современного таджикского литературного языка. – Душанбе: Деваштич, 2006. – 406 с.
7. Максудов Т. Лексика и фразеология говоров таджиков Исфары. – Душанбе: Ирфон, 1977. – 192 с. (на тадж. яз.).
8. Мирзоев З. Спортивная терминология в таджикском и английском языках: дис. ... канд. фил. наук: 10.02.20 / Мирзоев Зайналобуддин. – Душанбе, 2005. – 202 с.
9. Савченко А.В. Спортивная фразеология современного русского языка: общая характеристика и основные особенности // *Мир русского слова*. – 2015. – №4. – С.31-37.
10. Саломов М. Тоновые, семантические и аллегоричные особенности фразеологии таджикского языка поэзии. – Душанбе, 2017. – 194 с. (на тадж. яз.).

11. Толковый словарь таджикского языка (X-начало XX века) / под ред. М.Ш.Шукурова [и др.]. –М.: Советская энциклопедия, 1969. – Т.1-2. – 949 с.
12. Тюняева Е.А., Филатова Е.Ю. Фразеологизмы на границе научного и обыденного знаний / РХТУ им. Д.И.Менделеева. – М., 2021. – 162 с.
13. Шанский Н.М. Фразология современного русского языка. –М.: Высшая школа, 1985. – 160с.
14. Шафоатов А.Н. Формирование и развитие спортивной терминологии в таджикском языке. – Душанбе, 2019. – 318 с.
15. Ярмолинец Л.Г. Игровая спортивная терминология в современном английском языке: автореф. дис... канд. филол. наук: 10.02.19 / Ярмолинец Лариса Григорьевна. – Одесса, 1985. – 17с.

COMPARATIVE ANALYSIS OF SPORTS PHRASEOLOGICAL UNITS IN RUSSIAN AND TAJIK LANGUAGES

Ikromzoda Khayyom Ikrom

Candidate of philological sciences, associate professor,
dean of the faculty of Russian philology
Tajik national university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Rudaki ave., 17
Ph.: (+992) 93 719 80 30 (m.)
dalerti@mail.ru

Sports phraseology is a dynamic and significant area of vocabulary, reflecting not only the development of sports terminology but also the specifics of cultural, historical, and social processes unfolding in society. Within the framework of this research, the structural, semantic, and functional characteristics of fixed expressions related to the sphere of sports are examined, as well as the mechanisms of their formation and the transition of sports terms into the category of phraseologized units. It is argued that sports phraseology today is not simply a rapidly developing area of specialized terminology, but a powerful tool conveying conceptualization of social reality and profound changes in the historical, cultural, and social character of society.

The results of the study contribute to the development of comparative linguistics and linguacultural studies, demonstrating how sports metaphors transcend the boundaries of professional discourse, enriching the general language pool and becoming a tool for intercultural interaction in the context of globalization.

Keywords: phraseological units; sports vocabulary; cognitive metaphor; youth discourse; Russian language; Tajik language; comparative linguistics; metaphor; equivalence; intercultural communication; linguacultural studies.

ТАҲЛИЛИ МУҚОИСАВИИ ФРАЗЕОЛОГИЗМҲОИ ВАРЗИШӢ ДАР ЗАБОНҲОИ РУСӢ ВА ТОҶИКӢ

Икромзода Хайём Икромӣ

Номзади илмҳои филологӣ, дотсент,
декани факултети филологияи рус
Донишгоҳи миллии Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, хиёбони Рӯдакӣ, 17
Тел.: (+992) 93 719 80 30 (м.)
dalerti@mail.ru

Фразеологияи варзишӣ қисми муҳими забони муосир буда, на танҳо таҳаввули истилоҳоти варзишӣ, балки хусусиятҳои фарҳангӣ, таърихӣ ва иҷтимоии ҷомеае аз инъикос менамояд. Дар доираи тадқиқот хусусиятҳои сохторӣ, семантикӣ ва функционалии ибораҳои рехтаи марбут ба соҳаи варзиш, инчунин механизмҳои ташаккул ва гузариши истилоҳоти варзишӣ ба гурӯҳи воҳидҳои фразеологӣ мавриди баррасӣ қарор гирифтаанд.

Таваҷҷуҳи хосса ба истиорабандӣ (метафоризм)-и фразеологизмҳои варзишӣ ва қобилияти онҳо дар интиқоли маъно аз соҳаи маҳдуди касбӣ ба соҳаҳои мухталифи муошират: публитсика, дискурси сиёсӣ ва нутқи рӯзмарра заҳир шудааст. Таҳлил нишон дод, ки фразеологияи варзишии русӣ бо доираи васеи моделҳои истиоравӣ, ки дар нутқи ҳамаҷуз ғаёланд, фарқ мекунад, дар ҳоле ки фразеологияи тоҷикӣ робитаро бо образҳои миллий ва воситаҳои суннатии истиорасозӣ ҳифз намуда, ибораҳои варзиширо мувофиқи кодҳои фарҳангии худ мутобиқ мегардонад.

Натиҷаҳои тадқиқот собит менамоянд, ки фразеологизмҳои варзишӣ ҳамчун воситаи муҳими муоширати байнифарҳангӣ хизмат карда, хусусиятҳои манзараи забонии оламро инъикос менамоянд ва имкониятҳои ифоданокии забонро васеъ мекунанд. Таҳлили муқоисавии гузаронидашуда ба дарки амиқтари он ки чӣ гуна воқеиятҳои варзишӣ аз ҷониби ду ҷомеаи мухталифи аз нигоҳи забон ва фарҳанг мавриди дарку қорқард қарор мегиранд, мусоидат менамояд.

Калидвожаҳо: фразеологизмҳо; лексикаи варзишӣ; забони русӣ; забони тоҷикӣ; таҳлили муқоисавӣ; забоншиносии қиёсӣ; ибораҳои рехта; истиора; семантика; эквивалентӣ; муоширати байнифарҳангӣ; лингвокултурология.

УДК 811.111'36

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КАУЗАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ, ВЫРАЖАЮЩИХ ПОБУДИТЕЛЬНУЮ В АНГЛИЙСКОМ И ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКАХ

Хамидова Мунира Нумоновна

Кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой перевода и грамматики английского языка
ГОУ «Худжандский государственный университет им. академика Б. Гафурова»
735700, Республика Таджикистан, Худжанд, пр. Мавлонбекова, 1
Тел.: (+992) 92 765 11 47 (м.)
munira.homidova@bk.ru

В статье проведено комплексное сопоставительное исследование каузативных конструкций в английском и таджикском языках, выполненное в русле современной лингвистической типологии. На обширном фактическом материале, извлеченном из произведений классической литературы, анализируются лексико-семантические группы каузации с опорой на такие базовые микрополя, как принуждение и побуждение. Прослеживаются параллельные процессы десемантизации глаголов со значением «созидание» (англ. *make* и тадж. *мачбури кардан*), в контексте каузативности утрачивающие первичную номинативную функцию и трансформируются в грамматикализованные показатели воздействия. Особый акцент сделан на выявлении структурно-синтаксических расхождений, обусловленных типологическим строем исследуемых языков. Анализируется влияние фиксированного порядка слов: жесткой препозиции глагола-каузатора в английском языке в противовес финальной позиции глагола (вербальной рамки), характерной для таджикского предложения. Доказывается, что каузативность функционирует как сложная межуровневая категория, в которой лексические единицы обретают статус полноценных маркеров каузального значения только в неразрывном синтаксическом единстве. В заключение обосновывается тезис, что учет межязыковых корреспонденций и явлений межуровневой синонимии является фундаментальным условием для построения адекватной типологической модели каузативности. Вносятся вклад в сравнительное языкознание и теорию грамматики, предлагается новый взгляд на способы кодирования каузативных смыслов в разнотипных языках.

Ключевые слова: каузативность; сопоставительная лингвистика; английский язык; таджикский язык; синтаксическая модель; лексический маркер; десемантизация; типология; межуровневая синонимия.

Введение. В современной лингвистической парадигме категория каузативности занимает центральное место, поскольку она отражает фундаментальные когнитивные механизмы человеческого мышления – восприятие причинно-следственных связей. Исследование семантических особенностей каузативных конструкций на материале английского и таджикского языков представляется особенно актуальным в контексте сопоставительной типологии. Различия в строе

изучаемых языков (анализи́зм английско́го и синтетико-анализи́ческий характер таджикско́го) обуславливают уникальные способы репрезентации каузальных ситуаций, изучение которых необходимо для глубокого понимания межъязыковой эквивалентности и теории перевода.

Объектом данного исследования являются синтаксические и морфологические единицы, выражающие значение побуждения, а предметом – их семантико-функциональная специфика в двух разноструктурных языках.

Целью статьи является определение специфики семантики побудительности и исследование структурных способов её реализации в каузативных системах английского и таджикского языков.

Каузативные конструкции (далее – КК) представляют значительный исследовательский интерес, поскольку являются предикативными структурами, репрезентирующими многоаспектный комплекс категориальных значений причины, следствия и межуровневых отношений, возникающих между базовыми компонентами предикативности.

Изучение КК проводилось в рамках различных научных направлений: сопоставительно-типологического (М.Г.Сымулов [2006], С.К.Бегова [2002]), М.Н.Хамидова [2025]), и лексико-семантического (Г.Г.Сильницкий [1969], О.Н.Журавлева [2001]). Но, несмотря на глубокую проработанность проблемы каузативности, эта терминологическая единица остается предметом дискуссий и характеризуется вариативностью дефиниций.

Проблема каузативности в таджикском языкознании имеет определенную традицию изучения, но до сих пор остается дискуссионной. Впервые грамматический каузатив таджикского языка (в сопоставлении с узбекским и английским) был исследован на монографическом уровне в диссертации М.Х.Алимовой (1980). Описывая его агглютинативную морфологическую структуру, автор прямо указывает: «Каузатив в таджикском языке оформляется на морфологическом уровне языка агглютинативным способом, то есть реляционные аффиксы *-он/-ён* плюс показатели инфинитива *-идан/-дан* присоединяются к основе настоящего времени переходных и непереходных глаголов» [1, с.19].

Основные принципы образования каузативных форм, в том числе от именных составных глаголов, закреплены в академической «Грамматике современного таджикского литературного языка» (1985). В частности, там отмечается: «Если основу страдательного каузативного глагола составляет именной составной глагол, образованный вспомогательным глаголом "кардан", то глагол "кардан" (вторая составная часть) приводится к каузативной форме с помощью суффикса *-он*» [4, с.196]. Вопросы транзитивации также подробно рассматривал иранский лингвист М.Дж.Шариат, который подчеркивал: «Если к активному непереходному глаголу добавить суффикс *-ондан* или *-онидан*, то он становится переходным, то есть превращается в каузативный глагол» [8, с.112].

В современном таджикском языкознании различные аспекты глагольной системы активно разрабатывались в трудах М.Давлатовой, Р.Джураева, М.Н.Касымовой, С.Халимова, М.Косими, Р.Х.Додоихудоева, П.Джамшедова и других исследователей. При этом специфика функционирования именно кауза-

тивных глаголов («фёълҳои бавосита» / «фёълҳои каузативӣ») и их терминологический аппарат до сих пор вызывают научные споры. В частности, наблюдаются расхождения в классификации и трактовке каузативных и некаузативных форм. Так, в учебном пособии С.Халимиёна (2013) утверждается: «Если глагол переходный, то с помощью аффикса -он он становится каузативным» [10, с.87]. В свою очередь, К.Усмонов аргументированно полемизирует с традиционными определениями Н.Маъсуми относительно субъектности действия, предлагая следующее определение: «Некаузативный глагол (фёъли бевосита) выражает значение совершения действия, в котором действующим лицом является сам субъект» [12, с.164].

Таким образом, несмотря на наличие фундаментальных исследований в области таджикского глагола, проблема каузативности не получила исчерпывающего освещения (особенно в сопоставительном плане). Сохраняющаяся терминологическая путаница в интерпретации понятий «каузация» и «каузативный глагол», а также острая необходимость систематизации каузативных глаголов для нужд лингводидактики (преподавания в средних и высших учебных заведениях Таджикистана) обуславливают научную новизну и актуальность данного исследования.

Основные результаты и обсуждение. Одним из центральных дискуссионных вопросов является интерпретация причинно-следственных отношений, отличающихся многогранностью. В современной лингвистике, включая корпусно-ориентированные исследования [6, с.15].

Последнее, как и «каузативность», имеет непосредственное отношение к дихотомии «причина – следствие», однако каузальность трактуется как более широкая категория. Она охватывает весь спектр отношений между событиями объективной действительности и выражается в языке преимущественно с помощью синтаксических средств. Вслед за А.Вежицкой мы понимаем каузальность как обусловленность.

Семантическое поле категории каузативности характеризуется значительным объемом и включает в себя каузативные, причинные, результативные и целевые значения. С прагматической точки зрения значение каузативности основывается не только на абстрактном понятии «причинность», но и на категории «побуждение». Являясь инструментом коммуникации, язык служит не только для передачи информации, но и для целенаправленного воздействия на адресата с целью побуждения его к совершению определенных действий. В основе такого побуждения всегда лежат социально-психологические факторы, определяющие характер взаимодействия между субъектами.

В лингвистической системе побуждение к действию реализуется вариативными способами, а его содержание дифференцируется на ряд частных семантических оттенков: приказание (фармон), разрешение (ичозат), просьба (дархост), мольба (илтичо), содействие (ёри), совет (маслихат) и др.

С семантической точки зрения, каузативные конструкции (КК) представляют собой комплекс понятийных категорий, посредством которых каузатор детерминирует переход объекта к активному действию или новому качественному состо-

янию. Данный фактор обуславливает формирование синонимических рядов конструкций, дифференцированных по модально-семантическим оттенкам. В английском языке прагматический выбор конкретной КК детерминирован семантикой глагола-интенсификатора, который специфицирует характер каузального воздействия: от жесткого принуждения до содействия процессу или трансформации состояния объекта.

Каузативная конструкция может обозначать побудительность с использованием глаголов типа *make, cause, force, order, have, get, demand, compel, tell*.

В английском языке одной из наиболее продуктивных является аналитическая конструкция *make + Object + Bare Infinitive* (инфинитив без частицы *to*). Семантическое ядро данной структуры варьируется от прямого физического принуждения до создания условий, при которых действие становится неизбежным.

Рассмотрим примеры из классической английской литературы:

make + O + V_{inf}

1. *He sat down, and made me sit beside him. (Ch. Bronte, J.Eyre, p.171)* – Он сел и усадил меня рядом с собой.

Глагол *make* здесь эксплицирует прямое воздействие субъекта на объект, что называется контактной каузацией и изменением положения. Примечательно, что при переводе на таджикский язык данная конструкция часто трансформируется в морфологический каузатив: *ӯ нишаст ва маро дар паҳлуи худ шинонд* (использование суффикса *-он* в глаголе *шинондан*). Английская аналитическая конструкция *made sit* эквивалентна таджикскому суффиксальному глаголу *шинонд*. В английском мы используем два слова, в таджикском – одно, но смысл «заставил сесть» идентичен.

2. *We made him very merry. (D.Defoe, Robinson Crusoe, p.35)* – Мы его очень развеселили.

В данном случае КК выражает каузацию перехода объекта в определенное психоэмоциональное состояние, что называется эмоционально-фактитивной каузацией. Здесь *make* работает не с действием (инфинитивом), а с состоянием (прилагательным *merry*). Вместо прямого волевого воздействия («заставлять») ими были созданы условия, в которых радостное состояние объекта возникло опосредованно. В английском языке это реализуется через структуру *make + Object + Adjective*, что подчеркивает результативность воздействия. Важно отметить, что на уровне таджикского языка смысловая нагрузка этой конструкции передается преимущественно через морфологические средства каузации: *Мо ӯро хеле хурсанд кардем/ шод кунондем*.

В таджикском языке такие прилагательные превращаются в каузативные глаголы с помощью вспомогательного глагола *кардан/кунондан* в паре с аналитическим глаголом *хурсанд кардан* (развеселить).

Если в английском языке глагол *make* выступает в роли универсального каузатора, применимого как к действиям, так и к состояниям, то в таджикском языке наблюдается четкая функциональная дихотомия. Каузация физического действия (изменение положения) реализуется морфологически (суффикс *-он*), в то время

как каузация качественного состояния требует аналитической конструкции с глаголом *кардан*.

force +O+V_{inf}.

3. *He would never have forced me to be his mistress (Ch. Bronte, J.Eyre, p.371) – Он никогда бы не заставил меня стать его любовницей.*

Глагол **force** в английском языке маркирует ситуацию, где объект (тот, на кого направлено действие) не имеет иного выбора. Семантически это «жесткая» каузация. Здесь каузатором выступает *he*. Глагол *force* подчеркивает моральное или физическое давление, идущее вразрез с волей объекта. Для передачи этого оттенка в таджикском языке недостаточно простого суффикса *-он*. Здесь требуется аналитическая конструкция с глаголом *мачбур кардан* (принуждать): *Ў ҳеҷ гоҳ маро мачбур намекард, ки маъшуқааш бошам.*

Глагол *force* семантически эквивалентен таджикскому «мачбур кардан». Это доказывает, что для выражения интенсивного давления оба языка (и аналитический английский, и таджикский) используют дополнительные лексические средства, а не просто грамматические суффиксы.

В отличие от нейтрального *make*, глагол *force* вносит в предложение семантику конфликта воли или давления обстоятельств. В таджикском языке данная семантическая особенность передается через лексему «мачбур», которая ограничивает свободу действия объекта. Таким образом, если в английском языке интенсивность каузации заложена в самом глаголе (*force*), то в таджикском она эксплицируется (выражается явно) через добавление модального компонента.

cause+O+V_{inf}.

4. *She was bouncing away, when a cry from the two women, who had turned towards the bed, caused her to look round. (Ch.Dickens, Oliver Twist, p.267) – Она отпрыгнула, когда крик двух женщин, повернувшихся к кровати, заставил ее обернуться.*

В английском языке глагол *cause* часто лишен эмоциональной окраски или прямого волевого давления. Он констатирует наличие каузальной связи, при которой одно явление послужило импульсом для возникновения другого, что называется опосредованной (непроизвольной) каузацией. В роли каузатора здесь выступает не человек, а звук (*a cry*). Это не приказ и не принуждение, а непроизвольная реакция на внешний стимул.

В таджикском языке такие ситуации часто выражаются через конструкции «сабаби ... шудан» или «водор кардан»: *Фарёд ўро водор кард, ки ба ақиб нигарад.*

Здесь мы обнаруживаем так называемую «дистантную каузацию». Глагол *cause* идеально подходит для описания ситуаций, где нет прямого контакта между каузатором и объектом. В таджикском языке суффикс *-он* был бы менее уместен, чем аналитическая конструкция, подчеркивающая причину (*сабаб*).

В отличие от антропоцентричных (ориентированных на человека) глаголов *make* и *force*, глагол *cause* в английском языке репрезентирует объективную причинно-следственную связь. Он часто используется с неодушевленными каузаторами (звук, событие, обстоятельство). Сопоставительный анализ показывает, что

таджикский язык в таких случаях отдает предпочтение лексическим единицам со значением «причина» (*сабаб*), что подчеркивает когнитивный характер этой связи.

order+O+V_{inf}.

5. *I've ordered Hareton to obey him* (E.Bronte, *Wuthering heights*, p.191). - Я приказал Гэртону подчиняться ему.

В английском языке глагол *order* занимает строго определенную нишу: это каузация, основанная на иерархии. В отличие от *force* (где давление может быть физическим), *order* всегда означает коммуникативный акт.

Здесь каузатор (I) обладает авторитетом над объектом (Hareton). Каузативный акт совершается в форме устного распоряжения. Важно, что результат (подчинение) ожидается как следствие социального долга объекта.

В таджикском языке для этого используются глаголы *фармудан* (более вежливый/высокий стиль) или *амр кардан* (строгий приказ): *Ман ба Хэртон фармудам, ки ба ӯ итоат кунад*.

Глагол *order* требует после себя инфинитива с частицей *to*. В таджикском языке такие конструкции обычно разворачиваются в сложноподчиненное предложение с союзом «*ки*» и глаголом в сослагательном наклонении (конъюнктиве). Это важное типологическое различие: английский аналитизм против таджикского синтаксиса.

demand + (to be) + Participle II

6. *I demanded to be heard*. (J. London, *Martin Eden*, p.268) - Я потребовал, чтобы меня выслушали.

В отличие от предыдущих глаголов, передающих ситуацию, когда кто-то заставлял другого что-то сделать, здесь каузатор требует действия над самим собой. Глагол *demand* выражает предельно настойчивое, категоричное волеизъявление. В данном примере он сочетается с пассивным инфинитивом (*to be heard*). Каузатор (I) выступает одновременно и инициатором, и объектом, на который должно быть направлено итоговое действие. Это «ультимативная» каузация.

В таджикском языке это невозможно передать одним словом или суффиксом. Данная модель неизбежно трансформируется в сложноподчиненную структуру с эксплицитным (явным) выражением модальности требования через глагол «*талаб кардан*», союзом «*ки*» и безличную форму глагола или через страдательный залог: *Ман талаб кардам, ки маро гӯш кунанд*.

compel+O+V_{inf}.

I compelled her to sit down on a chair, and made her drink. (E.Bronte, *Wuthering heights*, p.232) – Я заставил ее сесть на стул и напоил.

В анализируемых фрагментах – *I compelled her to sit* и *made her drink* – выявляются две модели каузации: волевое принуждение (*compelled*) и результативное воздействие (*made*). Английский оригинал придерживается строгого аналитического принципа, в то время как таджикский перевод «*Ман ӯро маҷбур кардам, ки ба курсӣ шинад ва ӯро нӯшондам*» демонстрирует высокую типологическую вариативность. Конструкция *compelled her to sit* трансформируется в сложноподчиненную структуру (*маҷбур кардам, ки...*), где лексическое значение принуждения

требуется союза «ки» и сослагательного наклонения. Модель *made her drink* претерпевает уникальную трансформацию, заменяя английский синтаксический каузатор (*made*) таджикским аффиксальным каузатором (-он). Глагол *нушондам* синтетически поглощает смысл целой фразы, избегая синтаксической громоздкости.

Межуровневая оппозиция «синтаксис/морфология» подтверждает гипотезу, что единое событие-триггер объективируется в сопоставляемых языках принципиально разными способами: через развернутую модель в английском и компактную деривацию в таджикском языке.

have+O+V_{inf}.

7. *She would have had them to bed. (E.Bronte, Wuthering heights, p.47) – Она бы уже давно уложила их спать.*

В данном примере каузативная конструкция выражает волеизъявление субъекта, которое в таджикском языке требует полной структурной перестройки: *Вай мехост онҳоро ба ҷойгаҳ хобонад*.

Использование вспомогательного глагола *have* в сочетании с модальным глаголом *would* создает значение желаемой каузации. Здесь триггером выступает не физическое принуждение, а распоряжение или организаторская воля субъекта. В английском языке структура лаконична: объект (*them*) и целевое состояние/действие (*to bed*).

В таджикском языке данная модель не имеет прямого структурного эквивалента и передаётся через аналитическую модальную конструкцию.

Глагол «хостан» (хост) эксплицирует модальность желания, которая в английском скрыта в форме *would have had*. Основное действие выражается через морфологический каузатив: глагол *хобидан* (спать) трансформируется в *хобондан/хобонидан* (укладывать спать) при помощи суффикса -он.

Это подтверждает, что таджикский язык стремится к четкой морфологической маркировке каузативного акта (через аффикс -он), даже когда в оригинале доминирует модальный оттенок волеизъявления.

get +O+V_{inf}.

8. *I got you to bring what I wanted. (E.Bronte, Wuthering heights, p.160) – Я добила́сь того, чтобы ты принес то, что я хотела.*

В данном примере английский глагол *get* выступает каузатором с сильной прагматической составляющей: достижение результата через усилие, убеждение или хитрость.

В отличие от прямого принуждения (*make*), конструкция с *get* имплицитно содержит идею интенсивности каузации. Она маркирует процесс, предшествующий действию (убеждение объекта). В английском языке этот нюанс передается лексико-синтаксически (выбором конкретного глагола внутри конструкции *Complex Object*).

Для передачи этого тонкого оттенка «достижение цели» таджикский язык прибегает к лексической экспликации: “Ман туро водор кардам, ки он чиро мехостам, биёрӣ”.

Простого морфологического каузатива (суффикса *-он*) здесь недостаточно, так как он передает лишь факт действия, но не способ его инициации. Использование аналитического глагола «*водор кардам*» (побудил/склонил) позволяет передать идею приложенного усилия. Структура предложения, как и в случаях с *demand* и *compel*, разворачивается в сложноподчиненную конструкцию с союзом «*ки*».

Анализ иллюстративного материала на примере глагола *get* подтверждает гипотезу о высокой степени семантической дифференциации английской каузативной системы. В то время как английский язык способен маркировать «убеждающую» каузацию внутри компактной синтаксической структуры, таджикский язык вынужден прибегать к лексическому развертыванию. Введение единицы «*водор кардан*» служит компенсаторным механизмом для передачи интенсивности волевого акта, который в оригинале заложен в семантике каузатора *get*. Таким образом, наблюдается противопоставление имплицитной английской модели и эксплицитной таджикской модели передачи манипулятивного воздействия.

tell + O+V_{inf}.

9. *Miss Temple told Helen Burns to be seated in a low arm-chair. (Ch. Bronte, J.Eyre, p.60)* – Мисс Темпл велела Хелен Бернс сесть в низкое кресло.

Глагол *tell* занимает особое место в иерархии каузативности: это вербальная каузация. Здесь воздействие происходит не через физическую силу или манипуляцию, а через речевой акт (приказ или инструкцию).

Конструкции с глаголом *tell* представляют собой директивную каузацию. В отличие от *make* (принуждение) или *get* (убеждение), каузатор использует социальный или возрастной авторитет.

Здесь *tell* выступает как мягкая форма приказа в рамках институциональной иерархии (учитель – ученик). Интересна форма *to be seated* – это каузация принятия определенного состояния (статическая каузация).

В таджикском языке здесь уместен глагол *фармудан* (повелевать/просить), который подчеркивает дистанцию между субъектами: *Мисс Темпл ба Хелен Бернс фармуд, ки дар курсии паст нишинад*.

Пример (10) иллюстрирует, что английский глагол *tell* универсален для любых директив, тогда как в таджикском языке выбор глагола (*гуфтан* или *фармудан*) более жестко зависит от социального статуса участников коммуникации. Кроме того, пассивный инфинитив *to be seated* в таджикском часто заменяется активным глаголом действия (*нишинад*).

Анализ конструкций с глаголом *tell* выявляет специфику вербальной каузации, где инструментом воздействия выступает слово. В английском языке данная модель реализуется через лаконичный объектный инфинитивный оборот. В таджикском языке наблюдается переход на синтаксический уровень – использование сложноподчиненных предложений. Основное различие заключается в том, что таджикский язык более чувствителен к прагматике ситуации (статусу говорящих), требуя выбора между нейтральным *гуфтан* и маркированным *фармудан*, в то время как английский *tell* сохраняет функциональную универсальность.

В таджикском языке не существует специальных глаголов, как в английском языке, которые входят в состав каузативных конструкций. Однако можно обнаруживать каузативные конструкции, обозначающие побуждение путем сочетания *маҷбур кардан*, *водор кардан*, *сабаб шудан*, *боис шудан*, *фармон додан* (*фармудан*), *дастур додан*, *амр кардан*, *талаб кардан* (*талабидан*).

1. Халифа **фармон дод**, ки то ба ҳар байте вайро ҳазор дирам бидиҳанд (А. Ҷомӣ, *Осор*, с.381) – Халиф приказал, чтобы за каждый бейт ему давали по тысяче дирамов.

2. Аммо муҳит ва шароит ҷунон кардаанд, ки бад шудани аҳволи камтир – ягона кас ва муттақои ӯ **водор кардааст**, ки Фирӯза ба фикру ҳаёл равад (Ҷ.Иқромӣ, *Духтари оташ*, с.9)

3. Дар давоми солҳои 850-ум чунин вазъияти ноором ба таркиши шӯриши умумӣ **сабаб шуд** (Маърифати ғумишуда, с.252)

4. Дар Балх ва Самарқанд ӯ худӣ шахрнишиноро барои сохтани масҷидҳо **маҷбур мекард** ва баъдан роҳҳои ғуногунро барои зӯран анҷом додани расму русумот истифода мебуд (Маърифати ғумишуда, с.152)

5. Амр **талаб кард**, ки маросими батахтниниширо дар заминаи суннатҳои пешазисломии дарбор, бидуни нишонаи исломӣ гузаронанд (Маърифати ғумишуда, с.255)

В данном микроконтексте использование сложного глагола «*фармон додан*» (приказывать) продиктовано высоким социальным статусом каузатора (халифа), что переводит каузативную ситуацию в плоскость официального волеизъявления. Семантический анализ данной структуры выявляет важную типологическую особенность: таджикский язык при передаче сильной степени побуждения тяготеет к синтаксической экспликации – развертыванию полноструктурного придаточного предложения с союзом «ки». Ключевым грамматическим маркером здесь выступает форма сослагательного наклонения (илтизомӣ) – «бидиҳанд», которая указывает на то, что действие является объектом чужой воли и еще не реализовано в действительности.

При сопоставлении данной модели с английским языком обнаруживается явление типологической алломорфности. Если английский язык для выражения аналогичного приказа использует лаконичную инфинитивную конструкцию (The Caliph ordered them to give...), где объект и действие связаны в составе одного простого предложения, то таджикский синтаксис сохраняет двусоставную структуру. Это свидетельствует о том, что в таджикском языке семантика побудительности распределена между лексическим значением глагола – приказ и грамматической формой подчиненного глагола, в то время как в английском языке основным носителем каузативного значения остается полнозначный глагол (order/command).

Заключение. Таким образом, анализ примеров показывает, что в таджикском языке, в отличие от английского, императивная каузация подчеркивает опосредованность действия: между волей каузатора и итоговым результатом всегда стоит четко выраженная синтаксическая граница, отражающая иерархическую дистанцию между субъектами.

В таджикском языке каузация часто выражается через сочетание полнозначного глагола (приказа, принуждения или причины) и придаточного предложения. Это делает конструкцию более тяжеловесной, но семантически более точной, чем в английском.

В отличие от английского языка, обладающего набором специализированных каузативных глаголов (*make, have, get*), таджикский язык опирается на аналитические сочетания с широким спектром лексических значений:

1. Английские конструкции более *грамматикализованы* (смысл зависит от структуры).

2. Таджикские конструкции более *лексикализованы* (смысл зависит от выбранного слова: фармон, маҷбур, водор).

Это позволяет таджикскому языку более гибко описывать социальный контекст побуждения (приказ, просьба, принуждение, обстоятельство), используя разные лексические единицы там, где английский язык ограничивается выбором одного из трех-четырех служебных глаголов.

При типологическом сравнении английского и таджикского языков установление межъязыковых корреспонденций является необходимым условием. Каузативность в обоих языках реализуется только в синтаксическом сочетании, где маркер и объект образуют неразрывное смысловое целое.

Наличие общих типологических форм при различии в синтаксическом порядке слов (финальная позиция сказуемого в таджикском языке против медиальной в английском) доказывает универсальность категории каузативности как способа выражения причинно-следственных связей, адаптированного под уникальный строй каждого языка. Учет этих параметров обязателен для глубокого сравнительного изучения любой типологической категории.

Литература

1. Алимова М.Х. Грамматический каузатив в узбекском, таджикском и английском языках: дис. ...канд. филол. наук: 10.02.20 / Алимова Мухарам Хаятовна. – М., 1980. – 201с.
2. Бегова С. К. Типология языковых средств выражения категории каузативности в разнотипных языках (на материале русского, английского и адыгейского языков): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Бегова Сафият Крыммовна. – Майкоп, 2002. – 151 с.
3. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Наука, 1997. – 412 с.
4. Грамматика современного литературного таджикского языка. Т.1. Фонетика и морфология. – Душанбе: Дониш, 1985. – 352 с. (на тадж.яз.)
5. Журавлева О.Н. Семантика каузативных глаголов, сочетающихся с целевым инфинитивом // Семантика. Функционирование. Текст: межвуз. сб. науч. тр. – Киров: Изд-во ВГПУ, 2001. – С.44-47.
6. Искандарова, Д.М. Корпусно-ориентированные исследования в таджикском языкознании: типологический и сопоставительный аспекты (на материале конструкций с глаголом гирифтан) // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2025. – № 4(90). – С. 13-22.
7. Маъсуми Н. Избранные произведения. Т.2. Языкознание. – Душанбе: Изд-во “Ирфон”, 1980. – 350 с.
8. Мухаммад Джавад Шарият. Учебник по персидскому языку. – Тегеран, 1350. – 454с.

9. Неделков В.П., Сильницкий Г.Г. Типология каузативных конструкций // Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. – Л.: Наука, 1969. – С.5-19.
10. Саиди Х. Глагол (Куниш): учеб. пособие. – Душанбе, 2013. – 126 с.
11. Сымулов М.Г. Способы выражения каузативных отношений в разноструктурных языках (на материале английского и чувашского языков): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Сымулов Михаил Григорьевич. – Чебоксары, 2006. – 198 с.
12. Усмонов К. Сравнительная грамматика английского и таджикского языков. – Худжанд, 2015. – 230 с.
13. Хамидова М.Н. К вопросу о категориях переходности и каузативности (на материале английского и таджикского языков) // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2025. – №4(90). – С.54-64.

Источники

14. Айни С. Ёддошхо. Қисми 1 ва 2. – Душанбе: Адиб, 1990. – 352 с.
15. Икромӣ Ҷ. Духтари оташ. – Душанбе: Ирфон, 1962. – 480 с.
16. Фредерик С. Старр. Маърифати гумшуда. Асри Тилоии Осиёи Марказӣ аз истилоии араб то Темурланг. – Душанбе: Эр-граф, 2016. – 692с.
17. Ҷомӣ А. Осор. Ҷилди 7: Хотимат-ул-хаёт. Девони солис. – Душанбе: Адиб, 1989. – 544с.
18. Ҷомӣ А. Баҳористон. – Душанбе: Адиб, 2008. – 160 с.
19. Austen J. Emma. – London: Penguin Classics, 1994. – 400 p.
20. Brontë Ch. Jane Eyre. – London: Service & Paton, 1897. – 436 p.
21. Defoe D. The Life and Adventures of Robinson Crusoe. – London: Penguin Books, 2003. – 320p.
22. Fielding H. Joseph Andrews. – London: W. Strahan, 1742. – 360 p.

SEMANTIC FEATURES OF CAUSATIVE CONSTRUCTIONS EXPRESSING INDUCEMENT IN ENGLISH AND TAJIK LANGUAGES

Khomidova Munira Numonovna

Candidate of philological sciences, associate professor,
head of the chair of translation and English grammar
SEI "Khujand state university named after academician B. Gafurov"
735700, Republic of Tajikistan, Khujand, Mavlonbekov ave., 1
Ph.: (+992) 92 765 11 47 (m.)
munira.khomidova@bk.ru

This article presents a comprehensive comparative study of causative constructions in English and Tajik, conducted within the framework of modern linguistic typology. Drawing on extensive illustrative material from classical literature, the author performs a detailed analysis of the lexico-semantic groups of causation, focusing on core micro-fields such as coercion and inducement. The study traces parallel processes of desemanticization of verbs with the primary meaning of "creation" (English *make* and Tajik *маҷбур кардан*), which, in a causative context, lose their initial nominative function and transform into grammaticalized markers of influence.

Particular emphasis is placed on identifying structural and syntactic discrepancies rooted in the typological systems of the languages under study. The author analyzes the impact of word order: the strict preposition of the causative verb in English as opposed to the final verb position (verbal frame) characteristic of the Tajik sentence. The research demonstrates that causativity functions as a complex cross-level category, where lexical units acquire the status of full-fledged markers of causative meaning only within an inseparable syntactic unity.

In conclusion, the thesis is substantiated that taking into account interlingual correspondences and interlevel synonymy is a fundamental condition for constructing an adequate typological model of causativity. This paper contributes to comparative linguistics and grammar theory by offering a new perspective on the methods of encoding causative meanings in languages with different structures.

Keywords: causativity; comparative linguistics; English language; Tajik language; syntactic model; lexical marker; desemanticization; typology; inter-level synonymy.

ХУСУСИЯТҲОИ СЕМАНТИКИИ КОНСТРУКСИЯҲОИ КАУЗАТИВИИ ИФОДАГАРИ МАЪНОИ МАЧБУРӢ ДАР ЗАБОНҲОИ АНГЛИСӢ ВА ТОЧИКӢ

Ҳомидова Мунира Нӯмоновна

Номзади илмҳои филологӣ, дотсент,
мудири кафедраи кафедраи тарҷума ва грамматикаи забони англисии
МДТ “Донишгоҳи давлатии Хучанд ба номи акад. Б. Ғафуров”
735700, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Хучанд, хиёбони Мавлонбеков, 1
Тел.: (+992) 92 765 11 47 (м.)
munira.homidova@bk.ru

Мақолаи мазкур ба таҳқиқи муқоисавии конструксияҳои каузативӣ (сабабӣ) дар забонҳои англисӣ ва тоҷикӣ, ки дар доираи типологияи муносири забоншиносӣ анҷом дода шудааст, бахшида шудааст. Дар асоси маводи ғаровони воқеӣ, ки аз асарҳои адабиёти классикӣ гирифта шудаанд, муаллиф таҳлили муфассали гурӯҳҳои лексикӣ семантикӣ каузатсияро гузаронида, диққати асосиро ба чунин хурдамайдонҳои асосӣ, аз қабили маҷбуркунӣ ва барангезиш равона мекунад. Дар қор равандҳои мувозии десемантизатсияи феълҳои дорони маъноӣ «созиш» (англ. *take* ва тоҷ. *маҷбур кардан*) пайгирӣ карда мешаванд, ки онҳо дар заминаи каузативӣ вазифаи аввалиндараҷаи номинилии худро гӯм карда, ба нишондиҳандаҳои грамматикӣ таъсир табдил меёбанд.

Таваҷҷуҳи хос ба муайян кардани тафовутҳои сохторию синтаксисӣ, ки аз сохти типологии забонҳои мавриди омӯзиш бармеоянд, зоҳир шудааст. Муаллиф таъсири тартиби муайяни калимаҳоро таҳлил мекунад; препозитсияи қатъии феъл-каузатор дар забони англисӣ дар муқоиса бо мавқеи ниҳони феъл (қорҷӯбаи вербалӣ), ки барои ҷумлаи тоҷикӣ хос аст. Таҳқиқот исбот мекунад, ки каузативӣ ҳамчун категорияи мураккаби байнисатҳӣ амал мекунад, ки дар он воҳидҳои лексикӣ танҳо дар ваҳдати ҷудонашавандаи синтаксисӣ мақоми нишондиҳандаҳои қомили маъноӣ каузалиро пайдо мекунанд.

Дар хотима тезис дар бораи он асоснок карда мешавад, ки ба назар гирифтани мувофиқати байнизабонӣ ва падидаҳои синонимияи байнисатҳӣ шарти асосии сохтани модели муносиби типологии каузативӣ мебошад.

Калидвожаҳо: каузативият; забоншиносии муқоисавӣ; забони англисӣ; забони тоҷикӣ; модели синтаксисӣ; нишондиҳандаи лексикӣ; десемантизатсия; типология; синонимияи байнисатҳӣ.

УДК 811.161.1'367'42

**КВАНТИТАТИВНЫЙ АНАЛИЗ КОЛЛОКВИАЛЬНЫХ
МАРКЕРОВ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ В ДИАЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ
РОМАНА РАХИМА ДЖАЛИЛА «ШУРАБ»**

Неъматзода Мукаддас Хабиб

Кандидат филологических наук, доцент
ГОУ «Худжандский государственный университет им. академика Б. Гафурова»
735700, Республика Таджикистан, Худжанд, проезд Мавлонбекова, 1
Тел.: (+992) 92 708 66 75 (м.)
babay12082022@mail.ru

В статье предлагается математико-статистический подход к исследованию коллоквиальных маркеров разговорной речи (частиц, междометий, модальных слов) в диалогической речи художественного текста таджикской литературы XX века. На материале второго тома романа Рахима Джалила «Шураб» (1988) проведён количественный анализ диалогической и авторской речи с применением частотного распределения, нормализованных коэффициентов и критерия хи-квадрат (χ^2). В целях операционализации наблюдаемых закономерностей введены три авторских аналитических инструмента — КСК, D/A и ИР, — представляющих адаптацию стандартных статистических подходов к специфике таджикского художественного текста. Из 10 исследованных маркеров 8 обнаруживают статистически значимое ($\chi^2 > 3,84$, $p < 0,05$) превышение частотности в диалогической речи.

Ключевые слова: таджикская литература; разговорная речь; коллоквиальные маркеры; синтаксис; квантитативная лингвистика; Рахим Джалил; «Шуроб»; хи-квадрат; диалогическая речь.

Проблема отражения разговорной речи в художественном тексте находится на пересечении стилистики, синтаксиса и социолингвистики. О.Б.Сиротинина указывала, что «основное назначение разговорных элементов в художественном диалоге — функция сигнала разговорности» [8, с.76]. Е.А.Земская, М.В.Китайгородская и Е.Н.Ширяев определили разговорную речь как языковую систему, в которой «стремление к свободному построению единиц и стремление к шаблону» образуют «контраст, наблюдаемый прежде всего в отношении к форме РР» [2, с.6]. О.А.Лаптева исследовала закономерности разговорного синтаксиса в русском языке [5]. Применительно к таджикскому языку М.С.Кенджазода выявила структурно-грамматические типы простых предложений в современном таджикском литературном языке [4]. Количественный аспект коллоквиальных маркеров в таджикской художественной прозе при этом оставался за рамками специального изучения.

Настоящая статья предлагает иной подход: вместо типологии предложений рассматривается система коллоквиальных маркеров разговорности как совокуп-

ность квантифицируемых параметров, позволяющих математически описать различие между диалогической и авторской речью. Исследование выполнено на пересечении корпусной лингвистики и математической лингвистики [3; 7; 9].

Цель – выявить и статистически верифицировать набор коллоквиальных маркеров, отличающих речь персонажей от авторского повествования в пределах исследованного текста.

Эмпирическим материалом послужил полный текст второго тома романа «Шураб» (464 с., 894 313 знаков, 15 209 строк) [1], из которых 2 137 строк отнесены к диалогической речи (ДР) и 11 925 строк – к авторской речи (АР).

Объём выборки

Параметр	Диалогическая речь	Авторская речь
Количество строк	2 137	11 925
Классифицированных единиц*	2 157	11 925
Доля от общего текста	15,2%	84,8%

**Под классифицированной единицей понимается отдельное предложение или самостоятельная синтаксическая конструкция, участвующая в распределении по коммуникативному типу. Часть строк диалогической речи содержит более одного такого предложения (преимущественно краткие эллиптические реплики), поэтому число классифицированных единиц (2 157) незначительно превышает число строк (2 137; разница 20 единиц). В авторской речи строки и классифицированные единицы совпадают (11 925).*

Метод выделения подкорпусов. Строки, начинающиеся с тире (–), отнесены к диалогической речи; прочие строки значимой длины (> 10 символов) – к авторской речи. Ограничения метода: тире в таджикском тексте может маркировать авторские ремарки и несобственно-прямую речь; метод допускает единичные ошибки автоматической классификации, не влияющие на выявленные тенденции при выборке данного масштаба.

Нормализованная частотность [11] рассчитывалась по формуле:

$$F_n = \frac{n}{N} \times 1000,$$

где n – абсолютная частота признака, N – число строк в подкорпусе.

Критерий хи-квадрат (χ^2) применялся с одной степенью свободы (df = 1) при попарном сравнении ДР и АР по каждому маркеру [7; 9]. Ожидаемые частоты:

$$E_d = \frac{(n_d + n_a) \cdot N_d}{N_d + N_a}$$

$$E_a = \frac{(n_d + n_a) \cdot N_a}{N_d + N_a}$$

где n_d , n_a – наблюдаемые частоты в ДР и АР; N_d , N_a – объёмы подкорпусов.

При $\chi^2 > 3,84$ различие признаётся значимым на уровне $p < 0,05$. † Для маркеров *вой* и *мана* с малыми абсолютными частотами (ожидаемые $E < 5$) реко-

мендуется подтверждение точным критерием Фишера; результаты интерпретируются с осторожностью. Условие применимости χ^2 выполняется для 8 из 10 маркеров. При сравнении трёх типов предложений (Таблица 1) использовался χ^2 с $df = 2$, критическое значение 5,99 при $p < 0,05$.

Для операционализации наблюдаемых закономерностей предлагаются три авторских показателя – адаптация стандартных статистических мер [7; 9] к сопоставительному анализу диалогической и авторской речи. *Все три коэффициента носят эвристический характер и используются как инструменты первичной параметризации разговорности; их валидация требует проверки на расширенном корпусе текстов таджикской прозы.*

1. D/A (диалог / автор) – отношение нормализованных частотностей маркера в ДР и АР:

$$D/A = \frac{F_n(ДР)}{F_n(АР)}$$

По структуре аналогичен отношению относительных частот, используемому в корпусной лингвистике [11]. $D/A > 1$ означает преобладание маркера в диалоге.

2. Коэффициент синтаксической компактности (КСК) – отношение доли коротких предложений к доле длинных:

$$КСК = \frac{P_{(1-3)} + P_{(4-6)}}{P_{(16-20)} + P_{(21+)}}$$

где P_n – процентная доля предложений данной длины. По принципу аналогичен индексам концентрации в квантитативной лингвистике [3; 9]. *Ограничения: границы интервалов выбраны эмпирически и могут варьироваться в зависимости от языка и жанра.*

3. Интегральный индекс разговорности (ИР) – взвешенная аддитивная сумма пяти параметров:

$$ИР = w_1 \cdot Q + w_2 \cdot E + w_3 \cdot M + w_4 \cdot V + w_5 \cdot K,$$

где Q – доля вопросительных; E – доля восклицательных; M = (сумма F_n по 8 статистически значимым маркерам) / 1 000; V – доля строк с обращениями; K = КСК / 10 (нормировка для сопоставимости масштабов). Принято $w = 1$ как нулевое приближение; последующие исследования могут применять веса, пропорциональные χ^2 -значимости маркеров. По структуре ИР аналогичен многопараметрическим индексам текстовой характеристики [7], однако использует более простую аддитивную схему без нормировки по дисперсии.

Таблица 1 – Типы предложений в диалогической и авторской речи

Тип предложения	ДР (абс.)	ДР (%)	АР (абс.)	АР (%)
Повествовательное	1 429	66,2	10 417	87,4
Вопросительное	498	23,1	1 230	10,3
Восклицательное	230	10,7	278	2,3
Итого	2 157	100	11 925	100

Примечание: % рассчитаны от числа классифицированных единиц (ДР – 2 157, АР – 11 925).
Статистическая значимость различий по распределению типов: $\chi^2(df = 2) = 691,1$; $p < 0,001$.

В пределах исследованного текста наблюдается существенное расхождение: доля вопросительных предложений в ДР вдвое превышает показатель АР (23,1% vs. 10,3%), доля восклицательных – в 4,7 раза (10,7% vs. 2,3%). Эта закономерность согласуется с описанной Сиротининой высокой долей вопросительных конструкций в разговорной речи [8, с.43-47].

Ср.: – *Кист?* – овозе ногахон аз кафо баромада, харду ро як кад парронд. – *Кист мегуям?* [1, с. 14]

(«Кто?» – голос неожиданно раздался сзади. «Кто, я спрашиваю?»)

Таблица 2 – Частотность коллоквиальных маркеров (на 1 000 строк)

Маркер	Функция	ДР абс.	F (ДР)	АР абс.	F (АР)	D/A	χ^2	Знач.
<i>магар</i>	вопросит. ч. «неужели»	23	10,8	42	3,5	3,1	20,55	$p < 0,001$
<i>ана</i>	дейктич. ч. «ВОТ»	45	21,1	130	10,9	1,9	15,02	$p < 0,001$
<i>наход</i>	мод. слово «неужели»	14	6,6	29	2,4	2,7	10,06	$p < 0,01$
<i>бас</i>	волевая ч. «хватит»	9	4,2	14	1,2	3,6	10,22	$p < 0,01$
<i>вой</i>	межд. «ой, ах»	4	1,9	5	0,4	4,5	5,97	$p < 0,05^\dagger$
<i>мана</i>	усилит. ч. «ВОТ»	5	2,3	8	0,7	3,5	5,46	$p < 0,05^\dagger$
<i>оё</i>	вопросит. ч. «разве»	15	7,0	47	3,9	1,8	3,89	$p < 0,05$
<i>хайрият</i>	мод. слово «к	8	3,7	18	1,5	2,5	4,89	$p < 0,05$

	счастью»							
<i>охир</i>	мотивир. ч. «ведь»	22	10,3	114	9,6	1,1	0,10	незнач.
<i>эй</i>	обращ.-межд.	6	2,8	14	1,2	2,4	3,40	незнач.

† $df = 1$; для маркеров *вой* и *мана* рекомендуется верификация критерием Фишера (малые абсолютные частоты).

Наиболее сильным индикатором разговорности является *вой* ($D/A = 4,5$). Далее – *бас* (3,6) и *мана* (3,5). Частица *магар* ($D/A = 3,1$) имеет наибольшую статистическую значимость ($\chi^2 = 20,55$) благодаря высокой абсолютной частоте. Частица *охир* ($\chi^2 = 0,10$) не обнаруживает значимого различия, поскольку выполняет двойную функцию: как маркер разговорности и как нарративное наречие «наконец». Ср.:

– *Номи у магар Лев аст? – бо тааччуб нурсид комбат* [1, с.12]
 («Его имя разве Лев?» – с удивлением спросил командир батальона)

Таблица 3 – Распределение предложений по длине (в словах)

Группа (слов)	ДР (абс.)	ДР (%)	АР (абс.)	АР (%)
1–3	417	18,7	1 782	15,0
4–6	571	25,6	2 883	24,3
7–10	519	23,3	2 800	23,6
11–15	316	14,2	2 102	17,7
16–20	164	7,4	1 111	9,4
21+	244	10,9	1 196	10,1

Средняя длина предложения: ДР – 9,97 слова, АР – 10,33 слова ($\Delta = 0,36$). Разница мала; проверка критерием Стьюдента не проводилась – это методологическое ограничение параметра. Распределение, тем не менее, обнаруживает сдвиг в сторону коротких предложений в ДР.

$KCK(ДР) = (18,7 + 25,6) / (7,4 + 10,9) = 2,42$; $KCK(АР) = (15,0 + 24,3) / (9,4 + 10,1) = 2,02$. Разница – 19,8% в пользу ДР.

Таблица 4 – Синтаксические конструкции разговорности в диалогической речи

Конструкция	Абс.	Ф / 1 000 строк	Доля ДР (%)
Парцеллированные конструкции	682	319,1	31,9
Обращения (вокативы)	511	239,1	23,9

Вопросительные предложения	498	233,0	23,3
Побудительные (императив)	397	185,8	18,6
Восклицательные предложения	230	107,6	10,8
Незавершённые конструкции (эллипсис)	42	19,7	2,0

Примечание к критериям классификации: Парцеллированными считались конструкции, графически разделённые на самостоятельные сегменты с финальным знаком препинания. Обращения – именные конструкции, обращённые к собеседнику и отделённые запятой. Эллиптическими – предложения без эксплицитного подлежащего или сказуемого, восполняемые контекстом диалога.

Парцелляция является наиболее частотным типом конструкции разговорности (31,9% строк ДР): три коротких синтагмы образуют единое высказывание, тогда как в литературной норме оно оформлялось бы сложноподчинённым предложением. Земская, Китайгородская и Ширяев рассматривают расчленённость как «основную особенность системы РР» [2, с.6]. Ср.:

– *Ана гапу мана гап! Мегирист мегуед? Бовар намекунам* [1, с.802]

(«Вот это да! Плачет, говорите? Не верю.»)

Обращения (вокативы) обнаружены в 23,9% строк ДР: *азизам, додарчон, йигит, духтар, бача, дустон*. В авторском повествовании они практически отсутствуют.

Таблица 5 – Значения параметров ИР для ДР и АР

Параметр	ДР	АР
Q (доля вопросительных предложений)	0,233	0,103
E (доля восклицательных предложений)	0,098	0,023
M ($\sum$ нормализ. частот 8 значимых маркеров / 1 000)	0,058	0,025
V (доля строк с обращениями)	0,239	≈ 0
K (КСК / 10)	0,242	0,202
ИР (сумма)	0,870	0,353

$\text{ИР(ДР)} = 0,233 + 0,098 + 0,058 + 0,239 + 0,242 = \mathbf{0,870}$; $\text{ИР(АР)} = 0,103 + 0,023 + 0,025 + 0,000 + 0,202 = \mathbf{0,353}$. Отношение: $0,870 / 0,353 \approx \mathbf{2,47\times}$.

В пределах исследованного текста ИР демонстрирует выраженное различие между диалогической и авторской речью, что указывает на систематическое использование совокупности коллоквиальных средств в речи персонажей. Интерпретация абсолютных значений ИР требует сравнения с другими текстами.

Проведённый количественный анализ позволяет сформулировать следующие выводы:

1. В пределах исследованного текста (второй том «Шураба») диалогическая речь статистически значимо отличается от авторской по распределению типов

предложений ($\chi^2(df = 2) = 691,1$; $p < 0,001$): доля вопросительных конструкций в ДР в 2,2 раза, восклицательных – в 4,7 раза выше, чем в АР.

2. Из 10 исследованных коллоквиальных маркеров 8 показали значимое (χ^2 , $df = 1$, $p < 0,05$) превышение частотности в ДР. Наиболее сильные индикаторы: *вой* (D/A = 4,5), *бас* (3,6), *мана* (3,5), *магар* (3,1).

3. КСК(ДР) = 2,42 против КСК(АР) = 2,02 (разница 19,8%) – в диалогической речи выше доля коротких синтаксических конструкций.

4. Парцелляция является наиболее частотным типом конструкции разговорности (31,9% строк ДР); далее – обращения (23,9%) и побудительные конструкции (18,6%).

5. ИР(ДР) = 0,870, ИР(АР) = 0,353 – индекс демонстрирует выраженное различие между ДР и АР. ИР носит эвристический характер и требует верификации на расширенном корпусе.

Предложенная методика может быть применена к сравнительному анализу стилистических стратегий других таджикских прозаиков (С.Айни, С.Улугзода, Ф. Мухаммадиева).

Литература

1. Джалил Рахим. Асарҳои мунтахаб: иборат аз се ҷилд, ҷилди II. Роман «Шуроб». – Душанбе: Адиб, 1988. – 464 с. (на тадж. яз.)
2. Земская Е.А. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис / Е.А.Земская, М.В.Китайгородская, Е.Н.Ширяев. – М.: Наука, 1981. – 276 с.
3. Кайсарова Д.В., Коцюба И.Ю. Математическая лингвистика. – СПб.: Университет ИТМО, 2016. – 67 с.
4. Кенджазода М.С. Структурно-грамматические особенности простых предложений в современном таджикском литературном языке (на материале современной прозы): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.22 / Кенджазода Манучехр Солеҳ. – Душанбе: ТНУ, 2021 – 408 с.
5. Лаптева О.А. Русский разговорный синтаксис. – М.: Наука, 1976. – 398 с.
6. Ниёзмухаммадов Б. Простые предложения в современном таджикском языке. – Душанбе: Гос. изд-во учеб.-пед. литературы Таджикистана, 1960. – 112 с. (на тадж. яз.)
7. Рогов А.А. Математические методы атрибуции текстов / А.А.Рогов, А.В.Седов, Ю.В.Сидоров, Т.Г.Суровцова. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2014. – 96 с.
8. Сиротинина О.Б. Русская разговорная речь: Пособие для учителя. – М.: Просвещение, 1983. – 80 с.
9. Тимофеева М.К. Введение в математическую лингвистику: практикум. – Новосибирск: НГУ, 2018. – 56 с.
10. Arabov M.K. TajikNLP: An Open-Source Toolkit for Comprehensive Text Processing of Tajik (Cyrillic Script) // arXiv:2605.04583. – 2026. – URL: <https://arxiv.org/abs/2605.04583>
11. Biber D. Quantitative Methods in Corpus Linguistics // Corpus Linguistics: An International Handbook / ed. by A. Lüdeling, M. Kytö. – Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2009. – Vol. 2. – Ch. 61. – P. 1287–1309.
12. Dovudov G., Pomikálek J., Suchomel V., Šmerk P. Building a 50M Corpus of Tajik Language // Proceedings of RASLAN 2011 / ed. by A. Horák, P. Rychlý. – Brno: Tribun EU, 2011. – P.89-95.
13. Dovudov G. Tajik Web Corpus [Electronic resource] / Masaryk University; Lexical Computing Ltd. – 2012. – URL: <https://www.sketchengine.eu/tajik-web-corpus/>
14. Yao Yao. A Review of Corpus-based Statistical Models of Language Variation // Proceedings of PACLIC 29. – Shanghai, 2015. – P. 11–15.

A QUANTITATIVE ANALYSIS OF COLLOQUIAL MARKERS IN THE DIALOGICAL SPEECH OF RAHIM JALIL'S NOVEL "SHURAB"

Nematzoda Muqaddas Khabib

Candidate of philological sciences, associate professor
SEI "Khujand state university named after academician B. Gafurov"
735700, Republic of Tajikistan, Khujand, Mavlonbekov passage, 1
Ph.: (+992) 92 708 66 75 (m.)
babay12082022@mail.ru

In the article, a mathematical-statistical approach to the study of colloquial markers (particles, interjections, modal words) in the dialogic speech of a 20th century Tajik literary text is proposed. Based on the second volume of Rahim Jalil's novel "Shurob" (1988), a quantitative analysis of dialogic and authorial speech was conducted using frequency distribution, normalized coefficients, and the chi-square (χ^2) criterion. Three original analytical tools (SCC, D/A, ПС) are introduced as adaptations of standard statistical approaches to Tajik literary text. Out of 10 examined colloquial markers, 8 showed statistically significant ($\chi^2 > 3.84$, $p < 0.05$) frequency elevation in dialogic speech.

Keywords: Tajik literature; colloquial speech; colloquial markers; syntax; quantitative linguistics; Rahim Jalil; "Shurob"; chi-square; dialogic speech; colloquiality index.

ТАҲЛИЛИ КВАНТИТАТИВИИ НИШОНДИҲАНДАҲОИ ГУФТУГҶҶҲИ НУТҚИ МУҲОВАРАВӢ ДАР НУТҚИ ДИАЛОГИИ РОМАНИ РАҲИМ ҶАЛИЛ «ШӢРОБ»

Неъматзода Муқаддас Ҳабиб

Номзади илмҳои филология, дотсент
МДТ «Донишгоҳи давлатии Хучанд ба номи академик Б. Гафуров»
735700, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Хучанд, гузаргоҳи Мавлонбеков, 1
Тел.: (+992) 92 708 66 75 (м.)
babay12082022@mail.ru

Дар мақола равиши математикӣ-оморӣ барои омӯзиши нишондиҳандаҳои гуфтугӯи нутқи муҳоваравӣ (заррачаҳо, нидоҳо ва калимаҳои модалӣ) дар нутқи диалогии матни бадеии адабиёти тоҷикӣ асри XX пешниҳод шудааст. Дар заминаи ҷилди дуюми романи Раҳим Ҷалил «Шӯроб» (1988) таҳлили миқдорӣ нутқи диалогӣ ва муаллифӣ бо истифода аз тақсими басомадӣ, коэффицентҳои нормализатсияшуда ва меъёри хи-мураббаъ (χ^2) анҷом дода шудааст.

Бо мақсади дақиқтар муайян намудани қонуниятҳои мушоҳидашаванда се абзори таҳлилии муаллифӣ — КСК, D/A ва ИР — пешниҳод гардидаанд, ки мутобиксозии усулҳои маъмули оморӣ ба хусусиятҳои матни бадеии тоҷикӣ мебошанд. Аз миёни 10 нишондиҳандаи мавриди омӯзиш қарордошта, 8-тои онҳо бартарӣ аз ҷиҳати оморӣ муҳимро ($\chi^2 > 3,84$, $p < 0,05$) дар нутқи диалогӣ нишон медиҳанд.

Калидвожаҳо: адабиёти тоҷик; нутқи муҳоваравӣ; нишондиҳандаҳои гуфтугӯӣ; синтаксис; забоншиносии квантитативӣ; Раҳим Ҷалил; «Шӯроб»; хи-мураббаъ; нутқи диалогӣ.

УДК 81'373.46*364-78

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ И СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КАЧЕСТВЕННЫХ ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ ТАДЖИКСКОГО ЯЗЫКА

Собиржанов Солехджан

Кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник
Институт языка и литературы имени А. Рудаки
Национальной академии наук Таджикистана
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, пр. Рудаки, 17
Тел.: (+992) 907 90 70 03 (м.)
solehjon_47@mail.ru

В статье исследуются сущность, функции, семантические и стилистические разновидности качественных вопросительных местоимений таджикского языка. Рассматриваются вопросы, связанные с различными классификациями вопросительных местоимений, представленные в учебниках академика Б.Ниёзмухаммадова и Л.Бузурзода, работах И.К.Овчинниковой, В.С.Расторгуевой, а также в грамматиках таджикского языка для высших учебных заведений. Отмечается, что, несмотря на большое количество исследований, посвящённых классификации вопросительных местоимений, по данному вопросу до сих пор не существует единой точки зрения. Наиболее интересной представляется классификация таджикских вопросительных местоимений, предложенная Х.Т.Сайфуллоевым в его кандидатской диссертации, посвящённой сравнительному исследованию вопросительных местоимений таджикского и немецкого языков.

Автор, опираясь на классификации российских ученых А.А.Шахматова, В.В.Виноградова, А.М.Пешковского и М.П.Распопова, подразделяет вопросительные местоимения на четыре группы: субстантивные (именные), качественные (адъективные), количественные (числительные) и наречные. По мнению автора статьи, данная классификация является наиболее приемлемой.

Результаты анализа показывают, что по своей структуре качественные вопросительные местоимения подразделяются на два типа: простые: *что?* (чй?), *какой?* (кадом?); составные: *какой образом?* (чй гуна?), *какого вида?* (чй хел?), *каким образом?* (чй сон?), *какого типа?* (чй навъ?). Эти местоимения используются для выражения различных вопросительных значений и оттенков, связанных с характеристикой предмета, его цветом, признаком, видом, типом, разновидностью, а также признаком действия, должностью, специальностью, профессией и родом деятельности.

По сфере употребления качественные вопросительные местоимения относятся к двум основным стилям речи: письменному (книжному) и устному (разговорному). К письменному, книжному стилю относятся местоимения: чй гуна? – какой, каким образом?; чй навъ? – какого вида, какого типа?; чй сон? – каким образом?. К разговорному стилю относятся: чй? – что?, какой?; чй хел? – какой?, каким образом?; чй тавр? – как?; кадом? – который?, какой?.

Важной особенностью качественных вопросительных местоимений является их значительная роль в выражении семантических оттенков утверждения и отрицания в вопросительных предложениях. Кроме того, они активно участвуют в формировании эмоционально-экспрессивных конструкций и способствуют усилению выразительности речи.

Ключевые слова: местоимение; вопросительные местоимения; качественные вопросительные местоимения; структура; семантика; простые местоимения; однокомпонентные конструкции; смысловые оттенки; модели.

Общеизвестно, что в большинство языков вопросительные местоимения весьма многочисленны и разнообразны, с их помощью говорящий может сформулировать вопрос самого различного содержания. Б.Ниёзмухаммадов и Л.Бузургзода выделили вопросительные местоимения в качестве отдельного разряда и разделили их, в свою очередь, на семь групп:

1. Личные вопросительные местоимения: **кӣ**?, «кто?», **киҳо**? / то же, мн. ч. / 2. Неличные вопросительные местоимения: **чӣ**? «что?», **чиҳо**? / то же мн. ч. / 3. определительное вопросительное местоимение: **кадом**? «который?». 4. Качественные вопросительные местоимения: **чӣ тавр**? (чӣ тур?), чӣ хел?, чӣ гуна?, чӣ зайл?, чӣ тарик?, чӣ ранг?, «какой?, как?». 5. Временное вопросительное местоимение: кай? «когда?». 6. Количественные вопросительные местоимения: **чӣ қадар**? «в какой степени?», **чанд**? «сколько?». 7. Причинное вопросительное местоимение чаро? «почему?» [9, с.41-42].

Необходимо отметить, что в приведенном списке не различаются вопросительные местоимения и вопросительные наречия. Они объединены в большом числе других учебников.

В.С.Расторгуева указывает на то, что таджикский язык располагает четырьмя вопросительными местоимениями в собственном смысле: **кӣ**?, **чӣ**?, **кадом**? **чанд**? В сочетании с именами типа **хел**, **гуна**, «сорт, вид», формируются составные образования **чӣ гуна**, **чӣ хел** и т.п. [11, с. 568-570].

В «Грамматике таджикского языка» они разделены. К вопросительным местоимениям отнесены: **кӣ**?, **чӣ**?, **кадом**?, **чанд**?, **чӣ гуна**?, **чӣ хел**?, **чӣ навъ**?, **чӣ тавр**?, **чӣ сон**? К вопросительным местоимениям – наречиям отнесены: кай?, кучо?, чаро?, чӣ хел?, чӣ тавр?, чӣ гуна?, чанд?. Так как чӣ хел?, чӣ тавр?, чӣ гуна?, чанд? могут относиться как к признаку предмета, так и к признаку «способ протекания действия», то они, будучи бифункциональными, входят в обе группы [3, с.99].

В «Грамматике современного таджикского литературного языка» они не разделены. К вопросительным местоимениям отнесены: **кӣ**?, **чӣ**?, **киҳо**?, **чиҳо**?, **кадом**?, **кадомҳо**, **чанд**?, **чаро**?, **ку**?, **кучо**?, **кай**?, **чӣ гуна**?, **чӣ хел**?, **чӣ навъ**?, **чӣ тавр**?, **чӣ сон**? **чӣ зайл**?, **чӣ тарика**?, **чӣ қадар**? и в их составе отмечены простые (**кӣ**?, **чӣ**?, **кадом**? **кай**?) и составные местоимения (чӣ гуна?, чӣ хел?, чӣ сон?) [4, с.164-165].

Следует отметить, что, несмотря на довольно значительное количество исследований до сих пор нет единого мнения о классификации вопросительных местоимений.

Мы полагаем, что термин «вопросительные местоимения» (пурсишҷонишинҳо) лучше всего характеризуют и местоимения, и те местоимённые наречия, которые употребляются лишь при вопросе.

Таким образом, выделяются именные вопросительные местоимения **кӣ?**, **чӣ?**; качественные вопросительные местоимения **кадом?**, **чӣ тавр?**, **чӣ хел?**, **чӣ гуна?**, **чӣ сон?**, **чӣ навъ?** и. т.п.; количественное вопросительное местоимение **чанд?**; вопросительные местоимения наречия **кучо?**, **канӣ?**, **кай?**, **чаро?**. Они употребляются самостоятельно при выражении конкретного вопроса.

Качественные вопросительные местоимения

К этой группе относятся местоимения **чӣ?**, **чӣ гуна?**, **чӣ хел?**, **чӣ тавр?**, **чӣ сон?**, **чӣ навъ?** и **кадом?** Они заменяют некоторый ряд прилагательных, все из которых неизвестны в качестве определений.

А. Вопросительное местоимение чӣ?

Как указывалось выше, вопросительное местоимение **чӣ?** по своей природе является синкретическим, оно может употребляется как вместо существительного, так и вместо имени прилагательного. И.К. Овчинникова пишет о родственном местоимении в персидском языке: «Местоимение (че) может использоваться самостоятельно (в роли главного и второстепенного членов предложения) и в атрибутивном сочетании» [10, с.269]. С определяемым данное местоимение употребляется препозитивно и соединяется с ним с помощью примыкания [Там же]. Ясно, что в этих условиях вопросительное местоимение **чӣ?** выступает вместо прилагательного и оказывается в роли определения [13, с.61].

Определение:

– Ту **чӣ корнома нишон додӣ?** – овози каси дигаре баромад [С.А., к.ч.2, с.230]. –Ты какой подвиг показал? – послышался голос другого человека.

– Хизмат мекунӣ, Дохунда? – гуфта пурсид.

– **Чӣ хизмат?**

– Чӣ буданаширо сонӣ мефаҳмӣ [С.А., к.ч.2, с.210]

“Будеш служить, Дохунда? – Что за служба? –Потом узнаёшь, что за служба?

–Ёдгор! Хабарӣ хушро шунидӣ? –вайро пешвоз кард.

– **Чӣ хабар?** – **гуфт Ёдгор** [С.А., к.ч.2, с.193].

«Ёдгор! слышал о приятном известии? – встретил его вопросом.

– Какое известие?

Воқеан, ту **чӣ дафтарча ёфтӣ?** –Дафтарча? [Ҷ.И., Шодӣ, с.39]

”Что за тетрадку ты нашёл в самом деле?

– Тетрадку?

В данных примерах вопросительное местоимение **чӣ?** использовано как синоним составного вопросительного местоимения **чӣ гуна ?**, (**чӣ гуна корнома?**, **чӣ гуна хизмат?**, **чӣ гуна хабар?**, **чӣ гуна дафтарча?**) со значением вопроса о видах действия и предмета.

Б. Вопросительные местоимения **чӣ гуна?**, **чӣ хел?**, **чӣ тавр?**, **чӣ сон?**, **чӣ навъ?**

В Грамматике таджикского языка для ВУЗов отмечено, что образованные из вопросительного местоимения **чӣ?** и существительных: **гуна**, **хел**, **тавр**, **навъ**, **сон** составные местоимения обозначают вопрос о признаке предмета, или действия, его количественных и классификационных особенностях [3, с.99].

Они близки между собой по значению, но различаются в употреблении. Чаще всего они выступают в функции определения, встречаются и составе именного сказуемого; вопросительные предложения с этими местоимениями бывают двусоставными и односоставными:

–Ин **чй хел** алаф аст? – гуфта пурсид [С.А., к.ч.1, с.432] «Это что за трава? – спросил он». – Онҳо **чй гуна** одамҳо буданд? [С.А., к.ч.1, с.159] «Что это были за люди?».

Именная часть сказуемого. – Он воқеа **чй гуна** буд? –Ман пурсидам [С.А., к.ч.3, с.153]. «Что это было за событие?» – Аҳвол дар он чо **чй гуна**? [Р. Қ., М. Д., с.25]. «Как там обстоят дела?»

Искандар. ...Рухшона **чй тавр**? [А.Қ., Таркиш, с. 24]. –Искандар. А как Рухшона?

Вопросы такого типа имеют целью определение признака лица или предмета, классификационного разряда («сорта») некоторого объекта и т.п.:

А) вопрос с целью определения признака. Использование в данном случае вопросительного местоимение **чй**? характерно не столько для литературного языка, сколько для устной речи.

–Инҳо **чй** касонанд? –гуфта пурсид ноиб [С.А., к.ч.1, с.134]. «Что это за люди? –спросил ноиб». Из составных вопросительных местоимений, определяющих признак, высокой употребительностью характеризуются **чй гуна?**, **чй хел?**, в то время как **чй тавр?**, **чй навъ?**, **чй сон?** встречаются очень редко. При этом отмечено, что **чй гуна?**, в отличие от **чй хел?**, широко употреблялось уже в текстах IX–X [12, с.157-165]. Использование этих местоимений довольно основательно различается по авторам. С.Айни, в вопросах о признаке, **сорте**, виде действия обычно употребляет **чй гуна?** Местоимение **чй хел?** в его произведениях встречается редко. С. Улугзода и Ф. Мухаммадиев так же часто используют **чй гуна?**, а у Джалола Икрами мы нередко встречаем **чй хел?**, которое преобладает в сочинениях А. Дехоти, Ф. Ниёзи и др.

Качественные вопросительные местоимения выражают различные оттенки вопроса о свойстве, признаке предмета:

–Ачиб? – гуфт ин дафъа бо чиддият Насимҷон. –**Чй хел** мардак будааст вай? Нашинохтед? –Мардак чандон ҷавон не, синнаш гузаштагӣ [Қ.И., Т.В., с.98]. «Интересно? –сказал на этот раз Насимджон серьезно. –Что он был за человек? Вы не узнали его? – Человек он был не такой молодой, возраста среднего». Аз як кас пурсида будаанд, ки «Моҳӣ **чй гуна** мешавад? ». Он ҷавоб дода будааст, ки «Моҳӣ шутур барин ду шох дорад» [С.А., к.ч.3, с.484]. – «У одного человека спросили: «Рыба какая бывает?», он же ответил, что «Рыба подобно верблюду имеет два рога». В вопросе может уточняться общественное положение человека, его функции:

– Онҳо **чй гуна** одамҳо буданд? –Яке аз онҳо ва пешрави онҳо Ҷунбул-махдум ном як одам буд... [С.А., к.ч.1, с.159].– «Что это были за люди?– Один из них, их предводитель, был человек по имени Джунбул-махдум».

Б) вопрос для определения вида, «сорта» предмета? в этой функции у С.Айни встречаются вопросительные местоимения **чй гуна?**, **чй тавр?** (а также

кадом?), Ф. Мухаммадиев использует местоимениями **чӣ гуна?**, **чӣ хел?**, другие авторы употребляют преимущественно местоимение **чӣ хел?**: –Курт. **Чӣ хел** ярокҳо дорад? [Ф.М., А.М., ч.1, с.309]. – «Курт. Какое у него вооружение?»; Курт. Дар шаҳр **чӣ гуна** қисмҳои ҳарбӣ ҳастанд?» [Ф.М., А.М., ч.1, с.309] – «Курт. Какие военные части в городе».

В) вопрос для определения признака действия формируется с помощью местоимения **чӣ?** в сочетании с различными формами глагола **кор кардан** или просто **кардан**, –в предложениях различного состава: Хуб, пас аз он **чӣ кор кардед?** – гуфта пурсидам ман [С.А., А.М., ч.1, с.158]. – Ладно, а что вы делали потом, – спросил я;

– Канӣ, гап зан, **чӣ корҳо** кардӣ? [А.Д., к., ч.2, с.69]. – Ну, скажи, что ты делал?; – Ҳа, ин зан чӣ кор карда истодааст? [Ҳ.Қ., Оқшуда, с.368]. – Да, а что делает эта женщина?

Приведенные предложения характерны как для литературно-письменного, так и для обиходно-разговорного языка. Менее употребительным и присущим разговорному стилю является **чӣ?** в непосредственном контакте с **кардан**;

Ҳа, Пансад, гуфт Махсум, –**чӣ кардед?** [Ҷ.И., Т.В., с.325]. – Ну, Пансад, – сказал Махсум, –и что же вы сделали?.

Г) вопрос для определения рода занятий (профессия, специальность) выражается словосочетанием **чӣ касб ?**, **чӣ хунар?**, **чӣ гуна касӣ?**, **чӣ гуна хунар?** «какая профессия, какая специальность» и спрягаемой формой глагола «доштан» в настоящем времени во втором и третьем лице «дорӣ, дорад»: –Падарат кист? **Чӣ касб** дорад? [С.У., С.Ҷ.М., с.265]. – «Кто твой отец? Чем он занимается (профессия, ремесло)?»; – Вай **чӣ гуна** хунару санъат дорад? [С.У., Мунтахабот, ч.3, с.422]. У него какая специальность (профессия, ремесло, искусство); Иоган. Дар армия **чӣ вазифа?** (Ф. М. АМ, 1, 309) – «Иоган. В какой он должности в армии?».

Для выражения данного вопроса вышеназванные вопросительные местоимения также могут выступать в роли сказуемого вместе со связкой, слова «касб», «хунар», «вазифа» – в роли сказуемого вместе со связкой, а слово «касб», «вазифа» – в роли подлежащего: – Касби шумо чист? [П.Т., П.Ҳ., с.171]. – «Какая у вас специальность?»; Вай худаш **чӣ кор** мекунад? **Касбаш чӣ?** – гуфта пурсидам ман аз Қосимҷон [П.Т., П.Ҳ., с.132] .«Чем он сам занимается? Какой у него род занятия (профессия)? – спросил я у Касимджона».

В вышеприведенном примере «Вай худаш **чӣ кор** мекунад?» вопрос касается рода занятия, специальности. Но в связи с тем, что в предложении вопрос носит общий характер, поэтому второе вопросительное предложение употребляется для конкретизации и пояснения вопроса.

Вопрос для определения рода занятия, профессии также выражается с помощью вопросительного местоимения-композиата **чи кора?** «кто по роду занятий?», образованного из простого местоимения **чӣ?**, существенного **кор** и суффикса – а причастия настоящего времени **кора** ныне малоупотребительные в разговорном таджикском языке. (Ср. Бекора, нокора): худи **Бакочон чикора?** Аз кучо? – пурсид Насим [Ҷ.И., Т.В., с.31].– «Сам Бакаджон чем занимается? Откуда? –

спросил Насим»; –Хўш, бародарҳо, шумоҳо аз кучо? **Ҳам чикора?** [А.Д., кл. ч.2, с.174].– «Так, братья, вы откуда и чем занимаетесь?»

Предложения с этим местоимением употребительны больше в устной речи.

Д) особый случай представляет употребление вопросительных местоимений **чӣ тавр?**, **чӣ гуна?**, **чӣ хел?**, **чӣ навъ?**, **чӣ сон?** в адverbальной функции. В этом случае они помещаются в соседстве с глаголом и выступают как обстоятельства образа действия: Аммо ба Тошканд худам танҳо ва бепул **чӣ гуна** равам? [С.У., С.Қ. Мо, с.42].– «А как же я могу поехать в Ташкент один без денег?»; –Пирам, шумо аз ин воқеа **чӣ навъ** хабардор шудед? [С.У., С.Қ. Мо, с.42].– «Почтенный, как вы узнали об этом происшествии?».

Ки ин сурат **чӣ сон** пайдо шуд ин чо?

Шудам шайдо ман аз ин рӯйи зебо! [А.Д., кл., ч.2, с.12].

«Этот портрет, каким образом появился здесь?

Я очарован этим красивым лицом!».

Вопросительные местоимения **чӣ гуна?**, **чӣ навъ?**, **чӣ сон?** «какой?, каков?, как?» свойственны книжному стилю литературного языка и в устной речи употребляются редко.

Вопросительные местоимения: **чӣ тавр?**, **чӣ хел?** «как?, каким образом?, какой?» употребляются и в устной речи, и в письменном литературном языке.

–Амакатро бо бору хар **чӣ тавр** мегузаронем? [С.У.,С.Қ.Мо, с.218].– «Так проведём (через реку) твоего дядю и осла с грузом?»; –Ту якуним пуд гандумро **чӣ хел** бардошта мебарӣ? [С.У.,С.Қ.Мо, с.218].– «Как ты поднимешь и унесешь полтора пуда пшеницы?».

Для выражения вопросов такого содержания существуют другие варианты (конструкции) вопросительных местоимений, которые свойственны устной речи: Аммо **чӣ тавр карда** аз ин ду шохид: аз Ҳалимаю модарам начот ёфт? [Қ.И.,Т.В., с.87].– «Каким образом он был спасен от двух свидетелей – от Халимы и моей матери?» Ҳамин тавр як одами мурдори вайрон **чӣ тавр шуда** муллои Когон ва сохиби шарият шуда будааст? [С.А., к.ч.1, с.143].– Каким образом «такой подлец и аморальный человек мог стать большим муллою Кагана и властителем шарията?» – Инро **чӣ хел карда** пеши ин расвоиро гирифтаи мумкин?! [Қ.И., Т.В., с.67].– «Каким образом можно предупредить эту подлость?»;–Ман **чӣ кор карда** пул ёфта метавонам? –гуфтам бо тааҷҷуб [С.А., к.ч.1, с.16]. – «Каким образом я могу заработать деньги? –сказал я с удивлением».

Вопросительные сочетания типа **чӣ тавр карда?**, **чӣ тавр шуда?**, **чӣ хел карда?**, **чӣ кор карда?** синонимичны, в какой-то мере отличаются по своими смысловым оттенкам и сферам их употребления.

Вопросительные местоимения **чӣ тариқа?** (как?, каким образом?) очень примечательны, так как они встречаются лишь в произведениях С. Айни и то редко: –**Чӣ тариқа** баробар кардӣ? –гуфт [С.А., к.ч.2, с.183].

– «Каким образом ты произвел расчёт? –сказал он; Тез бош, гӯй! **Чӣ тариқа** кардӣ? [С.А., к.ч.3, с.181].–«Торопись, сейчас же скажи! Каким образом (как) это ты сделал?»

Вопросительное сочетание **ба чӣ роҳе?** синонимично **чӣ тарик?**, **ба чӣ тариқа?**, **чӣ хел?**, **чӣ тавр?**...

Адреси маъшукаи ўро **чӣ гуна** ва **ба чӣ роҳ** ёфтаанд? [С.А., к.ч.3, с.161]. – «Как, каким образом нашли адрес его любовницы?».

Б) Вопросительное местоимение **кадом?** «какой?», «который?». С помощью данного местоимения некий предмет выделяется из ряда подобных ему. Оно употребляется как определение и помещается в препозиции к определяемому, соединяясь с ним с помощью примыкания. Предложения данного типа бывают двусоставными, односоставными эллиптическими.

Раис. Вай **кадом** масъала будааст? [Ф.А., О.М., с.41]. – «Председатель. Что это за вопрос?». Местоимение **кадом?** выступает в составе различных именных словосочетаний с предлогами и послелогами, исполняющими в предложении разные функции: – **Ба кадом** далел ўро кулак мегӯй? [С.А., к.ч.3, с.60]. – «На каком основании называешь его кулаком?»; – Ака Кудрат барин менамояд, – гуфт оқсакол; – **Кадом Кудрат?** [С.А., к.ч.2, с.253]. – «Он похож на Кудрата, – сказал старик, – На какого Кудрата?». Вопросительное местоимение **кадом?** в ряде случаев синонимично местоимению **чӣ?**: при этом употребление **чӣ?** более характерно для разговорного языка, **кадом?** – для книжно – литературного: – Хӯш, **чӣ** кори вакили Мухтор кайфатонро парронид [С.А., к.ч.2, с.343]. – «Ну, какое же действие вакили Мухтара вас расстроило?»; – **Кадом** кори болшевикон ба шумо форида? [С.А., к.ч.3, с.253]. – «Какое же действие большевиков вам понравилось?»

Характерным является также употребление вопросительного местоимения **кадом** с местоименным энклитиками **-ат**, **-аш**:

– Канӣ, **Кадома** ба пушти чарх мешинӣ? [Р.Ҷ., М.Д., с.114]. – «Ну, кто из вас сядет на колесо?»; – Пас, **кадомаш** ҳақ [Ф.М., П.К., с.121]. – «Тогда которая из них правда?»

Кадом может сочетаться и с личными местоимениями, образуя при этом местоименное словосочетание и выступая в отношении соответствующего личного местоимения в качестве определяемого: Назар ба фикри шумо, сухани **кадоми онҳо** маъкул аст? [С.А., к.ч.1, с.56]. – «Как, по – вашему, кто из них прав?»

Как определение к **кадом?** могут выступать и существительные: – Ман **кадом бачахоро** ёфта гап занам? [Ҳ.Н.М.Р., с.83]. – «Кого из ребят мне надо найти и сказать ему это?»

С. Абдурахимов показал, что в вопросительных предложениях с местоимением **кадом?** в подобном употреблении определяется один из ряда объектов, обозначенных зависимым от **кадом?** существительным во множественном числе. Он же отметил употребительность **инҳо** в функции зависимого компонента в таких словосочетаниях [2, с.30].

Основная функция вопросительного местоимения **кадом?**, как отмечалось ранее, – определение места лица или предмета среди лиц и предметов того же рода, определение признака, выделяющего лицо или предмет в этом плане: – Бойбача кучост? – гуфта пурсид. – **Кадом** бойбача? – гуфт яке аз бандиён [С.А., к.ч.1, с. 322].

–«Где байский сынок? –спросил он. –Который из байских сыновей? –спросил один из рабов».

Вопросительное местоимение **кадом? который?, какой?** также употребляется для определения должности, личности человека:

–Худи шумо **дар кадом** вазифаед? – «В какой вы сами должности?» [П.Т., П.Х., с.85].

Вопрос для определения должности выражается другой конструкцией вопросительного предложения, которая употребляется только в устной речи: –Ту дар завод **кй шуда кор** мекунй, хешомо? – пурсид ӯ. – Ман, амак, челонгар шуда кор мекунам [П.Т., П.Х., с.87]. – «Ты кем работаешь на заводе, родственничек? – Я, дядя, работаю слесарем»; –Шуморо **кй таъин** кунам? [Ҷ.О. Авроқи рангин, с.90]. – Кем назначить Вас?».

Следует указать, что речевая ситуация, изменение интонации и некоторые лексические средства превращает вопросительные предложения с качественными вопросительными местоимениями в риторический вопрос:

– Хотирчамъ бошед, набошад. –**Чй хел хотирчамъ** бошам? [Ф.М.А.М., ч.1, с.25]. – «Ну, успокойтесь. –Как же я успокоюсь?»; **Чй сон** нашносад овози дилашро? –Давоми умр, парвози дилашро? [М.Т.,кл., ч.2,с.21]. – «Как он не поймёт голос своего сердца? Полет своего сердца в дальнейшей жизни своей?»; **Ка-дом** бародар марги бародарашро хостааст?! [Ҷ.И.,Т.В., с.211]. –«Какой же брат желает смерти своего брата?» Интонация в таких случаях имеет оттенок восклицательности.

Как отмечает профессор А.И.Ефимов «экспрессивность местоимений в ряде случаев зависима от исторических изменений в языке. Некоторые из форм стареют. Это даёт основание писателям использовать их как стилизующий материал. На смену устаревшим, приходят другие слова и формы, создаются синонимические отношения» [5, с.177].

Примером данного высказывание является приятие значение вопросительного местоимения “чун” По мнению известным языковедом С.Ҳалимовом в X веке вопросительное местоимения **чун?** использовался созначением “чй тавр?” ва “чй гуна?” [14, с.63]:

*Ки ин кор **чун** буду кирдор **чун**?
Дар он беша бо хук пайкор **чун**?
Бигуфтам, ки **чунӣ** дар ин рӯзгор?
Ки дидӣ ҳама панди омӯзгор?* [Фирдавсӣ, с.241]

*Каково было дело и поведение каково?
Сражение с кабаном в лесу было каково?
Я спросил: «Как живёшь ты ныне?»
Стало ли как в наставлениях учителя?»¹*

¹ Построчный перевод автора статьи.

Профессоры М.Н.Касимова и Б.Камолетдинов проявляем эмоционально-оценочный компонент стилистического знания вопросительное местоимение отметили что: «В составе предложение вопросительные местоимения **чӣ? чӣ хел?, чӣ гуна?, чӣ қадар?, чӣ андоза?**, обозначают радость, весёлость или печаль, грусть, горестъ: **-Чӣ хел** зани хушрӯй [Ф.М., П.К., с.121]; – **Чӣ тавр** нағз! [Ҷ.И., Т.В., с.211]; эй чарх, ин **чӣ рӯзест!**; То **чӣ андоза** ба сироти аҷдоди аҷдодони худ қариб аст тинати баъзе нусаҳои бани башар! [8.с.56]. Профессор Б.Камолитдинов подчёркивает роль этих вопросительных местоимение как основной средства для выражения эмоций, выразительной, привлекательной речи [7, с.21].

В результате анализа и исследования данной тема мы пришли к следующим выводам:

Качественные вопросительные местоимения делятся по составу на простые (**чӣ?, кадом?**) и составные (**чӣ гуна?, чӣ хел?, чӣ сон?, чӣ тавр?, чӣ навъ?**).

Вопросительное местоимение **чӣ?** по своей природе является синкретическим, оно может использоваться вместо существительного и вместо прилагательного.

Качественные вопросительные местоимения **чӣ гуна?, чӣ навъ?, чӣ хел? “какой?, каков?, как?** свойственны книжному стилю литературного языка, которые употребляются редко в устной речи.

Качественные вопросительные местоимения выражают различные оттенки вопроса о свойстве, признаке предмета, они выражают вопрос, связанный с определением вида, сорта предмета, признака действия, рода занятий (профессия, специальность). Данная категория вопросительных местоимений играет определённую роль в выражении семантических оттенков утверждения и отрицания в вопросительных предложениях риторического типа.

Литература

1. Абдукодилов А., Давронов А. Слово (речь) Камол. – Худжанд, 1998. –215 с. (на тадж.яз.).
2. Абдурахимов С. Местоимённые слово сочетания. –Душанбе, Дониш, 1979.
3. Грамматика таджикского языка. Часть 1 (Фонетика и морфология): учебник для высших учебных заведений. –Сталинабад: Таджикгосиздат, 1956. –232 с. (на тадж.яз.)
4. Грамматика современного таджикского литературного языка. Т.1. Фонетика и морфология. –Душанбе: Дониш, 1983. –356 с. (на тадж.яз.)
5. Ефимов А.И. Стилистика русского языка – М.: Просвещение, 1969. – 260 с.
6. Современный таджикский литературный язык (лексикология, фонетика, морфология): учебник для филологических факультетов высших учебных заведения. –Душанбе: Просвещения, 1982. –462 с. (на тадж.яз.)
7. Камолитдинов Б. Стилистические ресурсы морфологии и синтаксиса таджикского языка. – Душанбе: Маориф, 1992. –126 с. (на тадж.яз.)
8. Косимова М.Н. и Камолитдинов Б. Сборник упражнений по синтаксису таджикского языка. –Душанбе, 1976. –113 с. (на тадж.яз.)
9. Ниёзмухаммадов Б. и Бузургзода Л. Морфология таджикского языка. – Сталинабад: Таджикгосиздания, 1941. –68 с. (на тадж.яз.)
10. Овчинникова И.К. Учебник персидского языка – М., 1966. – Ч.1. – 451 с.

11. Расторгуева В. С. Краткий очерк грамматики таджикского языка // Таджикско-русский словарь. – М.: Гос. изд-во иностран и нац. словарей, 1954. – С.568-570. (на тадж.яз.)
12. Сайфуллоев Х. Сопоставительно-типологический анализ вопросительных местоимений таджикского и немецкого языков: автореф. дис... канд. филол. наук: 10.02.02 ; 10.02.04 / Сайфуллоев Хайрулло [АН Тадж. ССР. Ин-т языка и лит-ры]. – Душанбе, 1981. – 23с. (на тадж.яз.)
13. Сияев Б. История таджикского местоимения. – Душанбе: Дониш, 1972. – 236 с. (на тадж.яз.)
14. Таджиев Д. Т. Способы связи определения с определяемым в современном таджикском литературном языке. – Сталинабад, 1955. – 72 с.
15. Халимов С. Сочинения. Т.2. – Душанбе, 2022. – 595 с. (на тадж.яз.)

STRUCTURAL, SEMANTIC, AND STYLISTIC FEATURES OF QUALITATIVE INTERROGATIVE PRONOUNS IN THE TAJIK LANGUAGE

Sobirjanov Solehjon

Candidate of philological sciences, associate professor, leading researcher

A. Rudaki Institute of language and literature

National academy of sciences of Tajikistan

734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Rudaki ave., 17

Ph.: (+992) 907 90 70 03 (m.)

solehjon_47@mail.ru

This article examines the nature, functions, semantic characteristics, and stylistic varieties of qualitative interrogative pronouns in the Tajik language. It discusses issues related to the various classifications of interrogative pronouns presented in the textbooks of academician B.Niyozmuhammadov and L.Buzurzoda, the works of I.K.Ovchinnikova, V.S.Rastorguyeva, as well as in Tajik grammar textbooks for higher educational institutions. The study emphasizes that despite the considerable number of works devoted to the classification of interrogative pronouns, no single universally accepted viewpoint has yet emerged. Particular attention is given to the classification proposed by Kh.T.Sayfulloev in his PhD dissertation devoted to a comparative study of interrogative pronouns in the Tajik and German languages.

Based on the classifications developed by A.A.Shakhmatov, V.V.Vinogradov, A.M.Peshkovsky, and M.P.Raspopov, Sayfulloev divides interrogative pronouns into four groups: substantive (nominal), qualitative (adjectival), quantitative (numeral), and adverbial pronouns.

The results of the study show that, from a structural perspective, qualitative interrogative pronouns are divided into two types: simple pronouns: What? (чӣ?), Which?/What kind? (кадом?); compound pronouns: What kind?/How? (чӣ гуна?), What sort of? (чӣ хел?), In what manner? (чӣ сон?), What type of? (чӣ навъ?). These pronouns are used to express various interrogative meanings and nuances related to the characteristics, color, attributes, type, category, variety, and nature of objects, as well as the characteristics of actions, positions, professions, specialties, and occupations.

In terms of usage, qualitative interrogative pronouns belong to two main speech styles: **written (bookish)** and **spoken (colloquial)**. The following pronouns are characteristic of the written or literary style: chi guna? – what kind?; in what way?; chi nav' – of what kind?; of what type?; chi son? – in what manner?; how?; the following pronouns are characteristic of the colloquial style: chi? – what?; which?; chi khel? – what kind?; how?; chi tavr? – how?; kadam? – which?; what kind of?;

Another important feature of qualitative interrogative pronouns is their significant role in expressing semantic shades of affirmation and negation within interrogative sentences. Moreover, they actively

contribute to the formation of emotionally expressive constructions and enhance the overall expressiveness of speech.

Keywords: pronoun; interrogative pronouns; qualitative interrogative pronouns; structure; semantics; simple pronouns; single-component constructions; semantic nuances; patterns.

ХУСУСИЯТҲОИ СОҲТОРӢ-МАӢНОӢЮ ВА УСЛУБИИ ҶОНИШИНҲОИ САВОЛИИ СИФАТИИ ЗАБОНИ ТОҶИКӢ

Собирҷонов Солеҳҷон

Номзади илмҳои филология, дотсент, ходими пешбари илмӣ
Институти забон ва адабиёти ба номи А. Рӯдакии АМИТ
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, хиёбони Рӯдакӣ, 17
Тел.: (+992) 907 90 70 03 (м.)

Solehjon47@mail.ru

Дар мақолаи мазкур моҳият, вазифа, ҳелҳои маъноию услубии ҷонишинҳои саволи сифатии забони тоҷикӣ мавриди таҳқиқ қарор гирифтаанд. Дар мақола масоили марбут ба таснифоти гуногуни ҷонишинҳои саволи ки дар китобҳои дарсии академик Бобочонниёзмухаммадов ва Л.Бузурзода, И.К.Овчиникова, В.С.Росторгуева ва грамматикаҳои забони тоҷикӣ барои мактабҳои олӣ зикр ёфтаан. Хотирнишон гардида шуда, таъкид мешавад, ки бо вучуди зиёд будани таҳқиқот оид ба таснифоти ҷонишинҳои саволи фикри ягона ба назар намерасад. Таснифоти ҷонишинҳои саволи дар рисолаи номзодии Х.Т.Сайфуллоев ки ба таҳқиқи муқоисавии ҷонишинҳои саволи забонҳои тоҷикӣ ва олмонӣ (неншӣ) бахшида шудааст, ҷолибтар ба назар мерасад.

Муаллифи рисола дар асоси таснифоти А.А.Шахматов, В.В.Виноградов, А.М.Пешковский, М.П.Распопов ҷонишинҳои саволиро ба чор гурӯҳ (исмӣ, сифатӣ, шуморавӣ, зарфӣ) ҷудо менамояд, ки ба назари мо қобили қабул аст.

Мутобиқи натиҷаи таҳлилҳо гуфтан мумкин аст, ки ҷонишинҳои саволи сифатӣ аз ҷиҳати сохт ду навъ: сода (чӣ?, кадом?), таркибӣ (чӣ гуна?, чӣ ҳел?, чӣ сон?, чӣ навъ?) буда, дар баёни маъною тобишҳои мухталифи саволи (пурсишҷонишинҳо) хусусият, ранг, аломати ашё, намуд, навъ, гуна, аломати амал, вазифа, таҳассус, мансаб, ихтисос) ба қор рафтаанд. Ҷонишинҳои саволи сифатӣ аз рӯи доираи истемолашон ба ду навъи услубҳои нутқ (хаттӣ – китобатӣ ва шифохӣ (гуфторӣ)) мутааллиқанд: ҷонишинҳои саволи сифатии чӣ гуна?, чӣ навъ?, чӣ сон? ҳоси услуби хаттӣ, китобатӣ бошанд, ҷонишинҳои саволи сифатии чӣ?, чӣ ҳел?, чӣ тавр?, кадом? ба услуби гуфторӣ (шифохӣ) мансубанд. Ҷиҳати дигари ҷолиби ҷонишинҳои саволи сифатӣ дар он зоҳир мегардад, ки он дар ифодаи тобишҳои семантикии мафҳуми тасдиқ инкор дар ҷумлаҳои саволи нақши муҳим доранд ва дар ташаккули ҷумлаҳои эҳсосию муассир низ мақоми доранд.

Калидвожаҳо: ҷонишин; ҷонишинҳои саволи; ҷонишинҳои саволи сифатӣ; сохтор; семантика; сода; яктаркиба; тобишҳои маъноӣ; қолабҳо.

УДК 811.161.1'367.625+811.222.8'367.625

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ МИКРОПОЛЕ ГЛАГОЛОВ С ВРЕМЕННЫМ ЗНАЧЕНИЕМ В РУССКОМ И ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКАХ

Каримов Нусратулло Асадуллоевич

Кандидат филологических наук,
доцент общеуниверситетской кафедры русского языка
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 93 344 62 62 (м.)
karimov.nusratullo@gmail

Статья посвящена анализу лексических средств выражения темпоральности в таджикском и русском языках с участием такого лексико-семантического разряда слов, как глагол. На основе фактического материала представлена система временных форм сопоставляемых языков, определяется их функционально-семантический потенциал. Показано, что темпоральные глаголы в русском и таджикском языках составляют значительную группу лексических единиц, охватывающих разнородные субкатегории времени. Анализ семантической структуры данных глаголов выявил, что они охватывают достаточно широкий объем темпоральных значений, организуя по способу их представления в системе глаголов разнородные семантические поля. На фоне функционально-семантических ситуаций выделены значения темпоральности русских и таджикских глаголов, определяются их содержательные и формальные признаки, характеризующие специфику функционально-семантической структуры данной категории слов.

Ключевые слова: функционально-семантическое микрополе; таджикский язык; русский язык; глагол; категория темпоральности; семантическая структура; темпоральных глаголов.

Современная наука признает троичность (настоящее, прошедшее и будущее) как одно из основных свойств времени. Однако эта теория в истории науки была не единственной. Аристотель, говоря о непрерывности как сущности движения, отмечал: «Части времени – прошлое и будущее – не существуют: первого уже нет, второго еще нет, а настоящее, в свою очередь, ускользает от нас...» [см. 7, с.38].

Формы категории времени глагола значительно различаются в русском и таджикском языках. В современном таджикском языке категория времени представляет чрезвычайно развитую систему форм. Особенно сложна в этом структура форм прошедшего времени. Так, если ограничиться временами изъявительного наклонения (*сигаи хабарӣ*), то получим следующие схемы временных систем в таджикском языке.

**Таблица 1 – Система времен глагола изъявительного наклонения
в современном таджикском языке**

№	Временные планы	Формы времени	Примеры
1а	настоящий	настоящее определенное (продолженное)	хонда истодам
1 б	настоящее – будущее	настоящее – будущее	мехонам
2 а	прошедший	простое прошедшее время	хондам
		прошедшее длительное время	мехондам
		преждепрошедшее	хонда будам
		прошедшее определенное (продолженное) время	хонда истода будам

К этим формам, которые грамматическая традиция включает в систему изъявительного наклонения, добавляются формы перфекта (неочевидные). Их четыре, указанные в нижеприведённой таблице.

**Таблица 2 – Неочевидное наклонение глагола
в современном таджикском языке**

№ п/п	Формы времени	Примеры
1.	прошедшее неочевидное время (основная форма перфекта)	хондаам
2.	неочевидное длительное время	мехондаам
3.	преждепрошедшее неочевидное время	хонда будаам
4.	неочевидное определённое (продолженное) время	хонда истода будаам

Согласно М.Т.Джабборовой [8] и И.Б.Мошееву [9], общая система времен изъявительного неочевидного наклонения таджикского глагола включает в свой состав 11 форм.

В.С.Расторгуева и А.Керимова в учебнике таджикского языка для русских школ [10] и С.Д.Арзуманов в учебнике таджикского языка для вузов [1] перфектные формы по грамматической семантике неочевидности произведённых действий и их грамматическому выражению выделяют все четыре неочевидные (перфектные формы) как особое (четвёртое) наклонение и в современном таджикском языке.

В российской науке в трудах Н.Ю.Шведовой категория времени рассматривается как одна из центральных морфологических категорий глагола, тесно связанная с семантикой высказывания и его синтаксической организацией [12].

Категорию времени она рассматривает как одну из базовых морфологических категорий глагола, обеспечивающих соотнесённость действия с моментом речи. В «Русской грамматике» подчёркивается: «Категория времени глагола выражает отношение действия к моменту речи, что указывает на её дейктическую природу и связь с коммуникативной ситуацией» [11, с.626].

Современные исследования видовременных форм глаголов русского языка опираются на модель функциональной грамматики, разработанную А.В.Бондарко [2; 3; 4; 5; 6]. Особенности этой модели в системе научных парадигм определяются разграничением двух аспектов языкового содержания: значения и его языковой репрезентации. Универсальные модели функциональной грамматики, предложенные А.В.Бондарко, представляются целесообразными для применения при обучении русскому языку как иностранному в таджикской аудитории. В русском языке система темпоральности объединяет категории вида и времени, тогда как в таджикском языке выделяются только формы времени (замон).

Временная система русского языка ограничена только формами изъявительного наклонения, так как повелительное и сослагательное наклонения категории времени в русском языке не имеют.

Наряду с известными грамматическими субкатегориями темпоральности для закрепления в языке темпоральных представлений формируются особые лексические средства, образующие лексико-семантические микрополя в системе глагола, указывающие на специфику осознания мира, на особенности ориентации того или иного народа во времени.

Грамматическими средствами категории темпоральности являются временные формы глаголов, но они, с традиционной точки зрения, являются часто недостаточным средством выражения временной соотнесенности момента порождения высказывания и времени протекания события.

Темпоральные глаголы в русском и таджикском языках представляют собой значительную группу лексических единиц, охватывающих различные субкатегории времени. Исследование их семантической структуры позволяет установить, что семантическое поле глагольной темпоральности в указанных языках отличается широтой охвата и включает разнородные семантические микрополя, систематизированные по способу репрезентации временных значений. Сопоставительный анализ с другими лексико-грамматическими средствами выражения времени свидетельствует о том, что глаголы, будучи элементами общей системы темпоральности языка, демонстрируют определённую общность в организации и системном отображении категории времени.

Анализ семантической структуры темпоральных глаголов русского и таджикского языков показывает, что выражение темпоральных отношений в структуре темпоральных глаголов организовано вокруг ниже приведенных семантических микрополей.

1. Микрополе начала действия включает глаголы, в семантической структуре которых семантический признак 'начало действия' является основным, ядерно образующим. Сюда входят следующие глаголы: *завести – огоз кардан, шурӯъ*

кардан; открыть – кушодан, лаб ба сухан кушодан, ба гап сар кардан – начинать говорить; открыться – кушода (боз) шудан; сар (шурӯ) шудан; начинаться – ибтидо ёфтан; зарождаться, наступать – иқдом кардан ба чизе – начинать, приступать к чему-либо; предпринимать что-либо; основаться – асос (таъсис, ташикл) ёфтан, барпо гиштан, бавучуд омадан и др.: Завести дело. – Парвандаро оғоз кардан; Театральный сезон открылся. – Мавсими театр сар шуд; Заседание открылось. – Маҷлис кушода шуд; Открылся новый театр. – Театри нав кушода шуд и др. А начнешь ты мысли-то свои высказывать, я и чувствую твою слабость (М.Горький. Мецане, с.44). – Аммо ҳамин ки ба баён кардани фикрҳои худ сар кардӣ, ман заифию камқувватиатро ҳис кардан мегирам (М.Горький. Мецанинҳо, с.50). Ранней весной завод начал восстанавливать виноградник (С.Улуг-зода. Утро нашей жизни, с.81). – Дар аввали баҳор завод ба обод кардани тоқзор шурӯ намуд (С.Улугзода. Субҳи ҷавони мо, с.88). И мы уже начали замечать неудобство нашего жилища на заводском дворе (букв.: Теперь мы неудобство нашего жилища начали замечать). – Акнун мо нобоби ҷои истиқоматамонро ҳам ҳис мекардагӣ шудем (С.Улугзода. Субҳи ҷавони мо, с.88); Начало тому событию, о котором надо рассказать, положил бунт Муллохола (С.Улуг-зода. Восэ, с.37). Асли воқеа аз балвои Муллохол оғоз ёфт (С.Улугзода. Восеъ, с.26). – Қарор дод, ки ҳамин шаб, пеш аз расидани сарбозони ҳисорӣ ба мадади бек, ба болои Балҷувон юрии кунад (С.Улугзода. Восеъ, с.277).

Микрополе начала действия в таджикском языке передаётся при помощи сложного глагола. В качестве именной части в составе сложных глаголов выступают существительные сар- начало (букв.: голова), оғоз- начало (букв.: открытие), шурӯ – начинание, начало. В качестве второго глагольного элемента в таких сочетаниях наиболее употребительны глаголы кардан – делать и шудан – становиться, делаться, случаться, делаться, начинаться – сар шудан, – начинать и сар кардан, начинаться (сар – голова, начало)

2. Микрополе завершения действия. Глаголы данного микрополя наиболее многочисленны. Они включают в свою семантическую структуру признак «законченности, завершения действия»: кончиться – тамом шудан; окончить – тамом кардан, хатм (буд) кардан; окончить работу – корро буд кардан; фарҷом, (анҷом) додан – заканчивать, завершать, доводить до конца; анҷом ёфтан, анҷом пазируфтан – заканчиваться, завершаться; выполняться; исполняться, осуществляться; завершить – ба анҷом расонидан, тамом кардан; ба охир (итмом) расонидан; закончить строительство – сохтмонро ба охир расонидан; завершиться – анҷом ёфтан, тамом шудан, ба охир (итмом) расидан, встреча завершилась – мусобиқа анҷом ёфт; завершающий, -ая, -ее -анҷом диҳанда, ба итмом расонанда; износить – кӯҳна кардан, пӯшида даррондан; износить обувь – пойафзолро кӯҳна кардан; износить до дыр – то пораишавӣ пӯшидан; ба анҷом (ба охир, ба итмом) расидан; анҷом (хотима) ёфтан; ба поён расидан, буд шудан; ба анҷом (ба охир, ба итмом) расонидан; окончить речь за здоровье – нутқро бо таҳсину офарин тамом кардан; окончить школу – мактабро тамом кардан; ба итмом расидан – заканчиваться, завершаться; заканчивать, завершать, доводить до конца; интиҳо ёфтан – заканчиваться,

оканчиваться; ба интиҳо расондан – доводить до конца, заканчивать; хатм кардан – оканчивать, заканчивать, завершать; кончатъ; хотима ёфтан – заканчиваться, завершаться, кончатся, прекращаться; хотима додан чизеро, кореро – положить конец чему-либо, прекращать; оканчивать что-либо; ба анҷом расондан чизеро – заканчивать, выполнять, завершать, доводить до конца что-либо; кор ба ҷое анҷомид, ки... дело закончилось тем, что...; анҷом додан, ба анҷом расондан чизеро – заканчивать, выполнять, завершать, доводить до конца что-либо; кончатся – тамом шудан; окончить работу – корро буд кардан; фарҷом додан – заканчивать, завершать, доводить до конца; анҷом назидуфта – заканчиваться, завершаться; выполняться; исполняться, осуществляться и др.: Ко мене и гости, старые приятели, перестали ходить (М.Горький. Мещане, с.34). – Ба хонаи ман меҳмонҳо, дӯстони қадимаам ҳам намеомадагӣ шуданд (М.Горький. Мешанинҳо, с.38). Вон Филипп Назаров – сын кончил учиться, взял с приданым, две тыщи в год получает... в члены управы попадёт... (М.Горький. Мещане, с.34). – Ана писари Филипп Назаров хонданро тамом карда зан гирифт, зани ҷиҳозноке гирифт, ҳар сол ду ҳазор даромад дорад... ҳозир ба маҳкама аъзо шуда истодааст (М.Горький. Мешанинҳо, с.38). Равиан закончил политехнический институт по специальности – инженер автотранспортник (Ф.Мухаммадиев. Японский иёлк, с.10). – Равиан институти политехникиро хатм карда, инженерии нақлиётҳои автомобили шудааст (Ф.Мухаммадиев. Шоҳии япон, с.370). Весной брат окончил техникум (Ф.Мухаммадиев. Японский иёлк, с.19). – Акаши ҳамон сол техникумро тамом кард (Ф.Мухаммадиев. Шоҳии япон, с.380). Робия только заканчивала десятый класс, а от женихов уже не было отбоя (Ф.Мухаммадиев. Японский иёлк, с.24). – Соле ки Робия синфи даҳумро хатм мекард, ... (Ф.Мухаммадиев. Шоҳии япон, с.385).

В таджикском языке микрополе завершения действия, в отличие от русского языка, передаётся при помощи сложных глаголов. В качестве именной части в составе сложных глаголов выступают существительные, самые разнообразные по семантике: тамом – конец, окончание, завершение, хатм – конец, окончание, анҷом – конец, окончание, завершение и др., а в качестве второго глагольного элемента в таких сочетаниях наиболее употребительны глаголы кардан – делать, шудан – делаться, станавитъся, ёфтан – находить, расонидан – доводить, и др.

3. Микрополе темпоральных глаголов с семантикой характеристики временного признака как процесса включает лексемы, отражающие различные аспекты временного действия в русском и таджикском языках. Основным семантическим ареалом данного микрополя является ‘характеристика временного действия как процесс’. Употребляясь преимущественно в переносном, чаще метафорическом значении, данные глаголы, соотносясь с реальными явлениями объективной действительности, находят выражение в ряде глагольных лексем: *отнимать* у кого-либо время — *вақти касеро гирифта*н; *занимать* чье-либо время — *вақти касеро банд* намудан; *проводить* время — *вақт гузаронидан*; *попусту тратить* время — *вақтро беҳуда гузаронидан* (равондан), *вақтро талаф* додан; *находить* время — *вақт ёфтан*; *находить возможность* — *имконият ёфтан*; а) *попусту те-*

рять время; б) пропустить срок (время); вақти сархорӣ надоштан- не иметь свободного времени, быть крайне занятым; работать без передышки – бе та-нафус кор кардан; вақт рафт – время прошло; поздно стало – дер шуд; считать время – вақт шумурдан; дақиқа шумурдан – считать минуты; показать время – вақтро нишон додан и др.: Акаи Барака аз рӯи нақшаи худ рӯзи якшанbero аз саҳар то шом бо истироҳат гузарониданӣ буд (Муҳаммадиев Ф. Шоҳии япон. Куллийт. Чилди 2, с.365) – И Барака уже заранее решил, что весь выходной с утра до вечера посвятит отдыху (Муҳаммадиев Ф. Японский шелк. Повести рассказы, с.6).

4. Микрополе продолжающегося действия *продолжают что-либо* – давом кардан ба чизе; *продолжать заниматься чем-либо*; *продолжаться, длиться, тянуться*; *продолжать* – идома додан; *возобновлять, продлевать* – давом додан, давом кунондан, тӯл додан, дарозтар кардан; б) *длиться, продолжаться, быть вечным* – давом ёфтан, давом кардан, идома ёфтан, тӯл кашидан; бақо доштан; *продолжать жить, вести жизнь* – айём ба сар бурдан, умр гузаронидан, рӯзгор аз сар гузаронидан, замона гузаронидан, умр ба сар бурдан и др.: *Надо окончательно решить, - время не ждёт* (Чехов А.П. Вишневый сад. Собрание сочинений. Т.9, с.427). *Бо як қарори қатъӣ омадан лозим, вақт мегузарад* (Чехов А.П. Вишневый сад. Собрание сочинений. Т.9, с.413). *Шояд ҳамон ҳароси «чашии бад», ҳамин норасоии маънавии акаи Барака аслан аз хурофот нест, балки аз он ҷиҳат аст, ки дар айёми кӯдакӣ ва наврасии бисёр азият кашидааст...* (Муҳаммадиев Ф. Японский шелк. Повести рассказы, с.389). *Если человеку в детстве и юности пришлось хлебнуть достаточно горя, где-то в подсознании невольно укореняется мысль...* (Муҳаммадиев Ф., Японский шелк. Повести рассказы, с.27). – *Осоии ба ӯ, ба хонаводаи ӯ ба ивази заҳмати чилсола, ранҷҳои бешумори замони ҷанг ва солҳои баъди ато шудааст* (Муҳаммадиев Ф. Шоҳии япон. Куллийт. Чилди 2, с.389). *Она прожила с ним двенадцать лет* (Муҳаммадиев, Ф. Зайнаб-биби. Повести рассказы, с.266)

В таджикском языке микрополе продолжающегося действия включает семантически сложные глаголы с производным корнем или глагольной частью, конкретнее отражающие действительность: вся жизнь, повторяемость, вечность, непрерывность, возобновление. Возникновение оттенка многократности действия у формы длительного прошедшего времени обычно бывает обусловлено наличием во фразе обстоятельственных слов: *гоҳ-гоҳ* – время от времени, *гоҳо* – иногда, *баъзан* – иногда; *гаштаю* – *баргашта* – снова и снова, *боз ва боз* – опять и опять, *дар ҳар якчанд рӯз як бор* – один раз в несколько дней, *ҳафтае як бор* – раз в неделю, *ҳар дам* – каждую минуту, *каждое мгновение* и т.д. Модифицирующим средством выражения продолжающегося действия в таджикском языке выступает глагол “додан” – *давать* в значении *продолжать* – В качестве первой, именной, части в составе сложных глаголов в таджикском языке входят: 1) существительные самые разнообразные по семантике: *давом додан* – *продолжать*, – *сӯҳбатро давом додан* – *продолжать разговор*, *корро давом додан* – *продолжать работу*, *зиндагиро давом дода* – *продолжать жизнь* и др.

5. Микрополе временной протяженности. Глаголы данной семантической группы обозначают семантический признак ‘затянувшееся, приостанавливающееся действие’, которое протекает вопреки ожиданиям: *затягиваться, отодвигаться (о сроках чего-либо) – даргузартар шудан; а) затягиваться – дер кашидан; Заседание очень затянулось. – Маҷлис хеле дер (тӯл) кашид; б) затягивать, задерживать какое-либо дело, работу; задерживать; приостанавливать – андармон шудан, банд шудан, нигоҳ доштан, таваққуф кардан, дер мондан; стало поздно; уже поздно – дер шуд, аллакай дер шуд; будет поздно – дер мешавад; Сегодня он опоздал – Ў имрӯз дер омад; времени, медлить, оттягивать, терять время; заговорить – 1. Аз гапзанӣ безор карданд. – Он всех заговорил. Серганиӣ ӯ ҳамаро безор кард. Заговариваться – 2. ҷоду (сеҳр, афсун) кардан; ба гап андармон шудан, саргарми гап шудан: Они заговорились до позднего вечера ... но к вопросу о воде присоединились вопросы о помещении для школы, о лекарствах против малярии и многие другие, и заседание затянулось до полуночи (Мухаммадиев Ф. Зайнаб-биби. Повести рассказы, с.259). – Онҳо то бевақтии шаб ба гап андармон шуданд.: Аммо ба ҷанҷоли об масъалаи бинои мактаб, доруи вараҷа ва дигар чизҳо зам шуду машварат то ними шаб кашол ёфт (Мухаммадиев Ф. Зайнаб-биби. Асарҳои мунтахаб. Ҷилди 1, с.70). Он (Равшан) действительно иногда вечерами задерживается (Мухаммадиев Ф. Японский шелк. Повести рассказы, с.11) – Модар гуфт, ки Равшан баъзан баъди кор як соат ним соат дер монда меояд ... (Мухаммадиев Ф. Шоҳии япон. Куллийт. Ҷилди 2, с.371). Гулбаҳор ба гапи модар ҳамин қадар илова кард, ки дуруст, як-ду соат дер меояд,.. (Мухаммадиев Ф. Шоҳии япон. Куллийт. Ҷилди 2, с.371). – А невестка добавила: Все так, только иногда он задерживается,... (Мухаммадиев Ф. Японский шелк. Повести рассказы, с.11); находится в ожидании; ждать, поджидать – (дар)интизор будан; ждать, ожидать – интизоришудан; ждать, ожидать – интизорӣ кашидан; заговариваться – саргармӣ гап шудан; увлекаться разговором, беседой; завираться – ба гап андармон шудан; прошагать сотню километров лесом – аз ҷангал сад километр пои пиёдагузаиштан; затягиваться, задерживаться – дер анҷомидан; увековечивать – ҷовидонӣ гардонидан, абадӣ кардан; увековечиться – ҷовидонӣ, абадӣ шудан; увековечиваться – ҷовидонӣ шудан, то абад дар хотир мондани др.: Единственное и самое яркое, что оставили эти двенадцать лет в сознании Зайнаб ... (Мухаммадиев Ф. Японский шелк. Повести рассказы, с.266). Ягона чизе ки аз ин дуvozдаҳ сол дар шуури Зайнаб мондааст, ... (Мухаммадиев Ф. Шоҳии япон. Куллийт. Ҷилди 2, с.78).*

В русском языке действие *опоздал* несет в себе семантику вины, а следовательно то, что заслуживает наказания. В таджикском аналогичное выражение *дер омад* оценивается не как нарушение порядка, а как мягкое оправдание. Различные интерпретации действия в одной и той же коммуникативной ситуации носителями русского и таджикского языков обуславливают особенности репрезентации темпоральных отношений в составе функционально-семантического поля.

6. Микрополе меры времени охватывает глаголы, характеризующие действие, явление в количественно-временном аспекте, объединяясь вокруг семан-

тического признака ‘величина, размер, степень охвата какого-либо времени’: датировать – сана гузоштан; таърих гузоштан; уточнить – тасхех (аниқ, равишан, муайян кардан), уточнить время – вақтро муайян кардан; датироваться – ба даврае таалуқ доштан; Он уточнил расположение отряда. – Ў мавқеи отрядро муайян кард. Через неделю после исчезновения Мурада Ишанкул послал к Соро сватами имама и старосту кишлака (Айни С. Повести и очерки, с.29). Баъд аз як ҳафтаи гум шудани Мурод, Эшонқулбой имому оқсақ-қоли қишлоқро пеши Соро барои завҷигӣ фиристод (Айни С. Осори баргузида. Ҷилди 2, с.345).

Анализ лингвистической специфики микрополя меры времени в русском языке выражает его семантику синтетически, а в таджикском – аналитически и сложными словами, что объясняется не столько особенностью типа языка, сколько ментальным характером мыслительной деятельности отражения внешнего мира таджиками.

5. Микрополе временного предела, ограничение действия во времени обозначают глаголы, которые объединяются вокруг семантического признака ‘временная граница чего-нибудь, ограничение действия во времени; то, что ограничивает собою время проявления чего-нибудь’: ограничиться, ограничивать, сужать, сокращать, сокращаться, ограничить, установить предел, срезать, усечь, приостановить, сдерживать, окаймлять, лимитировать, лимитироваться, сужать, сужаться, урезывать, укорачивать – итмом ёфтан, иқтифо кардан, маҳдуд шудан, маҳдуд кардан, ҳад гузоштан, танг кардан, тангтар кардан, кӯтоҳ кардан, мухтасар кардан, ихтисор кардан, танг шудан, тангтар шудан; выполнить в пределах двух-трех месяцев – дар муддати ду-се моҳ ба анҷом расондан, ограничиться во времени – дар ҳади вақти муайян маҳдуд шудан и др.: Другие отстраивались за два года, у него же строительство затянулось на все четыре... (Муҳаммадиев Ф. Японский шелк. Повести рассказы, с.11). – Дигарон дар ду сол хонаву ҷой созанд, бинокориш ӯ чаҳор сол кашила шуд (Муҳаммадиев Ф. Шоҳии япон. Куллийт. Ҷилди 2, с.371). Да-а, верно говорят, паршивую овцу надо вовремя отделить от стада (Саттор Турсун. И снег сойдёт, с.103). Эҳ, гӯсолаи рихинро сари вақт аз пода баровардан лозим будааст (Саттор Турсун. Барф ҳам мегузарад, с.131).

Микрополе темпоральности временного предела в русском и таджикском языках количественно и функционально неидентично, а грамматически, как и в предыдущем микрополе, специфично. Различия определяются принадлежностью каждого из сопоставляемых языков к разным структурным типам и мыслительной спецификой отражения действительности, существующей вне нас. В таджикском языке они выражаются при помощи сложных глаголов

6. Микрополе повторного действия: возобновление, восстановление.

Глаголы данного микрополя обозначают действия, которые объединяются вокруг семантического признака ‘привести в прежнее состояние (о чем-либо нарушенном): возобновить – аз нав барқарор (барпо) кардан, аз нав (аз сар) ҷорӣ кардан, таҷдид кардан; возобновиться – аз нав барқарор шудан, аз сар ҷорӣ шудан; восстановить – барқарор кардан; возобновить работу – корро аз нав сар кардан; возобновить знакомство – ошноиро аз нав давом додан; вос-

становить город – *шаҳрро аз нав барқарор кардан*; восстановить в должности – *ба вазифа барқарор кардан*, восстановить в памяти – *ба хотир овардан*, восстановить в правах – *ба ҳуқуқи пештара соҳиб кардан* и др.: Уже три года Мирзо Акрам днем и ночью думал о том, как вернуть потерянную чиновную должность (Улугзаде С. Восэ, с.5) – *Ду-се сол инчониб андешаи рӯзу шаби Мирзоакрамбой ин буд, ки чи навъ карда мансаби аз даст рафтаашро ба худ бозгардонад* (Улугзода С. Восэ, с.3).

В отличие от русского языка микрополе повторного действия в таджикском языке передаётся сложным глаголом. В качестве первой, именной части в состав сложных глаголов могут входить:

1) существительные, самые разнообразные по семантике; особенно употребительные существительные, обозначающие наименование действия: *барқарор* – возобновление, восстановление – *барқарор*, *барпо* – созидание, воздвижение и др., Модифицирующим средством выражения повторного действия являются глаголы *кардан* – *делать* и *шудан* – *делаться* (*становиться*).

7. В микрополе заблаговременного действия темпоральные отношения проявляются в семантическом признаке, который раскрывается в семантической структуре следующих глаголов: *заготовить* – *пешакӣ тайёр кардан*; *омода кардан*: *заготовить пропуск* – *пешакӣ рӯҳсатномаро тайёр кардан*, 2. *захира* (*тайёр*, *таҳия*) *кардан*: *заготовить дрова на зиму* – *барои зимистон ҳезум тайёр кардан*; *заготовить корм для скота* – *барои чорво ему хошок захира кардан*; *Заготавливаться* – *тайёр* (*захира*) *карда шудан*: *В чуланчике за кухней было заготовлено (сохранено) несколько мешков кукурузы и пшеницы* (Муҳаммадиев Ф. Японский шелк. Повести рассказы, с.16). – *Дар майдончаи паси оиҳона бошад, чанд халта ҷуворию гандум захира шуд* (Муҳаммадиев Ф. Шоҳии япон. Куллийт. Чилди 2, с.378).

Анализ микрополя заблаговременности действий показывает, что в таджикском языке они передаются при помощи сложных глаголов, где в качестве первой именной части выступает имя существительное: *заготовить* – *захира* (*запас*, *припасы*) + *кардан* = (букв.: *запасы делать*).

Изучение языкового материала позволило выявить два основных различия между русским и таджикским языками: различия синтетического и аналитического характера (в русском языке преобладает синтетический способ выражения, в таджикском – аналитический), а также различия в количественном соотношении языковых средств (одной лексеме русского языка часто соответствуют два компонента в таджикском языке).

Глагол как особая часть речи играет ключевую роль в вербализации временных отношений. При этом важно подчеркнуть, что именно глагол, в отличие от других частей речи, обладает наиболее широкими возможностями выражения темпоральных значений. Он активно участвует в репрезентации временных связей в структуре предикативности, устанавливая тем самым связь содержания предложения с временным аспектом объективной действительности.

Литература

1. Арзуманов С.Д., Джалолов О. Таджикский язык: учебник для вузов. – Душанбе: Ирфон, 1969. – 416с.
2. Бондарко А.В. Глагольные категории в системе функциональной грамматики. – 2-е изд. – М.: Изд. Дом ЛСК: Языки слав. культ., 2017. – 336 с.
3. Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2016. – 208 с.
4. Бондарко А.В. Темпоральность. / Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. – Л.: Наука, 1990. – 264 с.
5. Бондарко А.В. Основы построения функциональной грамматики (на материале русского языка) // Известия АН СССР. – Л.: ЛО ИЯ АН СССР, 1988. – 158 с.
6. Бондарко А.В. Функциональная грамматика. – Л.: Наука, 1984. – 136с.
7. Гайденко П.П. Понятие времени в античной философии // Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке. – М.: Прогресс – Традиция, 2006 – 464 с.
8. Джабборов М.Т. Сравнительная типология русского и таджикского языков: Неспрягаемые формы глагола в русском и таджикском языках. – Душанбе: РТСУ, 2006. – 105 с.
9. Мошеев И.Б. Грамматические категории глагола в русском и таджикском языках. – Душанбе: ДГПИ, 1983. – 132с.
10. Расторгуева В.С., Керимова А.А. Система таджикского глагола. – М.: Наука, 1964. – 291 с.
11. Русская грамматика. Т.1 / Н.Ю.Шведова, Н.С.Авилова, А.В.Бондарко, Е.Брызгунова и др. – М. 1980. – 783 с.
12. Шведова Н.Ю. Синтаксическое время // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. – 1978. – №3. – С.88-101.

FUNCTIONAL AND SEMANTIC MICROFIELD OF VERBS WITH TEMPORAL MEANING IN THE RUSSIAN AND TAJIK LANGUAGES

Karimov Nusratullo Asadulloevich

Candidate of philological sciences,
associate professor of the general university chair of the Russian language
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str., 30
Ph.: (+992) 93 344 62 62 (m.)
[karimov.nusratullo@gmail](mailto:karimov.nusratullo@gmail.com)

This article analyzes lexical means of expressing temporality in the Tajik and Russian languages, using the verb as a lexical-semantic word class. Based on factual material, the system of tense forms in the compared languages is presented and their functional semantic potential is determined. It is shown that temporal verbs in Russian and Tajik constitute a significant group of lexical units encompassing diverse subcategories of time. An analysis of the semantic structure of these verbs revealed that they encompass a fairly broad range of temporal meanings, organizing diverse semantic fields based on their representation within the verb system. Against the backdrop of functional-semantic situations, the temporal meanings of Russian and Tajik verbs are identified, and their substantive and formal features are determined, characterizing the specific functional-semantic structure of this category of words.

Keywords: functional-semantic microfield; Tajik language; Russian language; verb; category of temporality; semantic structure; temporal verbs.

МИКРОМАЙДОНИ ФУНКЦИОНАЛӢ ВА СЕМАНИКИ ФЕЪЛӢ БО МАЪНОИ ЗАМОНӢ ДАР ЗАБОНӢИ РУСӢ ВА ТОЧИКӢ

Каримов Нусратулло Асадуллоевич

Номзади илмҳои филологӣ,
дотсенти кафедраи умумии донишгоҳӣ забони русӣ
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯчаи М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 93 344 62 62 (м.)
[karimov.nusratullo@gmail](mailto:karimov.nusratullo@gmail.com)

Дар ин мақола восиҷаҳои лексикӣ ва ифодаи замонӣ дар забонҳои тоҷикӣ ва русӣ мавриди таҳлил қарор гирифта, феъл ҳамчун синфи калимаҳои лексикӣ-семантикӣ истифода мешавад. Дар асоси маводи воқеӣ низомии шаклҳои замонӣ дар забонҳои муқоисашаванда пешниҳод гардида, потенциали қорбурди маъноӣ онҳо муайян карда мешавад. Нишон дода шудааст, ки феълҳои замонӣ дар забонҳои русӣ ва тоҷикӣ як гурӯҳи муҳими воҳидҳои лексикӣро ташкил медиҳанд, ки зергурӯҳҳои гуногуни замонро дар бар мегиранд. Таҳлили сохти маъноӣ ин феълҳо маълум гардид, ки онҳо доираи ҳеле васеи маъноҳои замонино дар бар гирифта, майдонҳои семантикӣ гуногунро дар асоси ифодаи онҳо дар системаи феъл ташкил мекунад. Дар заминаи ҳолатҳои функционалӣ-маъноӣ маъноҳои феълии русӣ ва тоҷикӣ муайян гардида, хусусиятҳои моддӣ ва шаклии онҳо муайян карда мешаванд, ки сохтори ҳоси функционалӣ-маъноӣ ин категорияи калимаҳо тавсиф мекунад.

Калидвожаҳо: микромайдони функционалӣ-семантикӣ; забони тоҷикӣ; забони русӣ; феъл; категорияи замонӣ; сохтори семантикӣ; феълҳои замонӣ.

УДК 811.221.3'37

ПРОФИЛИРОВАНИЕ КОНЦЕПТА ДОМ В ШУГНАНО-РУШАНСКИХ ЯЗЫКАХ: НОМИНАЦИИ *ċīd*, *xūnā* и *mālā* В СИТУАТИВНЫХ КОНТЕКСТАХ

Некушоева Шахло Саиднуриддиновна

Старший научный сотрудник отдела памирских языков
Институт гуманитарных наук им. Б. Искандарова
Национальной академии наук Таджикистана
736002, Республика Таджикистан, Хорог, ул. У. Холдорова, 4
Тел.: (+992) 93 597 11 76 (м.)
nekushoevash@gmail.com

В статье рассматривается концепт ДОМ в шугнано-рушанской группе языков на материале номинаций *ċīd*, *xūnā* и *mālā*. Предпринимается попытка проследить, как данные единицы функционируют в разных ситуативных контекстах и какие стороны домашнего пространства они актуализируют. Материалом исследования послужил корпус из 50 контекстов, сформированный на основе анкетных данных. В работе использованы контекстуально-семантический, сопоставительный и когнитивно-интерпретативный методы анализа. Показано, что рассматриваемые номинации находятся в отношениях частичной синонимии, однако не совпадают по условиям употребления и по-разному профилируют концепт ДОМ. В результате выделяются нейтрально-пространственный и повседневно-бытовой, динамический, родовой, ценностно-символический, а также структурно-абстрактный профили. Установлено, что наиболее широкой и устойчивой номинацией выступает *ċīd*, тогда как *mālā* заметно активизируется в контекстах движения и перехода, а *xūnā* чаще занимает промежуточное положение. Согласно выводу автора статьи, концепт ДОМ в шугнано-рушанских языках представляет собой многослойную когнитивную структуру, включающую пространственный, бытовой, родовой, символический и идентификационный планы.

Ключевые слова: концепт ДОМ; когнитивная лингвистика; профилирование; шугнано-рушанская группа языков; номинация; частичная синонимия; ситуативный контекст; языковая репрезентация.

В современной лингвистике близкие по значению единицы рассматриваются не только как элементы синонимического ряда, но и как средства различного языкового осмысления одного и того же фрагмента опыта. Их формирование связано с процессами категоризации, поскольку ‘человеку свойственно сравнивать всё со всем, соответственно сходство и различие между объектами устанавливаются в процессе сравнения’ [6; 7]. В когнитивной перспективе формирование понятия рассматривается не как механическое воспроизведение готового знания, а как активный мыслительный процесс. Согласно С.А.Песиной, ‘формирование понятия носит продуктивный, а не репродуктивный характер и напря-

мую связано с рефлексией» [3, с.43]. В этом плане близкие номинации, соотносимые с концептом ДОМ, представляют интерес не только как элементы синонимического ряда, но и как разные способы его языкового осмысления. Как отмечает Н.Н.Болдырев, «значения слов ... соотносимы ... с определенными когнитивными контекстами» [1, с.25]. Именно поэтому *čīd*, *xūnā* и *mālā* рассматриваются в статье не как простые лексические дублиеты, а как номинации, по-разному актуализирующие отдельные стороны концепта ДОМ.

Существенную роль играет и метафорический механизм, позволяющий соотносить разные стороны опыта и формировать новые смысловые сближения [6, с.9]. Такой подход особенно продуктивен при анализе концепта ДОМ в шугн.-руш. языках, где лексемы *čīd*, *xūnā* и *mālā* соотносятся с общей сферой значений 'дом', 'жилище', но не совпадают ни по объёму, ни по условиям употребления. Между ними обнаруживаются отношения частичной синонимии, однако в статье они рассматриваются, прежде всего, как разные номинации концепта ДОМ, профилирующие его отдельные смысловые стороны в зависимости от типа ситуации.

Цель статьи состоит в том, чтобы проследить, как концепт ДОМ раскрывается в ситуативном употреблении лексем *čīd*, *xūnā* и *mālā*, и показать, какие аспекты домашнего пространства закрепляются за каждой из них. Отдельные стороны лексической репрезентации этого концепта уже рассматривались в ряде публикаций [2], однако в данной статье внимание сосредоточено на распределении этих номинаций по разным типам контекстов. Материал исследования основан на результатах анкетирования 50 носителей шугнано-рушанских языков. Эмпирический корпус включает 50 ситуативных контекстов, по каждому из которых фиксировалось распределение ответов между номинациями *čīd*, *xūnā* и *mālā*. Это дало возможность сопоставить, как эти формы ведут себя в сходных ситуациях, и увидеть, какая из них оказывается предпочтительнее в репрезентации концепта ДОМ.

В работе использованы контекстуально-семантический и сопоставительный методы, позволяющие проследить функционирование *čīd*, *xūnā* и *mālā* в однотипных ситуативных моделях и выявить различия в их распределении. Дополнительно привлекается когнитивно-интерпретативный подход, в рамках которого эти единицы рассматриваются как разные способы языковой репрезентации концепта ДОМ. Такой ракурс соотносится с положением о том, что описание семантики языковой единицы возможно через анализ репрезентируемого ею концепта [5, с.4]. Следует добавить, что впервые на шугн.-руш. материале концепт ДОМ рассматривается как система смыслов, которые проявляются по-разному в зависимости от ситуации и выбора номинации – *čīd*, *xūnā* или *mālā*.

Для наглядности ниже приводятся наиболее показательные контексты, отражающие распределение номинаций *čīd*, *xūnā* и *mālā* в разных ситуативных зонах концепта ДОМ:

**Таблица 1 – Распределение номинаций *čīd*, *xūnā* и *mālā* в
Репрезентативных ситуативных контекстах концепта ДОМ**

№	Профиль / ситуация	Пример 1	Пример 2
1	Нейтрально-пространственный и повседневно-бытовой / состояние дома, домашний уклад	<i>Wef čīd-(y)and osoyači.</i> У них в доме покой. [<i>čīd</i> / <i>xūnā</i> / <i>mālā</i> : 45 / 5 / –]	<i>Xu čīd-(y)en obod čūd.</i> Они привели в порядок свой дом. [<i>čīd</i> / <i>xūnā</i> / <i>mālā</i> : 41 / 9 / –]
2	Дом как пространство движения, перехода и возвращения / вход, уход, возвращение	<i>Tar čīd deδ-et!</i> Заходите в дом! [<i>čīd</i> / <i>xūnā</i> / <i>mālā</i> : 41 / – / 9]	<i>Derum tar čīd yat.</i> Я вернулся домой поздно. [<i>čīd</i> / <i>xūnā</i> / <i>mālā</i> : 34 / 4 / 12]
3	Дом как место жизни, родовой принадлежности и преемственности / взросление, родовая связь	<i>Mu ziryoт-en-en wi čīd-(y)and yullā sat.</i> Мои дети выросли в его доме. [<i>čīd</i> / <i>xūnā</i> / <i>mālā</i> : 46 / 4 / –]	<i>Kid čīd mu boband.</i> Этот дом моего деда. [<i>čīd</i> / <i>xūnā</i> / <i>mālā</i> : 50 / – / –]
4	Ценностный и символический профиль дома / сакральность, высокая оценка	<i>Čīd buzurg joy.</i> Дом — святое место. [<i>čīd</i> / <i>xūnā</i> / <i>mālā</i> : 50 / – / –]	<i>Wird wi čīd biyīxī vud.</i> Для него дом был райским местом. [<i>čīd</i> / <i>xūnā</i> / <i>mālā</i> : 45 / 3 / 2]
5	Дом как структурно организованный объект и как абстрактная точка самоотнесения / конструкция, память о доме	<i>Čīd-and pīnz sitan.</i> В доме пять столбов. [<i>čīd</i> / <i>xūnā</i> / <i>mālā</i> : 50 / – / –]	<i>Ar joyum cavud mu čīd tu bayod vud.</i> Где бы я ни был, я помнил о доме. [<i>čīd</i> / <i>xūnā</i> / <i>mālā</i> : 41 / 9 / –]

Анализ анкетного материала показывает, что в шугн.-руш. языках концепт ДОМ не представлен как семантически однородное целое. Его языковая репрезентация через номинации *čīd*, *xūnā* и *mālā* ‘дом’, ‘жилище’ обнаруживает внутреннюю дифференциацию и позволяет выделить несколько устойчивых профилей, связанных с разными типами осмысления домашнего пространства. В последующем изложении рассматриваются нейтрально-пространственный и повседневно-бытовой профиль концепта ДОМ, дом как пространство движения, перехода и возвращения, дом как место жизни, родовой принадлежности и преемственности, ценностный и символический профиль дома, а также дом как струк-

турно организованный объект и как абстрактная точка самоотнесения. Такое деление материала показывает, какие стороны концепта ДОМ выходят на первый план в разных ситуациях и как в них распределяются близкие по значению номинации *čīd*, *xūnā* и *mālā*.

В аналитической части статьи в каждом примере используется та номинация, которая по данным анкетирования оказалась наиболее предпочтительной в контексте. Альтернативные формы приводятся после перевода в скобках, где знак «+» обозначает допустимость соответствующей замены, а знак «–» её недопустимость. Такое оформление наглядно показывает распределение *čīd*, *xūnā* и *mālā* и помогает связать каждое высказывание с тем профилем концепта ДОМ, который в нём реализуется.

Анализ анкетного материала показывает, что одним из наиболее устойчивых профилей концепта ДОМ в шугн.-руш. языках является нейтрально-пространственный и повседневно-бытовой профиль. В таких контекстах дом осмысливается прежде всего, как обычное пространство проживания, внутреннего состояния и домашнего уклада. Это особенно ясно видно в высказываниях *Wef čīd-(y)and yām* ‘У них в доме траур’ (*xūnā* +, *mālā* –), *Mu čīd-(y)and disga gāp nist* ‘В моём доме нет таких разговоров’ (*xūnā* +, *mālā* –), *Wef čīd-(y)and osoyaxi* ‘У них в доме покой’ (*xūnā* +, *mālā* –), *Wef čīd torikistūn* ‘В их доме темно’ (*xūnā* +, *mālā* +), *Tar čīd qarori vud* ‘В доме было тихо’ (*xūnā* –, *mālā* +). Во всех этих примерах дом выступает как внутренняя среда жизни, с которой соотносятся эмоциональная атмосфера, повседневные нормы и общее состояние домашнего пространства. При этом именно *čīd* последовательно занимает сильную позицию как основная номинация дома в его нейтральном и обжитом осмыслении. *Xūnā* в подобных ситуациях, как правило, сохраняет ограниченную допустимость, тогда как *mālā* либо не поддерживается вовсе, либо появляется лишь в части контекстов, не вытесняя ведущей роли *čīd*.

Тот же профиль раскрывается и в контекстах, связанных с повседневным укладом и бытовыми практиками. Ср.: *Xu čīd-(y)en obod čūd* ‘Они привели в порядок свой дом’ (*xūnā* +, *mālā* –), *Soro xu čīd čidīr δīd* ‘Соро чистит свой дом (от сажки)’ (*xūnā* –, *mālā* +), *Māš čīd-anden tar memūn fekwaxt xuš* ‘В нашем доме гостям всегда рады’ (*xūnā* +, *mālā* –), *Fukaḡen tar čīd xēvzin vad* ‘Все в доме спали’ (*xūnā* –, *mālā* +), *Yā xu kūdaken qati pi mālā-(y)and red* ‘Она осталась с детьми дома’ (*čīd* +, *xūnā* +). Здесь дом предстает уже не просто как место пребывания, а как организованное пространство ежедневной жизни, где поддерживается порядок, принимают гостей, отдыхают, остаются с детьми, совершают обычные домашние действия. В большинстве таких контекстов ведущей остается номинация *čīd*, однако материал показывает, что в отдельных ситуациях повседневного пребывания внутри дома позиции *mālā* могут усиливаться. Это значит, что даже внутри бытового профиля номинации распределяются неравномерно: при общей доминанте *čīd* в ряде контекстов дом осмысливается более конкретно и пространственно.

К этому же профилю примыкают высказывания, в которых дом выступает как ближайшая жизненная опора и предмет внутренней привязанности: *Xu čīd-ta*

nigābūniyen ‘Свой дом нужно беречь’ (*xūnā* +, *mālā* –), *Uzum xu ċīd ti dargil* ‘Я скучаю по своему дому’ (*xūnā* +, *mālā* –), *Ar joyum cavud mu ċīd mu bayoð vud* ‘Где бы я ни был, я помнил о доме’ (*xūnā* +, *mālā* +), *Kūdakard wi nān at wi ċīd-en sar darkor* ‘Для ребёнка самое важное его мама и его дом’ (*xūnā* –, *mālā* –). В этих примерах повседневно-бытовой профиль уже соприкасается с ценностным, однако дом по-прежнему мыслится прежде всего, как своё, близкое и жизненно необходимое пространство. В этом круге ситуаций концепт ДОМ раскрывается через обжитость, внутренний порядок, эмоциональную привязанность и устойчивость домашнего уклада.

Особый профиль концепта ДОМ выявляется в тех контекстах, где дом осмысливается через движение и пространственную направленность. В этой группе ситуаций на первый план выходит не внутренняя жизнь дома, а его функция ориентира, конечной точки, исходного пункта или границы, которую пересекают. Именно в этих контекстах различия между *ċīd*, *xūnā* и *mālā* видны особенно ясно, потому что выбор формы здесь прямо связан с движением и пространственной направленностью высказывания. Показательны в этом отношении примеры *Tar ċīd-en ded xu nost-en* ‘Вошли в дом и уселись’ (*xūnā* –, *mālā* +), *Tar ċīd ded-et!* ‘Заходите в дом!’ – как формула приглашения в дом (*xūnā* –, *mālā* –), *Subūmullo-yað-i ŷal as ċīd-(y)and xu ca binēšċ* ‘Ещё ранним утром он покинул дом’ (*xūnā* –, *mālā* +), *xūmardam tar ċīd firīpt* ‘К вечеру дошли до дома’ (*xūnā* +, *mālā* +), *Derum tar ċīd yat* ‘Я вернулся домой поздно’ (*xūnā* +, *mālā* +). Во всех этих случаях дом выступает как точка движения: в него входят, к нему идут, его покидают, к нему возвращаются. На этом фоне особенно заметно усиление позиций *mālā*, тогда как *xūnā* либо вовсе не поддерживается, либо сохраняет значительно более слабую допустимость. По этим данным видно, что *mālā* в таких случаях заметно сильнее связана с пространственным профилированием дома, чем в нейтрально-бытовых контекстах.

Тот же принцип сохраняется в ситуациях, где движение связано с порогом дома, входом внутрь или доступом в домашнее пространство. Ср.: *Yu kud tar ċīd dedow na-lāxixī* ‘Собака не пускает в дом’ (*xūnā* +, *mālā* +), *Niwenc-en tar ċīd weðd* ‘Невесту ввели в дом’ (*xūnā* +, *mālā* +), *Tar ċīd dedow qati ta salūmen* ‘Когда входят в дом, принято здороваться’ (*xūnā* –, *mālā* –), *ċīd-en patewd xu toyden tar xār* ‘Они оставили дом и уехали в город’ (*xūnā* –, *mālā* –). Здесь дом предстаёт как пространство с отчётливо выраженной границей, пересечение которой имеет бытовое, социальное, а в отдельных случаях и ритуально маркированное значение. Особенно показателен пример с введением невесты в дом: движение в таком контексте остаётся пространственным по своей основе, но одновременно получает культурную нагрузку. Однако и здесь решающим остаётся не внутреннее устройство дома, а сам акт перехода через его границу. Именно поэтому распределение номинаций в подобных примерах заметно отличается от их поведения в повседневно-бытовом профиле.

К этому же кругу относятся высказывания, в которых дом выступает как видимый ориентир или пространственно закреплённый объект: *Bād as faroyat wi ċīd mis namoyūn sut* ‘После долгой дороги он увидел свой дом’ (*xūnā* +, *mālā* +), *Wef*

čīd bar ti vud ‘Их дом стоял на холме’ (*xūnā* –, *mālā* –), *Dāō ta tar xu čīd qadam ded nalāk-en* ‘Они в свой дом не пускают никого’ (*xūnā* +, *mālā* –). В таких контекстах дом осмысляется как конечная точка движения, как внешний ориентир и как пространство, доступ в которое может быть открыт или закрыт. Материал показывает, что в шугн.-руш. языках дом имеет особый динамический профиль: это не только место жизни, но и пространственный центр, вокруг которого выстраиваются вход, выход, приближение, возвращение и пороговые действия. Именно здесь различия между *čīd*, *xūnā* и *mālā* становятся особенно заметными: *mālā* гораздо легче входит в контексты движения и перехода, чем в нейтрально-пространственные и повседневно-бытовые ситуации.

В контекстах, связанных с домом как местом жизни, родовой принадлежности и преемственности, концепт ДОМ уже не сводится к нейтральному обозначению жилища, а получает биографическое, семейно-родовое и межпоколенное содержание. В этом плане показательно наблюдение Е.А.Потураевой о том, что «дом как здание и дом как семья оказываются настолько слитны и неотделимы друг от друга, что иногда трудно разграничить четко эти значения» [4, с.62]. Дом здесь предстает не просто как пространство повседневного пребывания, а как место, в котором проходит жизнь человека, с которым связываются взросление, длительное проживание, чувство «своего» и память о семейном присутствии. Это видно в примерах *Yu mu čīd-and yulā sut* ‘Он вырос в моем доме’ (*xūnā* –, *mālā* –), *Mi čīd-and yu daroz waxt zindagi čūd* ‘В этом доме они прожили много лет’ (*xūnā* +, *mālā* +), *Yam čīd wird xudi vud* ‘Этот дом стал для него родным’ (*xūnā* –, *mālā* –), *Yam čīd bādi wef tīdow xoli sut* ‘Дом опустел после отъезда семьи’ (*xūnā* +, *mālā* –). Во всех этих высказываниях дом осмысляется как длительно обживаемое пространство, в пределах которого разворачивается человеческая жизнь и накапливается личная и семейная память. Характерно, что здесь при сохранении ведущей позиции *čīd* допустимы и *xūnā*, и *mālā*, однако именно *čīd* остаётся наиболее естественной формой для обозначения дома как жизненно освоенного пространства.

Особую значимость этот профиль приобретает там, где дом прямо связывается с семьёй, родом и принадлежностью. Показательны в этом отношении примеры *Yam wef dod čīd* ‘Это дом его отца’ (*xūnā* –, *mālā* –), *Kata-čīd yalaθ yast* ‘Дом предков сохранился до сих пор’ (*xūnā* –, *mālā* –), *Yu tar xu čīd gaxī čūd* ‘Он вернулся в родной дом’ (*xūnā* +, *mālā* +), *Yam čīd as nasl ba nasl meros sut* ‘Дом передавался из поколения в поколение’ (*xūnā* +, *mālā* –). Здесь дом уже не сводится к функции места проживания. Он выступает как знак происхождения, как пространство отцовской линии, как объект наследования и как форма межпоколенной преемственности. Особенно показателен пример *Kata-čīd yalaθ yast*, где употребляется только *čīd*: в таком контексте дом предков мыслится не как любое жилище, а как культурно и родowo закреплённый дом, тесно связанный с представлением о lineage и исторической непрерывности семьи.

На этом фоне особенно важен пример возвращения: *Yu tar xu čīd gaxī čūd* ‘Он вернулся в родной дом’ (*xūnā* +, *mālā* +). В отличие от контекстов простого движения, где дом выступает главным образом как пространственная точка прибы-

тия, здесь возвращение имеет иную смысловую нагрузку. Оно связано не только с перемещением, но и с восстановлением связи со «своим» пространством, с родовой и биографической укоренённостью. Поэтому в данном типе высказываний дом профилируется уже не как локус входа или выхода, а как место принадлежности и внутренней соотнесённости человека с семьёй и прошлым.

Таким образом, в этой группе контекстов концепт ДОМ раскрывается как место жизни, родовой принадлежности и преемственности. Если в нейтрально-пространственном и повседневно-бытовом профиле дом выступал прежде всего, как среда проживания, а в динамическом профиле как точка движения и перехода, то здесь он предстает как «свой» дом, связанный с отцом, предками, возвращением и наследованием. Именно в таком употреблении особенно ясно проявляется социальная и родовая глубина концепта ДОМ в шугн.-руш. языках.

В ценностно-символических контекстах концепт ДОМ окончательно выходит за рамки нейтрального обозначения жилища и приобретает выраженное культурное и аксиологическое содержание. Здесь дом осмысливается не только как пространство жизни, но и как место особого статуса, связанное с представлениями о святости, защите и внутренней значимости. Наиболее показателен в этом отношении пример *čīd buzurg joy* 'Дом — святое место' (*xūnā* –, *mālā* –). В данном случае употребляется только *čīd*, и это особенно важно: сакральный статус дома закрепляется не за любой близкой номинацией, а именно за той формой, которая в материале чаще всего соотносится с домом как с целостным, освоенным и культурно значимым пространством. Близкую смысловую направленность имеет и высказывание *čīd māš nigābūn* 'Дом защищает человека' (*xūnā* –, *mālā* –), где дом выступает уже не как пассивное место пребывания, а как охраняющая и поддерживающая сила. В таких контекстах ДОМ понимается уже не как просто жилище, а как пространство особой ценности и внутренней силы, значимое для человека и в бытовом, и в мировоззренческом плане.

С этим же кругом значений соотносится уважительное и бережное отношение к дому. Однако здесь распределение номинаций оказывается менее однородным. Так, в примере *xi xūnā ta urmat-en* 'Дом нужно уважать' (*čīd* +, *mālā* –) ведущей оказывается уже форма *xūnā*. Это важно, поскольку показывает: аксиологическое осмысление дома в шугн.-руш. материале не сводится к одной и той же модели. Если в высказываниях о святости и защитной силе дом естественно обозначается через *čīd*, то в контексте нормы уважения на первый план выходит *xūnā*, то есть номинация, допускающая более выраженное соотнесение с домашним укладом и внутренним порядком. В том же направлении работает и пример *Xu čīd-ta nigābūniyen* 'Свой дом нужно беречь' (*xūnā* +, *mālā* –), где дом предстает как ценность, требующая сохранения. Таким образом, ценностный профиль концепта ДОМ включает не только идею святости, но и представление о доме как об объекте заботы, охраны и нравственного отношения.

Символическое наполнение этого профиля особенно ясно проявляется в контекстах, где дом связывается с высшей оценкой или ритуальным действием. Ср.: *Wird wi čīd biyīxi vud* 'Для него дом был райским местом' (*xūnā* –, *mālā* –), *Bobingi čīd fukardaš šīrīn* 'Дедовской дом всем дорог' (*xūnā* –, *mālā* –), *čīd mīzd-and-en*

doyim xidooyi ċīd ‘Раньше при постройке дома совершали жертвоприношение’ (*xūnā – , mālā –*), *Puxtānen as ċīd-(y)and ziwost* ‘Они вынесли из дома жертвенное угощение’ (*xūnā + , mālā –*). В первом случае дом получает почти метафизическую оценку и соотносится с образом рая; во втором выступает как эмоционально и культурно значимое наследуемое пространство; в третьем и четвертом включается в ритуальную практику. Показательно, что во всех этих контекстах именно *ċīd* оказывается основной номинацией, тогда как другие обозначения жилища либо не входят в такую сочетаемость, либо заметно уступают ей. Это ещё раз показывает, что в аксиологически и ритуально маркированных высказываниях *ċīd* занимает центральное место в языковой репрезентации концепта ДОМ. Именно в таких контекстах особенно ясно видно, что концепт ДОМ в шугн.-руш. языках включает устойчивый ценностный и символический слой и не сводится к простому обозначению жилища. Здесь концепт ДОМ раскрывается в двух взаимосвязанных планах: как устроенное жилое пространство и как свой дом, связанный с семьёй, принадлежностью и внутренней укоренённостью.

Материально-пространственный аспект этого профиля ясно проявляется в высказываниях *ċīd-and pīnz sitan* ‘В доме пять столбов’ (*xūnā – , mālā –*), *ċīd-and yast kicor* ‘В доме есть очаг’ (*xūnā – , mālā –*), *ruḫ-i ar ċīd ruḫ-va deḏd* ‘Свет в дом попадает сверху’ (*xūnā – , mālā –*), *yam ċīd piro ċad-en dastūr mizjin* ‘Дом построен по старым правилам’ (*xūnā – , mālā –*). В этих примерах дом выступает как вещно организованная структура, описываемая через её опорные элементы, внутреннее устройство и традиционный способ постройки. Особенно показательно, что в контекстах, связанных со столбами, очагом и верхним светом, употребляется именно *ċīd*, тогда как *xūnā* и *mālā* не поддерживаются. Это позволяет видеть в *ċīd* основную номинацию дома как целостного архитектурно освоенного пространства, а не просто места проживания. Даже там, где альтернативные формы формально допускаются, как в примере со старыми правилами постройки, именно *ċīd* сохраняет за собой наиболее естественную связь с представлением о доме как о традиционно устроенном объекте.

Однако этим данный профиль не исчерпывается. В ряде контекстов дом утрачивает предметную конкретность и начинает выступать как форма внутренней самоидентификации. Об этом свидетельствуют примеры *wād-en ċīd jamaāt vad* ‘Они были членами одной семьи’ (*xūnā – , mālā –*), *yu xu ċīd-and xu is kixt* ‘Он чувствует себя дома’ (*xūnā + , mālā –*), *ar-jo tu ċīd kamand tu dil* ‘Где твой дом, там и твоё сердце’ (*xūnā – , mālā –*). Здесь дом уже не обозначает конкретное строение в собственном смысле слова. Он соотносится с семейной общностью, с ощущением внутреннего покоя и со сферой глубокой личной привязанности. Особенно показательно последнее высказывание, где дом напрямую соотносится с сердцем: в таком контексте он выступает как место эмоционального центра человека, как пространство его подлинной принадлежности. Именно поэтому в этих примерах снова доминирует *ċīd*, тогда как *xūnā* и *mālā* либо вовсе не допускаются, либо резко ограничиваются.

Таким образом, в данном круге контекстов концепт ДОМ объединяет два смысловых плана. С одной стороны, он мыслится как конструктивно организо-

ванное пространство со своими опорными элементами и традицией постройки; с другой как внутренняя точка самоотнесения, через которую выражаются чувство «своего», семейная общность и эмоциональная укоренённость. Это важно для логики статьи, потому что показывает: ДОМ в шугн.-руш. языках охватывает и материальную организацию пространства, и внутреннюю связь человека с этим пространством.

Проведённый анализ показывает, что в шугн.-руш. языках концепт ДОМ не сводится к простому обозначению жилища. Номинации *čīd*, *xūnā* и *mālā*, находясь в отношениях частичной синонимии, распределяются по-разному и профилируют разные стороны домашнего пространства. Наиболее широкой и устойчивой формой выступает *čīd*, связанная с повседневным, родовым, ценностным и структурным осмыслением дома, тогда как *mālā* заметно активизируется в контекстах движения, перехода и пространственной направленности, а *xūnā* в большинстве случаев занимает промежуточное положение. Таким образом, концепт ДОМ предстает как многослойная когнитивная структура, в которой соединяются пространственный, бытовой, родовой, символический и внутренне-идентификационный планы.

Литература

1. Болдырев Н. Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – №1. – С.18-36.
2. Некушоева Ш.С. Ситуативное применение синонимичных единиц относительно понятия 'дом' // Известия АН Республики Таджикистан. Серия Филология и востоковедение. – 2010. – №2. – С.95-111.
3. Песина С. А. Когнитивные механизмы профилирования профессионального знания: формирование понятий // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – №24 (239), вып. 57. Филология. Искусствоведение. – С.43-45.
4. Потураева Е.А. Метафорические обозначения концепта ДОМ в русской языковой картине мира // Язык и культура. – 2010. – №1 (9). – С.58-73.
5. Стернин И.А. Методы исследования семантики слова. – Ярославль: Истоки, 2013. – 33 с.
6. Теория метафоры: сборник / пер. с англ., фр., нем., польск. яз.; вступ. ст. и сост. Н.Д.Арутюновой; общ. ред. Н.Д.Арутюновой и М.А.Журиной. – М.: Прогресс, 1990. – 512 с.
7. Шумилова А.А. Лексическая синонимия: традиционное и когнитивное видение проблемы // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – №22 (160). Филология. Искусствоведение. Вып. 33. – С.144-148.

**IDENTIFYING DIFFERENT ASPECTS OF THE HOUSE CONCEPT
IN THE SHUGHNANI-RUSHANI LANGUAGES: THE NOMINATIONS *ĀĪD*,
XŪNĀ AND *MĀLĀ* IN DIFFERENT CONTEXTS OF USE**

Nekushoeva Shakhlo Saidnuriddinova

Senior researcher of the department of Pamir languages
Institute of humanities named after B. Iskandarov
National academy of sciences of Tajikistan
736002, Republic of Tajikistan, Khorog, U. Kholdorov str., 4
Ph.: (+992) 93 597 11 76 (m.)
nekushoevash@gmail.com

The article examines the profiling of the concept HOME in the Shughni-Rushani languages through the nominations *āīd*, *xūnā*, and *mālā*. The aim of the study is to trace how these units' function in different situational contexts and which aspects of home space they bring to the foreground. The material is based on a corpus of 50 contexts collected from questionnaire data. The study employs contextual-semantic, comparative, and cognitive-interpretive methods. The analysis shows that the units under consideration are related by partial synonymy, yet they differ in usage conditions and profile the concept HOME in different ways. As a result, the study identifies neutral-spatial and everyday, dynamic, kinship-based, value-symbolic, and structural-abstract profiles. It is established that *āīd* is the broadest and most stable nomination, while *mālā* becomes more active in contexts of movement and transition, and *xūnā* most often occupies an intermediate position. The article demonstrates that the concept HOME in the Shughni-Rushani languages is a multi-layered cognitive structure that includes spatial, everyday, kinship, symbolic, and identity-related dimensions.

Keywords: concept HOME; cognitive linguistics; profiling; Shughni-Rushani languages; nomination; partial synonymy; situational context; linguistic representation.

**МУАЙЯНСОЗИИ ПАҲЛУҶОИ КОНСЕПТИ ХОНА ДАР ЗАБОНҶОИ
ГУРҶҶИ ШУҒНОНӢ-РУШОНӢ: НОМИНАТСИЯҶОИ *ĀĪD*, *XŪNĀ* ВА
MĀLĀ ДАР КОНТЕКСТҶОИ МУХТАЛИФИ ИСТИФОДА**

Некушоева Шахло Саиднуриддиновна

Ходими калони илмӣ шуъбаи забонҳои помири
Институти илмҳои гуманитарӣ ба номи Б. Исқандаров
Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон
736002, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Хоруғ, кӯчаи У. Холдоров, 4
Тел.: (+992) 93 597 11 76 (м.)
nekushoevash@gmail.com

Дар мақола муайян сохтани паҳлӯҳои гуногуни концепти ХОНА дар гурӯҳи забонҳои шуғнонӣ-рушонӣ дар заминаи номинатсияҳои *ētd*, *xīnā* ва *mālā* мавриди баррасӣ қарор гирифтааст. Ҳадафи таҳқиқот муайян намудани он аст, ки воҳидҳои мазкур дар контекстҳои мухталифи истифода чӣ гуна амал мекунанд ва кадом ҷанбаҳои фазои хонагиро ифода менамоянд. Маводи таҳқиқотро корпуси иборат аз 50 контекст ташкил медиҳад, ки дар асоси маълумоти саволнома ҷамъоварӣ шудааст. Дар мақола усулҳои контекстуалӣ-семантикӣ, муқоисавӣ ва когнитивӣ-интерпретативӣ истифода шудаанд. Таҳлил нишон медиҳад, ки номинатсияҳои мавриди назар дар муносибати синонимияи қисман қарор доранд, вале аз рӯи шароити истеъмол ва тарзи ифодаи концепти ХОНА аз ҳамдигар фарқ мекунанд. Таҳлилҳо нишон доданд, ки *ētd* ҳамчун номинатсияи фарогир ва устувортарин баромад мекунад, дар ҳоле ки *mālā* бештар дар контекстҳои ҳаракат ва гузариш ғайб мегардад ва *xīnā* бештар мавқеи миёнаро ишғол мекунад. Дар натиҷа навъҳои фазои бетараф ва рӯзмарра-маишӣ, динамикӣ, авлодӣ, арзишӣ-рамзӣ, инчунин сохторӣ-абстраксии бознамоии концепт муайян гардидаанд. Мақола нишон медиҳад, ки концепти ХОНА дар забонҳои гурӯҳи шуғнонӣ-рушонӣ сохтори бисёрқабатаи когнитивиро ташкил медиҳад, ки ҷанбаҳои зикришударо дар бар мегирад.

Калимаҳои калидӣ: концепти ДОМ; лингвистикаи когнитивӣ; муайянсозии паҳлӯҳои концепт; забонҳои шуғнону рушонӣ; номинатсия; синонимияи қисман; контексти истифода; бознамудсозии забонӣ.

УДК 811.161.1'373+811.161.1'36

**КОРПУСНЫЙ АНАЛИЗ КАК ИНСТРУМЕНТ ИССЛЕДОВАНИЯ
ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТИПАЖА (НА ПРИМЕРЕ ЛКТ
«РУССКАЯ ЖЕНА»)**

Козлова Ольга Леонидовна

Преподаватель кафедры теоретического и прикладного языкознания
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734054, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 907 10 82 29 (м.)
olga108229@gmail.com

Язык – это сокровищница культуры, которая хранит знания о национальном характере, образе жизни и менталитете народа. Эти знания находят фиксацию в различных формах речи: устной и письменной. Поэтому лингвист при изучении языковых явлений и особенностей их реализации в речи в качестве материала для анализа выбирает текст. Продуктом научно-технического прогресса, облегчающим кропотливый труд лингвиста, связанный с поиском материала для будущего исследования, можно считать национальные корпуса текстов – структурированные и определенным образом размеченные массивы культурно-значимых текстов в электронном виде, созданных на национальном языке, с целью проверки лингвистических теорий и выдвижения новых на базе анализа внушительного языкового материала.

Предметом изучения статьи являются языковые средства объективации лингвокультурного типажа «русская жена» в текстах Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Основная цель в рамках данной статьи – показать возможности корпуса в исследовании лингвокультурного типажа – узнаваемого образа определённой лингвокультуры: с одной стороны, как материала для последующего анализа, с другой стороны, как инструмента исследования его различных сторон – понятийной, образной и ценностной.

В ходе исследования было установлено, что корпусный анализ может применяться на всех этапах изучения типажа и служить эффективным инструментом выявления его этноспецифических черт. Количественный анализ позволяет привести статистические данные по многим параметрам: частотность ключевых слов, частотность встречаемости в текстах разных видов, регулярность употребления в тех или иных сферах функционирования, сочетаемость с другими словами и многое другое. Качественный анализ эффективно используется как при выявлении характеристик описательного характера, так и при установлении ценностных ориентаций лингвокультурного типажа.

Ключевые слова: лингвокультурный типаж; корпусная лингвистика; корпусный анализ; Национальный корпус русского языка.

Для большинства лингвистических исследований, независимо от того, к какому лингвистическому направлению они относятся, при изучении того или иного языкового явления в качестве материала для анализа выступает текст.

Как известно, одной из проблем любого научного исследования является вопрос объёма эмпирического материала.

Существуют разные точки зрения в решении вопроса целесообразности увеличения или, напротив, уменьшения количества данных, подлежащих анализу, определения оптимального количества изучаемых языковых средств.

С одной стороны, не является фактом, что при большом охвате эмпирического материала сделанные учёным выводы не будут впоследствии коренным образом пересмотрены, несмотря на всю тщательность лингвистического описания [4, с.118]. Объёмный материал в каком-то смысле снижает интуитивную доступность и возможность осмысления результатов, большое количество примеров лишает нас возможности глубокого анализа.

Вместе с тем, разделяя позицию В.А.Плунгяна [15], Е.В.Рахилиной [17], В.В.Рыкова [18] и других учёных, мы признаём: лингвистическое исследование имеет вес лишь при опоре на репрезентативный эмпирический материал. Как справедливо отмечает В.А.Плунгян, «с помощью корпуса стало возможно не только быстрее и эффективнее решать известные науке задачи, но и ставить принципиально новые задачи, ранее практически невыполнимые» [15, с.14].

Решением этой проблемы для языкознания нового времени стала корпусная лингвистика – направление, занимающееся разработкой, созданием и использованием текстовых корпусов, то есть структурированных и определённым образом размеченных массивов языковых данных в электронном виде с целью проверки лингвистических теорий и построения новых [1, с.47]. Как отмечает С.Ю.Богданова, корпусную лингвистику «иногда называют пучком методов из разных областей [1, с.47], позволяющих эффективно искать материал благодаря автоматизированной системе отбора и обработки [16, с.1].

Обладание собственным национальным корпусом для любого государства является показателем степени развития научно-технологического уровня страны. Такие корпуса напрямую влияют на развитие автоматической обработки текста, машинного перевода и искусственного интеллекта. Именно поэтому свои корпуса создали Великобритания, США, Китай, Россия, у которой, отметим, один из лучших примеров в мире.

Ключевые преимущества НКРЯ – это его объём и репрезентативность. Как отмечают С.О.Савчук и соавторы, «к концу 2022 г. общий объём коллекций текстов НКРЯ превысил 2 млрд словоупотреблений», а «Корпус 2.0 теперь представляет собой наиболее полную и разнообразную коллекцию текстов на русском языке» [19, с.4]. Тексты отобраны с учётом жанровой сбалансированности: «особое внимание было уделено улучшению показателей репрезентативности в области жанров и периодов» [там же]. Важнейшим достоинством НКРЯ является его многоуровневая разметка (морфологическая, синтаксическая, семантическая). Как пишут авторы, «совмещение морфологической и синтаксической разметки ... расширяет поисковый функционал, позволяя включить на больших объёмах текстов инструменты синтаксического поиска (типы и направления связей, синтаксические роли слов)» [19, с.6]. Исследователь может искать не просто слово, а его грамматические формы, синтаксические роли или контексты с опре-

делённой оценкой. С.О. [19, с.82]. Благодаря этому, как подчёркивает А.В.Корниенко, НКРЯ превращается не просто в архив, а в «инструмент в руках исследователя», позволяющий работать с обширным, структурированным массивом информации и ставить новые задачи, ранее казавшиеся невыполнимыми [12, с.65].

Важно, что Таджикистан также попал в число тех стран, которые ведут активную работу в этом направлении. Так, начиная с января 2019 года коллективом отечественных учёных под руководством профессора Д.М.Искандаровой в сотрудничестве с российскими лингвистами академиком В.А.Плунгяном и А.П.Выдриным началась работа по созданию Национального корпуса таджикского языка. Уже достигнуты значительные успехи, о чём свидетельствуют многочисленные научные публикации [6; 7; 8].

Национальный корпус языка ценен не только как размеченный массив текстов, но и как «совокупность культурно-значимых текстов, созданных на национальном языке» [7, с.5].

Ещё одним доводом в пользу применения корпусных методов можно считать положение о том, что исследование, осуществлённое на материале корпуса, отличается большей степенью объективности, так как основывается на точных эмпирических данных внушительных объёмов. Многие современные исследования, напротив, опираются на малый материал или экспериментальные методы из психолингвистики, используют интроспекцию – анализ, основанный на личной рефлексии учёного. Как отмечено Е. Палатовской, данные, полученные исключительно методом интроспекции, являются недостаточными и по большей части недостоверными, потому что «в самой сути интроспекции заложено отрицание таких основ научного знания, как воспроизводимость, повтор и статистическая достоверность» [14, с.132].

Подобная мысль согласуется с точкой зрения Г.В.Колпаковой, о том, что «сбор данных, осуществляемый исследователем для подтверждения выдвигаемой им гипотезы, и еще в большей степени метод интроспекции, апеллирующий к собственно языковой компетенции и её надежности, основываются на лишь относительной независимости производства речевых высказываний от говорящего субъекта. Корпусные же исследования представляют собой попытку приблизиться к языковой реальности посредством статистического анализа и математического моделирования в отвлечении от субъекта, его языковой компетенции и метода интроспекции» [11, с.76].

В настоящее время широкую известность получили количественный и качественный виды анализа корпусов текстов. Эти методы применимы как к тексту корпуса, так и к уровням аннотации в корпусе [11, с.75].

Отметим, что корпусные данные сами по себе не раскрывают культурных смыслов, а только помогают зафиксировать языковые факты. В этом плане именно лингвокультурология и предлагает необходимый для этого инструментарий. Базовой единицей анализа в данном направлении выступает лингвокультурный типаж – понятие, разработанное В.И.Карасиком и получившее развитие в работах О.А.Дмитриевой [5, с.75]. И.В.Карасик определяет лингвокультурный

типаж как «узнаваемый образ представителей определённой культуры, совокупность которых и составляет культуру того или иного общества» [9, с.9]. Как разновидность лингвокультурного концепта типаж включает три составляющие: понятийную, образную и ценностную [5; 8].

В последние годы активно развиваются исследования лингвокультурных типажей применительно к женским образам. Так, И.Т.Вепрева, И.Г.Полякова и И.В.Шалина рассматривают новые типажии современной женщины [3], а Т.В.Борисенко анализирует концепт ЖЕНА /WIFE в русском и английском языковом сознании, выявляя такие значимые для русской лингвокультуры признаки, как «верность», «принадлежность кому-то» [2].

В рамках данного исследования ставится цель показать использование корпуса как материала и инструмента исследования различных сторон лингвокультурного типажа «русская жена».

В нашем исследовании мы придерживаемся следующей гипотезы:

1. Язык – сокровищница культуры. Он хранит знания о национальном характере, образе жизни и менталитете народа. Эти знания находят фиксацию в формах устной и письменной речи.

2. Материалы корпуса – тексты, в которых запечатлены сведения о народе, являются отличным источником исследования лингвокультурного типажа – узнаваемого образа представителя определенной культуры.

3. Корпусный анализ может служить эффективным инструментом выявления этноспецифических черт исследуемого типажа (образные, поведенческие характеристики), той системы ценностей, которой типаж руководствуется при взаимодействии с окружающим миром.

Проверка выдвинутой нами гипотезы и ранее сделанных выводов при исследовании лингвокультурного типажа «русская жена» [10, с.178-187] осуществляется на материале текстов Национального корпуса русского языка с применением корпусного анализа (количественного и качественного).

Отметим, что корпусный анализ может применяться на всех этапах исследования лингвокультурного типажа, поэтому находит широкое применение среди многих учёных, проводивших свои исследования в русле теории лингвокультурных типажей.

Алгоритм исследования лингвокультурного типажа, включающий описание его понятийных характеристик, образной и ценностной составляющих, разработан О.А.Дмитриевой на основе схемы концептуального анализа, предложенной В.И.Карасиком [5; 9]. Данный алгоритм сводится к следующему:

При описании понятийной составляющей:

– проводится лексикографический анализ (включающий этимологический анализ, расширение синонимического ряда за счёт выборки близких по значению ключевой лексеме слов из словарей, описание всех коннотативных значений данных синонимов, выявление понятийных характеристик ключевого слова, номинирующего типажа);

– выявляется частотность слов с семантикой «женщина по отношению к мужчине, с которым она состоит в браке» (жена, супруга);

– анализ контекстного употребления всех лексем, называющих данное понятие на основе фрагментов текстов из Национального корпуса русского языка.

При выявлении образных характеристик:

– осуществляется поиск и анализ примеров, в которых содержится информация описательного характера (описание типичной внешности, характера, поведения и т.п.).

При выявлении ценностной составляющей:

– осуществляется поиск и анализ примеров, в которых отражаются ценностные ориентиры типажа, определяющие его образ жизни и формирующие отношение к окружающей действительности.

Ранее при описании понятийных характеристик лингвокультурного типажа «русская жена» нами был выявлен целый ряд репрезентантов ключевого слова «жена», номинирующих типаж, на основе данных синонимических словарей русского языка («Словарь синонимов русского языка» А.П.Евгеньевой, «Словарь синонимов русского языка» З.Е.Александровой, «Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений» Н.Абрамова) и был построен синонимический ряд из 13 лексем, обозначающих «замужнюю женщину»: *жена, супруга, баба* (СРС Абрамова), *хозяйка* (ССРЯ Александровой), *благоверная, законная* (или *дражайшая*) *половина*, *наложница, одалиска, новобрачная, молодница* (молодуха, молодка) (СРС Абрамова) *подруга* (или *спутница*) *жизни, Пенелопа, Лукреция, Ксантиппа* (СРС Абрамова) [10, с.178].

На основе корпусного анализа у нас появляется возможность, с одной стороны, проверить, насколько часто встречаются ключевые слова (жена и супруга) в разных текстах корпуса, с другой – продемонстрировать употребление данных синонимов в контексте, тем самым доказать или даже в какой-то степени скорректировать ранее сделанные выводы, к которым мы пришли по результатам лексикографического анализа.

Необходимо отметить, что к описываемым единицам, в зависимости от цели исследования, может быть применён как количественный, так и качественный анализ. Однако следует иметь в виду их семантические особенности. Так, моносемные слова могут быть подвергнуты любому из двух возможных вариантов анализа, в то время как к полисемным целесообразно применять только качественный анализ. Это обусловлено тем, что при исследовании одного из значений многозначного слова (к примеру, чтобы проверить его частотность) программа будет выдавать все варианты его употребления и во всех значениях, таким образом в статистических данных при количественных подсчётах неминуемо будут наблюдаться значительные погрешности, а выводы, построенные на таком материале, будут ошибочными.

Приведем примеры количественного анализа.

На материале основного корпуса НКРЯ мы проверили частотность употребления двух ключевых слов, имеющих значение «женщина по отношению к мужчине, с которым она состоит в браке», установили в процентном соотношении в каком виде текста чаще всего встречаются данные лексемы, а также в каких сфе-

рах деятельности они функционируют. Данные приводятся в сравнении в таблице 1.

Как показывают статистические данные, лексема «жена» чаще встречается в художественных текстах и большей частью, чем слово «супруга», принадлежит к бытовой и церковно-богословской сферам. В свою очередь лексема «супруга» превалирует в учебно-научной и официально-деловой сферах, нежели жена. Это согласуется с нашими наблюдениями и выводами, к которым мы пришли в ходе ранее проведенного лексикографического анализа [10, с.179-180].

Таблица 1 – Статистические данные по частотности употребления, преобладанию в текстах различных видов и сферам функционирования лексем «жена» и «супруга»

Параметр статистики	лексема «жена»	лексема «супруга»
Частотность	IPM = 421,867 (частотность высокая, слово очень распространенное) ¹	IPM = 40,8599 (частотность высокая, слово очень распространенное)
Вид текста	художественные – 53,07% нехудожественные – 46,93%	художественные – 51,60% нехудожественные – 48,40%
Сфера функционирования	художественная – 52,84% публицистика – 28,82% бытовая – 11,27% учебно-научная – 4,69% церковно-богословская – 1,19% электронная коммуникация – 0,81% официально-деловая – 0,34% реклама – 0,04% производственно-техническая сфера – 0,01%	художественная – 47,46% публицистика – 32,89% учебно-научная – 9,75% бытовая – 7,54% официально-деловая – 1,34% церковно-богословская – 0,63% реклама – 0,08% производственно-техническая сфера – 0,02%

Кроме частотности употребления, видов текстов и сфер функционирования НКРЯ позволяет также получить и другие варианты статистических данных. Например, в каких стилях встречается чаще слово, к какой тематике относятся тексты с данным словом, детализация по годам и многое другое.

Корпусные данные могут также быть отличным источником при анализе взаимодействия слова в языке, которое определяется через сочетаемость (коллокации) со словами разных частей речи с учётом синтаксических связей. Напри-

¹ определяется автоматически программой как отношение количества вхождений всех форм слова, поделенное на объем корпуса и умноженное на миллион

мер, для имени существительного в роли ключа (как в нашем случае – жена) наиболее показательным является следующий набор синтаксических связей:

- прилагательные-определения к заданному существительному;
- глаголы, для которых данное существительное является подлежащим;
- глаголы, для которых данное существительное является прямым дополнением;
- глаголы, для которых данное существительное является косвенным дополнением без предлога;
- глаголы, для которых данное существительное является косвенным дополнением с предлогом;
- сочиненные существительные [13].

Так, лексема «жена» чаще сочетается со следующими словами (см. Таб.2):

1) *жена + прилагательное* – самыми частотными являются прилагательные *законная, бывшая, молодая, будущая, любимая, покойная, беременная, больная, мужняя*;

2) *жена + глагол* – отличаются частотностью глаголы *умереть, приехать, уйти, кланяться, уехать, родить, сидеть, приходить, ждать, плакать*;

3) *глагол + «жена» в роли прямого дополнения* – *бить, убить, любить, заставить, обнять, поцеловать, оставить, звать, увезти, похоронить*;

4) *глагол + «жена» в роли косвенного дополнения без предлога*: *изменять, купить, позвонить, писать, сказать, передать, кланяться, говорить, подарить, оставить*;

5) *глагол + «жена» в роли косвенного дополнения с предлогом*: *развестись, разойтись, разводиться, познакомить, познакомиться, жить, жениться, обращаться, взять, ухаживать*;

6) *«жена» + (и) + имя существительное*: *ребёнок, дочь, сын, мать, дочка, сестра, любовница, муж, теща*.

Таблица 2 – Статистика сочетаемости лексемы «жена» с другими словами в НКРЯ

жена Существительное					
Определения		Сказуемые		Глаголы с прямым дополнением	
1. законный	8,86	1. умереть	7,54	1. бить	7,98
2. бывший	8,73	2. приехать	6,52	2. убить	7,55
3. молодой	8,61	3. уйти	6,38	3. любить	7,46
4. будущий	8,59	4. кланяться	6,35	4. заставить	7,31
5. любимый	8,19	5. уехать	6,19	5. обнять	7,3
6. покойный	8,18	6. родить	6,13	6. поцеловать	7,2
7. беременный	8,06	7. сидеть	6,09	7. оставить	7,18
8. больной	7,96	8. приходить	5,82	8. звать	7,1
9. мужний	7,84	9. ждать	5,8	9. увезти	6,99
10. верный	7,66	10. плакать	5,74	10. похоронить	6,92

Глаголы с косвенным дополнением		Глаголы с предложным дополнением		Сочиненные существительные	
1. изменять	8,34	1. развестись	8,69	1. ребенок	11,53
2. <u>купить</u>	8,03	2. разойтись	7,36	2. дочь	11,01
3. позвонить	7,69	3. разводиться	7,21	3. сын	10,21
4. писать	7,49	4. познакомиться	7,19	4. мать	9,64
5. сказать	7,38	5. познакомиться	7,15	5. дочка	9,16
6. передать	7,23	6. жить	7,06	6. сестра	8,5
7. кланяться	7,19	7. жениться	6,67	7. любовница	8,45
8. говорить	7,14	8. обращаться	6,6	8. муж	8,37
9. подарить	7,13	9. взять	6,56	9. теща	8,29
10. оставить	7,1	10. ухаживать	6,52	10. жена	8,07

Подобные сочетания являются дополнительным источником знаний тех смысловых связей, которые обнаруживаются между семантически и стилистически близкими единицами в реальной речи. Если мы обратимся к Словарю сочетаемости русского языка и сравним, как слово «жена» взаимодействует с другими словами в языке, то, предположительно, что картина будет несколько иной.

Приведём примеры качественного анализа, применённого в данном исследовании, с одной стороны, с целью проиллюстрировать употребление в контексте как ключевого слова, номинирующего типаж («жена»), так и синонимов, выступающих его репрезентантами, с другой – для получения дополнительной информации описательного и оценочного характера. Таким образом, при анализе фрагментов текстов одновременно выявляются все характеристики типажа: уточняются понятийные и выявляются образные и ценностные. При этом, в поисках примеров мы исходили из того, что ЛКТ «русская жена» имеет специфический внешний облик, поведенческие черты, качества и др. С ориентацией на все эти моменты мы составляли поисковой запрос.

Примеры употребления лексики «жена» и его слов-репрезентантов:

1. *Короче говоря, завелась у них русские жены с русыми волосами и такими голубыми глазами, что не только в службу к великому князю Московскому перейдёшь, а и православие примешь* [М.Б.Бару. Второй сон Любви Александровны // «Волга», 2015];

2. *Обожал фотографироваться вместе с пепельноволосой подружкой жизни и годовалым сыном. Часто интернет-фото тоже были костюмные — супруги Дорошевич оба были ролевиками, хоть и годились тому же Альберту в дети;*

3. *С Николаем Николаевичем приехала его жена Анна Петровна: небольшого роста, белокурая женщина, очень решительная и бесповоротная в своих суждениях, за что ее муж в шутку называл «прокурором»* [Т.Л.Сухотина-Толстая. Друзья Ясной Поляны (1908-1917)];

4. *Во второй раз он приехал с женой — красивой, стройной, полной юмора Еленой Михайловной, которая быстро подружилась с папой и мамой* [И.М.Дьяконов. Книга воспоминаний. Глава вторая (1922-1926) (1995)].

На основе даже нескольких примеров у нас уже появляется некоторое представление о внешности типажа: «русская жена» предстает светловолосой (*с русыми волосами, белокурая женщина*), голубоглазой (*с голубыми глазами*), среднего роста (*небольшого роста*), а фраза из первого примера *«что не только в службу к великому князю Московскому перейдешь, а и православие примешь»* подчеркивает необычайную красоту «русской жены».

В третьем примере, помимо описательной характеристики, содержится информация о её характере: она *«очень решительная и бесповоротная в своих суждениях, за что ее муж в шутку называл «прокурором»*.

Приведём и другие примеры, в которых описываются разные грани «непростого» характера русской жены.

Так, «русская жена» часто предстает перед нами как сварливая жена:

5. *В отличие от русской жены, Ха не стала подавать советов и критиковать все, сделанное мною, а также и общий порядок в квартире* [Л.М.Минц. Дело вкуса. Ложкой, лепешкой или просто рукой // «Вокруг света», 1995];

6. *Несчастный, отравившийся ядом, успел заявить, что умирает вследствие сварливого характера жены*. [Самоубийство из-за сварливой жены (20.04.1909) // «Петербургская газета», 1909].

Обратим внимание, что в русской лингвокультуре можно также обнаружить лексемы, номинирующие «сварливую жену», возникшие в результате апелляции, например Ксантиппа.

Изначально Ксантиппа – это имя жены великого философа Древней Греции Сократа, заслужившая дурную славу вздорной и сварливой супруги. Впоследствии оно стало нарицательным для «сварливой, неуживчивой жены, не умеющей оценить по достоинству ум, таланты, дела своего мужа» [21]. Приведём несколько примеров:

7. *Софья Андреевна сказала мне: — В биографиях всегда искажают интимную жизнь знаменитых людей. Вот и из меня, наверное, сделают Ксантиппу. Вы тогда, Александр Борисович, заступитесь за меня...* [А.Б.Гольденвейзер. Дневник (1900)];

8. *Когда Фрося превратилась, по-видимому, окончательно в злейшую Ксантиппу, то теперь только и вырисовалось то милое существо, которое я так любил: сарафан, платочек, весла на реке, лес, грибы и такая со всеми ласковость и простые слова* [М.М.Пришвин. Дневники (1914)];

9. *Разве тебя самого не колотит твоя же собственная жена Ксантиппа?* [Андрей Геласимов. Рахиль // «Октябрь», 2003].

В некоторых примерах значение данного слова становится понятным лишь из общего контекста, при чтении «между строк», в других – оно особо проявляется, становится в полной мере раскрытым тогда, когда даётся в сопровождении с слов с похожей семантикой, имеющих отрицательную коннотацию.

Обратимся к седьмому примеру. В целом, если рассматривать этот пример, та коннотация, которую имеет данное слово, выводится лишь из всего контекста. При этом, ключевой, на наш взгляд, является фраза «*заступитесь за меня*», которая подразумевает осуждение и даже нападки со стороны людей ввиду неподобающего поведения женщины-жены по отношению к своему мужу и наталкивает нас на мысль о том, что Ксантиппой всё же называют не самую лучшую жену.

Во всех остальных приведённых примерах в полной мере помогают раскрыть значение анализируемого слова другие слова с похожей оценкой. Так, Ксантиппа – это «сварливая жена», но при этом она ещё *злая* и даже может *поколотить*.

Рассмотрим ещё один интересный, на наш взгляд, пример:

10. *Прокурор повернулся назад и поглядел со злобой на свою спавшую супругу. — Варварка ты моя! — зашептал он. — Мучительница, Иродиада ты такая! Скоро ли я, несчастный, избавлюсь от тебя, Ксантиппа? Верите ли, Иван Никитич? Иной раз закрою глаза и мечтаю: а что, если бы да кабы она да попала бы ко мне в когти в качестве подсудимой? Кажется, в каторгу бы утек!* [А. П. Чехов. Стража под стражей (1885-1886)].

Данный пример интересен тем, что он является не только замечательной иллюстрацией употребления слова «Ксантиппа» в значении «сварливая жена» в контексте, но и является источником расширения синонимического ряда «жена». В этом примере, наряду со словом Ксантиппа, мы можем обнаружить ещё одно слово, которое является репрезентантом ключевой лексемы и которое не было зафиксировано в проанализированных нами синонимических словарях – *Иродиада*. Это имя жестокой, коварной и развращённой жены царя Ирода, которая добилась казни Иоанна Крестителя, чьё имя так же, как и Ксантиппа, стало именем нарицательным.

Отрицательную оценку характера русской жены содержат и следующие фрагменты:

11. *Но очень скоро выяснилось, что характер у молодой жены, а особенно у ее мамы, — на редкость скверный.* [митрополит Тихон (Шевкунов). Несвятые святые (2011)];

12. *Точно так же, как когда-то ее собственный отец, Георг смог понять и приспособить к их совместной работе и жизни непростой характер жены.* [Ольга Егорова. Королева Чардаша (2003) // «Спецназ России», 15.05.2003];

Но вместе с тем образу сварливой и злой жены противопоставляется образ доброй, любящей и заботливой:

13. *А добрая жена по телу гладит мужа своего не лживо, а злая жена по животу обухом бьёт и кормит скверной пищей не на живот (т.е. жизнь), а на смерть.* [Валерий Лобачёв. «Жена мужу венец» // «Наука и религия», 2011];

14. *А добрая жена по рукам мужа своего проводит искренне и любовно, а злая жена по рукам и ногам бьёт коромыслом.* [Валерий Лобачёв. «Жена мужу венец» // «Наука и религия», 2011];

15. *Жена его, добрая женщина, нежно его любила, берегла, шила из своих старых платьев ему толстовки...* [В.П.Катаев. Алмазный мой венец (1975-1977)].

Русским жёнам часто приписывается уникальность и неповторимость, необыкновенность и загадочность души:

16. *Я хочу поговорить на тему о русских женах. Все знают, что европейские художники очень любили русских женщин и женились на них. Я думаю, это справедливо. Метеориты, полные чувств, — так я называю русских женщин.* [Ольга Шаблинская. Тонино Гуэрра: «Русские женщины — это метеориты, полные чувств» (2001) // «Аргументы и факты», 14.02.2001];

17. *Говорят, что с «Имея дело с „неистойвой прозой“, все гинекологи, по определению писателя и земского врача А.П.Чехова, — идеалисты, либералы, немножко мистики и мечтают о жене во вкусе некрасовской русской женщины»* [А.Г.Колмогоров. Мне доставшееся: Семейные хроники Надежды Лухмановой (2012)].

Некрасовская женщина — языковой стереотип, характеризующий идеально-героическую русскую женщину, которая «коня на скаку остановит, в горящую избу войдёт». В современной языковой ситуации используется для обозначения сильной, здоровой (исключительно русской) женщины с богатырским характером и, подчас богатырским телосложением, обычно действующей без какого-либо мужчины-помощника [22]. Образ некрасовской женщины является символом не только красоты и женственности, но и твёрдой воли, бескорыстия, смелости, честности, справедливости и доброты.

Сила духа русской женщины-жены проявляется в твёрдости характера, в умении терпеть невзгоды, в готовности принести себя в жертву ради спасения кого-либо или чего-либо, например, ради сохранения семьи:

18. *В этом, как и в ежевечернем улыбчивом отказе готовить ванну для мужа, проявлялась твердость характера хозяйки* [Анастасия Цветкова. Краковский библиотекарь // «Сибирские огни», 2012];

19. *Конечно, пожарные проявляют храбрость на пожаре, бизнесмен выказывает волю, продавая негодный товар, домашние хозяйки демонстрируют жертвенность, прощая мужьям измены* [М.К.Кантор. Медленные челюсти демократии (2008)];

20. *Мысль о том, что в 40 лет он стал калекой и обузой для семьи, не давала ему покоя. Любящая жена Лиза уверяла его, что ничего страшного не случилось и он все равно дорог ей. А на ее зарплату и его пенсию они вполне смогут прожить* [Ольга Демьянова. Последняя любовь токаря Уланова (1997) // «Столица», 15.07.1997].

Интересно, что понятие «жертвенность» в российской культуре, в сравнении с традициями других наций (в особенности западных), получает некоторое иное осмысление. Жертвенность русской женщины-жены не обусловлена какими-то корыстными мотивами: она жертвует не ради того, чтобы получить «что-то», а ради кого-то, ради близких и дорогих ей людей, и, что замечательно, эта жертвенность всегда обусловлена любовью. Любовь для русской женщины, да и для

русского народа в целом, изначально не может существовать без жертвенности. Русская любовь – это не просто взаимоотношения между людьми, это нечто иное, особенное и даже уникальное. Так, А.В.Сергеева, говоря о русской любви, отмечает, что «понятие «любовь» для русских часто включает в себя отказ от своего собственного я ради другого (других) и выражается в самоотдаче, самопожертвовании. Истинная «любовь по-русски» – это отказ от собственной свободы, от эгоистического самоутверждения личности, растворение себя в любимом...» [20, с.75]. Таким образом, «любить по-русски» – значит жертвовать, преодолевать любые трудности ради любимого человека. А если «любить для себя», то получается так, как у героя всем известного романа: *Моя любовь никому не принесла счастья, потому что я ничем не жертвовал для тех, кого любил: я любил для себя, для собственного удовольствия: я только удовлетворял странную потребность сердца, с жадностью поглощая их чувства, их радости и страдания — и никогда не мог насытиться* [М.Ю.Лермонтов. Герой нашего времени (1839-1841)].

Наряду с жертвенностью, основу любви русской женщины-жены составляет верность, преданность:

21. *Имел четверых детей и любящую верную жену* [Сергей Довлатов. Наши (1983)];

22. *Анатолий долго не мог уснуть и все думал с благодарностью о своей умной и верной жене* [Виктор Ремизов. Воля вольная // «Новый мир», 2013];

23. *К тому же был прекрасным семьянином: с большой нежностью относился к своей жене Ирине Анатольевне — верному его другу и спутнику жизни* [Владислав Рутковский. Космический Олимп академика Петрова // «Наука в России», 2013];

24. *Знал, что стыдно, головой понимал, уверен был, что жена его — преданная, честная женищина, которой ничего не нужно, кроме семьи...* [Нина Катерли. Дневник сломанной куклы // «Звезда», 2001];

25. *Так оно и катилось год за годом, пока генерал Зинаидин, гебешник, не заболел. Шарахнул его инфаркт, а потом и инсульт. Шутка ли: годами в сердце носить такую боль! А Зинаида — ну, она оказалась преданной женой. Что смотришь так? Я имею в виду — просто жизнь, быт, милосердие, понятно Просто жизнь — она ведь больше, чем койка, даже больше, чем чувства* [Дина Рубина. Медная шкатулка (2011-2015)].

Таким образом, жертвенность, верность и преданность, обусловленные любовью, являются определяющей характеристикой для описания типажа «русская жена». В свою очередь, это позволяет говорить о том, что одной из главных ценностей для русской женщины-жены, впрочем, как и для всего русского народа, является семья. Как отмечает, А.В.Сергеева, превыше всего русскими ценится «теплота семейных отношений и родственных уз» [20, с.98]. Такой вывод сделан на основе статистических данных (для 58% опрошенных), полученных в результате социологического опроса. При этом, как отмечает учёный, понятие «семья» для русского человека – это не только муж, жена и их дети, но и все ближайшие родственники (родители, сёстры и братья, бабушки и дедушки и т.д.), а порой

даже и домашние питомцы (кошки, собаки и т.д.) при условии совместного проживания [20, 98]:

26. *Дедушка, бабушка, дядя Лазарь, жена дяди Гриши с детьми, мои родители с Диней, Сашей, Олей и Игорем, вся семья Кузнецовых; их дом хотя и был на Песчаной, но стоял на отшибе, не попал в черту гетто, и Кузнецовы переселились к нам, было их ни много ни мало двадцать один человек: старик Кузнецов с женой, их дочери, подруги моей матери, с мужьями, дочери этих дочерей, зятья, невестки, мужья которых были на фронте, и, наконец, шестеро внуков* [Анатолий Рыбаков. Тяжелый песок (1975-1977)];

27. *А те вернулись все, большая семья: Соня с мальчиками десяти и шести лет, бабушка Рахиль, инвалид детства дядя Петя, его жена Рива...* [Дина Рубина. Белая голубка Кордовы (2008-2009)].

Идеальная семья для русских – это многодетная семья, в которой большое внимание уделяется воспитанию детей, заботе о близких, передаче из поколения в поколение семейных традиций. Главная роль во всём этом безусловно отводится женщине-жене. Она не только хранительница домашнего очага, но и крепкий и надёжный тыл для всех членов семьи:

28. *Она настоящая жена и мать, для нее главное – семья, дети, у них с Игорьком четверо детей и трое внуков, она привыкла нянчиться и заниматься хозяйством и воспитанием, а не цацками и шмотками* [Александра Маринина. Последний рассвет (2013)];

29. *Впрочем, наплевать, его жена – это не украшение бизнесмена Панкрашина, это его тыл, его опора и, что греха таить, надежная поддержка его репутации семьянина и чадолюбца, благодаря чему ему удастся привлечь инвестиции в свой фонд* [Александра Маринина. Последний рассвет (2013)];

30. *Для нее все завершалось семейной жизнью: быть верной и любящей женой, преданной матерью – вот долг, который она перед собой ставила* [Т.Л.Сухотина-Толстая. О смерти моего отца и об отдаленных причинах его ухода (1910-1950)];

31. *И, наконец, жена может работать на общее дело и дома – обеспечивая тылы, совмещая функции не только матери семейства, но и, порою, личного психотерапевта, врача и советчика* [Евгения Ленц. Женские роли – и их исполнители (2004) // «Бизнес-журнал», 03.03.2004].

Известно, что отношения между мужем и женой у русских подчиняются традиционному (патриархальному) семейному укладу, где ведущая роль отводится мужчине – безусловному главе семейства. Начиная с XVI на Руси организацию семейных отношений определял «Домострой» – свод правил и наставлений, который защищал принципы патриархального быта [20, с.105]. Согласно «Домострою» каждый член семьи – муж, жена и дети – занимает своё место в семейной иерархии и выполняет свои обязанности: жене отводится роль хозяйки в доме, мужу – главы семьи, добытчику:

32. *«Домострой» учил, что добродетельная жена добра, трудолюбива и молчалива* [Вера Михайлова. Дамы отжимают кавалеров // «Русский репортер», 2014];

33. *...Вот, например, у нас в стране считается, что мужик — глава семьи, а женщина должна во всем его слушаться, даже если он пьет беспробудно* [Дмитрий Соколов-Митрич. Дайте бабе удочку. Корреспондент «Известий» принял участие в бесплатной раздаче женского счастья на селе (2002) // «Известия», 02.04.2002].

В настоящее время под напором новых реалий такой уклад постепенно уходит в прошлое. К тому же, существует мнение о том, что русские жены отличаются от жен других национальностей тем, что у них достаточно ярко выраженное материнское начало. Ввиду своего сильного характера, русская женщина-жена зачастую является «матерью» не только для своего ребёнка, но и для всего семейства, в том числе и для своего мужа. Соответственно, ведущая роль жены в супружеских отношениях приводит к тому, что на мужчину, оказавшемуся «под опекой» своей жены, порой накладывается тень:

34. *И по тому взгляду, которым смотрела она на своего слабого, бесхарактерного супруга, уверявшего так жалобно, что он — мужчина, было заметно, что она не только не готова следовать его советам, но, напротив, эти советы вызывают в ней лишь чувство презрения к нему* [М.Н.Волконский. Брат герцога (1895)];

35. *Был ли он хозяином в своем собственном доме, или там уже возносилась его стройная жена?* [В.Лихоносов. Ненаписанные воспоминания. Наш маленький Париж. Ч.1-2 (1983)];

36. [billfay] *Помимо любви и голубей, в картине присутствуют абсолютно четко узнаваемые каждому в нашей стране «ролевые модели»: безответственный и мягкий мужик, его активная и хозяйственная жена — по сути глава семьи, разлучница из серии «сильных-независимых» (а на деле, как правило, всегда остающихся одиночками) женщин* [Форум: Любовь и голуби (2007-2011)];

37. *Боязнь эта была привита традиционным укладом тёщиной семьи, где, уходя корнями в глубь времён, неизменно царил матриархат, где мать — глава семьи, глава рода, всегда и во всём права, а мужик прав только тогда, когда во всём согласен с женой* [Олег Селедцов. Танго с феминистками // «Ковчег», 2013].

Таким образом, на основе анализа фрагментов текстов из корпуса мы можем описать:

1) типичную внешность типажа: общая характеристика, типичный внешний вид (цвет волос, глаз), телосложение, рост;

2) поведенческие черты и специфические особенности характера: доброта, верность, преданность, сила духа, самопожертвование, трудолюбие,

3) систему ценностей типажа: семья и семейные традиции.

В заключение отметим, во-первых, Национальный корпус текстов действительно может служить полноценным источником получения обширного материала для его последующего анализа, во-вторых, корпус текстов — сравнительно новый, но уже апробированный и по праву заслуживающий внимания мощный инструмент исследования концептов, в том числе и лингвокультурного типажа, позволяющий получить объективные данные относительно исследуемого объекта с минимальной затратой времени. Возможности корпуса в этом плане доста-

точно широки: он позволяет получить различного рода статистические данные (частотность употребления ключевого слова, его распределение по жанрам, выявление сочетаемости и по многим другим параметрам), а также даёт возможность анализировать контекст, в котором используются ключевые слова, номинирующие типаж, что позволяет глубже понять их семантику.

В то же время следует отметить, что корпус текстов как инструмент исследования не является в полной мере самодостаточным, из него нельзя извлечь все возможные лингвистические выводы. Корпусная лингвистика не отрицает ценности и необходимости речевых данных, не представленных в корпусной форме [18]. Таким образом, фактором, повышающим качество анализа текста и всего исследования, является сочетание традиционных методов с методами корпусной лингвистики.

Литература

1. Богданова С.Ю. Возможности корпусной методологии в решении лингвистических задач [Электронный ресурс] // Вестник ИГЛУ. – 2012. – №2s (18). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhnosti-korpusnov-metodologii-v-reshenii-lingvisticheskikh-zadach>
2. Борисенко Т.В. Концепт ЖЕНА/WIFE в языковом сознании носителей русского и английского языков // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2020. – №6. – С.39-46. – DOI: 10.37482/2687-1505-V061.
3. Вепрева И.Т. В поисках новых лингвокультурных типажей современной женщины / И.Т.Вепрева, И.Г.Полякова, И.В.Шалина // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. – 2024. – №S6. – С.97-103. – DOI: 10.20339/PhS.6s-24.097.
4. Гришаева Л.И. Лингвистическая прогностика и ее проблемы [Электронный ресурс] // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2001. – №1. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskaya-prognostika-i-ee-problemy>
5. Дмитриева О.А. Лингвокультурные типажии России и Франции XIX в: монография / Федеральное агентство по образованию, ГОУ ВПО "Волгоградский гос. пед. ун-т", Науч.-исслед. лаб. "Аксиологическая лингвистика". – Волгоград: Перемена, 2007. – 306с.
6. Искандарова Д.М. Национальный корпус таджикского языка как инструмент лингвистических исследований // Казанская наука. – 2021. – №1. – С.94-97.
7. Искандарова Д.М. Особенности Национального корпуса таджикского языка // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). Серия филологических наук. – Душанбе: ТНУ, 2021. – №1. – С.5-13.
8. Искандарова Д.М. Языковые корпуса как объект реализации стратегических национальных программ // XIII Ломоносовские чтения: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 115-летию академика Бободжона Гафурова. – Душанбе, 2023. – С.191-197.
9. Карасик В.И. Лингвокультурный типаж: к определению понятия / В.И.Карасик, О.А.Дмитриева // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажии: сб. науч.трудов; под ред. В.И.Карасика. – Волгоград: Парадигма, 2005. – С.5-25.
10. Козлова О.Л. Понятийные характеристики лингвокультурного типажа «жена» (на материале русского и таджикского языков) // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2021. – №2 (74). – Душанбе: РТСУ. – С.178-187.

11. Колпакова Г.В. Методы анализа корпусной лингвистики [Электронный ресурс] // Филологические науки. – Тамбов: Грамота. 2012. – №4. – С.75-77. – Режим доступа: <https://www.gramota.net/materials/2/2012/4/25.html>
12. Корниенко А. Национальный корпус русского языка как источниковая база социо-гуманитарных исследований // Петербургская социология сегодня. – 2023. – №21. – С.58-71.
13. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/page/tool-word/#section-3>
14. Палатовская Е. О лингвистической интроспекции как методе научного исследования (опыт самонаблюдения) [электронный ресурс] // Respectus Philologicus. – Vilnius: Vilnius university press. – 2015. – №28 (33). – С.131-139. – Режим доступа: <http://rep.knlu.edu.ua/xmlui/handle/787878787/1147>
15. Плунгян В.А. Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики // Русский язык в научном освещении. – 2008. – №2 (16). – С.7-20.
16. Райскина В.А., Дубнякова О.А. Современные методы корпусной лингвистики при анализе текста (на примере корпуса BFM) [Электронный ресурс] // Актуальные вопросы современной науки. – 2015. – №40. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-metody-korpusnov-lingvistiki-pri-analize-teksta-na-primere-korpusa-bfm>
17. Рахилина Е.В. О национальном корпусе русского языка // Вестник Российской академии наук. – 2024. – Т.94. – №9. – С.795-803. – DOI: 10.31857/S0869587324090025.
18. Рыков В.В. Курс лекций по корпусной лингвистике [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://rykov-cl.narod.ru/c.html>
19. Савчук С.О., Архангельский Т.А., Бонч-Осмоловская А.А. Национальный корпус русского языка 2.0: новые возможности и перспективы развития // Вопросы языкознания. – 2024. – №2. – С.7-34. – DOI: 10.31857/0373-658X.2024.2.7-34.
20. Сергеева А.В. Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность. – 5-е изд. – М.: Флинта: Наука. – 2007. – 320 с.
21. Словари и справочники на Академике [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_wingwords/3384/%D0%9A%D1%81%D0%B0%D0%BD%D1%82%D0%B8%D0%BF%D0%BF%D0%B0
22. Словари и справочники на Академике. Некрасовская женщина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1837609>

CORPUS ANALYSIS AS A TOOL FOR RESEARCHING LINGUOCULTURAL TYPES (ON THE EXAMPLE OF THE LCT "RUSSIAN WIFE")

Kozlova Olga Leonidovna

Lecturer of the chair of theoretical and applied linguistics
Russian-Tajik (Slavonic) university
734054, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str., 30
Ph.: (+992) 907 10 82 29 (m.)
olga108229@gmail.com

Language is a cultural treasury that stores knowledge about the national character, way of life and mentality of the people. This knowledge is recorded in various forms of speech: oral and written. Therefore, when studying linguistic phenomena and the features of their implementation in speech, a linguist chooses text as the material for analysis. National corpora of texts—structured and specifically tagged

collections of culturally significant texts in electronic format, created in a national language—can be considered a product of scientific and technological progress that facilitates the linguist's painstaking work associated with finding material for future research. These collections are used to test linguistic theories and propose new ones based on the analysis of substantial linguistic material. This article examines the linguistic means of objectifying the linguacultural type "Russian wife" in the texts of the National Corpus of the Russian Language (NCRY). The primary goal of this article is to demonstrate the potential of the corpus in studying the linguacultural type—a recognizable image of a particular linguaculture — on the one hand, as material for subsequent analysis, and on the other, as a tool for exploring its various aspects — conceptual, figurative, and axiological. The study established that corpus analysis can be applied at all stages of type study and serves as an effective tool for identifying its ethnically specific features. Quantitative analysis allows us to provide statistical data on many parameters: keyword frequency, frequency of occurrence in various types of texts, regularity of use in various areas of functionality, combinability with other words, and much more. Qualitative analysis is effectively used both to identify descriptive characteristics and to establish the value orientations of a linguacultural type.

Keywords: linguacultural type; corpus linguistics; corpus analysis; National Corpus of the Russian language.

ТАҲЛИЛИ КОРПУС ҲАМЧУН ВАСОИТИ ТАДҚИКИ НАМУДҲОИ ЗАБОНФАРҲАНГӢ (ДАР МИСОЛИ ЛСТ "ЗАНИ РУСӢ")

Козлова Ольга Леонидовна

Муаллими кафедраи забоншиносии назариявӣ ва амалӣ
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯчаи М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 907 10 82 29 (м.)
olga108229@gmail.com

Забон ганҷинаи фарҳангӣ аст, ки донишро дар бораи хислати милли, тарзи зиндагӣ ва тафаккури мардум нигоҳ медорад. Ин дониш дар шаклҳои гуногуни нутқ сабт мешавад: шифохӣ ва хаттӣ. Аз ин рӯ, ҳангоми омӯзиши падидаҳои забонӣ ва хусусиятҳои татбиқи онҳо дар нутқ, забоншинос матнро ҳамчун мавод барои таҳлил интихоб мекунад. Корпусҳои миллии матнҳо — маҷмӯаҳои сохторӣ ва махсуси матнҳои муҳими фарҳангӣ дар шакли электронӣ, ки бо забони милли сохта шудаанд — метавонанд маҳсули пешрафти илмӣ ва технологӣ ҳисобида шаванд, ки кори заҳматталаби забоншиносро дар ҷустуҷӯи мавод барои таҳқиқоти оянда осон мекунад. Ин маҷмӯаҳо барои санҷиши назарияҳои забоншиносӣ ва пешниҳоди назарияҳои нав дар асоси таҳлили маводи назарраси забоншиносӣ истифода мешаванд. Дар ин мақола воситаҳои забонии объектунонии намуди забоншиносии "зани русӣ" дар матнҳои Корпуси миллии забони русӣ (NCRY) баррасӣ мешаванд. Ҳадафи асосии ин мақола нишон додани потенциали корпус дар омӯзиши намуди забоншиносӣ — тасвири шинохташавандаи фарҳанги забоншиносии мушаххас — аз як тараф ҳамчун мавод барои таҳлили минбаъда ва аз тарафи дигар, ҳамчун абзоре барои омӯзиши ҷанбаҳои гуногуни он — мафҳумӣ, тасвирӣ ва аксиологӣ мебошад. Таҳқиқот муайян кард, ки таҳлили корпусро метавон дар ҳама марҳилаҳои омӯзиши намудҳо татбиқ кард ва ҳамчун воситаи муассир барои муайян кардани хусусиятҳои хоси этникии он хизмат мекунад. Таҳлили миқдорӣ ба мо имкон медиҳад, ки маълумоти омӯри дар бораи бисёр параметрҳо пешниҳод кунем: басомади калимаҳои калидӣ, басомади пайдоиш дар намудҳои гуногуни матнҳо, мунтазамии истифода дар соҳаҳои гуногуни функционалӣ, мувофиқат бо дигар калимаҳо ва бисёр

чизҳои дигар. Таҳлили сифатӣ ҳам барои муайян кардани хусусиятҳои тавсифӣ ва ҳам барои муқаррар кардани самтҳои арзишии нави забоншиносӣ самаранок истифода мешавад.

Калидвожаҳо: нави забоншиносӣ; забоншиносии корпусӣ; таҳлили корпусӣ; Корпуси миллии забони русӣ.

УДК 811.581'373.4:511.1

**ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЕДИНИЦ, ОТРАЖАЮЩИХ
СИМВОЛИКУ ЧИСЕЛ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ТОЛКОВОГО СЛОВАРЯ)**

Сайдализода Зулфия Тагоймурод

Аспирант кафедры теоретического и прикладного языкознания
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 44 620 42 09; (+992) 001 66 81 31 (м.);
Feiya238@gmail.com

Статья посвящена анализу символики чисел в китайском языке, лексико-семантическому анализу единиц, метафор, отражающих символику чисел, на материале толковых словарей. Теоретическую базу работы составили труды таких известных учёных, как Вольфрам Эберхард, А.Е.Ефиминко, Н.А.Ефименко, М.Б.Давлатмирова, О.В.Левина, Лян Яли Цзя Цянь, исследовавших тему символики чисел в разных лингвокультурах. Для анализа были выбраны базовые числительные, в качестве источников послужили такие лексикографические труды, как «Словарь китайских символов», «Современный словарь китайского языка», электронный словарь Baidu, словарь фразеологизмов и др. Используя методы лексикографического, компонентного, этимологического и лингвокультурологического анализа, автор рассматривает переносные значения символики чисел в китайском языке, определяет их связанные с суевериями и метафорией. Результаты показали, что толковые словари фиксируют преимущественно количественное значение числительных, в то время как богатый пласт культурной символики (омофонические ассоциации, философские концепты) остается за рамками словарных статей и реконструируется через привлечение дополнительных культурологических и исторических источников.

Ключевые слова: символика чисел китайского языка; счётная система; лексико-семантический анализ; толковый словарь; национальная специфика; культурный код; суеверия; обряды.

В китайской лингвокультуре числа (数字 *shùzì*) занимают особое место. Они не только обозначают количество, но и несут в себе глубокий символический, философский и эмоциональный смысл. Значение цифр эволюционировало на протяжении веков под влиянием фонетических ассоциаций, даосской философии, системы инь-янь, учения о пяти элементах (五行 *wǔxíng*) и традиционных верований. С точки зрения лингвокультурологии символика чисел в китайском языке опирается на феномен тональной омонимии. По причине ограниченного количества слогов большинство слов звучат одинаково, но отличаются тональностью. В связи с этим некоторые числа в китайском языке ассоциируются с созвучными словами. Для носителей китайского языка и культуры цифра – это не

просто математическая единица, а знак судьбы, процветания или предупреждение. В лингвокультурологии и семиотике числа считаются важными элементами лингвистического мировоззрения, отражающими особенности мышления и мировоззрения народа. Как отмечает отечественный исследователь М.Б. Давлатмирова, изучавшая счетную систему памирских языков, «Лингвосемиотическая реализация счетной системы отражает особенности месторасположения региона, специфику климата и культуры, поэтому в различных лингвокультурах по-разному воплощается значение счетной языковой картины» [1, с.56].

Среди работ китайских лингвистов, посвященных лексико-семантическому анализу единиц, отражающих символику чисел, можно назвать магистерскую диссертацию Лян Яли «Лексика обозначений чисел в китайских объявлениях и вывесках и способы их перевода для туристов» [3]. Автор подчеркивает тот факт, что числа в китайском языке являются не только инструментом счета, но и мощным культурным кодом, отражающим философские, религиозные и мифологические представления народа, что создает значительные трудности для переводчика. В работе приводятся яркие примеры того, как значение фраз искажается при неправильном переводе чисел, так как числа в китайском языке имеют как прямые, так и переносные значения. Например, «九尾狐» (*jiǔ wěi hú*) переводчик перевёл как «Шуба из 9 лисьих хвостов». Он воспринял числительное «九» (девять) только в его прямом, количественном значении. Однако в китайской культуре «девятихвостый лис» – это мощный мифологический образ, дух-оборотень, символ мудрости, долголетия и магической силы. Адекватный перевод должен был передать этот образ, а не подсчитывать хвосты. Ошибка возникла из-за полного игнорирования культурной коннотации, стоящей за числом «9» в данном контексте [3].

Другой китайский исследователь Цзя Цянь посвятил одну из своих статей под названием «Семантика и символика числового иероглифа «четыре» в китайском языке (в сопоставительном аспекте с русской лексемой «четыре»)» [5] семантическому анализу китайского числового иероглифа «четыре» на материале древних классических текстов. В статье проводится детальное сравнение семантических полей китайского иероглифа и соответствующей русской лексемы «четыре», а также анализируется феномен тетрафобии (суеверного избегания числа 4 в китайской культуре), вызванного его омонимией с иероглифом 死 (смерть). Сопоставительный подход позволил автору раскрыть специфику восприятия действительности, связанную с числом «четыре», в китайской лингвокультуре на фоне русской языковой картины мира. Согласно сведениям, приведённым в работе, «первое упоминание числового иероглифа 四 «четыре» содержится в «Книге Перемен» 易经 [И Цзин], VII век до н.э. Автор Книги перемен 周文王 (Чжоу Вэньван) пишет: «易有太极，是生两仪，两仪生四象，四象生八卦，八卦定吉凶» «Великий Предел (или Начало всех начал) родит Небо (сила Инь) и Землю (сила Ян). Потом между Небом и Землей появятся четыре символа. На основе четырех образов возникают восемь триграмм. С

помощью восьми триграмм определяются понятия благополучие и неблагополучие»[5, с.182]. Цзя Цзинь приводит множество примеров из древних текстов, где число «четыре» используется не совсем в негативном значении. В ходе исследования он пришел к выводу, что семантика данного иероглифа претерпела значительные изменения, и его древнее значение, связанное с концепцией мироздания, в современном китайском языке было утрачено.

Числу 3 в составе китайских фразеологизмов посвящена статья российских учёных А.Е.Ефименко и Н.А.Ефименко под названием «Структурно-семантический анализ русских и китайских фразеологических единиц с нумеративом «три»» [2], где они показывают, что данное число может нести как позитивное, так и на негативное значения в зависимости от комбинации с другими цифрами и лексикой. Но в большинстве случаев оно носит нейтральный характер [2].

Как было указано выше, в китайском языке числа часто приобретают образные значения из-за омофонии – сходства звучания цифры с другими словами. К примеру, слово «четыре» (四 *sì*) звучит почти так же, как «смерть» (死 *sǐ*), поэтому число 4 несет негативное значение. И наоборот, «восемь» (八 *bā*) звучит схоже со словом «разбогатеть» (发 *fā*) и символизирует процветание. Эти ассоциации настолько укоренились в сознании носителей данного языка, что влияют на их повседневные решения: От выбора даты мероприятий, таких как свадебные церемонии, обряды почитания предков, до выбора номера телефона, номера машины или покупки квартиры.

С лингвокультурологической точки зрения, числовая символика – это способ выражения национального мировоззрения через язык. Она демонстрирует тесную связь между звуком и значением, ценностями китайского народа – стремлением к гармонии, долголетию и процветанию, а также сохранением культурной памяти через стабильные числовые коды и выражения. Числа выполняют не только номинативную, но и культурно–семиотическую функцию, образуя особый слой лингвистического мировоззрения. Символика чисел в китайской лингвокультурологии классифицируется по следующим аспектам:

1. Фонетическая омофония:

四 (*sì*) – четыре. Для носителей китайского языка и культуры данное число несёт самое негативное значение. Его произношение «сы» почти идентично слову 死 (*sǐ*) – «смерть». Из-за этой ассоциации число четыре избегают при любых обстоятельствах. В медицинских учреждениях и гостиницах Китая, Гонконга и Тайваня часто нет четвертого этажа, а люди стараются не использовать его в телефонных номерах и номерных знаках. Подарок, состоящий из четырех предметов, может быть истолкован как негативное пожелание. В электронной энциклопедии Baidu [8] приводится интересный факт: «Некоторые городские автобусные системы отменили обозначения маршрутов, таких как 4 и 14, и заменили их трёхзначными номерами, чтобы избежать цифры 4. В 2024 году во многих новых жилых районах отменили схемы планировки с 4 зданиями»[8].

Словарь «Современный словарь китайского языка» [9] дает значение «число, три плюс один» («数目, 三加一后所得»), а также указывает на его использование в составе сложных слов, таких как 四方 («четыре стороны света»). Никаких упоминаний о негативной коннотации, связанной с омофонией со словом 死 (sǐ, смерть), а также о явлении тетрафобии в статье не содержится. Это демонстрирует, что одно из самых мощных культурных значений чисел существует на уровне языкового сознания, но не всегда зафиксировано в словаре.

六 (liù) – шесть. Произносится как «лю», ассоциируется с гладкостью и процветанием. Слово 流 (liú) означает «течь», а в сочетании 顺利 (shùnlì) – «гладко», «без помех». Число шесть символизирует гладкость дел, стабильность и гармонию. Оно часто используется в пожеланиях: «Пусть все идет гладко!». Как указано в «Словаре китайских символов», «говорят, что первый император Ши Хуанди основывал свою власть на числе шесть (следовательно, на 36 провинциях)» [7, с.329].

В «Культурном словаре китайского языка» приводятся следующие сведения: «Китайцы суеверны в отношении некоторых чисел. Например, 6 и 8 считаются счастливыми, а 4 – несчастливым, потому что кантонское произношение 8 звучит похоже на 发 (в выражении 发财 – разбогатеть). С другой стороны, мандаринское произношение 4 звучит похоже на 死 (умереть). Один из самых богатых китайцев, сэр Ка-шин Ли (李嘉诚, 1928), официально ушел в отставку 16 марта 2018 года в 16:36. Числа с большим количеством 6 или 8 считаются счастливыми. Например, свадебная фотосъемка часто стоит 8888 юаней» [6, с.99].

八 (bā) – Восемь. Несёт наиболее благополучное значение в менталитете носителей китайского языка и культуры. Его произношение «ба» созвучно слову 发 (fā) в словосочетании 发财 (fācái), которое означает «разбогатеть» или «процветать». Число восемь символизирует процветание, успех и удачу в делах. По данной причине числа с восьмерками стоят дороже, и люди стараются включать их в свои телефонные номера, номера автомобилей и особенно в даты важных событий (свадьбы, открытия компаний). Олимпийские игры 2008 года в Пекине начались 8 августа 2008 года в 20:08.

Дефиниции для чисел 六 (liù, шесть) и 八 (bā, восемь) сугубо количественные. Несмотря на то, что 六 ассоциируется с благополучием (溜, «гладко»), а 八 – с богатством (发, «процветать»), фонетически обусловленные символические значения не нашли отражения в «Новом китайско-русском словаре» [9]. Однако в «Словаре китайских символов» число «восемь» зафиксировано под такими же значениями: «Хотя восемь – это число инь, в мистической нумерологии оно связано с мужским началом, то есть с существом ян: «Жизнью человека управляет число 8. В 8 месяцев у него появляются молочные зубы, в 8 лет он их теряет. В 28 лет он становится мужчиной, 88 – это возраст, в котором он становится неспособным к продолжению рода. Изменения порождаются противодействующей силой инь; точно так же, как и в случае с

числом семь, сила мужского числа восемь оказывает влияние на женское развитие» [7, с.109].

2. Культурно-исторический аспект формирования символики:

九 (*jiǔ*) – девять. Число 9 звучит так же, как слово 久 (*jiǔ*) – «долго», «долговечный». Оно олицетворяет долголетие и вечность. В императорском Китае девять было числом императора, так как считалось вершиной нечетных (ян) чисел. Именно поэтому в «Запретном городе» в Пекине 9999 комнат. Девять часто используется в свадебных церемониях как пожелание долгого и крепкого брака. В словаре число 九 (*jiǔ*, девять) фиксирует значение «число, восемь плюс один» («数目, 八加一后所得») и приводит пример 九霄 («девятое небо»), что указывает на его связь с концепцией «высшего предела». Однако символика императорской власти и долголетия, связанная с омофонией 久 (*jiǔ*, «долго»), остается имплицитной и не эксплицирована в дефиниции. В «Словаре китайских символов» указывается: «В девятый день девятого месяца отмечался праздник «двойного ян»: мужчины поднимались в горы и пили вино из хризантем. Старый Пекин, построенный в соответствии с астрологическими рекомендациями, имеет в центре святилище и восемь проходов, то есть девять частей» [7, с.253].

七 (*qī*) – семь. Отношение к числу семь неоднозначно. С одной стороны, оно ассоциируется с романтикой (праздник Ци си – День святого Валентина). С другой стороны, число 7 ассоциируется с призраками и загробной жизнью. Седьмой месяц лунного календаря – «месяц призраков», как указано в «Словаре китайских символов»: «Термин «цзуо ци» относится к семидневному периоду после смерти, в течение которого душа умершего постепенно отделяется от этого мира и от своих родственников. На каждый седьмой день совершаются определенные жертвоприношения и проводятся ритуальные церемонии, часто с участием буддийских монахов, которые читают сутры. Весь процесс занимает 49 дней: к этому времени душа умершего отправляется в загробный мир, когда, согласно народным поверьям, духи умерших выходят в мир живых» [7, с.322]. В статье указано количественное значение и приведен пример 七夕 («Праздник Двойной Семерки»), что косвенно указывает на культурную значимость числа. Однако его амбивалентная символика (романтика / «месяц призраков») не раскрыта. В «Новом китайско-русском словаре» числу «семь» дается такое значение: «Семь (число, ассоциирующееся с мужской силой космогонии 陽, с огнём, молнией, громом, триграммой 震, югом, реже западом)» [4, с.262]. Однако даётся и противоположное значение числу «семь»: «Как нечётное число, семь является числом ян, но в нумерологии оно ассоциируется с женщинами как элемент инь. Это связано с тем, что ритмичное развитие женского организма, по-видимому, основано на числе семь. В семь месяцев у девочки появляются первые зубы, которые она теряет в семь лет. В 2 x 7 лет = 14 «открывается путь инь». Наконец, в 7 x 7 лет = 49 наступает менопауза. Аналогично, мужской организм, как предполагается, развивается с шагом в восемь раз» [7, с.322].

3. Философский аспект формирования символики:

Ноль (零, *líng*) часто ассоциируется с пустотой и небытием, но в сочетании с другими числами может усиливать их значение (например, 108 – еще более благоприятное число, чем просто 18).

三 (*sān*) – три. В китайской философии существует важная триада «Небо – Земля – Человек», которая придает этому числу сакральное значение целостности и гармонии. Также в статье «Число, два плюс один» («数目, 二加一后所得»), приводится пример 三国 («Троецарствие»), что отсылает к историческому периоду. Однако фундаментальная для китайской философии триада «Небо–Земля–Человек» (天地人) в статье не упоминается. В «Новом китайско– русском словаре» цифра «три» также идёт под значением «государь – отец– учитель». В статьях для чисел 三 (*sān*, три) и 五 (*wǔ*, пять) словари делают шаг в сторону фиксации культурного контекста, приводя устойчивые словосочетания. «Как и все нечетные числа, три – мужского рода и очень важное число в китайском языке: мысль. Из основной триады неба, земли и человека (сан цай) происходит множество других триад» указано в «Словаре китайских символов» [7, с. 359].

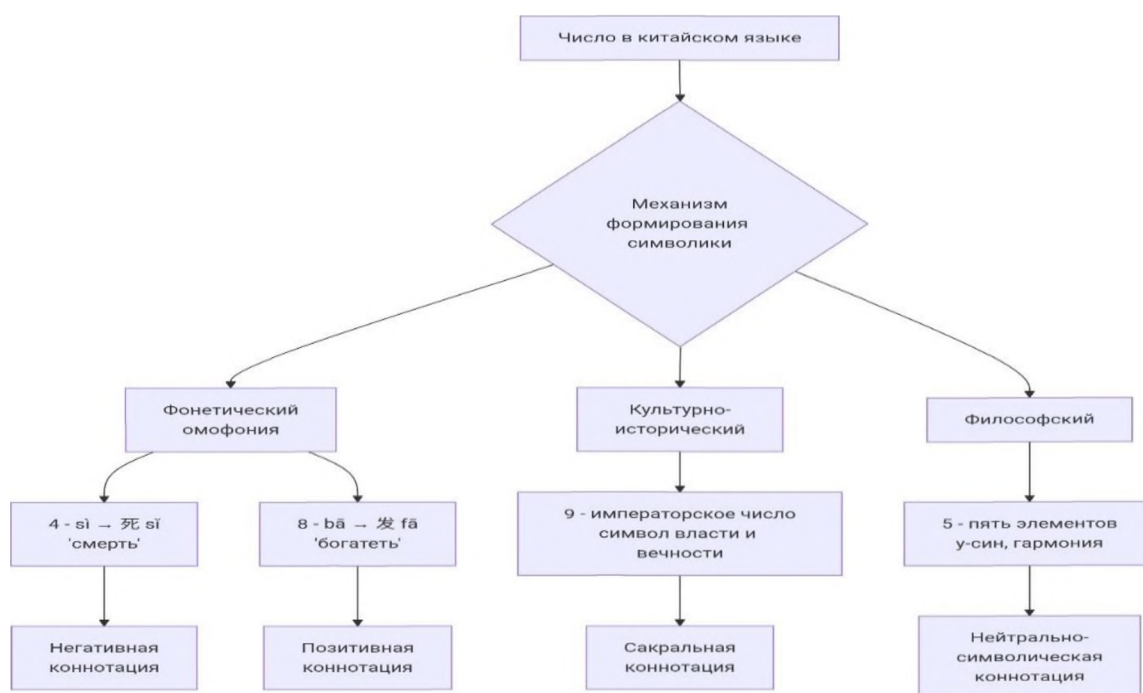
五 (*wǔ*) – Пять. Нейтральное число, но культурно значимое. Символизирует пять элементов (огонь, вода, земля, металл, дерево) и центр (середину). 五 в дефиниции оно указано как «четыре плюс один» («四加 – 后所得»). Также приведен пример 五行 («пять стихий»), что напрямую отсылает к важнейшей философской категории. Это редкий случай прямой фиксации символического значения в словарной статье. В «Культурном словаре китайского языка» числу «5» придаётся следующее значение: «Костюм Ятсен (中山装) или костюм Мао имеет пять передних пуговиц, предположительно, чтобы избежать цифр 4 или 6, которые в сочетании могут иметь очень негативное значение в таких словах, как 四六不懂:50 (по сути, невежественный и нецивилизованный). Одно из объяснений заключается в том, что 天,地,父 и 母 (Небо, Земля, отец и мать) – это основные понятия и этические нормы. Так получилось, что 天 и 父 состоят из четырех и шести черт. Если человека считают 四六不懂, его обвиняют в незнании 天地 (следовательно, невежественный) и 父母 (следовательно, нецивилизованный)» [6, с.100]. Как указано в «Словаре китайских символов», «традиционная китайская медицина основана на различных взаимосвязях и объектах, расположенных в пятикратном порядке; подобные комбинации лежат в основе китайской астрологии и геомантии» [7, с.129].

Анализ словарных статей, посвященных числительным 零 (*líng*, ноль), 一 (*yī*, один), 二 (*èr*, два) и 十 (*shí*, десять), показывает, что их дефиниции ограничиваются указанием на порядковый или количественный счет. Никакие культурные или символические коннотации в них не приводятся. Например, 一 определяется как «наименьшее натуральное число» («最小的正整数»), что

соответствует исключительно номинативной функции. Числу «два» в «Словаре китайских символов» даётся такое обозначение: «Это Целое, объединяющее Единицу и Двойку: ибо в Единице все конъюнктивные и дизъюнктивные аспекты, такие как право/лево, вверх/вниз, назад/вперед, круг/квадрат, инь и ян, взаимно компенсируются. Это Целое, которое одновременно является Единством и парой, повторяется во всех нечетных числах, начиная с Тройки (которая равна Единице плюс Двойка)» (из фундаментального труда Марселя Гране по китайской числовой мистике)» [7, с.376].

В таблице 1 приведён наглядный пример механического формирования символики чисел в китайской лингвокультурологии:

Таблица 1 – Механическое формирование символики чисел в китайской лингвокультурологии

(Изображение было создано с помощью метода ИИ)

В веке технологий «Жители поднебесной» активно используют систему чисел в своей повседневной жизни, и они придумали интересный метод употребления счетной системы в общении. Наиболее часто употребляемые фразы были заменены числами, которые схожи с ними с фонетической точки зрения. Так они могут сэкономить время при общении, и данный метод набирает особую популярность среди нового поколения.

Ниже приведена таблица, составленная из небольшого количества позитивных и негативных числовых комбинаций, которые чаще всего используются носителями китайской лингвокультуры в разных социальных сетях:

Таблица 2 – Позитивные и негативные числовые комбинации

Позитивные числовые комбинации				Негативные числовые комбинации		
№	Комбинация	Значение	Перевод	Комбинация	Значение	Перевод
	58	晚安	Спокойной ночи	246	饿死了	Я ужасно хочу есть
	88	拜拜	Пока!	898	分手吧	Давай расстанемся
	98	早安	Доброе утро	546	我输了	Я проиграл(а)
	165	一路发	Всю дорогу преуспевать	5376	我生气了	Расстроен(а) / Злюсь
	360	想念你	Я по тебе скучаю	555	呜呜呜	Плачу
	516	我要溜	Мне нужно идти	587	我抱歉	Прошу прощения / Извини
	517	我要吃	Есть хочу	987	对不起	Прости
	520	我爱你	Я тебя люблю	9958	救救我吧	Спасите-помогите!
	558	午午安	Добрый день	7456	气死我啦	Ужасно злюсь
	548	无事吧	У тебя всё хорошо?	08376	你别生气了	Не обижайся

Символика чисел в Китае является живой и неотъемлемой частью культуры, влияющей на решения в бизнесе, личной жизни и повседневных ритуалах. Это уникальный язык, в котором математика переплетается с лингвистикой, суевериями и древней мудростью. Знание этого «числового кода» позволяет не только избежать культурных промахов, но и глубже понять внутреннюю логику и ценности китайского общества, где даже простая последовательность цифр может скрывать целое послание о богатстве, любви и долголетию.

Проведенное исследование подтверждает, что числа в китайской лингвокультуре представляют собой сложный семиотический феномен, выходящий далеко за рамки простой количественной номинации. Лексико-семантический анализ показал, что символика чисел формируется под влиянием трех основных факторов: фонетической омофонии, культурно – исторического наследия и философских категорий (таких как система «инь-ян» и учение «у-син»).

Авторитетные китайские толковые словари (например, «Современный словарь китайского языка») преимущественно фиксируют лишь прямое, количественное значение числительных, однако «Словарь китайских символов» более подробно фиксирует переносные значения символики чисел. Богатый пласт культурных коннотаций, таких как тетрафобия (избегание числа 4) или культ числа 8, зачастую остается за рамками словарных дефиниций и требует реконструкции через дополнительные источники. Было выявлено, что значения чисел могут быть как однозначно негативными (4 – «смерть») или позитивными (8 – «богатство», 6 – «гладкость»), так и амбивалентными (7 – романтика и «месяц призраков») или глубоко философскими (3 – триада «Небо–Земля–Человек»). Числовые коды (например, 520 – «я тебя люблю», 995 – «спасите») стали автономным средством коммуникации, основанным на звуковых ассоциациях, что очень важно для понимания современного живого языка.

В целом, понимание «числового кода» является необходимым условием для успешной межкультурной коммуникации и адекватного перевода. Числа в китайском языке функционируют как устойчивые культурные маркеры, в которых математическая точность переплетается с национальной психологией и древними традициями. Таким образом, изучение числовой символики позволяет глубже проникнуть в концептуальную картину мира носителей китайского языка.

Литература

1. Давлатмирова М.Б. Этнолингвокультурные особенности отражения символики чисел в памирских языках // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2024. – №3(85). – С.56-63
2. Ефименко А.Е., Ефименко Н.А. Структурно-семантический анализ русских и китайских фразеологических единиц с нумеративом "три" [Электронный ресурс] // Филология: научные исследования. – 2023. – №10. – Режим доступа: <https://share.google/HNxGmacOi3iNvMnUC>
3. Лян Яли. Лексика обозначений чисел в китайских объявлениях и вывесках и способы их перевода для туристов: маг. дис. – Екатеринбург, 2024. – 107 с.
4. Левина О.В. Новый китайско-русский словарь (1000 слов и словосочетаний). – М.: ООО «Дом славянской книги» – М., 2009. – 959 с.
5. Цзя Цянь. Семантика и символика числового иероглифа «четыре» в китайском языке (в сопоставительном аспекте с русской лексемой «четыре») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2017. – №1(67): в 2-х ч. Ч.1. – С.182–184.
6. Цзяо Ливэй. A Cultural Dictionary of the Chinese Language: 500 Proverbs, Idioms, and Maxims. – London and New York: Routledge, 2020. – 163 с.
7. Eberhard W. A Dictionary of Chinese symbols: hidden symbols in Chinese life and thought / Wolfram Eberhard; translated from the German by G.L.Campbell. – London; New York: Routledge, 1986. – 411 p.
8. 百科头条. 恐4症. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://baike.baidu.com/item/%E6%81%90%E7%97%87/19460011>
9. 中国社会科学院语言研究所词典编辑室. 现代汉语词典 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cd.hwxnet.com/>

10. 在线成语词典查询— 手机站。[Электронный ресурс]. – Режим доступа:
<http://wap.5156edu.com/cv/>

LEXICO - SEMANTIC ANALYSIS OF UNITS REFLECTING NUMERICAL SYMBOLISM IN THE CHINESE LANGUAGE (BASED ON AN EXPLANATORY DICTIONARY)

Saydalizoda Zulfiya Tagoymurod

Postgraduate student of the chair of theoretical and applied linguistics
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str., 30
Ph.: (+992) 001 66 81 31 (m.); (+992) 44 620 42 09
Feiva238@gmail.com

This article examines the symbolism of numbers in the Chinese language and provides a lexical-semantic analysis of units and metaphors reflecting the symbolism of numbers, using data from explanatory dictionaries. The theoretical basis of the study was formed by the works of such famous scientists as Wolfram Eberhard, A.E.Efiminko, N.A.Efimenko, M.B.Davlatmirova, O.V.Levina, Liang Yali Jia Qian, who studied the topic of the symbolism of numbers in different linguacultures. For the analysis, basic numerals were selected, and such lexicographic works as the "Dictionary of Chinese Characters" [7], the 7th edition of the dictionary "Modern Dictionary of the Chinese Language" (现代汉语词典) [4], the Baidu electronic dictionary [8], the dictionary of phraseological units, etc. Using the methods of lexicographic, componential, etymological and linguacultural analysis, the author considers the figurative meanings of the symbolism of numbers in the Chinese language, determines their association with superstitions and metaphor. The results showed that explanatory dictionaries primarily record the quantitative meaning of numerals, while a rich layer of cultural symbolism (homophonic associations, philosophical concepts) remains outside the scope of dictionary entries and is reconstructed through the use of additional cultural and historical sources.

Keywords: Chinese numeral symbolism; counting system; lexical and semantic analysis; explanatory dictionary; national specificity; cultural code; superstitions; rituals.

ТАҲЛИЛИ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИКИ ВОҲИДҲОЕ, КИ РАМЗИ АДАДӢ ДАР ЗАБОНИ ЧИНӢ ИНӢИКОС МЕКУНАНД (ДАР АСОСИ ЛУҒАТИ ТАВЗЕҲӢ)

Сайдализода Зулфия Тағоймурод

Аспиранти кафедраи забоншиносии назариявӣ ва амалӣ
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯчаи М. Турсунзода, 30
Тел: (+992) 001 66 81 31 (м.); (+992) 44 620 42 09
Feiva238@gmail.com

Ин мақола рамзикунони рақамҳоро дар забони чинӣ баррасӣ мекунад ва бо истифода аз маълумоти луғатҳои тавзеҳӣ таҳлили лексик-семантикии воҳидҳо ва истиораҳоеро, ки рамзикунони рақамҳоро инъикос мекунад, пешниҳод мекунад. Асоси назариявии таҳқиқотро асарҳои олимони машҳур ба монанди Волфрам Эберхард, А.Е.Ефиминко, Н.А.Ефименко, М.Б.Давлатмирова, О.В.Левина ташкил доданд. Лян Яли Чиа Цян, ки мавзӯи рамзи рақамҳоро дар забоншиносии гуногун омӯхтааст. Барои таҳлил рақамҳои асосӣ интихоб карда шуданд ва асарҳои луғатшиносӣ, аз қабيلي "Луғати аломатҳои чинӣ" [7], нашри ҳафтуми луғат "Луғати муносири забони чинӣ" (现代汉语词典) [4], луғати электронии Baidu [8], луғати воҳидҳои фразеологӣ ва ғайра. Муаллиф бо истифода аз усулҳои таҳлили луғатшиносӣ, компонентӣ, этимологӣ ва лингвофарҳангӣ маъноҳои маҷозии рамзи рақамҳоро дар забони чинӣ таҳқиқ мекунад, робитаи онҳоро бо хурوفот ва истиора муайян мекунад. Натиҷаҳо нишон доданд, ки луғатҳои тафсирий асосан маънои миқдории рақамҳоро сабт мекунад, дар ҳоле ки як қабати ғании рамзи фарҳангӣ (ассотсиатсияҳои гомофонӣ, мафҳумҳои фалсафӣ) берун аз доираи вурудоти луғат боқӣ мемонад ва тавассути истифодаи манбаъҳои иловагии фарҳангӣ ва таърихӣ барқарор карда мешавад.

Калидвожаҳо: рамзи рақамии чинӣ; системаи ҳисобкунӣ; таҳлили лексик ва семантикӣ; луғати тафсирий; ҳосияти милли; рамзи фарҳангӣ; хурوفотҳо; маросимҳо.

УДК 811.222.8

МАРКЕРЫ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА КАК ИНДИКАТОР ВЕЖЛИВОСТИ В ТАДЖИКСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Собирова Азиза Акбаровна

Аспирант кафедры теоретического и прикладного языкознания
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+ 992) 977 78 99 77 (м.)
aziza_sobirova.98@mail.ru

Статья посвящена исследованию маркеров социального статуса через призму категории вежливости. Предпринята попытка описать и систематизировать основные типы статусных маркеров в таджикской речевой практике и показать их роль в реализации стратегии вежливости. Отмечается, что особенно ярко эта парадигма проявляется в классических произведениях (в частности, в трудах С. Айни), современных медиа и разговорной речи.

Маркеры социального статуса в таджикской лингвокультуре обладают высокой устойчивостью и нормативностью. Анализ показал, что художественные тексты, современный медийный дискурс, статусно обусловленные формы обращения и речевые стратегии образуют достаточно жесткую систему, нарушение которой воспринимается как сбой в коммуникативном поведении. Это подчеркивает традиционную для таджикской лингвокультуры значимость возрастно-социальной иерархии и коллективных норм.

Показано, что статусные маркеры в языке выполняют роль символического капитала. Умение правильно использовать титулы, сложные этикетные формулы, местоименные стратегии (ту/шумо) рассматриваются носителями языка как показатель воспитанности и принадлежности к культурному сообществу.

В современных условиях происходит переосмысление традиционных маркеров, но их функция остается прежней. Маркеры статусной вежливости продолжают играть центральную роль в социализации и формировании национальной идентичности.

Ключевые слова: вежливость; маркер; лингвокультура; статус; дискурс; культура; языковой индикатор; национальная идентичность.

Значимость обращения к статусным маркерам продиктована потребностью объяснить, каким образом в таджикском речевом этикете внешние и поведенческие признаки социального положения становятся инструментом выражения почтительности. В современных условиях имущественное и иерархическое расслоение общества не ограничивается лишь материальными показателями, а закрепляется также в символических вербальных формах, в частности маркерах вежливости, которые с легкостью распознаются участниками коммуникации. Анализ этих маркеров раскрывает механизмы статусного позиционирования, принятия

или исключения, а также позволяет проследить, как общество выстраивает внутренние границы между разными социальными группами.

В современных языковедческих исследованиях отчетливо прослеживается тенденция рассматривать речевые явления сквозь призму человеческого фактора – в неразрывной связи с условиями быта, системой моральных ценностей и этнокультурными традициями. Антропоцентрический подход, доминирующий сегодня в науке, исходит из того, что индивид выступает одновременно и носителем языка, и представителем конкретной лингвокультуры. В рамках этого подхода любые речевые акты оказываются обусловлены иерархическими отношениями, статусными различиями и принятыми в социуме этикетными предписаниями. Особое место в этом вопросе занимает категория вежливости, понимаемая как сложный социально и культурно обусловленный регулятор речевого поведения.

Необходимость изучения обозначенной проблемы в таджикской лингвокультуре обусловлена, во-первых, высокой значимостью статуса, возраста и иерархии в традиционном таджикском обществе и, во-вторых, недостаточной разработанностью именно статусно-маркированной составляющей таджикского речевого этикета в сопоставлении с хорошо описанными европейскими моделями вежливости.

В настоящей статье предпринята попытка описать и систематизировать основные типы статусных маркеров в таджикской речевой практике и показать их роль в реализации стратегии вежливости. Особенно ярко эта парадигма проявляется в классических произведениях (в частности, в трудах С. Айни), современных медиа и, безусловно, разговорной речи.

Обращение к данной теме, как, собственно, к любой научной проблеме, требует внимания к теоретическим разработкам, ранее представленным в контексте различных исследований по речевому этикету и вежливости.

Прежде всего рассмотрим понятие «социальный статус», который традиционно понимается, как «позиция индивида или группы в структуре общества, связанная с определенным объемом прав, обязанностей, престижем и доступом к ресурсам» [8, с.8]. Статус может быть предписанным (по рождению, полу, возрасту, этничности) или приобретенным (образование, профессия, экономический успех и пр.).

П. Бурдьё вводит понятие «символический капитал» [19, с.91] – совокупность признанных в данном обществе признаков престижа и уважения, которые «считываются» через различные культурные и языковые коды. Внешними проявлениями символического капитала являются так называемые маркеры социального статуса – элементы внешнего вида, манера поведения, выбор языковых средств, которые в повседневном общении выполняют функцию «сигналов», позволяющих участникам взаимодействия ориентироваться в статусной иерархии.

В лингвистике маркеры социального статуса рассматриваются как единицы языка и речевого поведения, которые указывают на статусные характеристики говорящего и адресата (возраст, социальная роль, степень авторитета, близость, дистанция и пр.). Традиционно к ним относят: формы обращения и титулы, выбор местоимений *ТЫ/ВЫ*, выбор стилей и регистров (разговорный, книжный,

официальный), использование специфических вежливых формул, эвфемизмов. Как видим, маркеры социального статуса представляют собой важнейший слой лингвокультурной информации, тесно связанный с нормами вежливости, которые всегда культурно опосредованы. Так, один и тот же формальный ресурс (обращение по имени, но без титула) может восприниматься в разных культурах как нейтральный, фамильярный или даже оскорбительный.

Российский исследователь А.А. Леонтьев определяет категорию вежливости как инструмент, позволяющий «проследить логику поведения представителей различных этнокультур, так как различия в использовании стратегий вежливости отражаются на особенностях доминантных черт коммуникации, которые формируют коммуникативный этностиль» [13, с.132].

Для С.Ю. Глушковой категория вежливости – это «комплекс языковых индикаторов – набор знаков (клише, стереотипных фраз) – и надлежащее их грамматическое, синтаксическое, лексическое и фонетическое оформление» [5, с.61].

А.А.Берн видит в вежливости «стратегию определенного вербального и невербального поведения, адекватную целям и задачам коммуникации, а также лингвокультурным нормам общества, при котором коммуниканты учитывают принципы защиты лица собеседника» [2, с.4].

Е.А.Руднева, рассматривая современные тенденции в исследовании вежливости, в частности через дискурсивный и интерактивный подходы и изучение грубости, говорит о вежливости как «во многом о нерациональной, а субъективной категории, связанной с эмоциями людей» [15, с.55].

В контексте изучения взаимодействия и коммуникации между людьми из разных культур заметное место занимает книга американских социолингвистов П.Браун и С.Левинсон «Вежливость: некоторые универсалии в употреблении языка», в рамках которой авторы ссылаются на классическую теорию вежливости, выстраиваемую вокруг понятия «лицо» (по Гофману) как позитивного социального образа себя, претензия субъекта на уважение и признание [20, с.167].

П.Браун и С.Левинсон выделяют «позитивную вежливость», ориентированную на выражение солидарности, одобрения и участия, и «негативную» вежливость, подразумевая уважение автономии, личного пространства адресата и минимизацию навязывания/навязчивости. В этой связи ученые выделяют триаду «Дистанция – Власть/Статус – Степень («обременительности»)» или «Distance – Power – Rank of imposition», в которой доминирует компонент Власть/статус – Power: чем выше статус адресата по отношению к говорящему, чем больше усилий требуется для смятения потенциальной угрозы «лицу» адресата. Отметим, что в обществах с жесткой иерархией (в частности, таджикской лингвокультуре) этот параметр особенно важен и статусные маркеры – титулы, уважительное обращения, выбор местоимений – становятся главным инструментом кодирования вежливости [20, с.59].

Так, критики «классической» теории вежливости понимают под вежливостью не набор универсальных стратегий, а намного больше – ценности конкретной культуры, идеологические паттерны общения и модели власти. Соответ-

ственно, актуальным представляется изучение локальных лингвокультур – в нашем случае таджикской.

Каждое лингвокультурное общество определяет вежливость по-своему. Е.А.Руднева определяет «вежливую» коммуникацию как, во-первых, «комфортную для участников взаимодействия», а во-вторых, обуславливает ее успех «универсальными и культурно специфическими и локальными закономерностями» [15, с.65]. В таджикской лингвокультурной среде категория вежливости ярко проявляется по отношению к старшим по возрасту и по положению, а также к женскому полу, что, в свою очередь, отражается и на коммуникации.

Г.С.Асатрян и Н.Х.Геворкян подчеркивают, что «одна из главных черт общественной нормы поведения у персоязычных народов – подчеркивание почтения к старшим по возрасту (положению), что отчетливо сказывается на речевом поведении индивида» [1, с.149].

Х.Ё.Худоёров полагает, что «вежливость в таджикско-персидском лингвокультурном ареале была одной из древнейших традиционных форм общения, которая сохранялась на протяжении многих столетий <...>, решала большие и малые задачи во взаимоотношениях людей. Особенно наглядно это проявлялось в семейных взаимоотношениях, где, прежде всего, основное внимание и почтение уделялось старшим людям по возрасту, а родители в глазах своих детей считались святыми» [18, с.153].

Эта черта национального характера не могла не привлечь внимание таджикских исследователей. Разработкой проблематики речевого этикета и вежливости в рамках таджикской филологии занимались такие представители национальной научной и литературной мысли, как А.Л.Бухоризода [4], М.Н.Косимова [11; 12], Д.М.Искандарова [7; 21; 22], Б.Камолиддинов [9; 10], Ш.Рустамов [16], Б.Бободжонова [3], Н.А.Холиков [17] и др.

Известный таджикский лингвист Д.М.Искандарова, рассматривая ключевые аспекты речевого этикета вербальных средств выражения просьбы, индикаторы социальной иерархии и прагматику вежливости в межкультурной коммуникации, выдвигает тезис о том, что в основе вежливости лежит принцип самоуважения, пересматривающий традиционный взгляд на вежливость как исключительно проявление уважения к собеседнику [7, с.133].

Вежливость в контексте массмедиа рассматривает М.Р.Джураева: «В речевом этикете воплощаются исторические закономерности *Ту/Шумо – Ты/Вы* общения. Системность *Ту/Шумо – Ты/Вы* формул в таджикском языке и в таджикской речи приводит к выводу, что в таджикском речевом этикете существует сложный механизм включения и переключения отношений официально-неофициальности, доверительности, фамильярности, сдержанности, холодности и т.п. *Ту/Шумо – Ты/Вы* формы в речевом этикете позволяют в пределах осознаваемых социальных ролей, постоянных и переменных ролевых признаков выдерживать общение в избранной тональности» [6, с.38].

Сравнительному анализу стратегий вежливости на материале таджикского и турецкого языков посвящена диссертационная работа Н.А.Холикова, в которой, в частности, изучается прагматическая функция вежливости в реализации ключе-

вых коммуникативных актов – обращение, приветствие, благодарность – требующих выполнения главных социальных задач: поддержание гармонии в общении и минимизация рисков возникновения конфликтов внутри языкового сообщества. Исследователь отмечает, что «культурные и религиозные ценности данных народов требуют демонстрации высокого уважения к собеседнику, и рамки этики четко определяют эти требования» [17, с.20].

Б.Ш.Бободжанова трактует вежливость как «категорию и как комплекс языковых индикаторов, набор знаков (клише, стереотипных фраз) и надлежащее их грамматическое, синтаксическое, лексическое и фонетическое оформление» [3, с.4]. Исследователь изучает морфологические элементы, служащие для выражения уважения в таджикском языке, и отводит особую роль глагольным флексиям, которые в контексте вежливости неизменно принимают форму множественного числа, даже в случае, когда подлежащее выражено существительным или местоимением в единственном числе [3, с.5].

Переходя к анализу практических примеров, важно отметить, что самый главный индикатор социального статуса в таджикской речи – это лексические формулы обращения, выбор которых, включая даже просодические средства, зависит от социолингвистических и социокультурных установок, предполагающих обязательный учет места индивида в семейной, профессиональной и социальной иерархии.

Центральным элементом национального речевого этикета являются три местоименных обращения:

ту/ты – сигнализирует о родственной, дружеской, идейной, возрастной или профессиональной близости собеседников;

шумо/Вы – акцентирует коммуникативную дистанцию, определяемую возрастной и социальной разницей собеседников; как правило, используется при обращении к лицам старшего возраста (реже – младшего (зависит от территориальной принадлежности коммуникантов)) и / или занимающим более высокое статусное положение;

эшон – маркер высшей степени почтительности, проявляемой к собеседнику, активно представлен в литературном и религиозном дискурсах, реже – в светском.

Возможен переход с *шумо* на *ту*, однако коннотативные особенности этого перехода могут транслировать амбивалентность: традиционно – смягчение статусных барьеров, переключение на неформальный тон общения; ситуативно – намерение умалить статус собеседника.

Не уступая местоимениям по своей значимости, обращения, оформленные существительными, так же попадают в поле исследовательского внимания, и здесь количественно преобладают единицы, называющие родственные отношения. *Ака (старший брат), апа (сестра), хола, амма (тетя), амак (дядя), бобо/тир (старик, старший)* являются типичными и употребляются не только по отношению к родственникам, но и к посторонним людям, старшим по возрасту или занимающим более высокий социальный статус.

В целом же этих терминов-обращений достаточно много, и они широко употребимы во всех слоях таджикского общества: «*надар*» (отец), «*модар*» (мать), «*хохар*» (сестра), «*амак/амаки калон*» (дядя (по отцовской линии)), «*таго/таго калон*» (дядя (по материнской линии)), «*бобо/отай калон/ бобокалон/бобочон*» (дедушка), «*биби/бибишон/модаркалон/очабиби/мома*» (бабушка), «*тисар*» (сын), «*духтар*» (дочка), «*оча/бува/ая/нана/апа*» (мама), «*дада/ота/дадо/додо*» (папа), «*ака/бародар/додар/ини/уко*» (брат), «*апа/апачон/сингар/сингил*» (старшая сестра), «*набера/абера*» (внук, правнук), «*хушдоман*» (свекровь), «*хушдомар/хусур*» (свекр), «*келин*» (сноха), «*арус*» (невеста), «*қайнона*» (теща), «*қайнот*» (тесть), «*домод*» (зять), «*қайни*» (деверь) и т.д. Все они демонстрируют почтительное отношение к старшему по возрасту и способствуют поддержанию гармоничных, уважительных отношений между коммуникантами.

Помимо этого, родственные термины активно используются как универсальные уважительные формулы по отношению к старшим и социально значимым фигурам, даже если между собеседниками отсутствуют реальные родственные связи. Такая семиотизация речи отражает традиционную для Центральной Азии модель общества «большая семья» – метафора определенного социального устройства, которая проявляется главным образом в речевом этикете.

Немаловажную роль здесь играют глагольные формы обращения. Вежливая форма образуется путем присоединения к глаголу окончания множественного числа, хотя субъект действия мыслится как единственное число: *дароед* (войдите), *кунед* (сделайте), *истед* (постойте), *фаҳмед* (поймите), *иҷозат диҳед* (позвольте) и пр. В отдельных регионах (у северян) на «Вы» обращаются даже к младшим по возрасту (к детям в том числе), что транслирует стремление семьи создать равные уважительные, субординационные отношения между всеми ее членами.

Просьбы, адресованные статусному собеседнику, в большинстве своем строятся через модальные конструкции: *мехостам пурсам; илтимос мешавад, ки...; аз Шумо эҳтиромона хоҳиш менамоям, ки...*

Рассмотрим другой крупный пласт – профессиональные и религиозные титулы: *устод*, *муаллим*, *домулло*, *доктор*, *раис(а)* и др., которые часто употребляются со словом «*мухтарам*» (уважаемый).

Самым ярким титульным обращением в таджикском языке, подчеркивающим высший социальный статус, является обращение к главе государства: *Асосгузори сулҳу ваҳдати миллӣ – Пешвои миллат, Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон мухтарам Эмомалӣ Раҳмон* (Основатель мира и национального единства – Лидер нации, Президент Республики Таджикистан, уважаемый Эмомали Рахмон). Более того, в данный идеологизированный титул включен и институциональный статус «*Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон*» (Президент Республики Таджикистан), а также оценочно-этикетная лексема «*мухтарам*» (уважаемый).

Цепочка из нескольких титулов с добавлением эпитета «*мухтарам*» (уважаемый) выполняет сразу несколько функций: юридически фиксирует уникальный политический статус, реализует стратегию максимально возвышенного адресата,

задает модель для подражания, то есть в публичном пространстве подобный титул становится нормой вежливого обращения к высшей власти. Подчеркнем, что тиражирование этой формулы в СМИ создает эффект нормативной модели: любой говорящий, обращаясь к высшему политическому лицу, или говоря о нем, должен воспроизвести хотя бы часть титула, иначе высказывание будет восприниматься как недостаточно вежливое или даже неуважительное. Такой тип маркировки статуса показывает, что в таджикской лингвокультуре вертикаль власти и иерархия активно проговариваются в языке, а вежливость понимается как «правильное» озвучивание этой иерархии.

В сравнении с классическими текстами можно говорить о новой форме статусной маркировки, где религиозно-дворянские титулы – *ҳазрат*, *ҷаноб* – заменены на светские идеологемы (*Пешвои миллат – Лидер нации*), но сама логика вежливости остается прежней; однако светский характер этого титула пересекается с элементами исторически несколько отдаленных статусных помет – «*Ҷаноби олий*» (*Ваше превосходительство*)

В таджикском языке активно используются и религиозные титулы: «*Шайх*» (почётный титул мусульманских религиозных лиц), «*Пир*» (духовный наставник), «*Махсум*» (*Хозяин*), «*Бузург*» (*Великий*), «*Тақсир*» (*Многоуважаемый*), «*Бузургвор*» (*достопочтенный/святой*) и исторически обусловленные «*Аморатпаноҳ*» (*опора эмирата (эпитет эмира или главного визиря)*), «*Шариатпаноҳ*» (*опора шариата*) и т.д.

Явление иерархии ярко проявляется в сакрализации власти, что особенно заметно в произведениях таджикской классической литературы, в частности в художественных и автобиографических произведениях Садриддина Айни, представляющих уникальный источник для реконструкции социальных отношений и речевых формул вежливости дореволюционной Бухары. Его эпистолярное наследие раскрывает сложную стратификационную структуру бухарского общества с набором соответствующих маркеров статуса, предопределявших манеру речевого поведения в контексте этикетных формул вежливости в дискурсах, которые всегда отличались сакральностью, – власть: *ҷаноби олий*, *ҳазрати олий*, *мирзо*; религия: *мулло*, *домулло*, *муфтий*, *қозӣ*.

Примечательно, что обращение «*муаллим*»/«*устод*» (учитель) не ограничивается научно-образовательным дискурсом и в равной степени может быть использовано и при общении со старшими по возрасту, и с людьми, заслужившими общественное признание. Важно и то, что опущение эпитета *муҳтарам* / *ғиромӣ* (*уважаемый*) при обращении к учителю *муаллима* / *муаллим* / *устод* традиционно трактуется как неуважение к собеседнику или воспринимается как неполноценно реализованная этикетная формула.

Другой интересной особенностью можно считать феномен «обратной вежливости» или «внешней» вежливости – когда носитель высокого статуса демонстративно использует мягкие, почтительные и снижающие дистанцию формулы вежливости по отношению к менее статусному собеседнику. Например, в романе «*Дохунда*» эмир и чиновники могут называть бедняков «*дустам*» (*друг*), «*ҷонакам*» (*душенька*), однако в действительности эти обращения несут имплицитную

семантику насилия, манипуляции и превосходства, поэтому выступают не символом близости или уважительного, доброжелательного отношения, а риторической стратегией власти, направленной на подавление инициативы собеседника. Кстати, об имплицитности в рамках изложения намерений говорящего рассуждает Л.В.Парфенова; исследователь уверена, что этот нюанс, который используется, чтобы «завуалировать, снизить уровень ответственности за сказанное, часто лежит в основе вежливости» [14, с.21].

Подводя итоги исследования, отметим, что маркеры социального статуса в таджикской лингвокультуре обладают высокой устойчивостью и нормативностью. Как показывают художественные тексты, современный медийный дискурс и данные социологических исследований, статусно обусловленные формы обращения и речевые стратегии образуют достаточно жесткую систему, нарушение которой воспринимается как сбой в коммуникативном поведении. Такая практика общения напрямую отсылает к фундаментальным основаниям таджикской речевой традиции, где возраст и социальный ранг задают систему координат, а индивидуальное поведение определяется коллективными рамками взаимодействия.

В обеих коммуникативных парадигмах – той, что сложилась до революции, и той, что действует сегодня, – вежливость неизменно сводится к одному: точному позиционированию собеседника в общественной иерархии. Эту роль выполняют титулы, маркеры возраста, местоимение «шумо», а также эпитеты, несущие религиозную и идеологическую нагрузку. Следовательно, сама вежливость оказывается не столько личным этическим выбором, сколько обязательным социальным механизмом, поддерживающим бесконфликтное течение общения.

Социальная субординация в коммуникации осуществляется посредством специализированных речевых маркеров. Перечень обращений – от повседневных «апа», «ака» до статусных «муаллим», «мӯхтарам», «чаноб», «Пешвои миллат» – выполняет не только идентифицирующую функцию, но и стратификационную, фиксируя статусные различия и предписывая ожидаемую меру дистанции между коммуникантами. При этом даже формы, обладающие положительной или ласкательной коннотацией, могут приобретать характер символического давления – преимущественно в ситуациях, когда они исходит от собеседника с более высоким иерархическим положением. Описанный феномен получает наименование «обратная вежливость», при которой речевые знаки маскируют социальное неравенство.

Единицы, фиксирующие социальное положение говорящего и адресата, представлены титулами, этикетными конструкциями, оппозицией «ту»/«шумо» («ты»/«вы») и воспринимаются носителями как свидетельство культурной идентичности и индикатор владения нормами этикета. Согласно концепции П.Бурдьё, свободное обращение с такими речевыми средствами представляет собой форму символического капитала, способного как повышать, так и понижать общественный статус участника коммуникации [19, с.91].

В современной коммуникативной практике происходит трансформация традиционных статусных маркеров, однако их базовое назначение сохраняется. На смену религиозным и сословным титулам приходят новые государственно-

идеологические формулы – например, «Асосгузори сулҳу ваҳдати миллӣ – Пешвои миллат», внедряемые прежде всего медиадискурсом. Тем не менее сама логика языкового обозначения социальной иерархии остается неизменной. Вежливость в этом контексте по-прежнему предполагает уважение к положению личности в иерархической структуре.

Статусно ориентированные формы вежливости сохраняют свое ведущее значение в процессах включения индивида в общество и укрепления национального самосознания. Через литературу и СМИ транслируется представление о языке как о механизме, воспроизводящем культурные установки, где вежливость как маркер статуса предстает в качестве эталона должного речевого поведения. Благодаря этому данные языковые элементы приобретают значимость не только в контексте лингвистических исследований, но и для изучения системы ценностей, присущих таджикской культуре.

Литература

1. Асатрян Г.С. Некоторые материалы по этикету у персов / Г.С.Асатрян, Н.Х.Геворкян // Этикет у народов Передней Азии: сб. ст. – М.: Наука, 1988. – С.148-163.
2. Берн А.А. Модальность вежливости в финской речи: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.22 / Берн Анна Андреева. – СПб., 2014. – 184 с.
3. Бободжонова Б.Ш. Категория вежливости в таджикском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.22 / Бободжонова Бунафша Шарофиддиновна. – Душанбе, 2001. – 150 с.
4. Бухоризаде А.Л. Функция местоименных суффиксов в современном таджикском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Бухоризаде Абдурахман Лагифович. – Сталинабад, 1954. – 18 с.
5. Глушкова С.Ю. Категория вежливости как важный аспект межкультурной коммуникации (на примере английского и китайского языков) // The scientific heritage. – 2016. – №7 (7) P.2. – С.59-62.
6. Джураева М.Р. Коммуникативно-прагматический анализ устойчивых формул общения в средствах массовой информации Таджикистана: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10 / Джураева Мушаррафа Рустамовна. – Душанбе, 2017. – 43 с.
7. Искандарова Д.М. Индикаторы социального статуса в таджикском языке // Мир духовной культуры человечества: язык, литература, искусство. – Самарканд, 2006. – С.132-139.
8. Ирисханова О.К. Социокогнитивная лингвистика: структуры социальных знаний и проблемы их описания // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2014. – № 4. – С.5-17.
9. Камолиддинов Б. Риторика. – Душанбе: Оптима, 2005. – 200 с.
10. Камолиддинов Б. Таджикская грамматика. – Душанбе: Собириён, 2010. – 280 с.
11. Косимова М.Н. Сокровищница речи: сб. статей. – Душанбе: Образование и культура, 2013. – 640 с.
12. Косимова М.Н. Четыре функции: словообразование и словообразование (на материале «Поэма о скрытом смысле»). – Душанбе: Деваштич, 2007. – 265 с.
13. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. – М.: Просвещение, 1969. – 214 с.
14. Парфенова Л.В. Интенция обещания и способы ее выражения в русском языке: дис. ... канд. филол. наук: 5.9.5 / Парфенова Лидия Владимировна. – М., 2025. – 232с.
15. Руднева Е.А. Стратегии лингвистической вежливости в спонтанном речевом взаимодействии: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Руднева Екатерина Алексеевна. – СПб, 2018. – 208 с.
16. Рустамов Ш. Язык и время. – Душанбе: Ирфон, 1981. – 256 с. (на тадж. яз.).

17. Холиков Н.А. Стратегия вежливости в речевой коммуникации представителей таджикской и турецкой лингвокультур: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Холиков Насим Абдусаматович. – Душанбе, 2019. – 148с.
18. Худоёров Х.Ё. Ассоциативное поле вежливости в таджикском и русском языковом сознании: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Худоёров Хусейн Ёдгорович. – Душанбе, 2020. – 191 с.
19. Bourdieu Pierre. Language and Symbolic Power. – Cambridge: Polity Press, 1991. – 312p.
20. Brown P. Politeness: Some universals in language usage / P.Brown, S.Levinson. – Cambridge: Cambridge university press, 1987. – 345 p.
21. Iskandarova D.M. Are we polite? Means of Expressing Requests in Tajik // Studies in languages of Tajikistan. – MI, USA: Color House Graphics, 2005. –P.9-16.
22. Iskandarova D.M. Politeness and cross-cultural communication // Communication through the universe. – M.; Pyatigorsk, 2014. – P.56-64.

SOCIAL STATUS MARKERS AS A POLITENESS INDICATOR IN TAJIK LINGUOCULTURE

Sobirova Aziza Akbarovna

Postgraduate student of the chair of theoretical and applied linguistics
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str., 30
Ph.: (+ 992) 977 78 99 77 (m.)
aziza_sobirova.98@mail.ru

This article examines social status markers through the lens of politeness. The author attempts to describe and systematize the main types of status markers in Tajik speech practice and demonstrate their role in implementing the politeness strategy. This paradigm is particularly evident in classical works (particularly, in the works of S.Aini), modern media, and colloquial speech. Social status markers in Tajik linguaculture are highly stable and normative.

The analysis revealed that literary texts, modern media discourse, status-based forms of address, and speech strategies form a rigid system, the violation of which is perceived as a failure in communicative behavior. This emphasizes the significance of age-social hierarchy and collective norms, traditional for Tajik linguaculture.

Status markers in language serve as symbolic capital. The ability to correctly use titles, complex etiquette formulas, and pronominal strategies (tu/shumo) are considered by native speakers as indicators of good manners and belonging to a cultural community. In modern conditions, traditional markers are being rethought, but their function remains the same. Status markers continue to play a central role in socialization and the formation of national identity.

Keywords: politeness; marker; linguaculture; status; discourse; culture; linguistic indicator; title; national identity.

НИШОНАҲОИ МАҚОМИ ИҶТИМОӢ ҲАМЧУН НИШОНАДИҲАНДАИ ОДОБ ДАР ФАРҲАНГИ ЗАБОНИИ ТОҶИК

Собирова Азиза Акбаровна

Аспиранти кафедраи забоншиносии назариявӣ ва амалӣ
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯчаи М. Турсунзода, 30
Тел.: (+ 992) 977 78 99 77 (м.)
aziza_sobirova.98@mail.ru

Дар ин мақола нишондиҳандаҳои мақоми иҷтимоӣ аз нигоҳи одоб баррасӣ мешаванд. Муаллиф кӯшиш кардааст, ки намудҳои асосии нишондиҳандаҳои мақомиро дар амалияи нутқи тоҷикӣ тавсиф ва тасниф намуда, нақши онҳоро дар татбиқи стратегияи одоб нишон диҳад. Ин парадигма махсусан дар асарҳои классикӣ (хусусан, дар асарҳои С.Айнӣ), расонаҳои муосир ва нутқи гуфтугӯӣ равшан аст. Нишондиҳандаҳои мақоми иҷтимоӣ дар фарҳанги забони тоҷик ҳеле устувор ва меъёрӣ мебошанд. Таҳлил нишон дод, ки матнҳои адабӣ, гуфтугӯи муосири расонаҳо, шаклҳои мурочиати мақомӣ ва стратегияҳои нутқ як системаи ҳеле саҳтро ташкил медиҳанд, ки вайрон кардани он ҳамчун ноқомӣ дар рафтори муоширатӣ қабул карда мешавад. Ин аҳамияти иерархияи синну соли-иҷтимоӣ ва меъёрҳои коллективиро, ки барои забоншиносии тоҷикӣ анъанавӣ мебошанд, таъкид мекунад. Нишондиҳандаҳои мақом дар забон ҳамчун сармояи рамзӣ хизмат мекунад.

Қобилияти истифодаи дурусти унвонҳо, формулаҳои мураккаби одоб ва стратегияҳои муродиф (ту/шумо) аз ҷониби соҳибзабонон ҳамчун нишондиҳандаҳои одоби хуб ва мансубият ба ҷомеаи фарҳангӣ ҳисобида мешаванд. Дар шароити муосир, нишонаҳои анъанавӣ аз нав баррасӣ мешаванд, аммо вазифаи онҳо бетағйир боқӣ мемонад. Нишондиҳандаҳои мақом дар ҷомеасозӣ ва ташаккули ҳувияти миллӣ нақши марказӣ мебозанд.

Калидвожаҳо: одоб; нишондиҳанда; фарҳанги забонӣ; мақом; гуфтор; фарҳанг; нишондиҳандаи забонӣ; унвон; ҳувияти миллӣ.

УДК 81:39
81'373:2

**ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ БАЗОВЫХ
ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ В ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОМ ФОНДЕ
ТАДЖИКСКОГО ЯЗЫКА**

Ансорова Мутриба Муаззамовна

Соискатель кафедры языкознания и сопоставительной типологии
Таджикский государственный педагогический университет имени С.Айни
734003, Республика Таджикистан, Душанбе, пр. Рудаки, 121
Тел.: (+992) 92 730 10 03 (м.)
ansorova1989@mail.ru

Статья посвящена исследованию семантики и символики цветовых лексем «сафед» (белый), «сиёх» (чёрный), «сабз» (зелёный), «зард» (жёлтый) и «сурх» (красный) в паремиологическом фонде таджикского языка. Актуальность работы обусловлена необходимостью изучения национально-культурной специфики цветообозначений как важных компонентов языковой картины мира. Комплексный анализ цветовых лексем в составе таджикских паремий и фразеологических единиц, их аксиологических и символических функций показал, что цветовые лексемы выступают важными носителями культурной информации и отражают ценностные, морально-этические и мировоззренческие представления таджикского народа. Выявлено, что лексемы «сафед» и «сиёх» формируют основную оценочную оппозицию, тогда как «сабз», «зард» и «сурх» репрезентируют представления о жизни, созидании, эмоциональном состоянии, социальном статусе и жизненном опыте. Таким образом, многоплановость таджикских цветообозначений, их широкий номинативный потенциал в концептуализации разнообразных явлений действительности, глубокая символичность позволяют рассматривать цвет как ключевой концепт национальной культуры.

Ключевые слова: цветообозначение; семантика; символика; паремиологический фонд; таджикский язык.

В цветовых категориях отражаются особенности восприятия окружающей среды и национально-культурные представления носителей разных языков. В лингвистике цвет рассматривается не только как физическая характеристика, но и как средство концептуализации абстрактных понятий и оценок. Как отмечает А.Вежбицкая, «особую значимость цветообозначения приобретают в устойчивых языковых единицах – пословицах, поговорках и фразеологизмах, которые аккумулируют коллективный опыт и культурную память народа» [2, с.230].

Цветообозначения представляют собой лексико-семантическую группу слов, включающую названия основных и производных цветов. Согласно В.А.Масловой, «семантика цветообозначений формируется под влиянием

культурных, исторических и национально-специфических факторов, что делает их объектом исследования лингвокультурологии» [4, с.110].

Как известно, в пословицах и поговорках фразеологических единицах отражаются традиционные представления о мире и системе ценностей того или иного народа. «Несмотря на универсальный в целом оценочно-когнитивный механизм стереотипизации различных ситуаций, получивших выражение в пословицах, каждый народ по-своему закрепляет в этих образных единицах языка систему мировидения и миропонимания. Это обусловлено такими экстралингвистическими факторами, как среда проживания народа (географические и климатические условия, флора и фауна местности и т.д.), материальная культура, психология национальности, менталитет народа, его традиции и обычаи, верования и многое другое» [5, с.150]. Цветообозначения в них выполняют символическую и оценочную функции. Так, например, белый цвет в пословицах многих народов чаще всего ассоциируется с чистотой, добром и правдой, тогда как чёрный – с отрицательными явлениями, злом и бедой [1]. Противопоставление данных цветов используется для выражения моральной дихотомии, что подтверждает бинарный характер народного мышления [2, с.77]. По словам А.В.Кунина, например, «красный цвет в паремиях связан с понятием красоты и значимости, что отражает архаическое значение данного цвета в русской лингвокультуре» [3, с.195].

Во фразеологических единицах цветовые лексемы, как правило, обладают устойчивой переносной семантикой. Фразеологические единицы с цветовыми компонентами передают культурно значимую информацию и отражают национально-специфические особенности интерпретации действительности. Согласно В.Н.Телии, «фразеологические сочетания с компонентами «чёрный» и «белый» выражают различные эмоционально-оценочные оттенки и используются для характеристики человеческих качеств и состояний» [6, с.100].

В паремиологических единицах цветовые лексемы выполняют символическую, оценочную и экспрессивную функции, отражая культурные и мировоззренческие особенности этносов. Анализ устойчивых выражений с цветовыми компонентами позволяет глубже понять национальную специфику языка и механизмы формирования коллективного сознания.

В рамках настоящего исследования нами будут рассмотрены символические значения цветовых лексем сафед» (белый), «сиёх» (черный), «сурх» (красный), «сабз» (зелёный) и «зард» (жёлтый) в паремиологическом фонде таджикского языка.

Материалом для практической части исследования послужили следующие лексикографические источники: «Фарҳанги ибораҳои рехтаи забони ҳозираи тоҷик» [10] и «Фарҳанги зарбулмасалу мақоли забони тоҷикӣ» М.Фозилова [8; 9], а также «Мудрость трёх народов» Я.И.Калонтарова [7]. Эти словари послужили базой для систематизации и анализа устойчивых выражений таджикского языка, содержащих цветовые лексемы, что позволило выявить их семантические и аксиологические особенности.

Цветовая лексема «сафед» (белый) в таджикских фразеологизмах преимущественно выражает положительную оценку и ассоциируется с чистотой, праведностью, счастьем, искренностью, жизненным успехом и надеждой. В устойчивых выражениях она часто противопоставляется лексеме «сиёх», что отражает бинарное восприятие мира: добро – зло, счастье – несчастье, надежда – безысходность.

Все примеры были классифицированы по тематическим группам.

1. «Сафед» (белый) как символ света и наступления благоприятного времени: то ана-мана гуфтана рӯз сафед шуд. В данном фразеологизме сафед (белый) используется в значении *рассвета, наступления утра*. Цветовая лексема символизирует свет, ясность, обновление, а также завершение неопределённости. Белый цвет здесь связан с течением времени и естественным циклом жизни.

2. «Сафед» (белый) как показатель счастья и удачи: бахти касеро сафед кардан. Это устойчивое выражение означает *сделать кого-либо счастливым, привести к успеху*. Белый цвет выступает как метафора благополучной судьбы, противопоставленной «бахти сиёх». Здесь «сафед» несёт ярко выраженную оценочную и аксиологическую функцию.

3. «Сафед» (белый) как критерий моральной и интеллектуальной дифференциации: сафедро аз сиёх нагз фарқ кардан. Фразеологизм означает *умение отличать хорошее от плохого, истину от лжи*. Белый цвет здесь символизирует истину, правоту, моральную чистоту, тогда как чёрный – заблуждение и зло. Выражение отражает нормативные ценности общества.

Ба сафедӣ баровардан / кори хубе карда худро ба сафедӣ баровардан (восстановление чести и доброго имени).

В данных выражениях белый цвет означает очищение от вины, восстановление морального равновесия. «Сафед» (белый) здесь соотносится с честью и социальной репутацией, а фразеологизм отражает идею искупления через добрые дела.

4. «Сафед» (белый) как символ искренности и чистоты намерений человека, например, «бо дили сафед» (с чистым сердцем). В данном примере этот цвет ассоциируется с внутренней красотой человека, у которого нет злого умысла, он искренен и душевно чист.

5. «Сафед» (белый) как символ необратимости времени, например, «зулм гарчи карда муяшро сафед». В приведенном примере белый цвет волос ассоциируется со старостью и жизненным опытом.

Следующая фразеологическая единица «мӯйсари касе дар коре сафед шудан» означает *«накопление большого жизненного и профессионального опыта»*. Цвет «сафед» (белый) в данном примере символизирует метафору «мудрость, зрелость, компетентность», что подчёркивает уважительное отношение к возрасту и труду.

Фразеологизмы «Зангӣ бо шустан сафед намешавад / Намади сиёх бо шустан сафед намешавад». В данных выражениях белый цвет используется как «недостижимый идеал нравственной чистоты». Они подчёркивают мысль о том, что внутреннюю порочность невозможно исправить внешними действиями.

Здесь оппозиция «сафед – сиёх» приобретает философско-нравственный характер.

6. «Сафед» (белый) как универсальный символ надежды: поёни шаби сиях сафед аст (конец черной ночи – белый (рассвет)). Белый цвет символизирует выход из трудного положения, надежду, будущее счастье. Это выражение имеет глубокий философский смысл и является одним из ключевых примеров цветовой символики в восточной поэтической традиции.

Фразеологизмы с цветовой лексемой «сафед» (белый) в таджикском языке отражают положительную систему ценностей и выступают символами:

- чистоты и искренности: бо дили сафед (с чистым сердцем) / бо нияти холис, бе ғараз, софдилона (с чистыми бескорыстными намерениями): *маро бо дили сафед ва синаи нурумед фотиҳа диҳӣ, ки дар ин сафар аз хатарҳо эмин монам* (благослови меня с чистым сердцем и надеждой, чтобы в этом путешествии опасности миновали меня);

- счастья и удачи: бахти касеро сафед кардан (сделать чью-то судьбу светлой);

- жизненного опыта и мудрости: дар чизе муи худро сафед кардан / муйсари касе дар коре сафед шудан (бо коре дуру дароз машғул будан; ботачриба, кордон, донишманд шудан) / зулм гарчи карда муяширо сафед, лек меғуянд: дунё боумед! (поседесть на чем-либо (долгое время заниматься каким-то делом, приобретать опыт, знания / несмотря то, что поседел от их дел, как говорится, мир полон надежд));

- надежды и светлого будущего: дар навмедӣ басе умед аст, поёни шаби сиях сафед аст / ноумед наиавед, ки дар наси хар як бадбахтӣ – хушбахтӣ, ҳар як азобу уқубат – роҳат ҳаст (в отчаянии таится много надежд / конец черной ночи – белый (рассвет) / не теряй надежды, потому что за каждый несчастьем следует счастье, а каждое страдание заканчивается облегчением).

В устойчивых выражениях «сафед» (белый) чаще всего реализует аксиологическую и символическую функции, формируя позитивную оценку явлений и противопоставляясь лексеме «сиёх», которая выражает отрицательные аспекты человеческого бытия.

Цветовая лексема «сиёх» (чёрный) в устойчивых выражениях демонстрирует широкий спектр переносных значений. Она используется как средство оценки, эмоциональной экспрессии, а также как символ отрицательных жизненных явлений: бедности, несчастья, зла, зависти, тяжёлого труда, моральной порочности. В большинстве случаев реализуется традиционная для восточной и мировой культуры оппозиция *сиёх – сафед* (чёрный – белый).

В результате анализа паремий, нами были выявлены следующие тематические группы:

1. «Сиёх» (чёрный) как символ тяжёлого труда и испытаний: *«то меҳнат накунӣ, санги сиях лаъл нагардад»* (пока не потрудишься, чёрный камень не станет рубином). Здесь цвет «сиёх» (чёрный) обозначает исходное, грубое, неоформленное состояние материи. Цветовая лексема выступает в роли метафоры «трудности и неприглядности начального этапа», а превращение в

«лаъл» (драгоценный камень) символизирует результат упорного труда. Чёрный цвет не несёт исключительно негативного значения, а отражает потенциал преобразования.

2. «Сиёх» (черный) как образ уныния и изоляции, например, «*ҳама барф борид аз абри сиёх...*». В поэтическом дискурсе данный цвет используется при описании осени, непогоды, отсутствия жизни и движения. Словосочетание «абри сиёх» ассоциируется с безысходностью, холодом, тревогой.

3. «Сиёх» (черный) в таджикских паремиях определяется как символ несчастья и бедности, например, «*нони қоқи пасмонда – ба рӯзи сиёхи дармонда*». Словосочетание «рӯзи сиёх» (чёрный день) обозначает трудные условия жизни, крайнюю нужду. «Сиёх» (черный) в данном фразеологизме ассоциируется с социальным неблагополучием и отсутствием надежды.

4. «Сиёх» (черный) также используется при характеристике разлагающей среды, например, «*бо моҳ шинӣ, моҳ шавӣ, бо дег шинӣ, сиёх шавӣ*» («с луной рядом сидешь – луной станешь, с котлом рядом сидешь – черным станешь») [6, с.271]. Исследуемый цвет в данной паремии сравнивается с «дег» (котлом, копотью). Он ассоциирует «нравственную испорченность», приобретаемую под влиянием окружения. Исследуемая цветовая лексема участвует в морально-дидактическом противопоставлении: «светлое – чистое», «тёмное – порочное».

5. Антитеза «сиёх – сафед» (черный – белый) как образ надежды: *поёни шаби сияҳ сафед аст (конец черной ночи светел)*. Данный пример ярко демонстрирует символическую оппозицию цветов. Сиях (черный) – ночь, страдание, испытание; сафед (белый) – рассвет, надежда, избавление. Чёрный цвет здесь временный, что подчёркивает философскую идею преодолемости трудностей.

Бур нақши сафед мегузорад, ангишт – нақши сиёх (мел оставляет белый след, уголь – чёрный) (экв. «что посеешь, то и пожнёшь»);

Риши сафедшуда дигар сиёх намешавад (поседевшая борода уже не станет чёрной) (экв. «что было, того не изменить; молодость не вернешь»);

Сиёх кардан осон, сафед кардан мушкил (экв. запятнать легко – очистить трудно).

В этих примерах цветовые лексемы используются для выражения жизненного опыта, необратимости времени и моральной ответственности. Чёрный цвет ассоциируется с порчей, пятном, злом, которое трудно исправить, тогда как белый – с чистотой и зрелостью.

Оппозиция цветовых лексем «сиёх – сафед» (черный – белый) в таджикской паремиологии репрезентирует контраст между внешней очевидностью и скрытой потенциальной опасностью. Данная семантика наглядно реализуется в пословице «*Аз абри сиёху одами лаққӣ натарс, а абри сафеду одами хаттакӣ битарс*» (не бойся чёрной тучи и болтливого человека, бойся белого облака и скрытного человека) [6, с.47].

В приведённом примере лексема «сиёх» (чёрный) ассоциируется с явной, предсказуемой угрозой, не представляющей скрытой опасности, тогда как «сафед» (белый), традиционно наделяемый положительной символикой,

приобретает в данном контексте отрицательную оценку и обозначает внешнюю безобидность, за которой скрывается потенциальная опасность. Аналогичное противопоставление переносится и на характеристику человека: болтливость интерпретируется как открытость и предсказуемость, в то время как скрытность осмысливается как источник возможного вреда.

В итоге, оппозиция «*сиёҳ* – *сафед*» (черный – белый) в данном паремиологическом контексте утрачивает прямую аксиологическую полярность и функционирует как средство выражения прагматической оценки, основанной на противопоставлении внешнего проявления и внутренней сущности.

6. «*Сиёҳ*» (черный) как характеристика внутреннего мира человека: *дили сиёҳ доштан* (быть злопамятным, завистливым); *дили касеро сиёҳ кардан* (огорчить, причинить душевную боль); *дили касеро сиёҳӣ зер кардан* (предчувствовать беду).

В приведенных примерах цвет «*сиёҳ*» (черный) становится метафорой отрицательных эмоций, внутренней тьмы, душевной тяжести. Особенно показательно противопоставление: «*рухсори сурх, вале дили сиёҳ*» (красивая внешность, но черная душа).

7. «*Сиёҳ*» (черный) в бытовых и культурных символах: *гурбаи ало (сиёҳ) гузаштан* (нарушение отношений); *бахташ сиёҳ* (несчастливая судьба).

Чёрный цвет в устойчивых выражениях закреплён в национально-культурной символике как знак неудачи, конфликта и злого рока.

Анализ приведённых примеров показывает, что цветовая лексема «*сиёҳ*» (черный) в пословицах, поговорках и фразеологизмах таджикского языка обладает многоуровневой семантикой. Она может обозначать:

1. тяжёлый труд и испытания;
2. бедность, несчастье, неудачу;
3. нравственную испорченность и злые чувства;
4. мрачное состояние природы и души;
5. временную тьму, за которой следует надежда.

В устойчивых выражениях «*сиёҳ*» (черный) чаще всего утрачивает прямое цветовое значение и функционирует как культурно значимый символ, формируя оценку явлений и отражая национальную картину мира.

Цветовая лексема «*сабз*» (зелёный) в таджикском языке преимущественно связана с природой, жизнью, ростом, обновлением и плодородием. Во фразеологических единицах она отражает как положительные значения (развитие, умение, созидание), так и предупреждающе-нравственные (уязвимость, необходимость осторожности).

В результате анализа фразеологических единиц были выделены такие тематические группы:

1. «*Сабз*» (зеленый) как символ скромного дара и знака внимания, например, *барги сабз (тӯҳфа, тӯҳфаи ночиз; раҳовард): нагиред меранҷам. Ин фақат... Ҳамин тавр як барги сабз, барои омадани Ҳайдарҷон.*

«*Барги сабз*» (зелёный лист) в данном примере символизирует скромность и искренность дара, его нематериальную ценность. Цветовая лексема утрачивает

прямое значение и приобретает культурно-символический смысл: важен не размер подарка, а знак уважения и памяти. Это отражает этическую норму общества, где внимание ценится выше материальной значимости.

2. «Сабз» (зеленый) употребляется как символ роста и устойчивости: «*дарахт дар як ҷо сабз мешавад*». В этом фразеологизме цвет «сабз» обозначает «расти, укореняться». Исследуемый цвет в данном выражении ассоциируется с «естественным жизненным процессом» и подчёркивает необходимость постоянства в труде.

3. «Сабз» (зеленый) как символ «созидания» и «мастерства», например, «*дасти касе сабз будан*». В этом фразеологизме зелёный цвет символизирует человека, который обладает многими навыками и стремится к созиданию и обустройству. Цветовая лексема «сабз» ассоциируется с трудолюбием, заботой о природе, созидательным началом чего-нибудь.

4. «Сабз» (зеленый) как символ «незрелости» и «уязвимости», например, «*забони сурх сари сабз медиҳад барбод*». В данном фразеологизме говорится о том, что необдуманная речь может погубить даже молодую и сильную жизнь. Цветовая лексема «сабз» приобретает двойственную семантику – с одной стороны «жизненную силу», с другой – её «хрупкость».

Таким образом, цветовая лексема «сабз» в пословицах и фразеологизмах таджикского языка генерирует следующие семантические регистры:

- символ жизни, роста и обновления;
- метафора устойчивости и постепенного развития;
- показатель созидательных качеств личности;
- образ молодости и жизненной силы;
- средство нравственного предупреждения.

Цветовая лексема «зард» (жёлтый) в таджикском языке отличается негативно-оценочной направленностью. В устойчивых выражениях она преимущественно ассоциируется с гневом, язвительностью, страданием, унижением, физической и душевной слабостью, а также с изменением эмоционального или жизненного состояния человека. В отличие от «сабз» и «сафед», «зард» редко несёт положительную символику и чаще отражает пограничные, болезненные состояния.

1. «Зард» (жёлтый) как символ недовольства, например, «*зарда кардан*» (*норозигӣ ва хаши худро бо тичинг изҳор кардан*) (*сердиться, выразить недовольство и гнев ворчанием*). В данном фразеологизме жёлтый цвет связан с язвительностью, внутренним раздражением, которое выражается не прямо, а в форме насмешки или колкости. Цвет «зард» (жёлтый) в данной фразеологической единице употребляется как метафора едкого, «желчного» поведения.

2. «Зард» (жёлтый) как символ мучения и крайнего страдания, например, «*заккуму зардоб шудан*» (*азоб кашидан*). В данном примере цвет «зард» ассоциируется с горем, страданием, переживанием и др. Эта паремия носителями

таджикского языка используется для передачи физических и духовных переживаний.

3. «Зард» (жёлтый) в таджикском паремиологическом фонде также отражает символ агрессии и словесного насилия, например, «*захру зарда кардан*» («*таъна*») (*ругать*), «*сарзаниши*» (*упрекать*). В этом примере цвет «зард» ассоциируется со злобой («*кахру ғазаб кардан*» (сердиться и гневаться)) и враждебностью. Фразеологизм означает активное проявление негативных эмоций, направленных на другого человека.

4. «Зард» (жёлтый) ассоциируется со смелостью и решительностью, например, «*захраву зарда*» (*чуръат, ҷасорат*). В данном выражении цвет «зард» (жёлтый) связан «с внутренней силой и смелостью». Это значение восходит к представлениям о желчи как источнике энергии и решительности. Лексема «зард» демонстрирует полисемию и культурную обусловленность значений.

5. «Зард» (жёлтый) как символ унижения и безысходности: *ранг зард кардан* (*гардан хам кардан, зори кардан*). В данном выражении жёлтый цвет ассоциируется с утратой достоинства, вынужденным смирением, а также с состоянием нужды. Изменение цвета лица выступает физиологическим маркером тяжёлого эмоционального состояния. Фразеологизм отражает социально-психологический аспект цветовой символики.

6. «Зард» (жёлтый) как признак несчастья: *ранги касе кахрабо барин шудан* (*ранги касе зард шудан*): *напурсед, рангаи кахрабо барин шуда мондааст, бечора бахтаи натофт*. Сравнение с янтарём («кахрабо») усиливает представление о жёлтой бледности, вызванной переживанием, страхом или бедой. Жёлтый цвет в данном примере выступает как индикатор жизненного неблагополучия и душевного удара.

Анализ представленных фразеологизмов показывает, что цветовая лексема «зард» (жёлтый) в таджикском языке обладает следующими основными значениями:

- выражение гнева, язвительности и агрессии;
- символ мучения, боли и страдания;
- показатель унижения, беспомощности и нужды;
- маркер эмоционального и физиологического кризиса;
- в отдельных случаях выступает как источник решительности и смелости.

Цветовая лексема «зард» (жёлтый) представляет собой цвет пограничных состояний, отражающих внутреннее напряжение человека. Его употребление в устойчивых выражениях подчёркивает тесную связь цветовой символики с телесными, эмоциональными и культурными представлениями, характерными для таджикской языковой картины мира.

Цветовая лексема «сурх» (красный) в составе устойчивых выражений таджикского языка реализует ряд переносных значений, отражающих оценочные, эмоционально-психологические и социально-статусные характеристики личности. В семантическом плане данные значения демонстрируют аксиологическую неоднородность и контекстуальную обусловленность.

1. «Сурх» (красный) как отрицательная оценка речевого и поведенческого контроля, связанная с несдержанностью и последующим моральным ущербом для субъекта речи. Так, в пословице *«Забони сурх сари сабз медиҳад барбод»* (красный язык губит зелёную голову) подчёркивается разрушительная сила необдуманных слов. Аналогичное значение реализуется в выражении *«Зари зардобрӯ беҳ аз гули сурх аст»* (жёлтолицая красавица лучше красного цветка), где лексема «сурх» (красный) ассоциируется с внешней привлекательностью, не подкреплённой внутренней ценностью, и приобретает отрицательную оценку.

2. «Сурх» (красный) как символ стыда и смущения. Данная семантика красного цвета актуализируется во фразеологизме *«касоро сурху сафед кардан»* (заставить кого-либо покраснеть; пристыдить; поставить в неловкое положение), в котором цветовая оппозиция «сурх – сафед» усиливает экспрессивность негативной оценки; «сурху сафед шудан» (ссориться, вступать в спор; испытывать стыд) лексема «сурх» (красный) обозначает как участие в ссоре или конфликте, так и сопутствующее чувство внутреннего дискомфорта. Сходное значение реализуется в сочетании «сурх шудан» (покраснеть от стыда; смутиться), указывающем на реакцию человека на услышанные упреки или неодобрение.

3. «Сурх» (красный) как символ социального уважения и повышения личного статуса, например, *«сурхруй шудан»* (стать уважаемым человеком; обрести авторитет; держаться с гордостью), где цветовая характеристика приобретает положительную коннотацию и символизирует социальную состоятельность и признание.

4. «Сурх» (красный) как символ успеха и победы, например, *«сурхруёна баргаштан аз ҷое»* (вернуться победителем; вернуться с честью, с гордостью) используется для обозначения успешного завершения дела и подчёркивает высокую оценку результата, как самим субъектом, так и со стороны общества.

Цветовая лексема «сурх» (красный) в устойчивых выражениях таджикского языка характеризуется полисемантичностью и выраженной аксиологической вариативностью, переходя от отрицательных оценок, связанных со стыдом и утратой самоконтроля, к положительным значениям, репрезентирующим социальный успех, уважение и победу.

Проведённый анализ паремиологических единиц таджикского языка с цветовыми компонентами «сафед» (белый), «сиёх» (чёрный), «сабз» (зелёный), «зард» (жёлтый) и «сурх» (красный) позволил сделать вывод о том, что категория цвета в устойчивых выражениях таджикского языка выступает не столько как средство номинации, сколько как культурно-семантическая доминанта, отражающая мировоззрение, систему ценностей и эмоционально-оценочные представления таджикского народа.

Итак, паремиологический фонд является одним из важных языковых ярусов, где ярко отражаются национально-культурные представления, ценностные установки и коллективный опыт носителей языка. Одним из значимых компонентов паремий являются цветовые лексемы, которые функционируют не

только как номинативные средства, но и как носители национально-культурных закреплённых представлений о мире, человеке, ценностях и действительности.

В рамках данного исследования было выявлено, что цветовые лексемы, прежде всего, выполняют оценочную функцию, например, “сафед” (белый) и “сиёх” (чёрный) в большинстве случаев образуют бинарную оппозицию, где отражается аксиологическое противопоставление, например, “бахти сафед” (счастливая судьба) и “бахти сиёх” (черная судьба) и др. Рассматриваемая оппозиция является универсальной. Однако ее репрезентация в паремиологическом фонде каждого языка обусловлена культурно-историческими и ментальными аспектами.

Наравне с оценочной функцией, цветообозначение в паремиологических единицах выполняют экспрессивно-образную функцию. Например, *Аз абри сиёху одами лаққӣ натарс, а абри сафеду одами хаттакӣ битарс* (Не бойся черной тучи и болтливого человека, бойся белого облака и скрытного человека).

Таким образом, цветовые лексемы в паремиологическом фонде таджикского языка являются носителями национально-культурных маркеров. Они закрепляют устойчивые мифологические, религиозные и традиционные представления таджикского народа. Так, некоторые цветовые лексемы могут символизировать траур (цвета “сиёх” и “сафед” (саван)), праздник (цвет “сабз”), внутренний дискомфорт (сурху кабуд шудан) и т.д.

В ряде случаев именно цветообозначение является смысловым ядром фразеологизма, без которого утрачивается целостность и идиоматичность значения. Это подтверждает их важную роль в формировании семантической цельности устойчивых единиц.

Цветовые лексемы в пословицах и фразеологических единицах являются многофункциональными компонентами, обеспечивающими не только образность и экспрессивность, но и культурную маркированность данных языковых единиц. Их анализ позволяет глубже понять механизмы семантической деривации, специфику языковой картины мира и особенности национального мышления, что делает исследование цветообозначений в паремиологии и фразеологии актуальным и значимым для современной лингвистики.

Литература

1. Алиева С.А. Семантика колоративов «чёрный», «белый» и «красный» во фразеологических единицах русского и аварского языков / С.А.Алиева, П.М.Муртазалиева // International Research Journal. – 2023. – №1 (127). – С.58-63.
2. Вежицкая А. Семантические универсалии и описание языков. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 780 с.
3. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. – М.: Высшая школа, 1996. – 381 с.
4. Маслова В.А. Лингвокультурология. – М.: Академия, 2001. – 208 с.
5. Паремиология без границ: монография / Е.Н.Антонова и др. – М.: РУДН, 2020. – 244с.
6. Телия В.Н. Русская фразеология. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.

Справочные издания

7. Калонтаров Я.И. Мудрость трёх народов. – Душанбе: Адиб, 1989. – 432 с.

8. Фозилов М. Таджикско-персидский словарь пословиц, поговорок и афоризмов: в 3 т. – Душанбе: Ирфон, 1976. – Т.1. – 367с.; 1977. – Т.2. – 583с. (на тадж.яз.)
9. Фозилов М. Таджикско-персидский словарь пословиц, поговорок и афоризмов. Т.1-2-3. – Душанбе: Нашри Камол, 2014. – 640 с. (на тадж.яз.)
10. Фозилов М. Фразеологический словарь современного таджикского литературного языка% в 2 т. – Душанбе: Таджикгосиздат, 1963. – Т.1. – 952с; 1964. – Т.2. – 804с.

LINGUOCULTURAL ANALYSIS OF BASIC COLOR DESIGNATIONS IN THE PAREMIOLOGICAL FUND OF THE TAJIK LANGUAGE

Ansorova Mutriba Muazzamovna

Candidate for a degree of the chair of linguistics and comparative typology

Tajik state pedagogical university named after S.Aini

734003, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Rudaki ave., 121

Ph.: (+992) 92 730 10 03 (m.)

ansorova1989@mail.ru

This article is devoted to the semantics and symbolism of color lexemes "safed" (white), "siyoh" (black), "sabz" (green), "zard" (yellow), and "surkh" (red) in the Tajik language's paremiological fund. The relevance of this work stems from the need to study the national and cultural specificity of color designations as important components of the linguistic worldview. A comprehensive analysis of color lexemes in Tajik paremias and phraseological units, their axiological and symbolic functions, revealed that color lexemes act as important carriers of cultural information and reflect the value, moral, ethical, and ideological concepts of the Tajik people. It was revealed that the lexemes "safed" and "siyoh" form the main evaluative opposition, while "sabz," "zard," and "surkh" represent ideas about life, creativity, emotional state, social status, and life experience. Thus, the multifaceted nature of Tajik color designations, their broad nominative potential in conceptualizing diverse phenomena of reality, and their profound symbolism allow us to consider color as a key concept of national culture.

Keywords: color designation; semantics; symbolism; paremiological fund; Tajik language.

ТАҲЛИЛИ ЛИНГВОФАРҲАНГШИНОХТИИ АЛОМАТҲОИ АСОСИИ РАНҲО ДАР ҒАНЦИНАИ ПАРЕМИОЛОГИИ ЗАБОНИ ТОЧИКӢ

Ансорова Мутриба Муаззамовна

Унвонҷӯи кафедраи забоншиносӣ ва типологияи муқоисавӣ

Донишгоҳи давлатии омӯзгорӣи Тоҷикистон ба номи С.Айнӣ

734003, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, хиёбони Рӯдакӣ, 121

Тел.: (+992) 92 730 10 03 (м.)

ansorova1989@mail.ru

Мақола ба омӯзиши маъно ва рамзшиносии воҳидҳои рангорангии «сафед», «сиёҳ», «сабз», «зард» ва «сурх» дар ганчинаи паремиологии забони тоҷикӣ бахшида шудааст. Аҳамияти таҳқиқ аз зарурати омӯзиши хусусиятҳои милли-фарҳангии номгузории рангҳо ҳамчун ҷузъи муҳими манзараи забони ҷаҳон бармеояд.

Таҳлили ҳамачонибаи воҳидҳои рангӣ дар таркиби паремияҳо ва воҳидҳои фразеологии тоҷикӣ, инчунин вазифаҳои арзишӣ ва рамзии онҳо нишон медиҳад, ки номвожаҳои рангӣ интиқолдиҳандагони муҳими иттилооти фарҳангӣ буда, тасаввуроти арзишӣ, ахлоқӣ ва ҷаҳонбинии мардуми тоҷикро инъикос менамоянд.

Муайян гардид, ки вожаҳои «сафед» ва «сиёҳ» меҳвари асосии муқобилгузории арзиширо ташкил медиҳанд, дар ҳоле ки «сабз», «зард» ва «сурх» мафҳумҳои марбут ба ҳаёт, созандагӣ, ҳолати эҳсосӣ, мақоми иҷтимоӣ ва таҷрибаи зиндагиро таҷассум мекунанд.

Ҳамин тариқ, гуногунҷанба будани маъноҳои рангҳо дар забони тоҷикӣ, имконоти фароҳи номгузории онҳо дар концептуализатсияи падидаҳои гуногуни воқеият ва рамзияти амики онҳо имкон медиҳад, ки ранг ҳамчун яке аз концептҳои калидии фарҳанги милли арзёбӣ гардад.

Калидвожаҳо: номгузории рангҳо; семантика; рамзшиносӣ; ганчинаи паремиологӣ; забони тоҷикӣ.

УДК 81'23:316.75:654.197(470)

**СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗВИТИЯ
ТАДЖИКСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ В ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ**

Салихов Нурали Назарович

Доктор филологических наук,
профессор кафедры медиакommunikаций
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 44 620 42 13
solekhov57@mail.ru

В статье рассматриваются социально-политические предпосылки развития таджикской публицистики в первое десятилетие государственной независимости Республики Таджикистан. Анализируются ключевые факторы, определившие изменение тематического диапазона, жанровой структуры и общественной функции публицистики в 1991-2001 гг. К числу таких факторов отнесены распад советской идеологической системы, становление суверенной государственности, политический плюрализм конца 1980-х и начала 1990-х годов, гражданская война 1992-1997 гг., процессы национального самоопределения и последующее миростроительство. Показано, что в указанный период публицистика стала одной из важнейших форм общественного самосознания, оперативной оценки политических событий и выработки новых ценностных ориентиров. Делается вывод о том, что развитие таджикской публицистики в первое десятилетие независимости было обусловлено не только кризисным характером эпохи, но и потребностью общества в осмыслении новых моделей государственности, гражданской ответственности и национального единства.

Ключевые слова: таджикская публицистика; государственная независимость; Таджикистан; печатные СМИ; гражданская война; национальное самосознание; публицистический дискурс; политический плюрализм.

Первое десятилетие государственной независимости Республики Таджикистан стало для национальной журналистики и публицистики временем глубоких качественных изменений. Если в советский период публицистический текст функционировал в условиях жёстко заданной идеологической модели, то после 1991 года он оказался включён в принципиально иную общественно-политическую ситуацию, требовавшую новых тематических ориентиров, иных способов оценки происходящих событий и новых форм публичного высказывания. Именно в этот период публицистика стала одним из наиболее чувствитель-

ных индикаторов общественных изменений, поскольку оперативнее других литературно-журналистских форм реагировала на кризис, конфликт, трансформацию институтов власти и процессы национального самоопределения.

Т.Г.Хасанова характеризует этот период как «...время, когда таджикское общество и его социально-политические институты, в том числе СМИ, претерпели кардинальные качественные изменения» [17, с.5]. Такая оценка помогает увидеть первое десятилетие независимости не только как цепь политических событий, но и как этап перестройки всей системы общественной коммуникации.

Социально-политические предпосылки развития таджикской публицистики в 1990-е годы нельзя сводить к какому-то одному фактору, так как они формировались под воздействием нескольких взаимосвязанных процессов: распада советской политической системы, роста политического плюрализма на рубеже 1980-х и 1990-х годов, провозглашения государственной независимости, гражданской войны, изменения структуры печати, а также поиска новой модели национально-государственной идентичности. В эпоху завершения перестройки таджикская национальная пресса переживала период глубоких перемен, в это время значительно расширился круг поднимаемых тем, а общественные дискуссии стали более открытыми, что подготовило журналистику к грядущим трансформациям. По мнению А.А.Рахимова, «политический плюрализм конца 1980-х годов создал почву для развития свободы слова и печати, а рост числа изданий накануне независимости стал важным условием дальнейшей дифференциации печатных СМИ» [6, с.15].

Рассматриваемая проблема позволяет выделить несколько направлений исследования. История таджикской журналистики и основные этапы ее развития рассматриваются в работах И.Усмонова, А.Саъдуллоева, П.Гулмуродзода, Ш.Б.Муллоева, [2; 3; 14; 11; 12], а теоретические аспекты публицистики освещены в исследованиях И. Усмонова [11; 12; 14; 15; 16]. Особенности функционирования печатных СМИ Таджикистана после обретения независимости подробно анализируются в трудах А. А. Рахимова, где особое внимание уделяется изменению структуры прессы, ее общественных функций и жанровой организации [6; 7; 8]. Проблемы формирования общественного сознания в таджикской публицистике периода государственного суверенитета исследованы автором данной статьи [9; 10]. Русскоязычный сегмент таджикской публицистики начала 1990-х годов и публицистика периода гражданской войны рассмотрены в работах С.М.Тепловой и в совместной монографии Ш.Б.Муллоева и С.М.Тепловой [3; 4; 13]. Вопросы национальной идентичности, публицистической сатиры и трансформации медиасферы отражены в исследованиях М.А.Абдуллаева, М.Б.Муродова и Т.Г.Хасановой [1; 5; 17]. В то же время социально-политические условия развития таджикской публицистики в первое десятилетие независимости требуют комплексного анализа, поскольку совокупность политических, организационных, языковых, жанровых и ценностных факторов определила особенности публицистических текстов 1991-2001 годов.

Так, И.Усмонов приходит к выводу, что «Публицистика является родом творчества. То есть необходимо смотреть на публицистику не как на часть лите-

ратуры, а как на равный ей род. Публицистика, наука и литература не выстраивались одна за другой, нельзя одну из них считать важнее другой, они развивались параллельно, каждая важна на своем месте, функцию, которую выполняет одна, другая не может выполнить. Ни одна из них не может быть заменена чем-то другим» [14, с.8-9]. Для настоящей статьи эта мысль принципиальна: публицистика первого десятилетия независимости рассматривается здесь как самостоятельная форма общественного осмысления политических и ценностных перемен.

Провозглашение независимости Таджикистана в 1991 году придало публицистике новый идейный импульс. После распада прежней идеологической системы обществу было важно быстро понять происходящие изменения, объяснить новые политические условия и выработать общие представления о будущем. Развитие публицистики в период независимости было тесно связано с формированием общественного сознания, ростом национального самосознания и чувства национальной гордости.

В этих условиях публицистика перестала быть только частью журналистики и стала выполнять более широкую роль – служить площадкой для обсуждения общественно значимых вопросов, определения ценностей и осмысления политического пути страны.

Одной из важнейших предпосылок развития таджикской публицистики рассматриваемого периода стало резкое расширение круга общественно значимых тем. В публицистических выступлениях начала 1990-х годов на первый план выходят вопросы государственного суверенитета, статуса таджикского языка, соотношения национального и общегражданского начал, политической ответственности элит, роли интеллигенции, судьбы исторической памяти и перспектив национального развития. Как отмечает С.М.Теплова, «Русскоязычная публицистика Таджикистана в 1990-е годы не просто фиксировала текущие события, но и стремилась осмыслить их в контексте достижения национального, языкового и государственного суверенитета» [13, с.215-219]. Тем самым публицистика включалась в процесс выработки новых смыслов, необходимых обществу в переходную эпоху.

Характеризуя материалы русскоязычных СМИ начала 1990-х годов, Ш.Б.Муллоев и С.М.Теплова отмечают: «Публицистические произведения этого периода характеризуются широтой тематики, разнообразием жанров и ярко выраженной индивидуальностью восприятия реальности» [4, с.5]. Этот вывод показывает, что обновление публицистики происходило одновременно на тематическом, жанровом и авторско-стилевом уровнях.

Наиболее сильное и противоречивое влияние на развитие таджикской публицистики оказала гражданская война 1992-1997 годов. Этот период не только радикально изменил социальную и политическую ситуацию в стране, но и перестроил сам характер журналистского и публицистического слова. Вооруженное противостояние, распад привычных коммуникационных связей, усиление цензурного и идеологического давления, миграция части журналистского сообщества, угрозы безопасности редакций и авторов объективно сузили организационные возможности печати. В то же время именно в годы конфликта публицистика

наиболее отчётливо проявила свою оценочную и полемическую природу. Исследования русскоязычной публицистики периода гражданской войны позволяют выявить социально-политические и культурные условия, в которых она развивалась, а также проследить изменение её жанрово-стилистических особенностей.

Ш.Б.Муллоев и С.М.Теплова, характеризуя роль СМИ и отечественной публицистики, подчеркивают: «Они взяли на себя роль проводников демократических ценностей и стали механизмами реализации и утверждения национальной идеи и самосознания таджикского народа» [4, с.4]. В этой логике публицистика 1990-х годов выступала важным инструментом общественного самоопределения в условиях политического кризиса.

По справедливому утверждению А.А.Рахимова, «в развитии печатных СМИ Таджикистана после обретения независимости выделяются три ключевых этапа: начальный период независимости, гражданская война и послевоенное миростроительство» [6, с.98]. Такая периодизация отражает зависимость публицистики от конкретной общественно-политической ситуации.

В 1991-1992 годах она была направлена на осмысление политических изменений и формирование новой общественной повестки, тогда как в годы войны приобрела противоречивый характер, усилив конфликтные, идеологические и агитационные элементы.

После подписания Общего соглашения об установлении мира и национального согласия возникает потребность в ином типе публицистического высказывания, ориентированного уже не на конфронтацию, а на консолидацию общества, утверждение мира, восстановление гражданского диалога и формирование представлений о едином политическом будущем страны.

Для первого десятилетия независимости этот вывод особенно значим: именно публицистика оказалась одной из основных площадок, где обсуждались язык, история, культурная память, место таджикского народа в постсоветском пространстве и перспективы национального развития.

Становление суверенной государственности сопровождалось и изменением общественной роли печати. Если в прежней системе она во многом выполняла функцию идеологической пропаганды, то в новых условиях все более заметными становились ее дискуссионная, посредническая и гражданская функции. Эта тенденция нашла отражение и в публицистике: ее предметом становятся не только текущие события, но и вопросы ответственности, права, общественного контроля, культуры политического участия.

Заметное влияние на развитие таджикской публицистики оказала и изменения самой системы периодической печати. Речь идет не только о количественном росте изданий на рубеже эпох, но и о качественных изменениях их типологии, аудитории, идеологической направленности и жанровой организации. Выявлено, что эволюция печати в эти годы тесно коррелировала с социально-политическими изменениями в стране [6, с.98]. Развитие публицистики было связано не только с историческими событиями как таковыми, но и с организационным расширением пространства публичного слова. Появление новых газет, усиление альтернативной и частной печати, возникновение различных политико-

идеологических платформ создавали условия для большего тематического и стилистического разнообразия публицистических материалов.

Ш.Б.Муллоев отмечает, что история таджикской журналистики изучает «историю возникновения периодической печати Таджикистана» и является частью профессиональной подготовки журналистов [3, с.4]. Для настоящей статьи этот акцент важен, поскольку социально-политические изменения 1990-х годов необходимо рассматривать в преемственной связи с предшествующим развитием национальной печати.

Существенные изменения произошли и в жанровой структуре прессы. А.Рахимов отмечает, что «в национальной печати заметно усилилась роль информационных и аналитических жанров, тогда как художественно-публицистические жанры стали использоваться реже» [6, с.142]. Сходный вывод содержится и в работах, посвященных русскоязычным печатным СМИ периода независимости, где подчеркивается, что требования новой эпохи вывели на первый план оперативность, аналитичность и информационную насыщенность газетного текста [7, с.221]. Однако это не означало исчезновения собственно публицистического начала. Напротив, в условиях кризиса и переходности именно публицистический компонент зачастую придавал информационным и аналитическим публикациям оценочную глубину, гражданскую выразительность и способность интерпретировать происходящее в морально-политическом измерении.

Связь жанровых изменений с исторической динамикой подчеркивает А.Саъдуллоев: «Движущим фактором развития жанров таджикской публицистики являются перемены в самой жизни» [11, с.168]. Для 1990-х годов эта мысль особенно значима, поскольку резкие общественно-политические перемены определили обновление тематики, жанровых форм и способов авторского высказывания.

Не менее важно и то, что в годы независимости изменился сам тип публицистического героя и характер авторской позиции. В советской модели преобладал нормативный, нередко типизированный персонаж, связанный с реализацией идеологического заказа. В 1990-е годы в публицистике усиливается внимание к человеку в ситуации исторического выбора, к судьбе личности в условиях политического хаоса, насилия, разрушения привычного уклада и последующего мирного восстановления. В этой связи особенно заметными становятся роль человеческого фактора и связь публицистического слова с актуальными вопросами человека и общества [9]. Тем самым публицистика начинает острее реагировать на реальные драматические коллизии времени.

«Суверенитет республики повлек за собой изменение в общественном сознании, дал больше свободы литераторам и публицистам. Большая часть культурных ценностей, тематика и литературные каноны советского периода потеряли свое значение, и новое время стало требовать нового героя. Больше не было необходимости в том, чтобы таджикский писатель, задумав написать какое-нибудь произведение, обращался к заказным героям и темам, к стандартам и штампам, определенным советским государством и Компартией» [10, с.229].

Особую роль в условиях кризисной эпохи играли полемические и сатирические элементы публицистики. Как отмечает М.Б.Муродов: «Исследование публицистической сатиры в таджикской периодической печати показывает, что сатирическое и полемическое начало в национальной журналистике исторически активизируется в периоды общественного напряжения, когда возрастает потребность в критическом осмыслении социальных явлений и политических деформаций» [5, с.97]. Для 1990-х годов этот вывод имеет принципиальное значение. Хотя ведущую роль в период военного и послевоенного кризиса играли информационные и аналитические публикации, именно публицистическая полемика, критическое письмо и сатирическая интонация нередко позволяли прессе не только реагировать на события, но и формировать нравственную оценку происходящего.

М.Б.Муродов, рассматривая развитие публицистической сатиры, отмечает: «Невзирая на то, что исторические события и присущие им процессы построения общества, подгоняя литературу и публицистику под определенные социологизированные рамки, ограничивали созидательную свободу писателей и публицистов установками партийной идеологии, ущемляли их права на независимость и самостоятельность, они все же предоставляли литературе и культуре неограниченные возможности» [5, с.134]. Для рассматриваемого периода такая мысль важна: даже в условиях жестких общественно-политических ограничений критическое слово сохраняло способность выявлять противоречия времени и предлагать обществу нравственную оценку происходящего.

При этом развитие таджикской публицистики в первое десятилетие независимости нельзя рассматривать как изолированный процесс. Оно опиралось на предшествующую историю национальной журналистики и публицистической традиции. А.Саъдуллоев, говоря о более широком характере публицистичности, подчеркивает, что «она свойственна не только средствам массовой информации, но и многим произведениям искусства и художественной литературы [11, с.32]. Следовательно, публицистика 1990-х годов не возникла на пустом месте. Она унаследовала от предшествующих этапов способность быстро откликаться на социальный запрос, но реализовала эту способность уже в качественно новых политических и ценностных условиях.

Современные исследования таджикской журналистики подтверждают, что именно 1990-е годы стали временем наиболее глубоких общественно-политических трансформаций, определивших дальнейшую логику развития средств массовой информации.

Не менее важной социально-политической предпосылкой стало изменение статуса интеллигенции и ее роли в публичной жизни. В начале 1990-х годов именно публицисты, писатели, журналисты, ученые и общественные деятели оказались среди тех, кто наиболее активно участвовал в обсуждении будущего страны. Публицистика стала формой не только журналистской, но и интеллектуальной реакции на происходящее. В ней пересекались политические оценки, исторические интерпретации, моральные суждения и программные представления о путях развития государства. Значение публицистики в этот период было связано с ее способностью участвовать в формировании общественного мнения и об-

щественного сознания [9]. Следовательно, речь идет не просто о количестве публицистических публикаций, а о повышении их общественной значимости, о превращении публицистического слова в самостоятельный фактор политико-культурной жизни.

Существенно изменилась и аудитория печати. Экономические трудности, снижение тиражей, разрушение прежней системы подписки и доставки, региональная неравномерность распространения периодики, сокращение ресурсов редакций сделали медиапространство менее устойчивым [6, с.139]. Однако именно в таких условиях возросла значимость публицистических текстов, способных концентрированно и убедительно объяснять аудитории смысл происходящих перемен. Публицистика взяла на себя дополнительную функцию, соединяя информационный дефицит, эмоциональное напряжение и потребность общества в ясных оценках. Там, где новостная журналистика лишь фиксировала факты, публицистика предлагала их интерпретацию, связывая отдельные события с более широким историческим процессом.

Региональный и языковой аспекты также заметно влияли на развитие таджикской публицистики в 1990-е годы. В первое десятилетие независимости сохранялось сложное взаимодействие таджикоязычного и русскоязычного сегментов печати. Материалы, посвященные русскоязычной публицистике, показывают, что она не только отражала драматизм эпохи, но и вырабатывала собственные способы его осмысления, включая более активное использование аналитических и художественно-публицистических средств. Это позволяет говорить о многоуровневом характере публицистического процесса в Таджикистане, при котором социально-политические предпосылки были общими, тогда как формы их отражения различались в зависимости от языка, типа издания, идеологической позиции редакции и предполагаемой аудитории. Именно это разнообразие придавало таджикской публицистике дополнительную динамику.

Особое значение в рассматриваемый период имела тема мира и национального согласия. После завершения активной фазы гражданского конфликта в центре публицистического дискурса оказываются проблемы общественной консолидации, возвращения к нормальной жизни, преодоления раскола, укрепления государственности и гражданской ответственности. В период войны и после неё издания, несмотря на трудности, вели агитацию за мир и стабилизацию, призывали к взаимопониманию и отказу от насилия [6, с.140]. Эта тенденция особенно важна для оценки развития публицистики, поскольку социально-политические предпосылки определяли не только кризисные формы её существования, но и формировали запрос на созидательную, примирительную и интеграционную публицистику. Тем самым публицистика становилась инструментом общественного восстановления.

В более широком смысле первое десятилетие суверенного развития стало эпохой, когда страна полностью перешла на новую модель общения и обмена информацией. До 1991 года публицистика в основном функционировала как часть централизованной системы идеологической коммуникации. После распада СССР она была вынуждена искать новые основания легитимности: опору на

национальные интересы, общественный запрос, идеи мира и государственности, а также на потребность в осмыслении кризисного опыта. Исследования гражданской журналистики периода независимости фиксируют движение от прежней модели контролируемой прессы к более сложной системе общественной коммуникации [8, с.127]. В этом смысле развитие таджикской публицистики 1990-х годов можно рассматривать как часть общего процесса организационного и ценностного обновления медиасферы.

Социально-политические предпосылки влияли не только на тематику, но и на стиль публицистического высказывания. В текстах рассматриваемого периода усиливаются эмоциональность, полемическая напряжённость, риторическая экспрессия, апелляция к историческим аналогиям, образам коллективной памяти и национального достоинства. Такая стилистика во многом была порождена самой эпохой, когда автор не мог оставаться нейтральным наблюдателем и был вынужден занимать позицию, оценивать, убеждать, предупреждать и мобилизовать. Именно поэтому публицистика первого десятилетия независимости представляет интерес не только как историко-журналистский материал, но и как духовный документ эпохи.

Социально-политические предпосылки развития таджикской публицистики в 1991-2001 годах носили комплексный и системный характер. Ключевое значение имели распад советской идеологической системы, расширение политического плюрализма, становление суверенного государства, гражданская война, активизация процессов национального самоопределения, формирование гражданских институтов и трансформация системы печати. Эти факторы не только воздействовали на публицистику извне, но и изменяли её внутреннюю структуру, тематическую направленность, жанровые приоритеты, общественную функцию и характер авторского высказывания.

Т.Г.Хасанова пишет, что одной из функций СМИ становится превращение концептов в «реальный механизм развития личности и ее гражданской позиции, патриотизма, национального и культурно-исторического самосознания» [17, с.7]. Тем самым точнее обозначается общественная роль таджикской публицистики первого десятилетия независимости: она участвовала не только в описании политических событий, но и в формировании ценностной основы постсоветского общества.

В результате таджикская публицистика первого десятилетия государственной независимости стала пространством, в котором наиболее отчётливо проявились противоречия переходной эпохи и одновременно формировались новые модели общественного самосознания. Она выступила не только средством оперативного отклика на политические события, но и важным механизмом осмысления вопросов государственности, гражданской ответственности, мира и национального единства. Именно поэтому её развитие в 1991-2001 годах следует рассматривать как один из значимых показателей духовной, политической и культурной динамики таджикского общества.

Литература

1. Абдуллаев М.А. Проблемы эволюции национальной идентичности в таджикской публицистике: конец XIX – первая половина XX веков [Электронный ресурс]: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.10 / Абдуллаева Масрур Ахматович. – Душанбе, 2011. – Режим доступа: <https://cheloveknauka.com/problemny-evolyutsii-natsionalnov-identichnosti-v-tadzhikskoi-publitsistike>
2. Гулмуродзода П. Образование и новый мировой порядок. – Душанбе, 2006. – 164 с. (на тадж.яз.)
3. Муллоев Ш.Б. История таджикской журналистики: учеб.-метод. пособие для студентов отделения журналистики. – Душанбе, 2009. – 67 с.
4. Муллоев Ш.Б., Теплова С.М. Таджикская публицистика периода гражданской войны: 1992-1997 гг. (на материале русскоязычных СМИ): монография. – Душанбе: РТСУ, 2024. – 171 с.
5. Муродов М.Б. Публицистическая сатира в таджикской периодической печати: проблемы истории, теории и практики. – Душанбе: Истеъдод, 2011. – 336 с.
6. Рахимов А.А. Особенности функционирования печатных СМИ Таджикистана после обретения государственной независимости: монография. – Душанбе: РТСУ, 2013. – 152 с.
7. Рахимов А.А. Особенности функционирования русскоязычных печатных СМИ Таджикистана в период независимости // Вестник Педагогического университета. – Душанбе: ТГПУ им. С.Айни, 2021. – Т.90, №1. – С.220-227.
8. Рахимов А.А. Печатные СМИ и становление гражданского общества в Таджикистане. – Душанбе: РТСУ, 2022. – 145 с.
9. Салихов Н.Н. Проблемы формирования общественного сознания в таджикской публицистике периода государственного суверенитета [Электронный ресурс]: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.10 / Салихов Нурали Назарович. – Душанбе, 2010. – Режим доступа: <https://cheloveknauka.com/problemny-formirovaniya-obshchestvennogo-soznaniya-v-tadzhikskoi-publitsistike-perioda-gosudarstvennogo-suvereniteta>
10. Салихов Н.Н. Особенности таджикской публицистики до и после обретения независимости Республики Таджикистан. – Душанбе: РТСУ, 2024. – 325 с.
11. Саъдуллоев А. Характерная черта литературы. – Душанбе, 2000. – 256 с. (на тадж.яз.)
12. Саъдуллоев А. Горизонты публицистики. – Душанбе, 2009. – 306 с.
13. Теплова С.М. Факторы формирования русскоязычного сегмента таджикской публицистики начала 90-х гг. [Электронный ресурс] // Вестник педагогического университета. – Душанбе: ТГПУ им. С.Айни, 2018. – №4(76). – С.215-219. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/faktory-formirovaniya-russkoyazychnogo-segmenta-tadzhikskoy-publitsistiki-nachala-90-h-gg>
14. Усмонов И. Теория публицистики. – Душанбе, 1999. – 100 с.
15. Усмонов И. Журналистика. Ч.1. – Душанбе, 2005. – 478 с.
16. Усмонов И. Журналистика. Ч.2. – Душанбе, 2005. – 200 с.
17. Хасанова Т.Г. Концептуальное пространство СМИ современного Таджикистана в условиях трансформации общественных и языковых парадигм [Электронный ресурс]: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.10 / Хасанова Тахмина Гаюровна. – Душанбе, 2021. – 392с. – Режим доступа: <https://tnu.tj/Dissertatsii/KhasanovaTG/KhasanovaTG.pdf>

SOCIO-POLITICAL PRECONDITIONS FOR THE DEVELOPMENT OF TAJIK PUBLICISM IN THE FIRST DECADE OF STATE INDEPENDENCE

Salikhov Nurali Nazarovich

Doctor of philological sciences,
professor of the chair of mediacommunications
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str., 30
Ph.: (+992) 44 620 42 13
solekhov57@mail.ru

The article examines the socio-political preconditions for the development of Tajik publicism during the first decade of state independence of the Republic of Tajikistan. It analyzes the key factors that determined changes in the thematic range, genre structure, and public function of publicistic writing in 1991-2001. These factors include the collapse of the Soviet ideological system, the formation of sovereign statehood, political pluralism in the late 1980s and early 1990s, the civil war of 1992-1997, processes of national self-determination, and subsequent peacebuilding. The study shows that during this period publicism became one of the most important forms of public self-awareness, prompt assessment of political events, and elaboration of new value orientations. It is concluded that the development of Tajik publicism in the first decade of independence was conditioned not only by the crisis nature of the era, but also by society's need to comprehend new models of statehood, civic responsibility, and national unity.

Keywords: Tajik publicism; state independence; Tajikistan; print media; civil war; national self-awareness; publicistic discourse; political pluralism.

ПАЙОМАДҲОИ ИҶТИМОЙ-СИЁСИИ РУШДИ ПУБЛИТСИСТИКАИ ТОҶИК ДАР ДАҲСОЛАИ АВВАЛИ ИСТИҚЛОЛИЯТИ ДАВЛАТӢ

Салихов Нуралӣ Назарович

Доктори илмҳои филологӣ,
профессори кафедраи коммуникатсияи ВАО
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯчаи М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 44 620 42 13
solekhov57@mail.ru

Дар мақола пайомадҳои иҷтимоӣ-сиёсӣ рушди публитсистикаи тоҷик дар даҳсолаи аввали истиқлолияти давлатии Ҷумҳурии Тоҷикистон баррасӣ мешаванд. Омилҳои асосие таҳлил мегарданд, ки дар солҳои 1991-2001 ба тағйири доираи мавзӯҳо, сохтори жанрӣ ва вазифаи ҷамъиятии публитсистика таъсир расонидаанд. Ба ин омилҳо фурупошии низоми идеологии шуравӣ, ташаққули давлатдорӣ соҳибистиқлол, плюрализми сиёсӣ дар охири солҳои 1980 ва аввали солҳои

1990, ҷанги шаҳрвандии солҳои 1992-1997, равандҳои худшиносии миллий ва марҳалаи баъдии таҳкими сулҳ дохил мешаванд. Муайян карда мешавад, ки дар ин давра публицистика ба яке аз муҳимтарин шаклҳои ҳудудҳои ҷамъиятӣ, баҳодиҳии ғаврии рӯйдодҳои сиёсӣ ва ҷустуҷӯи арзишҳои нави иҷтимоӣ табдил ёфт. Хулоса мешавад, ки рушди публицистикаи тоҷик дар даҳсолаи аввали истиқлолият на танҳо аз хусусияти бӯҳрони замон, балки аз эҳтиёҷи ҷомеа ба дарки моделҳои нави давлатдорӣ, масъулияти шаҳрвандӣ ва ваҳдати миллий вобаста буд.

Калидвожаҳо: публицистикаи тоҷик; истиқлолияти давлатӣ; Тоҷикистон; матбуоти даврӣ; ҷанги шаҳрвандӣ; худшиносии миллий; дискурси публицистӣ; плюрализми сиёсӣ.

УДК 821.222.1.09:82.01

**ВЗГЛЯД НА ЭВОЛЮЦИЮ ТРАДИЦИИ КОММЕНТИРОВАНИЯ
ПОЭЗИИ ХАФИЗА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОММЕНТАРИЕВ
БАХЛУЛА БАРАКИ И БАДРИДДИНА АКБАРАБАДИ**

Бобоева Муътабархон Саидмуртазоевна

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры таджикской классической литературы
ГОУ «Худжандский государственный университет им. академика Б.Гафурова»
735019, Республика Таджикистан, Худжанд, проезд Мавлонбеков, 1
Тел.: (+992) 92 771 44 50 (м.)
boboeva_0973@mail.ru

Идеи Хафиза, его поэтический стиль и многогранность творчества, особенно его газелей, завоевали сердца ученых и комментаторов различных регионов. Их неустанные усилия по интерпретации и переводу его произведений отражают стремление раскрыть более глубокие смыслы, скрытые в «Языке невидимого». Это стремление обогатило изучение поэзии Хафиза, предоставив ценнейшие знания об искусстве комментирования и взаимодействии с аудиторией. Статья посвящена историческому развитию и эволюции комментариев к газелям Хафиза. В центре внимания находятся основополагающие работы таких выдающихся комментаторов, как Бахлул-и Бараки и Бадруддин Акбарабади. Анализ их уникальных методов интерпретации и подходов призван раскрыть стратегии, используемые для раскрытия сложного и многослойного смысла стихов Хафиза. Каждый комментатор создал свой собственный уникальный подход и структуру для понимания поэзии Хафиза, несмотря на некоторые недостатки. Их усилия привели к созданию интерпретаций, которые находят глубокий отклик и остаются актуальными. Критически оценивается их вклад и исследуется значимость их работ для изучения поэзии Хафиза. Анализируется долгосрочное влияние этих комментариев, подчеркивается их роль в актуализации вневременного творчества Хафиза для современных литературных и культурных дискуссий.

Ключевые слова: метод; принцип; интерпретация; газель; Хафиз; комментирование; эзотерическое толкование; газель; редакция; опыт.

В контексте изучения комментирования поэтического наследия выдающегося персидского поэта XIV века Хафиза Ширази особое значение приобретает анализ эволюции толкований, реализованных в комментариях к его дивану. Следует подчеркнуть, что комментирование литературных текстов, в частности поэзии великих мастеров художественного слова, представляет собой сложный процесс, обусловленный как собственными философско-мировоззренческими установками комментаторов, так и господствующими интеллектуальными и культурными тенденциями эпохи, и направлен на декодирование художественного замысла поэта и обеспечение адекватного

понимания реципиентом его смысла, а фундаментальным требованием к комментарию выступают ясность и доступность изложения [4, с.51-62.]. Вместе с тем, эволюция этой практики на примере поэзии Хафиза демонстрирует вариативность методологических подходов и интерпретационных стратегий, избранных комментаторами [2, с.285-291.]. В частности, анализ комментариев к дивану Хафиза за последние столетия свидетельствует о том, что комментаторы, наряду с учетом предшествующего комментаторского опыта, стремились к поиску новаторских методов интерпретации и толкования бейтов поэта [5, с.32]. В этой связи следует отметить труды «Фавоиду-л-асрор фй раф’и-л-астору-н-уюни-л-агёр» («Полезности тайн в снятии покрывал с глаз посторонних») Бахлул ибн Мирзохон Бараки Джаландхари и «Бадр-уш-шурух» («Полнолуние толкований») Бадриддина Акбарабади, относящиеся к числу значимых комментариев XVIII века.

По свидетельству Бокири, «Фавоиду-л-асрор фй раф’и-л-астору-н-уюни-л-агёр» Бахлула Бараки, написанный в середине 1719-1720 гг., представляет собой яркий пример суфийского толкования поэзии Хафиза [3, с.127]. Наряду с лексикографическим трактатом «Фарханги луготи девони Хофиз» («Словарь лексики дивана Хафиза») [3, с.129], данный комментарий акцентирует внимание на раскрытии глубинных мистических смыслов поэзии Хафиза.

Согласно исследованиям Абдуманнона Насриддина, в источниковедческой базе не встречаются сведения о биографии и творческом наследии этого комментатора [7, с.143]. Исключением является сам комментарий, в котором представлены фрагментарные данные о его личности и генеалогии, указывающие на принадлежность к научной среде его отца – известного ученого в области религиозных наук и наличие связей со знаменитыми суфиями того времени – Шейхом Мухаммадом Ях’я, Шейхом Абулхаки Дехлеви и Шейхом Бадриддином Афганом.

Как отмечает Абдуманнон Насриддин, анализ предисловия к трактату Бахлула Бараки Чаландарй «Фавоиду-л-асрор фй раф’и-л-астору-н-уюни-л-агёр» свидетельствует о выраженной ориентации автора на суфийско-ирфоническую традицию толкования поэзии Хофиза. Комментатор подчёркивает, что его задача заключается не только в об’яснении внешнего смысла бейтов, но и в раскрытии скрытых “тайн и намёков” поэтического текста. В предисловии Бараки пишет: «О дорогой, знай, что в этой книге содержится не только разъяснение смысла бейтов, как в других комментариях; прочти её от начала до конца, чтобы тебе стало ясно, какое сокровище драгоценных польз мы поместили под большинством бейтов, дабы ты записал это золотой водой, а ещё лучше — как зеницу ока, и приобрёл ценой драгоценностей души, ибо в этой книге имеются пользы, которых ты не найдёшь в другой» [8, с.41; 7, с.145]¹.

Данные высказывания комментатора, в первую очередь, подтверждают новаторскую методологию комментирования и научный подход, применяемый

¹ Здесь и далее переводы с персидского языка выполнены автором статьи.

им при анализе и интерпретации поэтического наследия Хафиза, что в рассматриваемый период представляло собой значительную научную ценность. «Полезные аспекты» представленного комментария не ограничиваются исключительно интерпретацией «смыслового содержания отдельных бейтов», но также проясняют иные грани поэтического опыта Хафиза в контексте осмысления и репрезентации эзотерических проблем, среди которых особое место занимает выявление «сокрытого и символического» в стихах поэта. В этом отношении показательна мысль Ш.З.Суфиева о том, что «язык классической персидско-таджикской поэзии состоит именно из той группы “плавающих” слов, из которых читатель постоянно извлекает новые смыслы» [12, с.104]. Именно поэтому комментарий Бараки можно рассматривать не только как толкование отдельных бейтов, но и как попытку проникновения в подвижную, символическую и многослойную природу поэтического слова Хафиза.

При этом, как отмечает Абдуманнон Насриддин, Бараки «был полностью привержен пантеистическому учению Ибн-Араби, особенно его центральной идее вахдат-и вуджуд (единства бытия)», и «во введении считает два известных произведения этого автора – «Фусус-ул-хикам» («Геммы мудрости») и «Футухат-и Маккия» («Мекканские откровения») – важнейшими исламскими трудами» и «подкрепляет свои мысли цитатой из «Нафахат-ул-унс» («Дуновения близости») Джамии, который сказал, что «Фусус» – душа, а «Футухат» – сердце» [9, с.145].

Из содержания комментария Бахлула Бараки видно, что он, подобно предыдущим комментаторам, опирался на литературно-мистические взгляды восточных ученых, в том числе великих мистиков Абдуллы Ансари, Фаридуддина Аттара и Мавлави Руми, а также использовал важнейшие труды, созданные в этой области в XVII веке, такие как «Кашф-ул-лугот вал-истилохот» («Раскрытие слов и терминов») Ахмада Сури Бихари, «Марадж-ул-бахрейн» («Слияние двух морей») Хатми Лахури и «Шархи Мишкот» («Комментарий к Мишкату») Мавлана Абдулхака Дехлеви.

Несмотря на суфийскую направленность комментария, Абдуманнон Насриддин отмечает, что Бараки «не доводит суфизм Хафиза до крайности», то есть избегает гипертрофированного мистицизма, демонстрируя попытки соотнесения суфийской мысли с социокультурной реальностью эпохи Хафиза. Таким образом, комментаторский подход Бараки характеризуется синтезом ирфанической интерпретации и элементов реалистического прочтения, а также стремлением к анализу внутренних смысловых связей текста. В качестве иллюстрации Абдуманнон Насриддин приводит комментарий Бараки к бейту Хафиза: «Весну жизни желай, о сердце, иначе этот цветник каждый год / Как шиповник сто роз принесет, и как соловей тысячу принесет» [7, с.145], – подтверждая тем самым реалистическое понимание комментатором реальной основы поэтического образа.

Комментарий Бахлула Бараки и предыдущие комментарии свидетельствуют о том, что в определенные периоды времени их авторы имели различные подходы к интерпретации поэзии Хафиза. Если часть из них придерживалась чисто суфийского подхода в комментировании поэзии Ходжи, то другая группа,

в том числе Бахлул Бараки, в понимании, комментировании и интерпретации поэзии Хафиза, наряду с доминирующим суфийским подходом, использовал реалистичный подход, эксплицируя суфийскую сущность, связь с реальностью и художественный аспект поэзии. В частности, метод Бараки, направленный на раскрытие имплицитных смыслов, представляет значительный интерес. Как отмечает Абдуманнон Насриддин, «Бараки является одним из первых комментаторов, который широко использовал в своем труде метод внутреннего толкования» [7, с.145], разъясняя значение, содержание и терминологию поэзии Хафиза.

Несмотря на некоторые реалистические тенденции в комментировании и интерпретации поэзии Хафиза, суфийский подход к её комментированию и в последующие периоды сохранял доминирующие позиции, и интерпретация его стихов в связи с терминами мистиков приобрела особое распространение. Этот подход определяет основные черты комментариев поэзии Ходжи в XVIII веке, что отражено в труде Бадриддина Акбарабади «Бадр-уш-шурух» [1, с 361]. Этот труд, созданный в тот же исторический период в Индии, представляет собой еще один важный этап в развитии комментирования поэзии Хафиза.

Следующие слова автора «Бадр-уш-шурух» прямо указывают на методологические принципы его комментария: «...Говорит нижайший раб Бадриддин, сын Хафиза Бахауддина ибн Шейха Гуламмухаммада: в юности, в дни веселья и радости, сердце стремилось к любовной поэзии, а природа жаждала слов, полных безумия; дни проводил я за чтением стихов в сборниках, а время – за чтением диванов предшественников и последователей. В конце концов, язык последователей и изложение предшественников настолько завладели моим разумом, что ни одно слово ни одного из поэтов прошлого и настоящего не могло сравниться со словами его святейшества, предводителя влюбленных, Шамсиддина Мухаммада Хафиза Ширази, как об этом пишет Хаким Азари в «Джавахир-ул-асрор» («Драгоценности тайн»): «С того дня, как поэты сошли в этот бренный мир, никому не удавалось и не удастся создать подобных слов», – и Шейх Нуриддин Абдуррахман Джами в «Нафахат-ул-унс» писал: «Он – язык сокровенного и толкователь тайн, и многие сокровенные тайны и духовные смыслы, которые ему удалось выразить в образе метафоры, никому другому не удавались, и нет дивана лучше дивана Хафиза». Поэтому я постоянно держал в руках диван Хафиза и ни на миг не выпускал его, и от чтения его страстных газелей и восхитительных рубай (четверостиший) получал наслаждение и радость. Постепенно природа моя потребовала, чтобы, если будут познаны его термины и постигнуты значения его слов, это будет намного лучше и приятнее... Однажды мне пришло на ум записать то, что я почернул из комментариев и что снизошло на мое сердце от его святейшества, языка сокровенного, чтобы и некоторые из моих знакомых, братьев и искателей знания тоже могли этим воспользоваться, ибо «сладость в одиночку есть не годится», поэтому я написал этот комментарий, чтобы он остался памятью для потомков и знаком нашего пребывания на страницах жизни» [1, с.362].

Данный комментарий, созданный в Индии, по словам Бахадура Бокири, «занимает особое место с точки зрения сравнительного изучения комментариев. Автор комментария – индеец, и его усилия по представлению и интерпретации поэзии Хафиза на Индийском субконтиненте, что внесло значительный вклад в распространение ценного персидского языка и культуры, весьма ценны и значимы. Учитывая, что он также использовал другие индийские комментарии, этот комментарий показывает своеобразное восприятие и взгляд индийцев или части из них на поэзию Хафиза в двенадцатом веке (по хиджре – соответствует XVIII веку григорианского календаря) и с этой точки зрения имеет большое значение» [3, с.137].

Автор стремится к постижению глубинных смыслов поэзии Хафиза, признавая его непревзойденное мастерство. Комментарий отличается значительным объемом, охватывая 645 газелей, и претендует на всестороннее рассмотрение поэтического наследия Хафиза. Во введении автор приводит перечень индийских комментариев, послуживших основой для его работы, подтверждая таким образом, популярность поэзии Хафиза. «Бадр-уш-шурух» представляет собой суфийский комментарий, отличающийся «хорошей, приемлемой и красивой интерпретацией с использованием аятов, хадисов и высказываний суфийских шейхов» [11, с.139], что свидетельствует о полной осведомленности и понимании комментатором поэтического опыта Хафиза.

Автор «Бадр-уш-шурух» комментирует газели Хафиза как с мистической точки зрения, так и в контексте отдельных тематических блоков, опираясь на концепции поэта и используя опыт предшествующих комментаторов.

По словам Абдуманнона Насриддина, «комментатор, ранее приобретший достаточный навык в комментировании, интерпретировал поэзию Хафиза интересными способами и методами. Сначала он разъяснял слово и словосочетания каждого бейта, затем, указывая «смысл заключается в следующем», «результат бейта», «значение таково», излагал суть. С целью закрепить свои интерпретации в сознании читателя он использовал метод вопросов и ответов, который очень интересен» [7, с.187]. Абдуманнон Насриддин для подтверждения этого довода приводит следующий отрывок из комментария Акбарабади:

«Тарсам, он кавм, ки бар дурдкашон механданд,
Дар сари кори харобот кунанд имонро.

....Суол: Ба'ди лафзи «тарсам» манфӣ воқе' мешавад, на мусбат чунончи:

Тарсам, нарасӣ ба Ка'ба, эй а'робӣ

Чавоб: Ба'ди «тарсам» ҳам манфӣ, чунонки мазкур шуд ва ҳам мусбат ояд, чунончи: Тарсам, ки ашк дар ғами мо пардадар шавад...».

«Боюсь, что те люди, которые смеются над пьяницами,

В конце концов, в харабате откажутся от веры.

...Вопрос: После слова «боюсь» следует отрицание, а не утверждение, например:

Боюсь, ты не дойдешь до Каабы, о араб!

Ответ: После «боюсь» может следовать как отрицание, как было упомянуто, так и утверждение, например: Боюсь, что слезы в нашей печали станут завесой...» [1, с.407].

Такой способ комментирования и интерпретации поэзии Хафиза имел прецеденты, особенно заметные в опыте Хешаки Чишти [6, с.713-718; 16, с.462.]. Бадриддин Акбарабади усовершенствовал этот метод, расширив диапазон вопросов и ответов.

Одним из преимуществ этого комментария является его исследовательский аспект. Наряду с интерпретацией содержания, автор обсуждает теоретические и практические вопросы поэтики Хафиза, включая принципы стихосложения, риторические фигуры, использование размера и рифмы, сущность поэзии и ее виды, что в то время представляло собой весьма значительный опыт литературно-теоретического осмысления. Подобный подход свидетельствует о внимании комментатора не только к содержательной стороне текста, но и к его художественной организации. Как отмечает Ш.З.Суфизода, «выявление особенностей формы текста, помимо пробуждения у читателя чувства эстетического наслаждения, помогает ему легче проникнуть в глубину и сущность произведения. Поэтому прежде всего в сознании читателя должен возникнуть вопрос: “Каким образом создано это стихотворение?” Правильный ответ на этот вопрос направляет его к постижению глубины поэтической мысли автора» [13, с.142]. В качестве примера приведем толкование термина «ше’р» (стих), проведенный Бадриддином Акбарабади на основе следующего бейта: «Агарчи хаст ширин ше’ри Хофиз, / Чу ла’ли хусрави хубон набошад // Хотя сладок стих Хафиза, / Но не как рубин царя красавиц». Он пишет: ««Ше’р» в языке означает знание, отсюда и дозволенность чтения в намазе вместо «я’ламун» («они знают») «яш’арун» («они чувствуют»). А в терминологии эта наука представляет собой речь, которую говорящий приводит в размере стиха по одному из девятнадцати бахров (поэтических метров), подробно и обстоятельно изложенных в книгах по рифме и арузу (науке о стихосложении), при условии наличия рифмы. Если же рифмованное и ритмичное слово возникает без намерения говорящего, оно не называется стихом. Также не называется стихом рифмованное слово, не соответствующее ни одному из бахров. И стих имеет несколько частей: мисра’ (полустиишие), фард (отдельный бейт), байт (двустиишие), кит’а (фрагмент), рубай (четверостишие), мухаммас (пятистишие), маснави (двустиишие с парной рифмой), газель, касыда (ода), тарджи’банд (строфическое стихотворение с рефреном), мусаддас (шестистишие), мусамман (восьмистишие) и т.д.» [1, с.409].

Бадриддин Акбарабади, в отличие от некоторых комментаторов, не комментировал газели Хафиза выборочно, а разъяснял смысл каждого бейта, начиная с букв и слов и заканчивая словосочетаниями и предложениями, иногда кратко, иногда же подробно и обстоятельно. Комментатор разъяснял бейты газели по порядку, комментируя при этом каждое слово и термин с точки зрения его морфологического и синтаксического значения, лексического значения, метафорического и образного использования, иносказания и уподобления. При

таким подходе он часто отдельно разъяснял как основной, так и подтекстовый смысл бейта. Арабские бейты и коранические цитаты и хадисы интерпретировались им таким же образом, что весьма лаконично, но содержательно.

Бахадур Бокири критикует метод комментирования Бадриддин Акбарабадиа, добавляя, что «основные и важные недостатки этого комментария заключаются в односторонности и абсолютизме комментатора, а также в вычурности и предвзятости, которые привели к представлению странных и удивительных толкований стихов» [3, с.189]. Этот вывод исследователя не имеет под собой оснований, поскольку по сравнению с другими комментариями, например, с комментарием Хатми Лахури, «Бадр-уш-шурух» более лаконичен и показателен. В качестве примера приведем лишь бейт Хафиза: «Аду чу теғ кашад ман сипар наяднозам, Ки кори мо ба чуз аз нолаву охе нест // Враг, если меч поднимет, я щита не подниму, / Ибо наше дело – лишь стон да вздох» – в комментариях Бадриддин Акбарабадиа и Хатми Лахури. Бадриддин Акбарабади сначала разъясняет значение каждого слова бейта, а затем делает следующий вывод: «Когда Иблис предстанет передо мной, я не подниму щита и укреплюсь в свободе, и что бы он ни потребовал, я верну» [1, с.423].

Хатми Лахури также сначала разъясняет значение слов, а затем приходит к следующему заключению: «Когда враг поднимет меч войны, оболыщения и унижения против меня, я тоже не буду беспомощен и не проявлю смирения, ибо колчан моего усердия полон стрел полуночного стона и утреннего вздоха из глубины сердца. Я не позволю этому ничтожеству, ибо ничтожество от мягкости становится еще ничтожнее...» [14, с.693].

Как видим, комментарий автора «Бадр-уш-шурух» по сравнению с комментарием Хатми Лахури более прост и понятен, а не так вычурен, как полагает Б.Бокири [3, с.219].

«Мистический комментарий к газелям Хафиза» Хатми Лахури имеет преимущество с точки зрения использования достоверных источников и авторитетного издания дивана Хафиза. Полное знание комментатором Корана, его толкования семи чтецов и преданий этой книги, а также пророческих хадисов и арабских источников позволили ему представить читателям надежный комментарий [15, с.211-246, 367-392].

Вышеупомянутые комментарии, созданные в разные периоды времени, некоторые из них – в Индии, сыграли в свое время большую роль в поощрении и распространении литературных знаний, особенно поэзии Хафиза, и направляли читателей к пониманию глубины содержания и формы художественных произведений. С течением времени научная и литературная ценность этих комментариев не уменьшилась, а скорее возросла, открывая путь для понимания и оценки духовных и эстетических ценностей художественных произведений, в том числе поэзии Хафиза [10, с.22].

Таким образом, сравнительный анализ методов комментариев Бахлула Бараки и Бадриддина Акбарабади позволяет выявить определенную эволюцию герменевтических практик в отношении поэзии Хафиза в XVIII веке.

Комментарий Бараки демонстрирует углубление суфийской интерпретации с элементами реалистического прочтения и интратекстуального анализа. В свою очередь, «Бадр-уш-шурух» характеризуется стремлением к системному анализу газелей, установлению внутритекстовых связей и расширению теоретико-поэтического контекста интерпретации. Оба комментария внесли значительный вклад в рецепцию поэзии Хафиза в Индийском субконтиненте и способствовали дальнейшему развитию традиции ее комментирования, заложив основы для последующих герменевтических исследований.

Литература

1. Акбарабади Бадриддин. Бадру-ш-шурух: комментарий к «Дивану Хафиза». – Дели, 1331. – 754 с. (на перс. яз.).
2. Афсахзод А. Комментарий к «Дивану» Хафиза // В ряду великих. – Душанбе: Ирфон, 1986. – С.285-291. (на тадж. яз.).
3. Бокири Б. Словарь комментариев Хафиза. – Тегеран: Амири Кабир, 1387. – 396 с. (на перс. яз.).
4. Капранов В. Слово Хафиза в персидско-таджикских словарях // Юбилейный сборник Хафиза. – Душанбе: Дониш, 1977. – С.51-62.
5. Косими Ш. Персидские комментарии к «Дивану Хафиза» в Индии // Уфуқ. – Год 1. – С.30-33. (на тадж. яз.).
6. Мухаммадхон М. Анализ и представление «Бахр-ул-фиросат-ил-лофиз фи шархи Девони Ходжа Хафиз» Убайдуллоха Хвешги Чипти // Слово людей сердца: материалы Международной конференции памяти Хафиза. – Тегеран, 1371. – С.713-718. (на тадж. яз.).
7. Насриддин А. Комментаторство в истории персидско-таджикской литературы. – Худжанд, 2000. – 252 с.
8. Насриддин А. Словарь трудностей литературы: краткий справочник / ред. А.Рахматзод. – Худжанд, 1992. – 133 с. (на тадж. яз.).
9. Насриддинов А. Познание и комментарий литературы / отв. ред. М.Шукуров; ред. Қодири Рустам. – Душанбе: Ирфон, 1991. – 192 с. (на тадж. яз.).
10. Рахими А., Камолванд Ф. Сравнительно-аналитическая критика двух комментариев к «Дивану Хафиза» на Индийском субконтиненте / А.Рахими, Ф.Камолванд // Древняя персидская литература: научно-исследовательский журнал Института гуманитарных наук и культурологии. – Год 9. – №2. – Осень-зима 1397. – С.1-28. (на перс. яз.).
11. Риджаии Бухорои Ахмадали. Словарь поэзии Хафиза. – 8-е изд. – Тегеран, 1375. – 729 с. (на перс. яз.).
12. Суфиев Ш.З. О путях понимания смысла стихотворения // Вестник Педагогического университета. – Душанбе: ТГПУ им. С.Айни, 2020. – №3 (86). – С.101-106. – EDN LRYEPG.
13. Суфизода Ш.З. Новое проявление теории литературы в исследованиях Шафии Кадкани // Вестник института языков. – Душанбе, 2023. – №3 (51). – С.139-144. – EDN KAHFZQ. (на тадж. яз.).
14. Хатми Лохури А.А. Мистический комментарий к газелям Хафиза / подгот. и примеч. Б.Хуррамшахи, К.Мансури, Х.Мутеи Амин. – Т.3. – Тегеран: Катра, 1378. – 2316 с. (на перс. яз.).
15. Хатми Лохури А.А. Мистический комментарий к газелям Хафиза / подгот. и примеч. Б.Хуррамшахи, К.Мансури, Х.Мутеи Амин. – Т.4. – Тегеран: Катра, 1378. – 3059 с. (на перс. яз.).
16. Хешаки Касури А. Бахр-ул-фиросат-ил-лофиз фи шархи Девони Хафиз / подгот. и примеч. Айюб Муради, Соро Чолок. – Т.1. – Тегеран: Ишок, 1393. – 684 с. (на перс. яз.).

**A LOOK AT THE EVOLUTION OF THE TRADITION OF
COMMENTING ON HAFIZ'S POETRY: A COMPARATIVE
ANALYSIS OF THE COMMENTARIES BY BAHULUL BARAKI
AND BADR AL-DIN AKBARABADI**

Boboeva Mutabarkhon Saidmurtazoyevna

Candidate of philological sciences,
associate professor of the chair of Tajik classical literature
SEI "Khujand state university named after academician B. Gafurov"
735019, Republic of Tajikistan, Khujand, Mavlonbekov passage, 1
Ph.: (+992) 92 771 44 50 (m.)
boboeva_0973@mail.ru

Hafiz's ideas, his poetic style, and the versatility of his work, especially his ghazals, have won the hearts of scholars and commentators from various regions. Their tireless efforts to interpret and translate his works reflect a constant desire to uncover the deeper meanings hidden in the "Language of the Invisible." This endeavor has enriched the study of Hafiz's poetry, providing invaluable insights into the art of commentary and audience engagement. This article examines the historical development and evolution of commentary on Hafiz's ghazals. It focuses on the seminal works of such eminent commentators as Bahlul-i Baraki and Badruddin Akbarabadi. An analysis of their unique interpretive methods and approaches aims to reveal the strategies used to uncover the complex and multilayered meaning of Hafiz's verses. Each commentator developed their own unique approach and framework for understanding Hafiz's poetry, despite some shortcomings. Their efforts have resulted in interpretations that resonate deeply and remain relevant. Their contributions are critically assessed and the significance of their work for the study of Hafiz's poetry is explored. The long-term influence of these commentaries is analyzed, emphasizing their role in connecting Hafez's timeless work to contemporary literary and cultural debates.

Keywords: method; principle; interpretation; ghazal; Hafez; commentary; esoteric interpretation; ghazal; editing; experience.

**НАЗАРЕ БА ТАҲАВВУЛИ АНЪАНАИ ШАРҲНАВИСӢ БА АШӢОРИ
ҲОФИЗ: ТАҲЛИЛИ МУҚОИСАВИИ ШАРҲҲОИ БАҲЛУЛ БАРАКӢ
ВА БАДРИДДИН АКБАРОБОДӢ**

Бобоева Муътабар Саидмуртазовена

Номзади илмҳои филологӣ, дотсенти кафедраи адабиёти классикии тоҷик
МДТ «Донишгоҳи давлатии Хучанд ба номи академик Б. Гафуров»
735019, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Хучанд, гузаргоҳи Мавлонбеков, 1
boboeva_0973@mail.ru

Маҳбубият ва таъсири андешаву оро ва ҷанбаҳои розгунаи осори Ҳофиз, аз ҷумла ғазалиёти ӯ, омили аслии ҷалби таваҷҷуҳи муҳаққиқон ва шорехони манотиқи гуногун ба шарҳу тафсир ва

таъвили шеъри шоир гардида, ин тамоюл, пеш аз ҳама, баёнгари таҷрибаи муфиди шореҳон дар шинохту шарҳ ва ҷалби тавачҷӯҳи мухотабон ба фаҳму дарки дарунмояи ғазалиёти лисонулғайб мебошад. Бо мақсади аз назар гузаронидани чараёни сайри та'рихӣ ва таҳаввулоти шарҳнависӣ бар ғазалиёти Ҳофиз дар ин пажӯҳиш шарҳҳои Баҳлули Бараки ва Бадриддини Акбарободиро таҳлил ва арзёбӣ намуда, кӯшиш кардем, ки усул ва равишҳои шарҳи ғазалиёти Ҳофизро дар заминаи таҷрибаи шореҳони ёдшуда мушаххас созем. Натиҷаи ҳосилшуда иборат аз он аст, ки ҳар кадоме аз ин шореҳон усул ва равиши хоси шарҳи ғазалиёти Ҳочаро пеш гирифта, бо вучуди баъзе кӯтоҳҳо, тавонистааст шарҳу басти муносибе аз шеъри Ҳофиз ироа диҳад, ки дар мақолаи мазбур ба таври мушаххас баррасӣ ва арзёбӣ шудааст.

Калидвожаҳо: равиш; усул; шарҳ; ғазал; Ҳофиз; тафсир; таъвил; ғазал; тасҳех; таҷриба.

УДК 82/821.0

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА ПРОИЗВЕДЕНИЙ А.М.ГОРЬКОГО НА ТАДЖИКСКИЙ ЯЗЫК

Рахмонов Зафар Абдумаликович

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры государственного языка и обществоведения
Политехнический институт
Таджикского технического университета
им. академика М.Осими в г.Худжанд
735700, Республика Таджикистан, Худжанд, пр. И.Сомони, 226
Тел.: (+992) 92 715 55 33 (м.)
rahmonovza@gmail.com

В статье воспроизводится история перевода произведений М.Горького на таджикский язык, прослеживаются их хронология, выделены периоды переводческой активности в области освоения горьковского наследия, освещены факторы, обусловившие подъем интереса в Таджикистане к жизни и творчеству русского писателя. Показано движение переводов прозы писателя от первых опытов в газете «Бухорой шариф» (1912) до полномасштабной работы по внедрению горьковского творчества в таджикское культурное пространство в 30-е и 50-е годы XX века. Представлен корпус изданий наследия М.Горького на таджикском языке, выделены наиболее репрезентативные с точки зрения уровня перевода. Автор затрагивает также вопросы переводной множественности и влияния личности переводчика и редактора на качество воссоздания оригинала. По мнению автора статьи, вопрос рецензии наследия Горького в Таджикистане не потерял актуальности, учитывая значимость изучения национальных переводческих традиций в контексте взаимодействия национальных культур и литератур.

Ключевые слова: история перевода; таджикский язык; А.М.Горький; переводческие традиции; литературный процесс.

Как показали научные исследования, имена некоторых классиков русской литературы стали известны в Туркестане и в Бухарском эмирате с конца XIX века. Русская культура проникала в Среднюю Азию различными путями, прежде всего через таджикских просветителей, которые знакомились с произведениями и мыслями русских литераторов, извлекая из них много полезного для себя. С одной стороны, до Бухары доходили персидские газеты «Ахтар», «Хабл-уль-матин», «Чехранамо» и «Эрони нав», а таджикская интеллигенция «получала информацию, в известной степени, о событиях в мире через эти газеты» [1, т.1., с.52]. Кроме того, знакомство передовой таджикской интеллигенции с образцами русской литературы состоялось и через узбекские, татарские и азербайджанские переводы, которые опубликовались в газетах и журналах «Турке-

стан вилояти газети», «Турон» (на узбекском языке); «Фикр», «Тарджумон» (на татарском языке), «Мулла Насриддин» (на азербайджанском языке) и др. Помимо статей и сообщений на различные темы, на страницах этих газет публиковались новости, а иногда и образцы произведений русских писателей. В частности, первые переводы басни И.А.Крылова (1875 г.), рассказов Л.Н.Толстого (1881 г.) и произведений А.С.Пушкина (1899 г.) появились в печати Туркестана именно в этот период.

Еще одним источником знакомства таджиков с русской литературой были новометодные школы. «Учреждение самой новой школы явилось результатом интеллектуальной революции» [1, т.10, с.146], и тогда же возникла необходимость создания специальных учебных пособий. В результате появились книги С.Айни «Тахсиб-ус-сибян» (1909 г.), Шакури «Джаме-уль-хикоёт» (1909 г.) и др. Стоит отметить, что во втором сборнике широко использованы таджикские переводы произведений русских писателей. Немалый вклад в это благое дело, т.е. в обучение подрастающего поколения и перевод на таджикский язык произведений русских писателей, внес таджикский поэт и переводчик Аджи. На таджикский язык им были переведены отдельные произведения А.С.Пушкина, Н.В.Гоголя, И.С.Тургенева и Л.Н.Толстого. Именно благодаря усилиям Аджи, «первым произведением, переведенным на таджикский язык, стал знаменитый рассказ Н.В.Гоголя «Шинель» [15, с.152].

В 1912 году вышла первая таджикская газета «Бухорон шариф», которая «внесла большой вклад в формирование общественного мнения» [10, с.147]. Хотя «Бухорон шариф» просуществовала менее года выпустила всего 153 номера, на ее страницах было размещено 23 образца русской литературы, в том числе полностью переведенная повесть Л.Н.Толстого «Кавказская пленница» [9, с.115].

Следует отметить, что, несмотря на малое количество переводов и ограниченную доступность газеты для широкой публики, ее безусловно можно считать важным источником знакомства таджикского народа с русской литературой. На наш взгляд, именно материалы газеты «Бухорон шариф», переводы Аджи и книга Шакури «Джаме-уль-Хикоёт» послужили основой для формирования практики перевода и издания произведений русских писателей на таджикском языке.

В 1912 году творчество М.Горького, считавшегося в те годы одним из самых известных русских писателей, привлекло внимание и таджикских просветителей. В апреле того же года в 37 номере газеты «Бухорон шариф» были опубликованы рассказ «Данко» и повесть «Старуха Изергиль».

Кстати, считаем необходимым указать на неверную информацию узбекских ученых относительно публикации произведений М.Горького «Старуха Изергиль» и «Легенда о Данко» в вышеупомянутой газете и пролить свет на этот вопрос. Узбекский литературовед Х.Хамиди в своей статье «Мастер слова», посвященной 100-летию со дня рождения М.Горького, относит перевод и публикацию повести к 1913 году. Другой ученый М.Расули вносит еще больше искажений, сообщая, что «с произведениями М.Горького познакомились и узбекские читатели. Так, в 1913 году газета «Бухорон шариф», выходящая в Кагане, опубликовала

(пересказ) легенду о Данко» [10, с.113]. И далее он добавляет, что «революционный романтизм пролетарского писателя стал популярен в сердцах узбекских читателей» [10, с.113].

Во-первых, он повторяет ошибку Х.Хамиди относительно даты публикации перевода произведения (1913 г.). Во-вторых, М.Расули также даёт неверную информацию о языке перевода этого рассказа. Напомним, что газета «Бухорои шариф» издавалась на персидском языке. Как верно утверждают А.Мирахмадов и В.Самад «при рассмотрении её содержания («Бухорои шариф» – З.Р.) мы не встретили ни одного стиха или статьи на тюркском языке, не то что целой страницы» [9, с.116].

Совершенно очевидно, что сказка «Данко» впервые была переведена и издана на таджикском, а не на узбекском языке. Возможно, исследователь имел в виду узбеков, которые владели таджикским языком. На наш взгляд, сказка (пересказ) «Данко» является первым переводом произведений М.Горького на таджикском языке, впервые опубликованным в газете «Бухорои Шариф» в 1912 году. К сожалению, имя первого переводчика, переложившего сказку «Данко» с русского языка на таджикский, осталось неизвестным.

В популяризации произведений русских писателей, в том числе творчества М.Горького, большую роль сыграли русские газеты «Русский Туркестан», «Самарканд», «Ашхабад» и др., издававшиеся в регионе. Упомянутые газеты публиковали интересные статьи, рецензии и новости о жизни и творчестве М.Горького. На страницах газеты «Русский Туркестан» были опубликованы рассказы «О гордом писателе» (1901 г.), «Легенда Марко» (1902 г.); в газете «Самарканд» – фантазия «Песни весны» (1904 г.), сказка «Товарищ» (1906 г.), стихи из «Дети солнца» (1905 г.); в газете «Ашхабад» – рассказ «Девушка» (1905 г.), статья «О мещанах» (1906 г.) и др. Газеты Средней Азии, выходившие на русском языке, способствовали «развитию социально-революционного понимания и восприятию содержания произведения М.Горького среди Туркестанского населения» [7, с.151].

Ознакомление населения Средней Азии с произведениями русских писателей, в том числе с творчеством М.Горького, происходило и через показ его пьес в городах Ташкенте, Самарканде, Ашхабаде и др. Пьесы писателя «На дне», «Дети солнца», «Мещане» и «Дачники» в разные годы демонстрировались в крупных городах Средней Азии [6, с.119]. Сценические произведения завоевали популярность в народе и повысили интерес публики к русскому писателю. Следует сказать, что до Бухарского эмирата доходило очень небольшое количество русских газет. Даже в 1917 г., когда революционное движение охватило всю Россию, «в Бухаре запрещалось читать газеты и говорить о работе самодержавной власти» [1, т.1, с.70].

Если рассматривать количество переведенных произведений русских писателей в печати Средней Азии, особенно Бухарского эмирата, то прежде всего бросается в глаза их малочисленность. На первый взгляд создается впечатление, что таджикская интеллигенция мало внимания уделяла русской культуре. На самом деле такая ситуация сложилась по объективным причинам. Во-первых, и

русские государственные деятели, и местные чиновники были против распространения демократических и свободолюбивых идей русской культуры. Во-вторых, среди таджикских писателей и просветителей, владеющих русским языком, переводчиков было очень мало (Аджзи, Шакури...). Поэтому большая часть переводов русской литературы осуществлялась через персидский и турецкий языки. Также не каждый писатель имел смелость переводить произведения русскоязычных авторов. Некоторые из них держали свои имена в тайне, и такая традиция была характерна для местной печати того периода. Интерес к русской культуре и прогрессивным идеям подавлялся местными чиновниками, особенно фанатично настроенными религиозными деятелями, и в этом следует искать одну из причин малочисленности переводов с русской литературы и сохранения в тайне имён переводчика.

Интересны и произведения, отобранные для перевода таджикскими просветителями. Писатели в основном переводили сказки (Л.Толстой, М.Горький) и небольшие басни (И.Крылов). Из русской литературы «выбирались произведения, либо тесно связанные с дидактическими традициями классической персидско-таджикской литературы, либо содержащие большой объем познавательного материала» [6, с.119]. Дух и романтический тон произведений, переведенных из русской литературы, производили большое впечатление и легко адаптировались к вкусам таджикских читателей. Наконец, объем русских и местных газет, издававшихся в Средней Азии, часто не позволял публиковать масштабные произведения русских писателей.

Октябрьская революция создала благоприятные условия для ознакомления и с лучшими произведениями русских писателей, в том числе М.Горького. Первые значительные переводы русской литературы появились в Таджикистане в 20-е годы. Рассказ «Туннель» – первый перевод произведения М.Горького после революции. Его перевел в 1928 году с азербайджанского на таджикский язык Т.Зехни. Интересно отметить, что упомянутый рассказ был найден и рекомендован к переводу известным ученым, литератором Р.Хашимом.

В начале тридцатых годов были переведены и изданы ряд рассказов М.Горького, в том числе «в 1932 году вышел в свет первый сборник его рассказов, в который вошли «Песня о буреизвестнике» (переведена О.Исмат и Г.Абдулло), «Песня о соколе», «Туннель» и «Мать» (перевёл Ш.Гусейнзаде) [5, с.38].

Следует сказать, что первые переводы не были лишены недостатков. Таджикские переводчики не владели соответствующим опытом перевода с русского языка, поскольку не очень хорошо знали язык оригинального произведения. Рассказы «Туннель», «Песнь о соколе» и «Мать» были переведены с азербайджанского языка, и таджикскому читателю был представлен косвенный перевод. Кстати, хотелось бы отметить причину малого количества переводов произведений русских писателей. Основными причинами такого неблагоприятного положения с переводческой работой было, в том числе, отсутствие издательских возможностей в Таджикистане и малочисленность подготовленных таджикских переводчиков.

В 30-е годы возникла необходимость совершенствования работы в области художественного перевода советской литературы. На пленумах Оргкомитета Союза писателей СССР (в 1932 и 1933 годах) вопросу перевода уделялось особое внимание. В августе 1933 года А.Лахути выступил с докладом о необходимости перевода произведений таджикских писателей на русский язык и наоборот. Следует сказать, что его выступление привлекло внимание присутствующих, также «предложение А.Лахути было хорошо принято М.Горьким» [11].

На этом пленуме было принято специальное решение об организации бригад переводчиков, состоящих из опытных русских писателей. Среди других выступил также М.Горький (пленум 1933 г.), который говорил о положении художественного перевода и его огромном значении для литературы.

В том же году известный русский ученый и переводчик И.А.Салье приехал в Таджикистан, чтобы помочь молодым таджикским переводчикам и улучшить переводческую работу. Он предложил следующие меры для эффективного и более качественного осуществления деятельности таджикских переводчиков:

1. В первую очередь поддержать переводчиков таджикского языка и оказать им всестороннюю помощь, установив регулярный контакт с российскими специалистами.

2. Еще одним средством обеспечения высокого качества перевода с русского на таджикский является направление лучших таджикских переводчиков на обучение в Москву и Ленинград [11].

Для перевода масштабных произведений, в том числе романов М.Горького, И.А.Салье поставил вопрос об организации групп таджикских переводчиков. На наш взгляд, это предложение русского ученого заслуживало поддержки и развития, но таджикские переводчики этим не воспользовались.

Перевод лучших произведений известных русских писателей, особенно произведений М.Горького, мог сыграть большую роль в развитии современной таджикской литературы. Вот почему Коммунистическая партия Таджикистана видела необходимость и важность перевода и издания произведений М.Горького на таджикском языке. В 1933 году было принято решение: «Об издании произведений М.Горького на таджикском языке и перевод лучших произведений таджикской литературы на русский язык»:

1. Считать необходимым начать незамедлительной публикации избранных произведений М.Горького на таджикский язык и лучшие произведения таджикской литературы на русском языке.

2. Для этого организовать группу переводчиков, работающую под общим руководством Оргбюро Союза писателей СССР.

3. Совету Народных Комиссаров выделить средства Государственному издательству Таджикистана, ответственному за издание произведений, указанных в абзаце первом, и включить эти расходы в бюджет.

4. В редактирование издания избранных произведений М.Горького на таджикском языке утвердить А.Лахути и поручить ему составление планов издания, которые он, по совету М.Горького, указав дату издания, подготовит к согласованию с Оргбюро Союза писателей Таджикистана и Госиздатом Таджикиста-

на.

5. Признать возможной работу группы переводчиков в Ленинграде или Москве, а обеспечение соответствующих условий для группы поручить постоянному представителю Таджикистана в Москве т. Абдуджаббарову.

6. Оргбюро Союза писателей Таджикистана регулярно получать информацию о работе переводчиков и оказывать необходимую помощь.

7. Это решение опубликовать в печати» [8].

На основании этого постановления Государственное издательство Таджикистана приняло специальное решение на таджикском языке и отправил его проект русскому писателю для ознакомления [3].

Вышеуказанные решения ещё больше привлекают внимание таджикских писателей и читателей к творчеству М.Горького, и таджикские литераторы стали более глубоко и серьезно заниматься чтением, изучением и переводом произведений писателя.

Руководство в осуществлении всех мероприятий было возложено на А.Лахути. Однако в связи с тем, что поэт руководил бригадой Оргбюро Союза писателей СССР по изучению таджикской литературы, а также большую часть времени проводил в г.Москве, он не мог руководить этими мероприятиями. Поэтому руководство этой кропотливой работой полностью было возложено на С.Айни.

Основоположник таджикской литературы С.Айни, занимаясь популяризацией, редактированием и улучшением переводов произведений М.Горького, внес большой вклад в распространение произведений М.Горького в Таджикистане. На то, что он плохо знал русский язык и занимался научной и творческой работой, большую часть переводов подготовил к печати лично. Наряду с рассказами и сказками М.Горького, его масштабные произведения регулярно переводились на таджикский язык. Качество переводов произведений русского писателя относительно улучшилось, количество его работ на таджикском языке увеличилось, а переводы были сделаны непосредственно с русского языка.

Со второй половины 30-х годов работа по переводу произведений М.Горького успешно и эффективно продвигалась в Таджикистане. Это время можно считать первым этапом перевода и публикации произведений М.Горького в таджикской литературе.

В 1933 году Таджикское государственное издательство планировало перевод и публикацию произведений М.Горького «Детство», «В людях», «Мои университеты» и роман «Мать», но «поскольку возможности издания еще не было, выпуск этих произведений задерживался» [13, с.133]. Наконец, автобиографическая трилогия М.Горького в переводе писателя Х.Ирфона (1936-37 гг.) и роман «Мать» (1938 г.) в переводе Р.Хашима были опубликованы. С.Айни, понимая необходимость и значение переводных произведений в развитии современной таджикской литературы, «лично взял на себя редактирование всех четырех книг» [13, с.133].

Роман «Мать» – один из лучших таджикских переводов произведений М.Горького, принадлежит талантливому переводчику Р.Хашиму. Следует отметить, очень большой вклад Р.Хашима в популяризацию и перевод произведений

русского писателя на таджикский язык.

В тридцатые годы переводами произведений М.Горького серьезно занимался молодой литератор Х.Карим. В частности, на него большое влияние оказали романтические рассказы русского писателя. Х.Карим перевел рассказы «Старуха Изергиль» (1935 г.), «Песня о буреизвестнике» (1936 г.), «Макар Чудра» (1940 г.), «Рождение человека» (1940 г.), «Мальва» (1941 г.), перевел произведение «Фома Гордеев» (1938 г., совместно с М. Рахими) и др. Таджикский писатель перевел несколько статей М.Горького на таджикский язык. В 1940 году все художественные переводы русского писателя Х.Карима были изданы отдельной книгой.

Художественные переводы русских писателей не были лишены ошибок и недостатков, поэтому таджикские литераторы работали над своими переводами регулярно и кропотливо. В 1930-е годы для таджикских писателей и переводчиков было характерно возвращение к прежним переводам, и заниматься их редактированием и улучшением, это подтверждало ответственность и требовательность переводчиков к своей работе. В результате, рассказы «Туннель», «Песня о буреизвестнике», «Песня о соколе», «Мать» и многие другие произведения М.Горького много раз заново переводились и редактировались. Несомненно, в результате повторного редактирования большая часть переведенных произведений была доработана и улучшена.

Важно отметить, что в 30-х и 50-х гг. наиболее видные и известные таджикские писатели так же переводили произведения М.Горького. Например, «Песня о соколе» (1956 г.) перевел А.Лахути, «Мать» – С.Улугзаде, «Город желтого дьявола» Р.Джалил, «Дедушка Архип и Ленка» (1941 г.) А.Лахути, «Девушка и смерть» (1948 г.) – М.Аминзаде, «Один из королей республики» (1955 г.) – П.Толис и др.

Пятидесятые годы можно считать вторым этапом перевода и издания произведений М.Горького в Таджикистане. В этот же период выходит роман писателя «Дело Артамоновых» (1953 г.) в переводе Эм.Муллоканова. В 1956 году известные пьесы М.Горького «Мещане», «На дне», «Дачники», «Враги», «Егор Булычев и другие» мастерски перевел Р.Хашим, и все они были опубликованы отдельной книгой. В 1958 году книга «Сказки Италии» М.Горького, включающая 18 рассказов писателя, так же стала доступна таджикскому читателю. Эти рассказы были переведены Р.Хашимом и П.Толисом, и большинство из них являются свежими переводами.

Интересно отметить, что в 50-х годах известные произведения М.Горького «Мать» (1950 г.), «Детство», «В людях», «Мои университеты» (1951-1952 гг.) были заново отредактированы и опубликованы.

Издательство «Маориф» в 1980 году издало лучшие рассказы М. Горького на таджикском языке, где были включены самые известные и интересные переводы русского писателя. Напомним, что самые популярные произведения русского писателя были включены и в таджикские учебники, и ученикам с детства воспитывали любовь к творчеству М.Горького.

В пропаганде и популяризации творчества М.Горького в Таджикистане большую роль сыграла таджикская пресса, особенно литературный журнал «Са-

дои Шарк». Переводы произведений русского писателя сначала публиковались в печати, а потом издавались в виде отдельных книг. С этой точки зрения, первое знакомство таджикских читателей с произведениями М.Горького произошло именно через таджикские газеты и журналы.

Почти все произведения М.Горького на таджикском языке собраны в «Избранных произведениях» [4], состоящих из пяти томов. Издание избранных произведений русского писателя на таджикском языке стало важным событием в истории современной таджикской литературы и внесло значительный вклад в популяризацию и сбор всех переведенных произведений русского писателя в Таджикистане. Интересно отметить, что избранные произведения М.Горького были изданы в десяти томах в Узбекистане (с 1968 г.) и шестнадцати томах в Туркменистане (1954-1968 гг.). Такое количество томов, изданных в соседних республиках, дает понять малочисленность переводов произведений русского писателя в Таджикистане. Конечно, количество не может быть критерием оценки перевода и его качества, но анализ таджикских переводов произведений М.Горького приводит к выводу, что они нуждаются в правке и доработке.

Еще в 1960 году Р.Хашим говорил о необходимости публикации избранных произведений М.Горького на таджикском языке, он предлагал «пересмотреть, отредактировать и улучшить имеющиеся переводы и перевести рассказы автора, еще не опубликованные» [13, с.136].

Избранные произведения М.Горького на таджикском языке не были свободны от ошибок и недостатков и не могли в полной мере удовлетворить растущие эстетические запросы таджикского читателя. Такая ситуация сложилась по следующим причинам:

а) предыдущие переводы большей частью включены без редактирования и доработки, за исключением тома 4 («Детство», «В людях», «Мои университеты»), который был отредактирован и доработан упорным трудом Р.Хашима. Все переводы, в основном, были сделаны в тридцатых и пятидесятых годах, и с течением времени и исторических условий некоторые из более ранних переводов потребовали редактирования. «В результате читателю были представлены пять томов чернового перевода великого писателя Максима Горького» [12], что в основном верно;

б) в пяти томах нет новых переводов произведений М.Горького. Литературное наследие русского писателя очень богато и разнообразно, и есть много произведений, достойных перевода;

в) интервал между выходом томов слишком велик (1968-1978), в результате «читатель забывает первую книгу, снижается его вкус. Например, наблюдаем это при издании произведений М.Горького» [14];

г) мы видим также небрежность редакторов при выборе произведений М.Горького в печать. Например, рассказ «Свадьба» появился в 1-м томе (стр. 150) и снова повторился в 3-м томе (стр. 60).

С начала 20 века и до 70-х годов произведения М.Горького много раз переводили и издавали в Таджикистане. В перевод и редактировании произведений русского писателя внесли большой вклад таджикские литераторы С.Айни,

А.Лахути, Х.Карим, Дж.Икрами, Р.Джалил, С.Улугзаде, А.Дехоти, П.Толис, Р.Хашим, Х.Ирфон, Эм.Муллокандов и др. Наиболее интересны два этапа перевода и публикации произведений М.Горький в Таджикистане, а именно в 30-е и 50-е гг. Качество переводов произведений М.Горького неординарен, отличных и хороших переводов меньше. Несмотря на такое положение, «не следует забывать, что некоторые переводы тридцатых годов вошли в ряды классических переводов на родном языке, они сыграли большую историческую роль в таджикской литературе и культуре» [16, с.120].

Литература

1. Айни С. Полное собрание. Состоит из 15 томов. – Душанбе: Ирфон, 1958-1977. – Т.1. – Сталинобод: НДТ, 1958. – 348 с.; Т.10. – Душанбе; Ирфон, 1966. – 344 с.; Т.11. Кн.1. – Душанбе: НДТ, 1963. – 506 с. (на тадж.яз.)
2. Алматинская А.В. Минувшее. Воспоминания. – Ташкент: Лит-ра и искусство, 1971. – 176с.
3. Архив А.М.Горького. КГ 51–2–1.
4. Горький М. Избранные произведения. Состоит из 5 томов. – Душанбе: Ирфон, 1968-1978; Т.1. – Душанбе: Ирфон, 1968. – 624 с.; Т.2. – Душанбе: Ирфон, 1969. – 452 с.; Т.3. – Душанбе: Ирфон, 1970. – 520с.; Т.4. – Душанбе: Ирфон, 1976. – 735 с.; Т.5. – Душанбе: Ирфон, 1978. – 496 с. (на тадж.яз.)
5. Демидчик Л.Н. Проза 1930-х годов. История советской таджикской литературы. Т.2. – Душанбе: Дониш, 1978. – 308 с. (на тадж.яз.)
6. Демидчик Л.Н. Развитие реалистического перевода в таджикской литературе // Садон Шарк. – 1985. – №10. – С.118-125 (на тадж.яз.)
7. Константинова М.С. Печать Туркестана о драматургии М.Горького (1901-1907) // Горьковские чтения. – М.: Наука, 1964. – С.146-153.
8. Постановление КМ ПК (б) Таджикистана «Об издании произведений М.Горького на таджикском языке и переводе лучших произведений таджикской литературы на русский язык» (от 21 октября 1933 года) // Тоҷикистони сурх. – 1933. – 11 нояб. (на тадж.яз.)
9. Мирмахмадов А., Самадов В. Интерпретация подсказки Айни // Садон Шарк. – 1986. – №10. – С.108-119.
10. Расули М. К проблеме взаимовлияния и взаимообогащения и узбекской литератур. – Ташкент: Фан, 1978. – 287 с. (на тадж.яз.)
11. Салье И.А. Всесоюзный писательский съезд и задачи таджикских писателей // Коммунист Таджикистана. – 1933. – 10 окт.
12. Собир Ш. Литературный перевод или копирование? // Маданияти Тоҷикистон. – 1981. – 9 окт. (на тадж.яз.)
13. Хошим Р. М.Горький на таджикском языке // Шарки сурх. – 1960. – №10. – С.132-136. (на тадж.яз.)
14. Шодикулов Х. Обсуждение. Перевод: каким он должен быть? // Маданияти Тоҷикистон. – 1981. – 14 авг. (на тадж.яз.)
15. Шукуров М. Произведения Н.В.Гоголя на таджикском языке // Советская школа. – 1952. – №3. – С.151-178. (на тадж.яз.)
16. Шукуров М. Художественный перевод на современном этапе таджикской литературы // Садон Шарк. – 1983. – №10. – С.113-122. (на тадж.яз.)

HISTORICAL AND LITERARY ASPECTS OF TRANSLATING THE WORKS OF A.M.GORKY INTO TAJIK LANGUAGE

Rahmonov Zafar Abdumalikovich

Candidate of philological sciences,
associate professor of the chair of state language and social science
Polytechnic institute of the Tajik technical university
named after academician M. Osimi in Khujand
735700, Republic of Tajikistan, Khujand, I. Somoni ave., 226
Ph.: (+992) 92 715 55 33 (m.)
rahmonovza@gmail.com

The article reconstructs the history of translation of works of M. Gorky into Tajik, traces their chronology, highlights periods of translation activity in the field of development of Gorky's legacy, and illuminates factors that caused the rise of interest in Tajikistan to the life and work of the Russian writer. The movement of translations of the writer's prose is shown from the first experiments in the newspaper "Bukhoroi Sharif" (1912) to full-scale work on introduction of Gorky's work into the Tajik cultural space in the 30s and 50s of the twentieth century. The corpus of editions of the legacy of M. Gorky in Tajik is presented, the most representative in terms of the level of translation are highlighted. The author also touches upon the issues of translation plurality and the influence of the personality of the translator and editor on the quality of recreation of the original. According to the author of the article, the issue of reviewing the legacy of Gorky in Tajikistan has not lost its relevance, given the importance of studying national translation traditions in the context of interaction of national cultures and literatures.

Keywords: history of translation; Tajik language; A.M.Gorky; translation traditions; literary process.

ЧИХАТҲОИ ТАЪРИХИЮ АДАБИИ ТАРҶУМАИ АСАРҲОИ А.М.ГОРКИЙ БА ЗАБОНИ ТОЧИКӢ

Раҳмонов Зафар Абдумаликович

Номзади илмҳои филологӣ,
дотсенти кафедраи забони давлатӣ ва илмҳои иҷтимоии
Институти политехникии Донишгоҳи техникии Тоҷикистон
ба номи академик М. Осимӣ дар шаҳри Хучанд
735700, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Хучанд, хиёбони И. Сомонӣ, 226
Тел.: (+992) 92 715 55 33 (м.)
rahmonovza@gmail.com

Дар мақола таърихи тарҷумаи асарҳои М.Горкий ба забони тоҷикӣ аз нав барқарор карда мешавад, хронологияи онҳо пайгирӣ карда мешавад, давраҳои фаъолияти тарҷума дар соҳаи

рушди мероси Горкий қайд карда мешавад ва омилҳое, ки боиси афзоиши таваҷҷӯҳ дар Тоҷикистон ба ҳаёт ва эҷодиёти нависандаи рус шудаанд, равшан карда мешаванд. Ҳаракати тарҷумаҳои насри нависанда аз аввалин таҷрибаҳо дар рӯзномаи «Бухорои Шариф» (1912) то қорҳои пурраҳаҷм оид ба ворид кардани асари Горкий ба фазои фарҳангии тоҷикӣ дар солҳои 30 ва 50-уми асри бист нишон дода шудааст. Маҷмӯи нашрҳои мероси М.Горкий ба забони тоҷикӣ пешниҳод карда мешавад, ки аз ҷиҳати сатҳи тарҷума намоёндагитарин нишон дода шудаанд. Муаллиф инчунин ба масъалаҳои гуногунандешии тарҷума ва таъсири шахсияти тарҷумон ва муҳаррир ба сифати бозсозии асл дахл мекунад. Ба гуфтаи муаллифи мақола, масъалаи баррасии мероси Горкий дар Тоҷикистон бо назардошти аҳамияти омӯзиши анъанаҳои миллии тарҷума дар заминаи таъсири мутақобилаи фарҳангҳо ва адабиёти милли аҳамияти худро гум накардааст.

Калидвожаҳо: таърихи тарҷума; забони тоҷикӣ; А.М.Горкий; анъанаҳои тарҷума; раванди адабӣ.

УДК 83, 3(0)

DOI: 10.24412-2077-4990-2024-178-231-236

**«ГАВ И ТАЛХАНД» (ИЗ «ШАХНАМЕ» ФИРДОУСИ)
В ПЕРЕВОДЕ М.М.ДЬЯКОНОВА**

Шарипов Васид Абдухаликович

Кандидат педагогических наук,

доцент кафедры русской и зарубежной литературы

ГОУ «Худжандский государственный университет им. академика Б.Гафурова»

735700, Республика Таджикистан, Худжанд, ул. К.П.Рахматбаева, 60

Тел.: (+992) 770 02 30 (м)

saripovvosid@mail.ru

В статье проводится сравнительный анализ фрагмента из «Шахнаме» Фирдоуси, посвященного столкновению двух индийских царевичей, смерти одного из них и истории возникновения шахмат. Дается оценка перевода, выполненного известным русским востоковедом, переводчиком профессором М.М.Дьяконовым. Основываясь на разработанные им критерии анализа качества поэтического перевода, соблюдая хронологию, автор статьи указывает на эквилинейность, эквивалентность, ритмию, каденцию, рифмовку, эквивалентность отбора лексических единиц, случаи трансформации, специфику перевода морфологических категорий, синтаксиса, соблюдение ритмического и синтаксического словораздела, звуковую организацию стиха и т.д. Метод сравнительного анализа, использованный в работе, показал, что перевод М.М.Дьяконова выполнен на высоком научно-художественном уровне. Русская версия шедевра Фирдоуси (за редкими исключениями) максимально приближена по содержанию и форме к подлиннику, а самое главное – она передает тот же эмоциональный настрой, что и оригинал, следовательно, эстетически равноценен ему.

Ключевые слова: «Шахнаме»; Фирдоуси; М.М.Дьяконов; перевод; эквилинейность; эквивалентность; трансформация.

Введение. Закономерной и составной частью фирдоусиведения являются переводы бессмертной поэмы на языки народов мира. Всестороннее изучение репрезентаций и научно-критической литературы по «Шахнаме» убеждает нас в том, что переводов бессмертной поэмы на язык Пушкина больше, нежели трудов, посвященных оценке их качества.

Трудов, посвященных критике полного перевода поэмы (Ц.Б.Бану-Лахути и В.Г.Берзнев) или фрагментов из неё (Д.Цертелев, С.Соколов, М.Лозинский, М.М.Дьяконов, С.Липкин, В.Державин, К.Липскеров, И.Сельвинский, Л.Пеньковский, Л.Гумилев, В.Левик, Мария Петровых и др.), нет вовсе или почти нет. В список мы не включили В.А.Жуковского, по переводам которого проведено наибольшее количество исследований.

Перечислим, кто из исследователей внес свою лепту в дело аналитического рассмотрения русских переводов «Шахнаме», чьи труды помогают нам понять эти переводы, получить представление о целях, задачах, процессе организации творческого труда над переводами. Это И.С.Брагинский. В свою книгу «Из истории персидской и таджикской литературы» он поместил специальный раздел «Русские переводы «Шахнаме» [4]. Свою статью «От переводчика» [3, с.1440-1453] поместила в первый том автор полного русского перевода Ц.Б.Бану-Лахути, как приложение к тому же тому был помещен и замечательный очерк А.А.Старикова «Фирдоуси и его поэма «Шахнаме» [19, с.459-492]. Монографию «Проблемы русско-восточных литературных связей в контексте творчества В.А.Жуковского и Д.П.Ознобишина» [13], и несколько страниц своей докторской диссертации «Персидско-таджикская литература в контексте литературных связей первой трети XIX века» [14] посвятил данному вопросу Б.Р.Рахмонов. Аспектом изучения в кандидатской диссертации Г.П.Шозиёвой «Становление фирдоусиеведения в Таджикистане (30-40 гг. XX века)» является перевод «Шахнаме», выполненный В.А.Жуковским [24]. Переводу «Шахнаме» на русский язык посвятили свои работы Н.Ю.Чалисова («Абу-л-Касим Фирдоуси в русских переводах: стратегии рецепции») [21, с.109-116], А.Самадов («Тонкости перевода») [17], «Шахнаме в России» [18], Л.Айрумян («Первые подступы к переводу (К 1000-летию «Шахнаме»)» [2] и др. Следует также назвать две статьи Я.Д.Чечнёва: «К истории издания персидских авторов во «Всемирной литературе»: «Шахнаме» Фирдоуси (по архивным материалам)». Часть 1 [22], «Как хотели издать «Шахнаме» Фирдоуси во «Всемирной литературе» [23]. В этот ряд исследований можно отнести статью О.Г.Новиковой «К истории стихотворного перевода Л.Н.Гумилёва поэмы Фирдоуси "Шах-намэ" [11]. Неотъемлемой частью фирдоусиеведения являются вступительные статьи к книгам переводов великого поэта, например, Ф.А.Розенберга и Б.Г.Эткинда к книгам переводов М.Лозинского [10], вступительная статья и комментарий Л.Н.Гумилёва к книге его перевода из «Шахнаме» – «Подвиг Бахрама Чубины» [7] и др.

К числу известных и талантливых переводчиков «Шахнаме» Фирдоуси относится и Михаил Михайлович Дьяконов (1907-1954) – востоковед-иранист, археолог, доктор исторических наук, профессор, пользующийся особым уважением в Таджикистане. Одно время в Пенджикенте он был заместителем начальника экспедиции археологов. Автор замечательной книги «Фирдоуси – жизнь и творчество (М., 1940). Заслуженный деятель науки Таджикской ССР.

По данным тематической «Библиографии Востока» Л.Ф.Векслера [5, с.62], посвященной Фирдоуси, из «Шахнаме» М.М.Дьяконов перевел следующие фрагменты: «Бижан и Манижа», «Битва Гударза с Пираном», «Маздак». Поэма «Бижан и Манижа» была опубликована в газете «Бакинский рабочий» (сентябрь 1934) и в сборнике «Восток», «Вступление к рассказу о Бижане и Маниже» – в журнале «Строим» (октябрь 1934), «Отрывок из рассказа о Бижане и Маниже» (Афросиаб бросает Бижана в темницу) – в «Вестнике знания» (1934, №7), «Битва Гударза с Пираном» – в журнале «Строим» (октябрь 1934), «Маздак» – в сборнике «Восток» (1934, II). Год издания этих переводов (1934) говорит о том, что они

были приурочены к торжествам по случаю 1000-летия со дня рождения великого поэта.

Отдельной книгой «Избранные переводы» М.М.Дьяконова вместе с переложениями его брата И.М.Дьяконова выходят в 1985 году [8]. Из переводов М.М.Дьяконова в сборник были включены «Повесть о «Бижане и Манижэ», «Повесть о Маздаке», «Гав и Талханд» [Там же].

Аналитическая часть. Цель настоящей статьи в аналитическом рассмотрении фрагмента из поэмы «Гав и Талханд» в соответствии с выбранными нами критериями оценки качества перевода, в выявлении степени эквивалентности перевода подлиннику, в указании случаев трансформаций и расхождений между оригиналом и репрезентацией.

Говоря о «четырёх процедурах» сопоставительного анализа, используемых в современном переводоведении, В.Н.Комиссаров пишет: «Во-первых, сопоставляются тексты перевода с их оригиналами. Это сопоставление позволяет получить ценные данные о степени близости содержания и структуры оригинала и перевода, способах достижения эквивалентности, стандартных приемах перевода и многих других существенных характеристиках переводческого процесса» [9, с.23]. Мы же попытаемся это реализовать на примере фрагмента из указанной поэмы, повествующей, что интересно, об истории возникновения шахмат. Основная часть книги И.А.Орбели, К.В.Тревер «Шатранг. Книга о шахматах» [6] посвящена истории всемирно известной игры. В этот ряд сообщений о шахматах помещена и статья «О сложении в X веке повести Фердовси про Шатранг», заключительный абзац которой гласит: «Что касается самих шахмат, то порядок расположения рассказа и характер изложения Фердовси не оставляет места для сомнений в том, что Фердовси знал две версии – вернее два самостоятельных рассказа – о шахматах. Во втором из них мы находим изумительную по красоте изложения повесть о Гаве и Талханде, двух юных индийских царевичах, трагическая смерть одного из которых и явилось поводом для создания шахмат» [12, с.46].

Указанная поэма в переводе М.М.Дьяконова приводится в качестве приложения к книге. Избрав метод сравнительного анализа, предметом аналитического рассмотрения мы сделали фрагмент из 8 строф (16 строк), представляющий собой устное послание Гава Талханду. Послание призывающее Талханда к благо разумию полно назиданий, родственных чувств и проникнуто гуманизмом. Забегая вперед, скажем, что средствами языка перевода переводчику удалось передать в поэме специфические особенности образов.

Соблюдение строфики – одно из требований, предъявляемых в теории художественного перевода к стихотворному тексту. Вот что пишет по данному поводу М.Л.Лозинский: «Строфика, т.е. форма последовательности стихов, – второе организующее начало каждого стихотворения. Если ритм организует материал поэзии, так сказать, по горизонтальной линии, то строфика организует этот материал по линии отвесной. Она – архитектоника стихотворения, она созидает его пространственно. Она предопределяет расположение его стилистического рисунка, распределение его словесных масс, способ их звучания. Это остов стихотво-

рения, которым оно держится, это как бы ствол и ветви широкошумного дерева стихов» [10, с.182].

Сразу отметим, что во всех 8 строфах переводчик соблюдает строфику и рифмовку оригинала, а именно: двустипшие, парную рифмовку, мужскую рифму и клаузулу. То же самое наблюдается в переводах М.Лозинского, Ц.Б.Бану-Лахути, Льва Гумилева и др. Михаил Лозинский писал, что если при использовании рифм «приближенные решения» допустимы, то при выборе «строфики поэт-переводчик связан всецело» [Там же]. Правда, ни в одном из русских переводов мы не наблюдали, чтобы строфика подлинника была нарушена.

Поскольку мутакариб (размер «Шахнаме»: V- -/V- -/V- -/V-) и четырёхстопный усеченный амфибрахий (размер перевода: V-V/V-V/V-V/V-) из разных просодий, то абсолютной идентичности между ними быть не может, т.е. в русской стихотворной системе мутакариба нет, но выбранный переводчиком размер, как считают многие исследователи-востоковеды и переводчики, наиболее близок к размеру «Шахнаме».

Приведем мнение И.С.Брагинского о качестве перевода и функции стихотворного размера: «Юбилей Фирдоуси в 1934 г. ознаменовался новыми переводами – М.Лозинского и М.Дьяконова. Оба перевода были сделаны с подлинника и довольно точны. Размер – четырёхстопный амфибрахий, который должен был передать трёхсложный метр подлинника с главным акцентом на втором слоге» [4, с.267].

Первая и вторая строфы:

Фирдоуси

Сипахбад фиристордаро пеш хонд,	бад ар ири онд
Ба хубй суханхо фаровон биронд.	Ба бй ар ро би ро онд
Бад-ӯ гуфт: «Рав бо бародар бигӯй,	Бад б б ар ар би ӯй
Ки чанде дуруштиву тундй маҷӯй [1, с.335].	уру у у ӯй

М.М.Дьяконов

Тут войска водитель посланца позвал	Тут во во по сла по ал
И с ласкою речи к нему обращал,	с ла бра ал
Сказав ему: «К брату иди, передай:	аза бра иди ере ай
«Бесчинства и грубости ты избегай; [6, с.181].	ти ты ай

Сравнительный анализ первых четырёх строк переложения и подлинником показывает, что работа М.М.Дьяконова безупречна, исключительна. Строки перевода, как и исходного текста, читаются легко, плавно, звучат они напевно, мелодично. Наблюдения свидетельствуют, что в этих четырёх строках явление переноса отсутствует, т.е. в подлиннике и в переводе ритмический словораздел (конец строки) совпадает с синтаксическим словоразделом (концом предложения). В этом смысле переводчик скрупулезен в своей работе, и перевод у него упорядочен: он переводит строку за строкой, хронология следования строк подлинника не нарушена.

В смысле лексической эквивалентности перевод так же заслуживает позитивной оценки.

Из морфологических категорий особо заметны глаголы, передающие ощущение динамичности. При этом пристального внимания заслуживают рифмующиеся слова в конце строк. М.М.Дьяконов в своем переводе строго следует за Фирдоуси. В конце всех четырёх строк подлинника и перевода сконцентрированы глаголы. В строфе мы не видим ни одного примера трансформации.

Переводчик передал и специфику синтаксиса вплоть до предложения с прямой речью.

М.Лозинский пишет: «Чтобы не быть мертвым, а живым, перевод должен воспроизвести **форму** оригинала, ибо в этой форме живет, разлито в ней и неотделимо от нее содержание.

Что же образует форму в поэзии? Два элемента: **ритм** (и его надстройка, **строфика**) и **мелодия** (или **звукопись**)» [10, с.179].

О ритме и строфике мы уже сказали, так каковы же фонологические особенности перевода М.М.Дьяконова? Во второй и третьей строках подлинника 11 слов, 6 из которых начинаются с «б»: **Ба, биронд, бад-ӯ, бо, бародар, бигӯй**. Особо следует подчеркнуть третью строку, где из 6 лексем 4 начинаются с «б». Кроме того, и слово **хубӣ**, пусть в середине, но содержит эту букву. В первых трёх строках заметно благозвучие, передаваемое как всегда у Фирдоуси, сочетанием аллитерации и ассонанса **ра**: **фиристодаро, фаровон, бародар**. В последнем слове сочетание **ар** повторяется дважды. В четвертой строке доминантным гласным является «у-ӯ»: **дуруштиву тундӣ маҷӯй**.

Определенную роль в организации эвфонии строфы играют полногласные сочетания «ири», «уру», когда одну согласную букву обрамляют одни и те же гласные.

Так какова звуковая инструментовка в переводе? Смог ли М.М.Дьяконов организовать благозвучие строф? Из истории теории перевода известно, что добиться в переводе повторения тех же букв (звуков), что способствует созвучию оригинала, – задача почти невыполнимая. Полные эквиваленты лексике исходного текста переводчик подобрать может, но при этом буквы (звуки), как правило, не совпадают. Однако переводчик имеет возможность дать свою эвфонию. В этом смысле положительный ответ на поставленный вопрос можно получить уже при анализе первой строки, когда М.М.Дьяконов талантливо образует внутренние рифмы: **войска водитель посланца позвал**. Хотя созвучие **во** в первых двух словах несколько отличаются транскрипцией, но его вклад в благозвучие заметен, где единоначатие наблюдается как в первом и во втором (**во-во**), так и в третьем и четвертом (**по-по**) слове. Кроме того, получив зачин в первой строке, сочетания аллитерации и ассонанса «ла», «ал», повторяются во второй строке: **с ласкою, обращал**. К сочетанию «ла» можно добавить и согласную букву (звук) «с». В первой строке в том же слове «**посланца**», во второй строке – сочетание предлога «с» и первого слога из слова «**ласкою**»: «**с ласкою**».

Как и в подлиннике, в переводе также встречаются примеры обрамлений: **Тут, обращал, сказав, иди, передай**, три из которых встречаются в одной строке.

В четвертой строке, кроме рифмы в слове «**избегай**», некоторое созвучие образуют сочетания «**ти-ты**»: «**грубости ты**».

Сравним третью-пятую строфы.

Фирдоуси

Дуруштӣ на зебост аз шахриёр,
Падар номвар буду ту номдор.
Маро ин дуруст аст, к-аз панди ман
Ту дуриву дурӣ зи пайванди ман,
Валекин маро, з-он ки ҳаст орзӯ,
Ки ту номвар бошиву неххӯ [1, с.335].

М.М.Дьяконов

Подумай, бесчинство не красит владык, [а] а сч [а] а в ла ык,
Отец твой был славен – и ты будь велик, [а] а ты в л ве ик
Я знаю, не внемлешь советам моим, [ја] а не в е шь етам моим
Не веришь ты вовсе обетам моим. не ве шь ты вов [а] етам моим
Однако желаю по-прежнему я, [а] а [а] а [а] [ја]
Чтоб стала счастливою доля твоя [6, с.181]. ст сч а ст а а [а] [ја] [ја]

Отсутствие трансформации в переводах – это редкость. Если при анализе первых двух строф мы отметили, что примеров данного приёма не наблюдается, то уже первое слово третьей строфы перевода представляет собой трансформацию в виде добавления. Этого слова (*Подумай*) в подлиннике нет. Содержание первой строки Фирдоуси полностью передает оставшаяся часть строки перевода без первого слова. Но на этом варианте М.М.Дьяконов не мог остановиться, ибо ему надо было набрать полную строку четырёхстопного усеченного амфибрахия, и он вынужден был обратиться к трансформации и ввести в текст перевода слово *Подумай*. Оно состоит из трёх слогов, где второй слог ударный – это целая стопа амфибрахия (V — V). Без него строка перевод вышла бы трёхстопной. Интересно то, что персидский, английский и некоторые другие языки, в отличие от русского, характеризуются краткостью слогов и, естественно, в их стихотворную строку помещается больше информации, чем в строки, написанные на русском языке. В нашем же случае – это обратная картина, когда строка Фирдоуси переведена, но в строке переложения осталось место, она не доведена до логического конца. Этим объясняется и введение лишнего слова. Возможен был и другой вариант: М.М.Дьяконов мог отказаться от трансформации и выбрать для перевода слова с большим количеством слогов, чтобы набрать четыре стопы, но тогда могла возникнуть угроза нарушения эквивалентности в выборе лексических единиц.

Перевод всех трёх строф, на наш взгляд, удачен. Только во второй строке пятой строфы, как нам представляется, у переводчика была возможность добиться ещё большей смысловой близости к подлиннику. Вариант оригинала *номвар бошиву неххӯ* М.М.Дьяконов передает словосочетанием *счастливая доля*. Обратимся к словарям. Лексема *номвар* в Таджикско-русском словаре имеет значение «известный, знаменитый, прославленный» [20, с.330], а слово *неххӯ* – «с хорошим характером, покладистый, добродушный» [Там же, с.417]. Понятно, что атрибутами *счастливой доли* могут быть известность, прославленность и добрый нрав, как отмечает М.М.Дьяконов, но, тем не менее, лучше быть ближе к под-

линнику. Поэтому, на наш взгляд, разумнее было перевести данную строку в духе строки Фирдоуси. Мы б предложили вариант: Чтоб славен ты был, да и добр был душой.

При этом весьма интересно, что во второй строке третьей строфы у Фирдоуси слово *номвар* уже фигурировало: «Падар *номвар* буду ту номдор» [1, с.335]. И М.М.Дьяконов перевел её вполне эквивалентной лексемой: «Отец твой был *славен* – и ты будь велик» [6, с.181]. Почему-то во втором случае он изменил своему принципу строгой эквивалентности в выборе лексических единиц.

Сложные синтаксические образования подлинника М.М.Дьяконов также передает сложными предложениями. Только в конце второй строки первой строфы разумнее было вместо запятой поставить точку, подчеркнув, как и у Фирдоуси, смысловую завершенность строфы, что наблюдается и у М.М.Дьяконова. Кроме того, во второй строфе оригинала имеет место перенос продолжения сложноподчиненного предложения первой строки во вторую, в переводе конец синтаксической единицы совпадает с концом строки. Правда, от этого ни подлинник, ни перевод не страдают.

Анализ фрагмента ещё раз подтверждает, что Фирдоуси – непревзойденный мастер звуковой организации стиха. Эвфония его строк настолько богата, повторы букв (звуков), их комбинации настолько многообразны и удивительны, что человек не перестает ими восхищаться. Разумеется, звуковая инструментовка у гениального поэта не самоцель, а стремление достичь благозвучия текста, что, непременно, повышает интерес к нему и ускоряет, усиливает эмоциональное восприятие. Когда мы попытались, как и в предыдущих строфах, выделить буквенно-звуковые повторы, учитывая и транскрипцию, то получился сплошной текст, в котором разобраться было трудно, ибо большое количество букв (звуков) с одной стороны входило в состав одних буквосочетаний, с другой – в состав иных, поэтому мы отказались от этой практики и решили предложить более доступный вариант разбора каждого из повторов. Идеальным вариантом было бы одинаковыми цветами выделить повторяющиеся буквы (ассонансы или аллитерации) или их комбинации. Но, думается, для выделения этого многообразия повторов не хватило бы и цветовой палитры.

Итак, уже первое слово фрагмента содержит обрамление **уру**: Дуруштй. Эта инициатива дважды была подхвачена во второй строке – **ада**: Падар, **уду**: буду, в третьей – **уру**: дуруст. Выделенная часть того же слова **дуруштй** повторяется в третьей строке в слове **дуруст**, а в четвертой строке мы наблюдаем подряд идущие: **дури**ву **дурй**, что, непременно, способствует благозвучию строки.

Конечные **ст** в слове **зебост** в первой строке первой строфы, особенно в подряд идущих словах первой строки второй строфы (**дуруст аст**), так же способствуют благозвучию. Это сочетание ещё раз повторяется в первой строке третьей строфы: **хаст**.

Во второй строке первой строфы дважды повторяется сочетание **ном**: **номвар**, **номдор**. Лексема **Маро** повторяется в четвертой строке. Рифмовка первых двух строк основана на транскрипции: [jop] – op.

Во второй строфе наблюдается редиф и рифма: **панди ман – пайванди ман**. Там же в начале первых слов имеет место сочетание **па**, которое образует созвучие с уже использованным во второй строке первой строфы словом **Падар**.

Получив зачин во второй строке, свойственное стилю Рудаки и Фирдоуси сочетание **ар** (**Падар номвар**) повторяется в других строках: **Маро, маро, номвар**. Например, у Рудаки: **Гар бар сари нафси худ амирй, мардй...**

Какова звуковая организация в переводе? Как отмечает Е.Г.Эткинд, «Сами по себе, взятые изолированно, звуки как таковые не значат ничего. Но в фонетической системе стиха звуки приобретают содержательность, эмоциональное и смысловое значение» [26, с.3-4].

В рифмующихся словах первой строфы, кроме рифмы **ык-ик**, несомненно, созвучие образуют и другие выделенные буквы (звуки): **владык – велик**.

Хотя в теории русского стихосложения нет термина редиф, но эмпирически во вторую строфу, как и в подлиннике, М.М.Дьяконов внедряет его. Эта строфа наиболее удачная в смысле звуковой организации. В ней же имеют очевидное созвучие сочетания отрицательной частицы **не** и глаголов 2 л., ед. ч. (**не внемлешь, не веришь**).

В третьей строфе с рифмующимися **я** (**я – твоя**), несомненно, созвучие образует и соответствующая часть в слове **доля**, а также другие ассонансы, единые по транскрипции: **[а]днак[а], п[а]-прежнему, стала, счастлив[а]ю, тв[а]я**.

Как видим, эвфония в переводе характеризуется близостью к подлиннику, старания переводчика в достижении благозвучия строф очевидны.

Обратимся к шестой-восьмой строфам.

А.Фирдоуси

Бигуям хама он ки андар дил аст,	[ja m ама ан дар ил аст
Суханхо, ки чонам бад-он моил аст.	сухан ам бад ил аст
Туро сар бупечид дастури бад,	ро сар ар да бад
Аз осонии роху рохи хирад,	осо рох рох ад
Магӯ, эй бародар, сухан чуз ба дод,	ба ро дар сухан од
Ки гетй саросар фусун асту бод [1, с.335].	сар сар усу аст од

М.М.Дьяконов

Скажу я о том, что на сердце лежит,	то что ит
Что душу печалит мою и томит.	что ушу ит ит то ит
Тебя совращает наставник лихой,	ра ает ой
От разума путь уклоняется твой.	от ра яет ой
О брат, воздержись от неправедных слов,	ра ра от ов
Наш мир – это зданье от ветра и снов...» [6, с.181].	то от ра ов

Фразеологизм «что на сердце лежит», выбранный М.М.Дьяконовым для перевода первой строки подлинника, бесспорно, весьма удачный, ибо он, можно считать, полное соответствие таджикско-персидскому варианту “хама он ки андар дил аст”, использованному Фирдоуси в первой строке. Лишь потом в начале второй строки поэт вводит слово *суханхо* – слова, чего нет в переводе. Слово-сочетание *что на сердце лежит* вместе со словом *скажу*, использованным М.М.Дьяконовым в начале первой строфы, дает тот же смысл, что и в подлиннике.

ке. *Сказать* – это значит произнести слова, поэтому не было никакой необходимости вводить в текст перевода ещё и лексему *слова*. Вторая строка как подлинника, так и перевода – это уже расшифровка, комментарий того, *что на сердце лежит*. Вариант подлинника *-чо нам бад-он моил аст-* буквально означает: *к чему душа лежит (имеет наклонность), расположена*. Но вариант перевода М.М.Дьяконова более уточненный.

Первая строка второй строфы буквально означает: Окутало (одурманило) твою голову плохое руководство (наставление), т.е. ты руководишься не тем, чем надо, или: ты сбилсся с праведного пути. В переводе под метафорой *наставник* имеется в виду не лицо, а указанное наставление, руководство, персонифицированное как наставник. Следовательно, это скрытое сравнение. *Дастур* в Таджикско-русском словаре имеет 4 значения, из которых нас более интересует первое: «ДАСТУР 1. предписание, наставление, инструкция; руководство к чему-л; указание; дастур додан а) предписывать, наставлять, давать указания; давать распоряжения; проводить инструктаж; б) давать разрешение» [20, с.192]. Перевод удачен и в том, смысле, что образ получает и качественную характеристику, исходящую от Фирдоуси, т.е. он сопровождается эпитетом: *дастури бад – наставник лихой*.

Во второй строке второй строфы перевода наблюдается очередная трансформация, но в виде опущения. М.М.Дьяконов, минуя перевод первой половины строки о легкости пути (*Аз осонии роху...*), переходит к переводу конца строки: *рохи хирад – путь разума*. В переводе инверсия очевидна. РОХ: «1. дорога, путь» [Там же, с.517]; «ОСОНЬ: легкость, несложность, простота» [Там же, с.455]. Напомним полную вторую строку перевода второй строфы: «От разума путь уклоняется твой» [6, с.181]. В ней, как видим, нет указания на легкий путь. Причина трансформации, на наш взгляд, или в том, что переводчик не посчитал эту информацию столь существенной, или строка четырёхстопного усеченного амфибрахия не вместила её.

В конце второй строфы перевода стоит точка, ибо она логически более необходима, чем запятая. Вероятно, в том варианте подлинника, из которого делал перевод М.М.Дьяконов, стояла точка.

Начало первой строки третьей строфы (*О брат, воздержись...*), такое же удачное, что и переводы многих других строк. Некоторая неточность, на наш взгляд, начинается с перевода словосочетания ...(*сухан*) *чуз ба дод*, переведенного М.М.Дьяконовым как *неправедные (слова)*. Персидско-таджикская лексема «*ЧУЗ* кроме, исключая» [20, с.757]. Многозначное слово *дод*, использованное с предлогом *ба*, в данном случае означает “1. вопль, крик о помощи» [Там же, с.205]. Таким образом, словосочетание *чуз ба дод* равно понятию *кроме, как с криком, с жалобой, со стенанием*, т.е. не говори (произноси) слово без крика, жалобы, стенания. Слово же *неправедный*, выбранный М.М.Дьяконовым в качестве эквивалента персидско-таджикскому словосочетанию, в Русско-таджикском словаре означает: «неправедный, -ая, -ое (неправед/ен, -на, -но) уст. 1. (несправедливый) беадолат(она), ноинсоф(она)» [16, с.565]. Таким образом, по переводу М.М.Дьяконова слово *неправедный* имеет значение *несправедливые*

(слова). Как нам представляется, в переводе данной строки М.М.Дьяконов исходил из логического развития сюжета в предыдущих словах, связанных с нравоведением Гава, когда переводчику больше внимания следовало уделить последующей строке, в которой говорится о несправедливом мире, где всё лож и обман. Именно о нем следует голосить, говорить с болью и стенанием.

Заключительная строка подлинника содержит метафору, где скрывается философское осмысление вселенной, человека и его сложности, где весь мир, вся вселенная иносказательно сравниваются с обманом, хитростью, ветром, т.е. пустотой, где *гетӣ* – мир; *саросар* – весь, целиком, полностью; *фусун аст* – есть обман, хитрость; *бод* – ветер. М.М.Дьяконов умело передал это скрытое сравнение о бессмысленности бытия в брэнном мире, переполненном хитрости, лжи, обмана, пустоты. Допустимы были и варианты переводов: Сей мир переполнен и лжи, и ветров. Или: Сей мир – весь рассадник и лжи, и ветров. Слово подлинника *бод* – ветер в данном контексте, возможно, имеет значение пустоты, бессмысленности, непостоянства.

Сложные синтаксические образования подлинника М.М.Дьяконов передает сложными же предложениями, вплоть до предложений, осложненных обращением и однородными членами.

Во всех трёх строках подлинника наблюдается совпадение конца стихотворной строки с концом синтаксической единицы, что успешно передал и переводчик.

Теперь обратимся к фонологическим особенностям подлинника и перевода. В шестой строфе оригинала, как и в четвертой, отмеченной нами выше, вновь наблюдается не только рифма, но и реди́ф: *дил аст* – *моил аст*. В переводе имеет место лишь рифма: *лежит* – *томит*.

В седьмой строфе у А.Фирдоуси наблюдается лексический повтор: **рох-рох**. Та же разновидность повтора имеет место в шестой и восьмой строфах: **сухан-сухан**. Во второй строке восьмой строфы удачно выбрано слово **саросар**. Здесь же используются обрамления: **хама**, **фусун**, **осонии**. Ещё раз следует отметить сочетание ассонанса и аллитерации **ар**, что встречается в составе разных слов в разных строках: **андар**, **сар**, **бародар**, **саросар**. Это сочетание неоднократно повторялось в составе уже проанализированных строф. С дважды повторяющимися словами **бад-он**, **бад** в произношении естественное созвучие образует сочетание предлога **ба** и существительного *dod*: **ба** *dod*. Для этого их следует только объединить. В отдельных случаях созвучие образуется с учетом транскрипции.

Какова эвфония в переводе? Уже первая строка шестой строфы образует созвучие со многими звуками второй строки последующих строк. Помимо союза **что** и рифмы в глаголах *лежит* – *томит*, созвучие образует то же сочетание **ит** в лексеме *печалит* и в сочетании союза **и** с первой буквой слова *томит*: **и** *томит*. Особое благозвучие, на наш взгляд, образуют эти подряд идущие во второй строке сочетания, создавая буквенные (звуковые) комбинации **то** и **ит**. Помимо союза **что**, где есть компонент **то**, в словах *о том* и *томит* ещё дважды повторяется буквосочетание **то**. Таким образом, уже в первых двух строках четыре раза

повторяется сочетание **ит** и **то**. Здесь же, во второй строке, мы наблюдаем, как одна и та же гласная **у** обрамляет **ш** в слове **душу**.

Если в первой и во второй строках шестой строфы заметна и значима в достижении благозвучия строк, кроме других, роль буквосочетания **то**, то во второй строке седьмой строфы и в обеих строках восьмой строфы мы наблюдаем иную картину, а именно: буквы меняются местами – **то** – **от**. Правда, в последней строке в слове **это** мы вновь наблюдаем известное буквосочетание **то**. Весьма созвучны и рифмующиеся слова, имеющие одинаковое начало и единый конец: **слов – снов**.

Если у А. Фирдоуси популярно сочетание **ар**, то у М.М.Дьяконова – **ра**: **с**овращает, **от** **разума**, **брат**, **от** **неправедных**, **от** **ветра**.

До настоящего момента мы уделили основное внимание разного рода комбинациям букв (звуков). Однако, если окинуть широким взглядом все восемь строф, то к фонологическим особенностям фрагмента, несомненно, можно отнести нагнетание в тексте ассонанса **[а]**. И здесь наблюдается огромное количество примеров созвучий, основанных на транскрипции, от выделения которых мы воздержались.

Пёстрая картина выделенных буквенно-звуковых повторов как в подлиннике, так и в переложении, говорит о том, что М.М.Дьяконов приложил максимум усилий, чтобы добиться благозвучия фрагмента. Пусть это он сделал через нагнетание не тех букв (звуков) и их комбинаций, что у Фирдоуси, но эвфония текста перевода заметна, благозвучие достигнуто.

Подводя итоги, мы выражаем свою солидарность с мнением Н.Ю.Чалисовой: «Переводы М. Дьяконова благодаря уникальному сочетанию таланта исследователя и дара поэта соединили в себе художественные достоинства с филологической установкой на соответствие оригиналу. Со стилистической точки зрения они, несмотря на малый объем, оказали большое влияние на всю последующую традицию русских переложений «Шах-наме» [21, с.113].

Заключение. Таким образом, на базе проведенного исследования мы пришли к заключению, что:

1. М.М.Дьяконов относится к числу известных переводчиков «Шахнаме» Фирдоуси, пользующийся особым авторитетом в Республике Таджикистан.

2. Переложение и подлинник мы подвергли сравнительному анализу, руководствуясь разработанными в истории теории перевода критериями оценки качества перевода стихотворного текста.

3. Выбранный нами фрагмент из поэмы «Гав и Талханд», а также книга И.А.Орбели, К.В.Тревер свидетельствуют о том, что Фирдоуси имеет прямое отношение к поэтическому изложению истории возникновения шахмат.

4. До нас было установлено, что перевод М.М.Дьяконова выполнен четырёх-стопным усеченным амфибрахией, как и переводы М.Лозинского, Ц.Б.Бану-Лахути, Л.Гумилева, Мария Петровых и др. Хотя мутакарибу в русской просодии нет соответствий, но выбранный стихотворный размер наиболее близок размеру «Шахнаме».

5. Во всем тексте перевода соблюдены эквилинеарность (строфика), месневи (парная рифмовка: АА), каденция (мужская рифма), клаузула (мужская).

6. Звуковая организация в переводе удачная и разнообразная: наблюдаются и ассонансы, и аллитерации, и созвучие на базе транскрипции, и лексические повторы, и комбинации звуков (букв). В отдельных случаях М.М.Дьяконов передает специфику подлинника в виде не только рифмы, но и редифа, характерного для подлинника. Часты случаи применения в оригинале и в переводе обрамлений: ири, уру, тут, аша, аза, иди, ере, ада, уду, ама, усу, осо.

7. Как стиль перевода М.М.Дьяконова, можно отметить, перевод строки за строкой, что было характерно и для М.Лозинского.

8. В подавляющем большинстве случаев эквивалентность лексических средств соблюдена, о чем свидетельствует наличие в переводе всего двух случаев обращения к трансформациям в виде опущения и добавления. Особенности морфологии (нагнетание текста существительными, подчеркивающими статику или глаголами, передающими динамику) переданы.

9. За редким исключением наблюдается совпадение конца стихотворных строк с концом синтаксических единиц. Синтаксис сложного предложения подлинника передан вплоть до обращений, предложений с прямой речью и с однородными членами.

10. Изобразительно-выразительные средства поэтики подлинника (метафорические образы, эпитеты) в переводе переданы.

11. Образность, “эстетическая равноценность” (М.Лозинский) подлиннику достигнуты.

12. За редкими случаями смысловой неточности перевод М.М.Дьяконова характеризуется высоким качеством. Содержание и форма перевода по указанным параметрам приближены к подлиннику.

Литература

1. Абулкасим Фирдоуси. Шахнамэ. – Т.8. – Душанбе: Адиб, 2007. – 614 с. (на тадж.яз.)
2. Айрумян Л. Первые подступы к переводу (К 1000-летию «Шахнамэ») // Памир. – 1984. – №11. – С.136-143.
3. Бану-Лахути Ц.Б. От переводчика // Фирдоуси. Шахнаме. Т.1 / подгот. Ц.Б.Бану. – М.: АН СССР, 1957. – С. 1440-1453.
4. Брагинский И. С. Русские переводы «Шахнамэ» // Брагинский И.С. Из истории персидской и таджикской литератур. Избранные работы. – М.: Наука. Гл. ред. вост. лит.-ры, 1972. – С.265-273.
5. Векслер Л.Ф. Абулкасим Фирдоуси (Библиография) // Библиография Востока. – М., 1935. – Вып. 8-9; Институт востоковедения Академии наук СССР. – Л.: Изд-во АН СССР, 1936. – С.61-68.
6. Гав и Талханд. Отрывок из Шахнамэ / пер. с перс. М.М.Дьяконова // Орбели И.А., Тревер К.В. Шатранг. Книга о шахматах. – Л.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 1936. – С.153-197.
7. Гумилев Л.Н. Подвиг Бахрама Чубины / подбор и пер. источников, вступ. статья и коммент. Л.Н.Гумилева. – Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. – 48 с.
8. Дьяконов М.М., Дьяконов И.М. Избранные переводы. – М.: ГРВЛ. 1985. – 256 с.
9. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение: учеб. пособие. – М.: ЭТС, 2002. – 424 с.

10. Лозинский М.Л. Искусство стихотворного перевода // Эткинд Е. Багровое светило. – М., 1974. – С.170-189.
11. Новикова О.Г. К истории стихотворного перевода Л.Н.Гумилёва поэмы Фирдоуси "Шахнаме" [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gumilevica.kulichki.net/NOG/nog08.htm>
12. О сложении в X веке повести Фердовси про шатраг // Орбели И.А., Тревер К.В. Шатранг. Книга о шахматах. – Л.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 1936. – С.41-46.
13. Рахмонов Б.Р. Проблемы русско-восточных литературных связей в контексте творчества В.А.Жуковского и Д.П.Ознобишина. – Душанбе: РТСУ, 2015. – 130 с.
14. Рахмонов Б.Р. Персидско-таджикская литература в контексте литературных связей первой трети XIX века: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.03 / Рахмонов Бахтиер Рузикулович. – Душанбе, 2018. – 348 с.
15. Розенберг Ф.А. Вступительная статья // Книга царей Шахнаме / пер. М.Л.Лозинского, под ред., с коммент. и статьёй Ф.А.Розенберга. – М.; Л., 1934. – С.7-25.
16. Русско-таджикский словарь: Свыше 72 000 слов / С.Д.Арзуманов, Х.А.Ахрори, М.Бегбуди и др.; под ред. М.С.Асимова. – М.: Рус. яз., 1985. – 1280 с.
17. Самадов А. Тонкости перевода. – Душанбе: Сабрина-К, 2016. – 183с. (на тадж.яз.)
18. Самадов А. «Шахнаме» Фирдоуси в России (сборник статей). – Душанбе, 2022. – 274 с. (на тадж.яз.)
19. Стариков А.А. Фирдоуси и его поэма «Шахнаме» // Фирдоуси. Шахнаме. Т. I. – М.: Изд. Академии наук СССР, 1957. – С.459-492.
20. Таджикско-русский словарь / под ред. Д.Саймиддинова, С.Д.Холматовой, С.Каримова. – Душанбе, 2006. – 814 с.
21. Чалисова Н. Ю. Абу-л-Касим Фирдоуси в русских переводах: стратегии рецепции // Россия-Иран: диалог культур: материалы Международной научной конференции (8 апреля 2016 г.) / под науч. ред. А.С.Запесоцкого. – СПб.: СПбГУП, 2017. – С.109-116.
22. Чечнев Я.Д. К истории издания персидских авторов во «Всемирной литературе»: «Шахнаме» Фирдоуси (по архивным материалам). Ч.1 // Новый филологический вестник. – 2022. – №2 (61). – С.317-325.
23. Чечнев Я.Д. Как хотели издать «Шахнаме» Фирдоуси во «Всемирной литературе» // Русская литература. – 2023. – № 1. – С.56-64.
24. Шозиёева Г. П. Становление фирдоусиеведения в Таджикистане (30-40 гг. XX века): дис. ... канд. филол. наук: 10.01.08 / Шозиёева Гулмо Парвонашоевна. – Душанбе, 2017. – 178 с.
25. Эткинд Е.Г. Творчество М.Л.Лозинского // Багровое светило. – М., 1974. – С.5-22.
26. Эткинд Е.Г. Поэзия и перевод. – М.; Л.: Советский писатель, 1963. – 431с.

**"GAV AND TALKHAND" (FROM FIRDAUSI'S "SHAHNAME")
TRANSLATED BY M.M.DYAKONOV**

Sharipov Vasid Abduhalikovich

Candidate of pedagogical sciences,
SEI "Khujand state university named after academician B. Gafurov"
735700, Republic of Tajikistan, Khujand, K.P.Rakhmatboev str., 60
Ph.: (+992) 770 02 30 (m.)
saripovvosid@mail.ru

The article presents a comparative analysis of a fragment from Firdausi's "Shahname" dedicated to the clash between two Indian princes, the death of one of them, and the history of chess, and its translation by the renowned Russian orientalist and translator professor M.M.Dyakonovich. Based on the criteria he developed for assessing the quality of poetic translation, while maintaining chronological order, the author of the article highlights equilinearity, equirhythm, cadence, rhyme, equivalence in the selection of lexical units, instances of transformation, the specifics of translating morphological categories, syntax, adherence to rhythmic and syntactic word divisions, the sound organization of the verse, etc. The comparative analysis method used in the work demonstrated that M.M. Dyakonov's translation is executed at a high scientific and artistic level. The Russian version of Ferdowsi's masterpiece (with rare exceptions) is as close as possible to the original in content and form, and most importantly, it conveys the same emotional tone as the original, and therefore is aesthetically equivalent.

Keywords: Shahnameh; Firdausi; M.M.Dyakonov; translation; equilinearity; equirhythm; transformation.

«ГАВ ВА ТАЛХАНД» (АЗ «ШОҲНОМА» -И ФИРДАВСӢ) ДАР ТАРҶУМАИ М.М.ДЯКОНОВ

Шарипов Васид Абдухаликович

Номзади илмҳои педагогӣ,
дотсенти кафедраи адабиёти рус ва хориҷӣ
МДМ «Донишгоҳи давлатии Хучанд ба номи академик Б.Ғафуров»
735700, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Хучанд, кӯчаи Қ.П.Раҳматбоев, 60
Тел.: (992) 770 02 30 (м)
saripovvosid@mail.ru

Дар мақола намунаи таҳлили муқоисавии порчае аз «Шоҳнома»-и Фирдавсӣ, ки ба бархурди ду шохзодаи Ҳинд, марги яке аз онҳо ва таърихи пайдоиши шатранҷ бахшида шудааст, оварда шудааст. Муаллиф ба меъёрҳои таҳияшудаи арзёбии сифати тарҷумани матни шеърӣ таъкиди қарда, ба истифодаи қофия, баробарии интиҳоби воҳидҳои луғавӣ, ҳолатҳои трансформатсия, хусусияти тарҷумани категорияҳои морфологӣ, синтаксис, риояи сохтори садои ишора мекунад. Бо истифода аз таҳлили муқоисавӣ В.Шарифов ба хулосае мерасад, ки тарҷумани М.М.Дяконов ба талаботи дараҷаи баланди илмӣ ва бадеӣ ҷавобгӯ мебошад. Аз ҷиҳати мазмун ва шакл (ба истисноии баъзе ҳолатҳо) то ҳадди имкон ба асл наздик аст. Тарҷума ҳамон тобиши эҳсосиро бо нусхаи аслии ифода мекунад ва бинобар ин аз ҷиҳати эстетикӣ ба он баробар аст.

Калидвожаҳо: Шоҳнома; Фирдавсӣ; М.М.Дяконов; тарҷума; трансформатсия; вазн; қофия.

УДК 070.489:087.5(575.3)(091)

**ТЕМАТИКА И СОДЕРЖАНИЕ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ДЕТСКО-
ЮНОШЕСКОЙ ГАЗЕТЫ «ПИОНЕР ТАДЖИКИСТАНА»
(1938-1940 гг.)**

Бердиева Нилуфар Назирмадовна

Аспирант кафедры отечественной и международной журналистики
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 882 20 02 05 (м.)

Статья посвящена малоизученной в отечественной журналистике проблеме становления и развития детско-юношеских изданий на примере русскоязычной газеты «Пионер Таджикистана», заложившей вместе с газетой «Пионери Тоҷикистон» основы таджикской прессы для детей. Предпринята попытка показать процесс создания системы пионерской периодической печати с учетом факторов социально-политического, экономического и культурного характера, влиявших на основополагающие принципы деятельности газеты. Эмпирическую базу работы составили публикации газеты «Пионер Таджикистана» 30-х годов. Показаны содержание информационного процесса, система ценностных ориентиров, внедрявшихся в сознание детской аудитории, что было обусловлено восприятием прессы как канала воспитания юного поколения в духе советской идеологии.

Изучение исторических предпосылок формирования детско-юношеской и молодежной прессы, особенностей функционирования молодежных изданий позволяет глубже понять специфику современной прессы для молодежи, её роль в формировании общественного сознания, жизненных ценностей и ориентиров для молодого поколения. Следует подчеркнуть, что развитие прессы в Республике Таджикистан, в том числе детско-юношеской и молодежной, тесно связано с опытом создания печатных изданий в СССР и принципами их работы. Анализ исторических особенностей советской прессы, освещавшей жизнь и ценности молодежи, является важной основой для понимания задач современной молодежной прессы и направления освещения молодежной тематики.

Ключевые слова: «Пионер Таджикистана»; детско-юношеская тематика; молодежная пресса.

Как известно, в 20-30-е года XX века в советском многонациональном государстве была создана разветвленная система газет и журналов для детей, главная задача которых заключалась в формировании нового советского человека, «идеальной личности», которая была призвана построить общество социальной справедливости.

В своей статье, посвященной изучению дискурсивных практик советского времени в детской периодике, российский исследователь Я.А.Блохина говорит о том, что «детская периодика советского времени демонстрировала подрастаю-

щему поколению идеальную модель страны и её народа, основанную на важнейших государственных ориентирах и стратегических политико-правовых документах» [2, с.173]

Пионерских газет в СССР было очень много. Они представляли собой массовые общественно-политические периодические издания для пионеров и октябрят, являлись органами ЦК ВЛКСМ и ЦК ЛКСМ союзных республик, обкомов комсомола, Центрального совета Всесоюзной пионерской организации им. В.И.Ленина, республиканских и областных советов пионерских организаций.

В резолюции 13-го съезда РКП(б) «О печати» (1924) и Постановлении ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по улучшению юношеской и детской печати» (1928) были сформулированы основные задачи периодических изданий для детей и юношества – коммунистическое воспитание подрастающего поколения, привлечение его к участию в социалистическом строительстве. Непосредственное руководство пионерскими газетами поручалось ЦК ВЛКСМ [8, с.44].

В документах ЦК ВЛКСМ о работе пионерских газет и развитии деткоровского движения – «О пионерских печатных газетах», «Письмо о пионерских газетах», «О деткоровском движении», «О новых детских газетах», «О детских газетах» – были определены содержание и формы работы редакций пионерских газет, структура их отделов и организация деятельности юных корреспондентов [10, с.144].

В становлении пионерских газет принимали участие видные деятели Коммунистической партии и Советского государства, такие как Н.К.Крупская, М.И.Калинин, Ф.Э.Дзержинский, А.В.Луначарский, С.М.Киров, Г.М.Кржижановский и другие. Научно-популярные статьи для пионерских газет писали Ем.Ярославский, Ф.Я.Кон, В.Д.Бонч-Бруевич, Н.А.Семашко. В публикациях также выступали известные писатели и поэты: М. Горький, В.В.Маяковский, Б.С.Житков, В.В.Бианки, М.М.Пришвин, А.П.Гайдар, М.А.Светлов, С.Я.Маршак, К.И.Чуковский и другие [3].

Пионерские газеты активно участвовали в укреплении и расширении рядов пионерской организации, вовлечении детей в общественно полезные дела – помощь школе в осуществлении всеобщего обучения, изучении и охране природных богатств страны и др. Они распространяли опыт передовых пионерских дружин, способствовали развитию тимуровского и юннатского движения, оборонно-массовой работы, детского творчества, а также пропагандировали ход социалистического строительства. На страницах пионерских газет регулярно публиковались материалы для октябрят [11].

Таким образом, «значительное место в деятельности советской детской журналистики и СМИ занимала идейно-патриотическая тема, которая наряду с темой интернационального воспитания находила свое отражение во многих материалах прессы, телевидения и радиовещания. Специфику советской детской журналистики и СМИ определяли стоявшие перед ними задачи, обусловленные особенностями развития общества, прежде всего политическими, характером экономического и культурного развития страны» [4, с.11].

Следует констатировать, что история детских газет и журналов Таджикистана остается белым пятном в отечественной журналистской науке. Вместе с тем данный вопрос все более актуализируется в связи с недостатком качественной детско-юношеской прессы в республике.

История детско-юношеской прессы в Таджикистане начинается с 5 апреля 1932 года, когда вышел первый номер газеты «Пионеры Тоҷикистон». Наряду с этим изданием с 1936 года по решению бюро ЦК КП(б) Таджикистана начала выходить и русскоязычная газета «Пионер Таджикистана» [5, с.84].

В первых номерах «Пионера Таджикистана» указано, что газета является органом ЦК и Сталинабадского ГК ЛКСМ Таджикистана. В номере от 6 января 1939 года (№ 2 (401)) был обозначен адрес редакции: город Сталинабад, улица Лахути, Дом печати, второй этаж, комната №5.

К 3 августа 1938 года издание отметило выпуск 400-го номера. Газета печаталась в городе Сталинабаде в Газетной типографии НКПМ Уполтаджикглавлит. Среди ответственных редакторов значатся: З.Яхьяев (№ 34 от 3.08.1938 г.) и А.Будкевич (№1 от 1.01.1939 г.) [5, с.44].

Газета «Пионер Таджикистана» не являлась прямой русскоязычной версией издания «Пионеры Тоҷикистон», хотя обе публиковали схожие материалы, преимущественно идеологического характера, а также тексты, посвященные общесоюзным и международным событиям.

Анализ ряда выпусков газеты за 1938-1940 годы показывает, что на ее страницах размещались не только перепечатки из центральной прессы, но и оригинальные публикации, тематика которых была обусловлена особенностями общественной жизни республики. Подобные материалы знакомили читателей с деятельностью школьных учреждений, говорили о ценности знаний, рассказывали об общественных инициативах и формах досуга таджикских пионеров.

В 30-е годы перед советским обществом стояла масштабная задача ликвидации безграмотности, выраженная в лозунге: «Сами станьте грамотными и учите грамоте других» [5, с.29]. Эта задача в полной мере касалась и Таджикистана, где значительная часть населения оставалась неграмотной.

В ее решении значительную роль наряду с газетой «Пионеры Тоҷикистон» сыграла и русскоязычная газета «Пионер Таджикистана». В сложные годы становления республики издание внесло заметный вклад в повышение уровня грамотности населения. В редакцию регулярно поступали письма от юных корреспондентов-пионеров, рассказывавших о достижениях своих товарищей и одноклассников в борьбе с неграмотностью. Под рубриками «Ликвидируем безграмотность!» и «Ликвидация безграмотности в нашей семье» публиковались заметки школьников, в которых нашли отражение реальные шаги по обучению грамоте и повышению культурного уровня населения.

В газете, как и в целом в периодике для детей и юношества 30-х годов «социально-практическая реализация социально-коммуникативных намерений представлена через широкое использование в дискурсе лозунгов. Лозунговый броский стиль диалога с юным читателем: программные заявления, письма самих

пионеров, очерки заканчиваются известными лозунгами: Будь готов! – Всегда готов! Пионер-всем ребятам пример!» [7, с.32].

С самого начала своей деятельности газета «Пионер Таджикистана» выступала другом и наставником юных пионеров. В различных рубриках публиковались материалы как сотрудников редакции, так и читателей, приславших материалы о жизни пионеров.

Вслед за исследователем Я.И.Блохиной мы предприняли попытку по её методике выделить ключевые темы газеты «Пионер Таджикистана» рассматриваемого периода, которые актуализируют «важнейшие ценности, транслируемые детям» [2, с.174-176] со страниц этого издания. Сюда относятся публикации о ценности знания, образования, творческой инициативности, дружбы, физического и нравственного самосовершенствования, бережного отношения к природе, социальной активности, международной солидарности и многих других ценностей.

Для иллюстрации можно рассмотреть отдельные публикации из номеров указанных годов, которые позволяют получить представление об актуальных тогда проблемах, школьного образования, общественной деятельности и формах отдыха как таджикских пионеров и комсомольцев, так и подростков и молодежи других республик СССР.

В заметке «Слет юных техников», размещенной на первой полосе выпуска газеты от 1 августа 1938 года, сообщается: «18 августа в Сталинабаде созывается республиканский слет юных техников, посвященный 20-летию Ленинско-Сталинского комсомола. На этом слете юные техники продемонстрируют свои достижения перед трудящимися Таджикской ССР»¹. В другой заметке того же выпуска под названием «О пионерских лагерях» автор Н. Хоха пишет: «В Варзобском районе имеются два лагеря, в которых отдыхают пионеры города Сталинабада. Среди отдыхающих много способных и талантливых детей. Ими нужно умело руководить и направлять в сторону правильного развития. Но, к сожалению, запросам ребят уделяется мало внимания. Например, в лагере №2 имеются музыкальные инструменты без струн»².

В выпуске от 3 августа 1938 года на левой части первой полосы в форме колонки была размещена развернутая заметка «Гиссарские пионерские лагеря», посвященная одному дню пребывания пионеров в лагере на лоне природы Гиссарской долины. В начале публикации читаем: «На севере Гиссарской долины, в одном из красивых живописных местечек, разместился Гиссарский пионерский лагерь. В лагере отдыхает около шестидесяти человек. Как весело и интересно протекает отдых ребят». Далее описывается, как пионеры собирают цветы, организуют прогулки, купаются в реке, слушают беседы вожатого, посещают кружки рукоделия, занимаются спортом, читают художественную литературу, а вечером после ужина «начинаются песни, пляски и веселые игры. Далеко несется шум, смех и шутки». Завершение дня описано следующим образом: «Надвигаются су-

¹ Слет юных техников // Пионер Таджикистана. 1938. 1 авг., №33.

² Хоха Н. О пионерских лагерях. Там же.

мерки. В веселую чашу игр неожиданно врываются звуки горна. Все становятся на линейку. Четко раздаётся голос дежурного по лагерю: „Флаг спустить!“ Наступает тишина, а через некоторое время все спят спокойным сном»¹.

В выпуске от 5 августа 1938 года размещен отчет под заголовком «IV Пленум ЦК ЛКСМ Таджикистана». В начале отчета указывается: «3 августа закончил свою работу IV-й Пленум ЦК ЛКСМ Таджикистана. Первым секретарем ЦК ЛКСМ Таджикистана единодушно избран тов. Турсунов. В члены Пленума доизбраны зав. отдела пионеров ЦК ЛКСМ тов. Абдурашитова и инструктор ЦК ЛКСМ тов. Шадикулов. На Пленуме были заслушаны доклады секретарей Октябрьского, Канибадамского, Шумлякского районов»².

Далее в отчете отмечается, что «докладчики плохо информировали о работе первичных кишлачных комсомольских организаций. Они показали свою работу только в сухих сводках». Несмотря на сугубо информационный характер материала, он дает возможность получить представление о характерных чертах общественной жизни республики 30-х годов XX века: «На Пленуме было отмечено, что слабо ведется борьба с феодально-байскими пережитками. Некоторые работники райкомов комсомола часто говорят о раскрепощении женщин, но на деле в личном быту по-крепостнически относятся к ним»³.

Одной из постоянных рубрик газеты «Пионер Таджикистана» была «Мои пожелания». В выпуске от 1 января 1939 года юнтехник ДТС Миша Корольков писал: «Если бы меня спросили, что я хочу пожелать своим соотечественникам в новом году, я бы ответил: чтобы каждый мальчик и каждая девочка умела сделать летающую модель; чтобы все ребята знали и могли объяснить, почему летают самолеты, планеры и птицы. И чем больше будет у нас таких ребят, тем больше вырастет новых летчиков, планеристов, авиаконструкторов и инженеров. Тем больше будет у нашей родины надежных и смелых защитников. А каждый из нас, конечно, к этому стремится и готовится»⁴. В приведенном примере наглядно проявляются основные целевые установки детской прессы тех лет: репрезентировать положительные ценности советского общества: ценность образования, знания, развития творческих способностей во имя будущего Родины.

В новогоднем выпуске газеты так же присутствовали рубрики, ориентированные на развитие интеллекта и творческих способностей: «Загадочная картинка», «Новогодние загадки», «Загадка», «Лабиринт», «О чем мечтают наши ребята в первый день нового года», а также «Узнайте меня в новогоднем костюме». Эти материалы стимулировали любознательность, воображение и активное участие юных читателей в жизни газеты, укрепляя связь между образовательной, культурной и развлекательной функцией издания.

Одновременно публиковались материалы рубрики «Как живут дети за рубежом». Цель рубрики заключалась в сравнительном представлении жизни совет-

¹ Гиссарские пионерские лагеря // Пионер Таджикистана. 1938. 3 авг., №34.

² IV Пленум ЦК ЛКСМ Таджикистана // Там же. 1938. 3 авг., №85.

³ Там же.

⁴ Корольков М. Мои пожелания // Там же. 1939. 1 янв., №1.

ских и зарубежных детей, что позволяло формировать чувство принадлежности к родной стране и расширять кругозор юных читателей. Помимо постоянных рубрик, газета освещала новости о школьной жизни пионеров, их отдыхе в летних лагерях, участии в кружках, заботе о здоровье и другие аспекты пионерского бытия.

В номере № 2 от 6 января 1939 года опубликован материал под заголовком «Кто завоюет знамя пионеров Барселоны?»¹ в котором рассказывается о дружбе отряда Феликса Эдмундовича с пионерским отрядом из Испании. Испанские пионеры прислали свое знамя и просили вручить его лучшему отряду по оборонной работе. В статье описывались походы, ночи в лесу, в шалаше, беседы у костра и другие приключения. Все это дискурсивно конструирует любовь к своей стране, чувство коллективизма, стремление к сплоченности и солидарности.

В заметках под заголовком «Новогодние елки в районах республики» сообщалось: «Нурек. Необычайно весело встретила детвора Нурека Новый год. С лозунгами, плакатами, песнями, стройными рядами прошли они по улицам района. В неполной средней школе для детей была установлена большая елка. Вечера с новогодними елками состоялись в 15 колхозах». «Орджоникидзебад. Организованные новогодние елки в детском саду, школах, учреждениях, на машинно-тракторных станциях и мелькомбинате привлекли массу детворы. Всюду звучали радостные песни»².

Особый интерес представляет подбор материалов, посвященных Новому году, в выпуске от 1 января 1940 года. Вторая полоса газеты была разделена на две части. Первая часть называлась «Четверть века назад. 1 января 1915 года» и рассказывала о праздновании Нового года до революции. Она начиналась с эпиграфа «Тяжелое прошлое», напечатанного курсивом: «Унижения, побои, погоня за куском хлеба – вот что заполняло жизнь наших отцов и матерей. Тяжелое было это детство. Радостный новогодний праздник был для них радостен только для богатеев, а бедным новый год нес новые страдания и горе»³.

Далее, жирным шрифтом, были размещены воспоминания члена колхоза им. Лахути Бобо Баратова под заголовком «Новый год в старом Дюшамбе»:

«В тот день, также как всегда, я работал с раннего утра до позднего вечера у бая. Поздно после работы батраки стали рассказывать о том, что в доме, где жили царские чиновники, собираются баи с детьми на праздник около разукрашенного дерева. Мне стало интересно, и я пошел к этому дому, но около него стояли солдаты эмира Бухарского и отгоняли собравшийся народ, а тех, кто пытался заглянуть в окно, избивали. Мне все же удалось увидеть красное дерево, около которого веселились дети царских и эмирских чиновников. Только много лет спустя я узнал, что это была елка, и что встречали в этот вечер Новый 1915 год»⁴.

¹ Кто завоюет знамя пионеров Барселоны // Пионер Таджикистана. 1939. 6 янв., №2.

² Новогодние елки в районах республики. Там же.

³ Четверть века назад. 1 января 1915 года // Там же. 1940. 1 янв., №1.

⁴ Бобо Баратов. Новый год в старом Дюшамбе. Там же.

Продолжением этой истории стали заметки Ильясовой Рано Бободжановны «Мрачные дни»¹ и Михайлова Александра Никитича «Прогнали от барских окон»², в которых авторы так же вспоминают недавнее прошлое, когда простые люди не имели возможности праздновать Новый год.

Вторая часть полосы называлась «Через 25 лет. 1 января 1940 года». Она начиналась с эпиграфа «Радостное наше детство»: «За четверть века далеко шагнула наша страна, и все потому, что 23 года из этих 25 лет – советские годы. Незнаваемой стала жизнь. Наше детство не похоже на детство наших родителей. Новый год несет нам новое счастье, новые замечательные дни. Вот почему так радостно встречает его советская детвора»³.

В этой подборке материалов, посвященных теме Нового года, присутствуют самые разные жанровые формы: рассказы, воспоминания, письма и т.д.

После этого таким шрифтом здесь был размещен материал Хакима Баратова, ученика 3 класса начальной школы колхоза имени Лахути, под заголовком «Ёлка в колхозной школе»:

«Наконец настал долгожданный день. В нашей школе вспыхнула красивая новогодняя елка. Около нее веселятся наши колхозные ребята и гости-пионеры из города. Хатича и Голиб Кенджаевы, Карим Сафаров, Санг Хакимов и Хакият Сайдарова хорошо исполнили несколько народных песен и танцев. Когда мы весело танцевали вокруг елки, к нам в гости пришли лучшие люди колхоза – стахановцы полей. Они поздравили нас с новым счастливым годом и пожелали хорошо учиться. После утреника нам раздали лучшие подарки»⁴.

Здесь интересен подход ответственного редактора и журналистов газеты к презентации материалов, когда читатель может наглядно сравнить прошлое и настоящее на примере одной конкретной темы – празднования Нового года.

Таким образом, публикации русскоязычной детско-юношеской газеты «Пионер Таджикистана» демонстрируют, что через изучение ее тематики и содержания можно проследить нераскрытые моменты истории республики.

Как справедливо пишет исследователь А.В.Кудряшёв в статье, посвященной «Пионерской правде (его слова в полной мере можно отнести и к объекту нашего внимания), «советскими идеологическими инстанциями газета представлялась зеркалом общественной жизни, однако отражение действительности в «Пионерской правде» следует признать избирательным; содержание газеты выступало объектом политического руководства со стороны государства» [6, с.42]. Однако автор добавляет бесспорную, на наш взгляд истину: «Справедливости ради стоит отметить при этом, что и идеологическая цензура, и политическое руководство не обязательно негативно сказывались на качестве изданий. Стремление к увлекательной подаче материала, хороший язык, реальные примеры социально полезных практик, внимание прежде всего к моральным и нравственным поступкам

¹ Ильясова Р.Б. Мрачные дни // Пионер Таджикистана. 1940. 1 янв., №1.

² Михайлов А.Н. Прогнали от барских ворот. Там же.

³ Через 25 лет. Там же.

⁴ Там же.

и поведению, следование строгим предписаниям эстетического вкуса, – все это характерно именно для советской периодической печати для детей».

Несмотря на излишнюю политизированность, которая влияла на тематику публикаций, их жанровые предпочтения и язык, первые периодические издания Таджикистана сыграли значительную роль в осуществлении целей культурной революции, в образовании, воспитании и подъеме социальной активности нового поколения таджикской молодежи. В заключение приведем слова известного исследователя истории таджикской журналистики М.Абдуллозода о том, что в те годы «новую идентичность, новое самосознание было необходимо утвердить по всему фронту национального строительства-в культуре, политике, социальной и экономической жизни» [1, с.111]. Безусловно, в этом процессе огромную роль сыграли зарождавшиеся национальные средства массовой информации, в том числе такие первые детско-юношеские периодические издания, как русскоязычная газета «Пионер Таджикистана».

Литература

1. Абдуллозода М.А. Таджикские публицисты 20-х годов XX века о роли прессы и издательского дела в процессе формирования национального самосознания // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет, 2024. – №2 (84). – С.106-113.
2. Блохина Я.И. Тематическая характеристика журнала «Пионер» как источника репрезентации советского общества // Политическая лингвистика. – 2022. – №2 (92). – С.172-182.
3. Грачева Ю. Как воспитывали нового советского гражданина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://togdazine.ru>project>kidjournal>
4. Жукова Д.А. Влияние детской журналистики и СМИ на групповое и индивидуальное сознание детей: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Жукова Дарья Александровна. – Краснодар, 2012. – 31с.
5. Из истории культурного строительства в Таджикистане: Сборник документов и материалов: в 2 т. / под общ. ред. д-ра ист. наук акад. З.Ш.Раджабова. – Душанбе: Ирфон, 1966. – Т. 2. – 510 с.
6. Кудряшев А.В. Материалы газеты «Пионерская правда» второй половины XX века в реконструкции повседневности советских школьников // Поволжский педагогический поиск. – 2018. – №4 (26). – С.37-46.
7. Маругина Н.И. Дискурсивно-тематическая направленность детского журнала XVII-XX вв. // Язык и культура. – Томск, 2011. – №2 (14). – С.29-35.
8. О партийной и советской печати, радиовещании и телевидении. – М., 1972. – 635 с.
9. Пионерская печать в документах / сост. Ю.Н.Всемневская. – М., 1972. – 38 с.
10. Резолюции и постановления VI всесоюзного съезда РАКСМ/ Российский ленинский коммунистический союз молодежи. – 2-е изд. – М.: Молодая гвардия, 1925. – 211с.
11. Холмов М.И. Становление советской журналистики для детей. – Л.: Изд-во ЛРУ, 1983. – 209с.

**THE TOPIC AND CONTENT OF THE RUSSIAN-LANGUAGE CHILDREN
AND YOUTH NEWSPAPER "PIONEER OF TAJIKISTAN" (1938-1940)**

Berdieva Nilufar Nazirmadovna

Postgraduate student of the chair of national and international journalism
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str., 30
Ph.: (+992) 882 20 02 05 (м.)

The article is devoted to the little-studied problem of the formation and development of children's and youth publications in Russian journalism using the example of the Russian-language newspaper "Pioner Tadzhiqistana", which, together with the newspaper "Pioneeri Tojikiston", laid the foundations of the Tajik press for children. An attempt is made to show the process of creating a pioneer periodical press system, taking into account the socio-political, economic and cultural factors that influenced the fundamental principles of the newspaper's activities. The empirical basis of the work was the publications of the newspaper Pioneer of Tajikistan in the 1930s. The content of the information process and the system of value orientations that were introduced into the consciousness of the children's audience are shown, which was due to the perception of the press as a channel for educating the younger generation in the spirit of Soviet ideology.

The study of the historical prerequisites for the formation of the children's, youth and youth press, the specifics of the functioning of youth publications allows us to better understand the specifics of the modern press for young people, its role in shaping public consciousness, life values and guidelines for the younger generation. It should be emphasized that the development of the press in the Republic of Tajikistan, including youth and youth, is closely linked to the experience of creating print media in the USSR and the principles of their work. The analysis of the historical features of the Soviet press, which covered the life and values of youth, is an important basis for understanding the tasks of the modern youth press and the direction of youth coverage.

Keywords: children's and youth topics; youth press; author's translation; mass media; periodicals.

**МАВЗЎЊО ВА МАЗМУНИ МАТБУОТИ КЎДАКОНА ВА НАВРАСОНАИ
РУСЗАБОНИ «ПИОНЕРИ ТОЧИКИСТОН» (солҳои 1938-1940)**

Бердиева Нилуфар Назирмадовна

Аспиранти кафедраи рузноманигории дохилӣ ва байналмиллалӣ
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯчаи М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 882 20 02 05 (м.)

Мақола ба мушкилоти ташаккул ва рушди нашрияҳои кӯдакону наврасон, ки дар журналистикаи ватанӣ кам омӯхта шудаанд, дар мисоли рӯзномаи русӣ "Пионери Тоҷикистон" бахшида шудааст, ки дар яққоягӣ бо рӯзномаи "Пионери Тоҷикистон" асосҳои матбуоти

тоҷикистонро барои кӯдакон гузоштааст. Кӯшиш карда шуд, ки раванди ташкили системаи матбуоти даврӣ бо назардошти омилҳои хусусияти иҷтимоӣ-сиёсӣ, иқтисодӣ ва фарҳангӣ, ки ба принципҳои асосии фаъолияти рӯзнома таъсир расондаанд, нишон дода шавад. Асоси эмпирикии ин асарро нашрияҳои рӯзномаи "Пионери Тоҷикистон" дар солҳои 30-ум ташкил доданд. Мазмунӣ раванди иттилоотӣ, системаи ориентирҳои арзишӣ, ки ба шуури аудиторияи кӯдакон ворид карда шудаанд, нишон дода шудаанд, ки ин бо дарки матбуот ҳамчун канали тарбияи насли ҷавон дар рӯҳияи идеологияи шӯравӣ вобаста аст.

Омӯзиши заминаҳои таърихӣ ташаккули матбуоти кӯдакон ва наврасон ва ҷавонон, хусусиятҳои фаъолияти нашрияҳои ҷавонон имкон медиҳад, ки хусусияти матбуоти муосир барои ҷавонон, нақши он дар ташаккули шуури ҷамъиятӣ, арзишҳои ҳаётӣ ва ориентирҳо барои насли ҷавон амиқтар фаҳмида шавад. Бояд таъкид кард, ки рушди матбуот дар Ҷумҳурии Тоҷикистон, аз ҷумла кӯдакону наврасон ва ҷавонон бо таҷрибаи таъсиси нашрияҳои ҷопӣ дар ИЧШС ва принципҳои кори онҳо зич алоқаманд аст. Таҳлили хусусиятҳои таърихӣ матбуоти шӯравӣ, ки ҳаёт ва арзишҳои ҷавононро равшан мекард, барои фаҳмидани вазифаҳои матбуоти муосири ҷавонон ва самти фарогирии мавзӯҳои ҷавонон заминаи муҳим мебошад.

Калидвожаҳо: "Пионери Тоҷикистон"; мавзӯҳои кӯдакон ва наврасон; матбуоти ҷавонон.

К 70-ЛЕТИЮ ПРОФЕССОРА Х.Д.ШАМБЕЗОДА

УДК 81(575.3)(092)

**АССОЦИАТИВНЫЙ ПОРТРЕТ ПРОФЕССОРА В ЯЗЫКОВОМ
СОЗНАНИИ СТУДЕНТОВ: В ЧЕСТЬ ЮБИЛЕЯ ПРОФЕССОРА
Х.ДЖ.ШАМБЕЗОДА**

Курбонова Хафиза Халимовна

Кандидат филологических наук,
заведующая кафедрой теоретического и прикладного языкознания
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 44 620 42 09
kurbanova_xafiza@mail.ru

В статье рассматривается научная и педагогическая деятельность профессора Х.Дж.Шамбезода, одного из ведущих лингвистов в Республике Таджикистан. показаны основные направления его исследований в области социолингвистики, билингвизма, языковой политики, теории языковых контактов и функционирования языков в условиях многоязычия. Особое внимание уделяется анализу научного наследия учёного и его вкладу в развитие прикладной и сопоставительной лингвистики. На основе ассоциативного эксперимента выявлены особенности восприятия образа профессора в студенческом сознании. Установлено, что его профессиональный образ характеризуется устойчивой положительной оценкой и символической репрезентацией как наставника, учёного и носителя научного авторитета.

Ключевые слова: Х.Дж.Шамбезода; лингвистика; языковое сознание; ассоциативный эксперимент; метафора; наука.

Современное языкознание в Республике Таджикистан характеризуется активным развитием теоретических и прикладных направлений, значительная роль в котором принадлежит ведущим представителям научной школы прикладной лингвистики. Одной из ключевых фигур в данной области является профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания Российско-Таджикского (Славянского) университета Хусрав Джамшедович Шамбезода, чья научная деятельность охватывает широкий спектр проблем общей и сопоставительной лингвистики, социолингвистики, билингвизма и языковой политики.

Научное наследие Х.Дж.Шамбезода включает более ста работ, среди которых монографии, хрестоматии, учебные пособия, словари и статьи, опубликованные в ведущих научных изданиях Республики Таджикистан, стран СНГ и Европы. Особое внимание в его исследованиях уделяется вопросам функционирования русского языка в многоязычном пространстве, языковых контактов и ин-

терференции. Так, в статье «Словообразовательная активность заимствований из русского языка в шугнанском языке» [1] анализируются процессы адаптации заимствованной лексики в системе бесписьменного языка. В работе «Интерференция в русской речи шугнанцев в области вокализма» [2] рассматриваются фонетические особенности билингвальной речи и механизмы языкового взаимодействия.

Значительный вклад внесён учёным в развитие социолингвистического подхода к изучению языковой ситуации в стране. В исследовании «Социолингвистический анализ функционирования бесписьменных языков в Республике Таджикистан» [3] раскрываются механизмы функционирования языков в условиях многоязычия.

В более поздних работах, Х.Дж.Шамбезода продолжает разрабатывать вопросы языковой нормы и языковой политики. В статье «Проблема внутривидового развития бесписьменных языков в условиях многоязычия» анализируются процессы формирования внутренней языковой системы. В исследованиях «Роль и место русского языка в условиях многоязычного Таджикистана» и «Вызовы современных тенденций развития лингвистики» рассматриваются современные тенденции языкового развития и статус русского языка в образовательном и научном пространстве.

Особого внимания заслуживает работа «К вопросу о формировании нормы в бесписьменных языках» [13], где автор обращается к проблеме кодификации языковых систем. В статье «К вопросу о государственном языке и языковой политике в Республике Таджикистан» [12] исследуются актуальные аспекты языкового регулирования в полилингвальном обществе.

Сфера научных интересов профессора Х.Дж.Шамбезода отличается многоплановостью и охватывает широкий спектр проблем социолингвистики, общей, сопоставительной и прикладной лингвистики. Научные достижения учёного получили высокую оценку со стороны научно-педагогического сообщества и государственных структур Республики Таджикистан.

Заслуги Х.Дж.Шамбезода отмечены медалью «Хизмати шоиста», нагрудным знаком «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации», нагрудным знаком «Отличник образования Республики Таджикистан» и юбилейной медалью «10-летие РТСУ», грамотами Министерства науки высшего образования Российской Федерации, грамотами Министерства образования и науки Республики Таджикистан, грамотами Посольства Российской Федерации в Республике Таджикистан. Х.Дж.Шамбезода является членом Союза журналистов Республики Таджикистан, членом учёных и диссертационных советов ведущих научных и образовательных учреждений, включая Российско-Таджикский (Славянский) университет, Таджикский государственный университет и Институт языка и литературы имени Рудаки при Национальной Академии наук Республики Таджикистан, а также ряд других научных структур.

Он член общественного совета базовой организации по языкам и культуре государств-участников СНГ. Профессор участвует в ряде международных, региональных и республиканских научных конференций: XIII Международная науч-

ная конференция «Русский язык и культура в зеркале перевода» Москва, 20-23 апреля 2023 года, XIV Международная научная конференция «Русский язык и культура в зеркале перевода», Суздаль, 25-28 апреля 2024 года, IV Международной научно-практической конференции «Изучение и преподавание русского языка как иностранного», г. Денау, Республика Узбекистан. 22-23 июня 2024 года, Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы языкознания и литературоведения». – г. Термез. Узбекистан, 2025 год.

Под научным руководством Хусрава Джамshedовича Шамбезода на протяжении многих лет успешно выполняются и защищаются кандидатские и докторские диссертации, посвящённые актуальным проблемам современного языкознания, социолингвистики, сопоставительной лингвистики, когнитивной лингвистики, психолингвистики, билингвизма, языковой политики и др. Научно-педагогическая деятельность учёного характеризуется системным подходом к подготовке научных кадров, основанным на сочетании фундаментальной теоретической базы и современных методов лингвистического анализа.

Значительный вклад профессора Х. Дж. Шамбезода в подготовку высококвалифицированных специалистов проявляется не только в непосредственном научном руководстве диссертационными исследованиями, но и в формировании устойчивой научной школы, ориентированной на развитие таджикского языкознания. Его ученики осуществляют научную и педагогическую деятельность в высших учебных заведениях, научно-исследовательских институтах и образовательных организациях Республики Таджикистан, продолжая разрабатывать актуальные направления современной лингвистики.

Особую значимость представляет вклад учёного в развитие исследовательской культуры молодых специалистов. В процессе научного руководства профессор уделяет внимание формированию у аспирантов и соискателей навыков аналитического мышления, научной аргументации, академического письма и самостоятельного исследования языковых явлений. Под его руководством осуществляется подготовка специалистов, способных к комплексному анализу языковых процессов в условиях многоязычия и социокультурной трансформации современного общества.

В целом, научно-педагогическая деятельность профессора Хусрава Джамshedовича Шамбезода представляет собой целостную и устойчиво развивающуюся систему, являющуюся значимым вкладом в развитие современной лингвистической науки и высшего образования в Республике Таджикистан. Вместе с тем масштаб научной, педагогической и общественной деятельности учёного обуславливает интерес не только к его научным трудам, но и к особенностям восприятия его личности в академической среде, прежде всего, в студенческом сообществе. В связи с этим особую актуальность приобретает обращение к психолингвистическим методам исследования, позволяющим выявить специфику языкового сознания студентов и особенности репрезентации в нём образа современного учёного.

Целью настоящего исследования является изучение образа профессора Х. Дж. Шамбезода в студенческом языковом сознании с использованием методов

психолингвистики, в частности ассоциативного эксперимента, направленного на выявление когнитивных и ценностных характеристик восприятия личности учёного.

В ходе исследования в качестве слова-стимула использовалось имя профессора «Хусрав Джамшедович Шамбезода». В эксперименте приняли участие студенты 5-х курсов направления «Перевод и переводоведение» факультета иностранных языков Российско-Таджикского (Славянского) университета.

В рамках проведённого исследования было осуществлено анкетирование с использованием платформы Google Forms. В опросе приняли участие 30 респондентов, представляющих академическую среду. Анкета включала пять открытых вопросов, направленных на выявление ассоциативного образа профессора Х.Дж.Шамбезода, оценку его профессиональных качеств, особенностей речевого поведения, ценностных установок, а также общей характеристики в трёх словах и метафорической интерпретации.

В рамках задания №1 («Какие ассоциации у Вас вызывает имя профессора «Шамбезода Х.Дж.»?») анализ полученных данных позволил выделить ряд устойчивых семантических доминант, отражающих когнитивную и ценностную модель восприятия личности профессора.

Имя профессора, прежде всего, ассоциируется со статусом и уважением, например, «чиддй» (серьёзный), и «эхтиром» (уважение) «уважаемый человек», «образ настоящего профессора», «авторитет и знания», «доверие», «интеллигенция», «мехрубонй» (доброта), «илм» (наука), «маданият» (культура) и др.

Особенно важно подчеркнуть такие реакции, как «*Имя вызывает уважение*», «*Сразу приходит в голову образ настоящего профессора*» – эти реакции свидетельствуют о высокой степени социально-профессиональной узнаваемости фигуры профессора.

Соответственно, имя профессора устойчиво актуализирует в сознании респондентов образ научного авторитета и представителя академической элиты.

Во второй группе ответов преобладают такие качества, как «умный», «опытный», «требовательный», «справедливый», «аналитичный», «принципиальный», «дисциплинированный». Данная совокупность характеристик формирует образ профессора как строгого, но справедливого учёного с высоким уровнем профессиональной компетентности и системным мышлением.

В ходе обработки ответов по третьему заданию (Какова его манера речи?) были выявлены такие характеристики речи, как «чёткая», «логичная», «спокойная», «уверенная», «понятная», «сильная», «без лишнего», «говорит чётко и по делу», «логичная и последовательная речь», «чётко объясняет, понятно говорит» и др. Полученные реакции свидетельствуют о восприятии речевого поведения профессора как структурированного, рационального и ориентированного на передачу точного научного знания.

В ответах на четвёртый вопрос («Какие ценности он отстаивает?») доминируют такие ценности, как «наука», «образование», «развитие», «дисциплина», «знания», «прогресс», «традиции», «наука и дисциплина», «образование и прогресс», «традиции и знания» и др. Полученные реакции указывают на ориента-

цию профессионального образа профессора на академические и образовательные ценности, а также на устойчивую связь с идеей научного прогресса и передачи знаний.

В результате анализа ассоциатов на вопрос №5 «Опишите профессора «Шамбезода Х.Дж.» тремя словами» респонденты чаще всего использовали сочетания «умный – строгий – опытный», «спокойный – мудрый – принципиальный», «интеллигентный – грамотный – воспитанный», «хуб – бовафо – бехтарин» (добрый – преданный – лучший), «гуманный – добрый – душевный», «терпеливый – отзывчивый – спокойный». А также были получены метафорические сравнения, например, «строгий учитель», «книга с глубоким смыслом», «наставник», «маяк», «опора», «человек науки», «человек души», «фарзанди содики Ватан» (верный сын Родины), «дӯстдори илм» (любящий науку) и др. Эти метафоры свидетельствуют о символической репрезентации профессора как носителя знаний и морально-интеллектуального ориентира.

Кроме того, в ответах респондентов фиксируется устойчивое представление об отличительных профессионально-педагогических характеристиках профессора Х.Дж.Шамбезода, например, студенты отмечают способность преподавателя «объяснять сложные вещи простым языком», что свидетельствует о высоком уровне дидактической компетентности и эффективности вербализации сложного учебного материала в доступной форме профессором. Данная характеристика может быть интерпретирована как проявление развитых коммуникативно-педагогических навыков, обеспечивающих снижение когнитивной нагрузки обучающихся и повышение усвоения учебного материала.

Дополнительно подчеркивается ориентация преподавателя на глубину содержания обучения, что выражается в формулировках «даёт более глубокие знания» и «ориентирован на реальные знания и результат». Эти оценки указывают на преобладание содержательно-ориентированного подхода в педагогической деятельности, предполагающего акцент на фундаментальности знаний, их практической значимости и результативности образовательного процесса.

Отдельную группу реакций составляют высказывания «строже других» и «уделяет внимание деталям», что свидетельствуют о высоком уровне требований к качеству выполнения заданий, а также о системном контроле учебной деятельности студентов. Данные характеристики могут рассматриваться как проявление авторитетного и структурированного стиля педагогического взаимодействия.

Высказывание «умеет заинтересовать предметом» указывает на наличие у профессора способности формировать устойчивую учебную мотивацию и поддерживать познавательный интерес студентов.

Ассоциация «у него другой мозг» представляет собой экспрессивную метафорическую характеристику, отражающую восприятие профессора как человека с исключительными интеллектуальными способностями и нестандартным типом мышления. Данная реакция свидетельствует о высокой степени когнитивного и личностного авторитета профессора в студенческом языковом сознании.

Важно отметить, что анализ полученных реакций позволяет заключить, что в восприятии студентов формируется целостный профессиональный образ profes-

сора Х.Дж.Шамбезода, характеризующийся сочетанием доступности объяснения учебного материала, высокой содержательной глубины преподавания, строгой организационно-оценочной позиции и выраженного мотивационного воздействия на студентов. Указанные характеристики образуют устойчивую структуру позитивного педагогического имиджа, основанного на балансе требовательности и доступности в обучении.

Следовательно, полученные реакции позволяют выделить, что в ассоциативном мышлении студентов образ профессора Х.Дж.Шамбезода формируется как многокомпонентная структура, которая включает:

- 1) академический авторитет (учёный, наставник, лидер научного направления);
- 2) профессиональную компетентность (опыт, аналитичность, строгость);
- 3) коммуникативную рациональность (чёткость, логичность, доступность речи);
- 4) ценностную ориентацию на науку и образование;
- 5) символический образ наставника (метафоры «маяк», «книга», «опора»).

Таким образом, полученные результаты свидетельствуют о высокой устойчивости положительного профессионального образа профессора, а также о его выраженной символизации в ассоциативном сознании студентов.

Литература

1. Шамбезода Х.Дж. Словообразовательная активность заимствований из русского языка в шугнанском языке // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ. 2020. – №4 (21). – С.190-201.
2. Шамбезода Х.Дж. Интерференция в русской речи шугнанцев в области вокализма // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2020. – №3(71). – С.181-191
3. Шамбезода Х.Дж. Многоязычные образование в многонациональном социуме (на примере Республики Таджикистан // SLAVICA HELSINGIENSIA 52. Russian language in the Multilingual World Helsinki University of Helsinki, 2020. – №2. –С.166-176.
4. Шамбезода Х.Дж. Социолингвистический анализ функционирования бесписьменных языков в Республике Таджикистан // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2021. – №3-4(75). – С. 198-204.
5. Шамбезода Х.Д. Проблема внутривидового развития бесписьменных языков в условиях многоязычия // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2022. – №2 (77). – С.150-161.
6. Шамбезода Х.Дж. Роль и место русского языка в условиях многоязычного Таджикистана // Русский язык и культура в зеркале перевода: материалы XIII Международной научной конференции. – М.: МГУ. 2023. – С.421-426.
7. Шамбезода Х.Дж. Современные тенденции развития лингвистики в Средней Азии // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2024. – №1 (83). – С.90-95.
8. Шамбезода Х.Дж. Билингвизм и художественный перевод (на примере переводов фразеологических единиц романа С.Айни «Рабы» на русский язык) / Х.Дж.Шамбезода, А.С.Аминов // Русский язык и культура в зеркале перевода: материалы XIV Международной научной конференции. – Суздаль, 2024. – С.378-385

9. Шамбезода Х.Дж. Вызовы современных тенденций развития лингвистики // Изучение и преподавание русского языка как иностранного в пространстве полилингвизма: материалы IV Международной научно-практической конференции (г. Денау, Республика Узбекистан, 22-23 июня 2024 г.). – Денау, 2024. – С.7-11.
10. Шамбезода Х.Дж. Понятие языковой нормы в бесписьменных языках // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет. – Душанбе: РТСУ, 2024. – №4 (86). – С.91-102.
11. Шамбезода Х.Дж. К вопросу о формировании нормы в бесписьменных языках // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет. – Душанбе: РТСУ, 2025. – №1 (87). – С.109-117.
12. Шамбезода Х.Дж. К вопросу о государственном языке и языковой политике в Республике Таджикистан // Социолингвистика. – М., 2025. – №2 (22). – С.85-104.
13. Шамбезода Х.Дж. К вопросу о современных тенденциях развития лингвистики // Актуальные проблемы языкознания и литературоведения: материалы Международной научно-практической конференции. – Термез, Узбекистан, 2025. – С.56-63.

**ASSOCIATIVE PORTRAIT OF A PROFESSOR IN THE LINGUISTIC
CONSCIOUSNESS OF STUDENTS:
IN HONOR OF THE ANNIVERSARY OF PROFESSOR KH.J.SHAMBEZODA**

Kurbanova Khafiza Khalimovna

Candidate of philological sciences,
head of the chair of theoretical and applied linguistics
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str., 30
Ph.: (+992) 44 620 42 09
kurbanova_xafiza@mail.ru

The article analyzes the scientific and pedagogical work of professor Kh.J.Shambezoda, one of the leading linguists in the Republic of Tajikistan. The main areas of his research in the fields of sociolinguistics, bilingualism, language policy, language contact theory and the functioning of languages in a multilingual environment are considered. Particular attention is paid to the analysis of the scholar's scientific legacy and his contribution to the development of applied and comparative linguistics. An associative experiment was used to identify the characteristics of the professor's image in students' minds. It was established that his professional image is characterized by a stable positive assessment and symbolic representation as a mentor, scholar, and bearer of scientific authority.

Keywords: Kh.J.Shambezoda; linguistics; linguistic consciousness; associative experiment; metaphor; science.

**СИМОИ АССОСИАТИВИИ ПРОФЕССОР ДАР ШУУРИ ЗАБОНИИ
ДОНИШЧЌҶҢ: БА МУНОСИБАТИ ҶАШНИ ФАРХУНДАИ
ПРОФЕССОР Х.Ҷ. ШАМБЕЗОДА**

Қурбонова Ҳафиза Ҳалимовна

Номзади илмҳои филология,
мудири кафедраи забоншиносии назариявӣ ва амалӣ
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯчаи М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 44 620 42 09
kurbanova_xafiza@mail.ru

Дар мақола фаъолияти илмӣ ва омӯзгории профессор Х.Ҷ.Шамбезода, яке аз забоншиносони барҷастаи Ҷумҳурии Тоҷикистон, мавриди таҳлил қарор гирифтааст. Самтҳои асосии пажӯҳишҳои ӯ дар соҳаҳои сотсиолингвистика, дузабонӣ, сиёсати забонӣ, назарияи тамоси забонҳо ва фаъолияти забонҳо дар муҳити бисёрзабонӣ баррасӣ мешаванд. Таваҷҷуҳи махсус ба омӯзиши мероси илмии донишманд ва саҳми арзишманди ӯ дар рушди забоншиносии амалӣ ва муқоисавӣ равона гардидааст.

Дар заминаи озмоиши ассотсиативӣ хусусиятҳои дарки симои профессор дар шуури донишчӯён ошкор карда шудаанд. Натиҷаҳои таҳқиқ нишон медиҳанд, ки симои касбии ӯ бо арзёбии устувори мусбат тавсиф ёфта, ҳамчун устод, муҳаккики варзида ва соҳибэътибори илмӣ дар зехни донишчӯён ҷойгоҳи хос дорад.

Калидвожаҳо: Х.Ҷ.Шамбезода; забоншиносӣ; шуури забонӣ; озмоиши ассотсиативӣ; истиора; илм.

УДК 331.5+331.526 (575.3)

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ РЫНКА ТРУДА И ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ

Саидова Хумайро Убайдуллоевна

Кандидат экономических наук,
докторант кафедры управления государственными финансами
и цифровой экономики

Академия государственного управления
при Президенте Республики Таджикистан
734003, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. Саида Носира, 33
Тел.: (+992) 93 884 60 05 (м.)

khumavro.saidova@mail.ru

В статье исследуются современные методологические подходы к анализу рынка труда и занятости населения в условиях цифровой трансформации экономики. Рассмотрены статистический, институциональный, воспроизводственный, пространственный, цифровой и социологический подходы к исследованию социально-трудовых процессов. Выявлены их преимущества и ограничения применительно к анализу трудоизбыточных развивающихся стран. Особое внимание уделено оценке скрытой безработицы, миграционной мобильности населения, платформенной занятости и цифровых компетенций рабочей силы. Обосновано, что традиционные методы анализа рынка труда не позволяют в полной мере учитывать структурные изменения занятости, происходящие под воздействием цифровизации экономики. Предложен адаптивный социолого-цифровой подход, основанный на интеграции социологических методов исследования, цифрового мониторинга трудовой активности населения и межрегионального сравнительного анализа. Разработан алгоритм комплексной оценки трудоизбыточного рынка труда, позволяющий учитывать взаимосвязь демографических, экономических, институциональных и технологических факторов формирования занятости населения. Сделан вывод о необходимости совершенствования системы мониторинга рынка труда и механизмов государственного регулирования занятости в условиях цифровой экономики.

Ключевые слова: рынок труда; занятость населения; трудоизбыточность; цифровизация экономики; цифровая занятость; платформенная занятость; цифровые компетенции; трудовой потенциал; мониторинг рынка труда; государственное регулирование занятости.

Введение. Достижение устойчивого функционирования рынка труда и обеспечение эффективной занятости населения в условиях цифровой трансформации экономики объективно требуют совершенствования методологических подходов к исследованию социально-трудовых процессов. При этом современный рынок труда характеризуется высокой степенью динамичности, структурной неоднородности и усилением влияния институциональных, демографических, технологических и региональных факторов на процессы формирования и использования

трудового потенциала. Вместе с тем, развитие цифровой экономики, платформизация занятости и трансформация механизмов трудовых взаимодействий обуславливают необходимость переосмысления традиционных подходов к исследованию рынка труда и расширения аналитического инструментария его оценки. Последнее обуславливает целесообразность применения комплексного (системного/многоуровневого) подхода к исследованию занятости населения, учитывающего особенности функционирования трудоизбыточного рынка труда, региональные асимметрии развития и специфику адаптации трудового потенциала к условиям цифровизации экономики.

Степень разработанности проблемы. Методологические вопросы изучения рынка труда и занятости населения широко отражены в современной научной литературе. Весомый вклад в развитие подходов к анализу социально-трудовых процессов внесли Н.Н.Акимов [1], Р.И.Каплюшников [5], Т.А.Комарова [4], С.Дж.Комилов [8], Д.Б.Кодирзода [7], С.А.Резникова [11] и др. В работах этих и других авторов рассматриваются различные аспекты функционирования рынка труда, включая оценку занятости и безработицы, воспроизводства рабочей силы, государственного регулирования занятости, влияние экономической цифровизации на социально-трудовые отношения, развитие человеческого капитала и др.

Следует отметить, что в современной научной литературе рынок труда исследуется как сложная социально-экономическая система, в рамках которой формируются отношения по поводу воспроизводства рабочей силы. При этом большинство современных исследований ориентированы на сочетание институционального и воспроизводственного подходов к анализу занятости населения. Так, С.Дж.Комилов, Шодибеки Сафар и Б.К.Шарипов отмечают, что «... управление занятостью населения должно рассматриваться как составная часть системы социально-экономического регулирования, ориентированная на обеспечение эффективного использования трудового потенциала и повышение качества человеческого капитала» [8, с.34]. Подобный подход позволяет исследовать рынок труда через показатели занятости и безработицы и посредством анализа механизмов регулирования социально-трудовых процессов.

Вместе с тем, значительное распространение в современных исследованиях получил системный подход, в рамках которого рынок труда рассматривается как совокупность взаимосвязанных субъектов и институтов, функционирующих в едином экономическом пространстве. В данном случае объектом анализа выступают государство, работодатели, образовательные учреждения, инфраструктурные элементы рынка труда, цифровые платформы и население как носитель трудового потенциала. При этом, как отмечают российский исследователь Ю.Б.Кострова и ее коллеги, «... развитие регионального рынка труда определяется совокупностью экономических, демографических и институциональных факторов, оказывающих влияние на структуру занятости и воспроизводство трудовых ресурсов» [9, с.73]. Иными словами, исследование рынка труда требует учета широкого круга факторов, формирующих механизмы распределения и использования рабочей силы.

Следует учитывать, что для трудоизбыточных регионов, наряду с системным подходом, особое значение приобретает пространственный (региональный) подход к исследованию занятости населения. Пространственный подход ориентирован на выявление территориальных диспропорций рынка труда, межрегиональных различий в уровне занятости и особенностей распределения трудовых ресурсов. Ограниченность внутренних возможностей трудоустройства, высокая миграционная активность населения и устойчивое превышение предложения рабочей силы над спросом формируют специфическую модель функционирования рынка труда. В результате возрастает необходимость исследования занятости населения с учетом территориальных (пространственных) особенностей социально-экономического развития региона [10].

Между тем, в условиях цифровизации экономики существенно возрастает значение институционального подхода к исследованию рынка труда. В данном случае особое внимание уделяется анализу нормативно-правовой среды, механизмов государственного регулирования занятости, уровня развития цифровой инфраструктуры и адаптивности системы подготовки кадров к технологическим изменениям. Как подчеркивают Д.Б.Кодирзода и И.С.Шамсов, «... переход к цифровой экономике сопровождается изменением структуры занятости и требует совершенствования механизмов подготовки кадров в соответствии с потребностями рынка труда» [7, с.96]. На наш взгляд, подобная постановка вопроса особенно актуальна для стран с трудоизбыточным рынком труда, где процессы цифровой трансформации одновременно формируют новые возможности занятости.

Важным методологическим принципом исследования рынка труда выступает воспроизводственный подход, в рамках которого трудовые ресурсы рассматриваются как постоянно воспроизводимый элемент социально-экономической системы. При этом анализ охватывает процессы формирования, распределения, использования и развития трудового потенциала, а также факторы, определяющие качество человеческого капитала и эффективность его использования. В этом отношении С.О.Резникова и С.Э.Умерова считают, что «... трансформация воспроизводства трудовых ресурсов в условиях цифровизации сопровождается изменением требований к профессиональной структуре рабочей силы и повышением роли непрерывного образования» [11, с.88]. Эти изменения требуют исследования занятости населения в тесной взаимосвязи с системой образования, профессиональной подготовки и развитием человеческого капитала.

Одновременно методология исследования рынка труда предполагает сочетание количественных и качественных методов анализа. Так, широкое применение получают экономико-аналитические, институциональные и социологические методы исследования. Использование многоуровневого подхода позволяет оценивать не только количественные параметры занятости, но и глубинные причины структурной несбалансированности рынка труда, особенности адаптации трудового потенциала к цифровой трансформации экономики и эффективность механизмов государственного регулирования занятости населения.

Результаты и обсуждение. Методологические принципы исследования рынка многогранны, но обобщенно их можно представить следующим образом

(рис. 1). На наш взгляд, учет данных принципов позволяет подойти к решению вопросов обеспечения занятости населения более подготовленным в методическом и практическом плане. При этом для формирования предпосылок реализации механизма регулирования рынка труда необходим учет основных индикаторов мониторинга и оценки состояния рынка.

Оценка состояния рынка труда и занятости населения предполагает использование совокупности количественных и качественных показателей, позволяющих исследовать процессы формирования, распределения и использования трудовых ресурсов. При этом в условиях цифровизации экономики структура рынка труда становится более сложной и динамичной, поскольку изменяются формы занятости, механизмы трудовой мобильности населения и требования к качеству человеческого капитала. В результате возрастает необходимость применения комплексной (многоуровневой) системы индикаторов, отражающих не только текущее состояние занятости населения, но и степень адаптивности рынка труда к технологическим изменениям.

Следует отметить, что в современной научной литературе отсутствует единый подход к формированию системы показателей оценки рынка труда. Одни исследователи ориентируются преимущественно на статистические параметры занятости и безработицы, другие акцентируют внимание на качестве трудового потенциала и эффективности использования рабочей силы. Так, Н.Н.Акимов отмечает, что «статистика трудовых ресурсов является основой объективной оценки процессов функционирования рынка труда и принятия управленческих решений» [1, с.33]. Его позиция, безусловно, имеет важное методическое значение, поскольку статистические показатели позволяют оценивать динамику занятости, безработицы и экономической активности населения. Вместе с тем, на наш взгляд, ограничение анализа исключительно количественными параметрами не позволяет выявить глубинные структурные диспропорции социально-трудовой сферы, особенно в странах с высоким уровнем трудоизбыточности и масштабной неформальной занятостью населения.

Иными словами, систему показателей рынка труда следует рассматривать как инструмент диагностики социально-трудовых процессов и оценки эффективности государственного регулирования занятости населения.

Оценка состояния рынка труда и занятости населения представляет собой один из наиболее сложных элементов исследования социально-трудовых процессов, поскольку современный рынок труда характеризуется высокой степенью структурной неоднородности, динамичности и институциональной изменчивости. Тем не менее, данная задача превращается в актуальную проблему решения вопросов эффективного управления процессами обеспечения продуктивной занятости населения в труд избыточных регионах. При этом, в условиях цифровизации экономики существенно трансформируются формы занятости, механизмы трудовой мобильности населения и критерии эффективности использования трудовых ресурсов. В результате традиционные показатели занятости и безработицы уже не позволяют в полной мере оценивать реальные процессы, происходящие в социально-трудовой сфере, что в совокупности затрудняет процессы принятия эффективных решений в сфере регулирования социально-трудовых отношений.

Между тем, Шодибеки С. и Т.Н.Юдина акцентирует внимание на необходимости оценки продуктивной занятости и эффективности использования трудового потенциала. По ним, «в условиях цифровизации экономики проблема занятости должна рассматриваться не только через уровень трудоустройства населения, но и через эффективность включения рабочей силы в процессы экономического развития» [13, с.116]. Позиция авторов представляется более широкой, поскольку позволяет учитывать не только количественные параметры рынка труда, но и качество занятости населения. Однако как он, и так и многие другие авторы недостаточно раскрывают региональные и институциональные различия функционирования рынка труда, имеющие особое значение для трудоизбыточных стран.

Следует учитывать, что ряд исследователей рассматривает состояние рынка труда преимущественно через показатели качества человеческого капитала и адаптивности рабочей силы к технологическим изменениям. Так, Т.А.Камарова и Н.В.Тонких отмечают, что «цифровизация занятости сопровождается изменением структуры трудовой деятельности и формированием новых моделей взаимодействия работников и работодателей» [4, с.559]. Данный подход отражает современные тенденции трансформации занятости и позволяет учитывать влияние цифровых платформ, дистанционной занятости и цифровых компетенций населения. Вместе с тем, подход Т.Камаровой и Н.В.Тонких в большей степени ориентирован на экономически развитые страны и не в полной мере учитывает специфику государств с ограниченным уровнем цифровой инфраструктуры и высокой долей неформального сектора экономики (в этом плане, даже такие равные, на первый взгляд, в плане экономического развития государства как Таджикистан и Узбекистан, не сравнимые).

В свою очередь, Ф.М.Васиев и Т.Т.Ван обращают внимание на необходимость учета масштабов неформальной занятости населения. Авторы подчеркивают, что «неформальная занятость в Таджикистане охватывает значительную

часть экономически активного населения и оказывает существенное влияние на состояние рынка труда» [3, с.37]. На наш взгляд, данная позиция имеет принципиальное значение для исследования трудоизбыточных стран, поскольку традиционные показатели занятости и безработицы, но зачастую не отражают реальные масштабы скрытой занятости и миграционной мобильности населения.

О.А.Климова отмечает, что «оценка регионального рынка труда требует применения статистических инструментов, обеспечивающих комплексный анализ динамики занятости и безработицы» [6, с.31]. В связи с этим, среди многих авторов всё более широкое распространение получает подход, ориентированный на интегральную оценку состояния рынка труда. В рамках данного подхода наряду с традиционными показателями занятости и безработицы используются индикаторы производительности труда, трудовой мобильности, качества человеческого капитала, уровня цифровых компетенций и адаптивности рабочей силы. Однако большинство существующих интегральных моделей разрабатывались преимущественно для относительно сбалансированных рынков труда и в недостаточной степени учитывают особенности трудоизбыточных экономик.

Если обобщить, недостатки системы показателей и критериев оценки состояния рынка труда можно представить следующим образом (табл. 1).

Таблица 2 – Недостатки существующих подходов к оценке состояния рынка труда применительно к трудоизбыточным развивающимся странам

ПОДХОД	ОСНОВНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ И КРИТЕРИИ	ОГРАНИЧЕНИЯ ПОДХОДА	НЕДОСТАТОЧНО УЧИТЫВАЕМЫЕ АСПЕКТЫ
СТАТИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД	– уровень занятости; уровень безработицы; – экономическая активность населения; – численность трудовых ресурсов; – коэффициенты нагрузки на рынок труда	– ориентация преимущественно на количественные параметры рынка труда; – недостаточное внимание к качественным характеристикам занятости и структуре трудового потенциала	– скрытая занятость; – сезонная трудовая деятельность; – масштабы трудовой миграции; – адаптивность рабочей силы; – качество занятости населения
ПРОИЗВОДСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОДХОД	– производительность труда; – эффективность использования трудовых ресурсов; – уровень оплаты труда, соотноше-	– исследование рынка труда преимущественно через экономическую результативность использования рабочей силы	– социальная устойчивость занятости; – уровень защищенности работников; – территориальные диспропор-

	ние занятых по видам экономической деятельности		ции занятости
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД	– нормативно-правовые механизмы регулирования занятости; – государственные программы рынка труда; уровень институциональной поддержки занятости	– ограниченность количественной оценки реального состояния рынка труда; – сложность измерения эффективности институциональных механизмов	– влияние цифровизации на структуру занятости; – миграционная зависимость рынка труда
ЦИФРОВОЙ ПОДХОД	– уровень цифровых компетенций; распространение дистанционной и платформенной занятости; – показатели цифровой инфраструктуры	– значительная часть методик ориентирована преимущественно на экономически развитые страны с высоким уровнем цифровизации экономики	– ограниченность цифровой инфраструктуры в развивающихся странах; – цифровое неравенство; низкая адаптивность отдельных категорий населения

Составлено автором

Нам представляется, что, для развивающихся стран с высоким демографическим давлением и ограниченными внутренними возможностями трудоустройства населения система показателей оценки рынка труда должна носить более широкий (адаптивный/структурно-институциональный) характер. В данном случае анализ не может ограничиваться только показателями занятости, безработицы или производительности труда. Особое значение приобретают показатели скрытой и неформальной занятости, миграционной мобильности населения, адаптивности трудового потенциала, цифровой грамотности, устойчивости занятости и способности региональной экономики создавать продуктивные рабочие места.

Р.И.Капелюшников считает, что современный рынок труда следует оценивать не только через традиционные показатели занятости и безработицы, но и через более сложную систему структурных изменений, включая качество рабочих мест, профессиональную мобильность, цифровизацию занятости, изменение отдачи от образования, риски автоматизации и устойчивость трудовых отношений в условиях внешних шоков [5]. Анализируя механизмы адаптации рынка труда к кризисным и структурным изменениям экономики, он отмечает, что «... отличительной особенностью данной модели является то, что рынок труда адаптируется к негативным экономическим шокам не столько через масштабное сокращение занятости и резкий рост безработицы, сколько посредством сокращения продолжительности рабочего времени и снижения реальной заработной пла-

ты» [15, с.261]. Применительно к трудоизбыточным странам, как нам представляется, принципиально важным становится учет взаимосвязи между демографическими процессами, миграцией, структурой занятости и уровнем цифровой трансформации экономики.

В отличие от существующих подходов, ориентированных преимущественно либо на количественные показатели занятости, либо на оценку качества человеческого капитала, авторская позиция основывается на необходимости применения комплексной (многоуровневой/адаптивной) системы показателей оценки рынка труда. Данная система должна учитывать специфику трудоизбыточных развивающихся стран и включать показатели:

- занятости;
- безработицы;
- параметры миграционной мобильности;
- неформальной занятости;
- цифровой адаптивности рабочей силы;
- устойчивости трудового потенциала;
- способности экономики обеспечивать продуктивную занятость населения в условиях цифровой трансформации экономики (рис. 2).

• Между тем, в настоящее время широкую научную дискуссию вызывают проблемы анализа рынка труда в условиях цифровизации экономики. Одни авторы акцентируют внимание преимущественно на статистической диагностике занятости и безработицы, другие исследуют трансформацию цифровых форм труда, третьи рассматривают институциональные и социологические аспекты функционирования рынка труда. Многовариантность исследовательских позиций, на наш взгляд, обусловлена усложнением самой структуры занятости, а также усилением влияния цифровых технологий на процессы воспроизводства трудового потенциала.

Рис. 2.1.2 – Система показателей диагностики рынка труда в развивающихся странах с трудоизбыточной экономикой

(разработка автора)

Так, Т.А.Камарова и Н.В.Тонких, исследуя процессы цифровизации занятости, существенное внимание уделяют трансформации форм трудовой деятельности и расширению нестандартной занятости населения. Авторы рассматривают цифровой рынок труда как новую среду взаимодействия работников, работодателей и цифровых платформ [4, с.555-557]. Их подход представляется вполне обоснованным, поскольку цифровизация действительно сопровождается усложнением структуры занятости и развитием новых механизмов трудовой мобильности. Однако в их исследовании основное внимание концентрируется преимущественно на характеристике цифровых форм занятости, тогда как проблемы скрытой безработицы, миграционной зависимости и структурной трудоизбыточности рассматриваются недостаточно.

Определенный исследовательский интерес представляет позиция А.А.Яновской, которая рассматривает рынок труда в условиях цифровой экономики через призму новых инструментов моделирования и анализа цифровых форм занятости [14, с.110]. Ее подход позволяет расширить методические воз-

возможности исследования платформенного труда и цифровых механизмов занятости населения. Однако использование преимущественно цифрово-модельных инструментов анализа не всегда позволяет выявить реальные масштабы неформальной занятости и адаптационные стратегии населения в трудоизбыточных экономиках, где значительная часть трудовой активности носит скрытый или сезонный характер.

Р.И.Капелюшников обоснованно связывают трансформацию рынка труда с распространением платформенной и дистанционной занятости. На наш взгляд, позиция Р.И.Капелюшникова обладает значительным аналитическим потенциалом, поскольку платформенная экономика действительно становится одним из ключевых факторов трансформации современной занятости [5]. В то же время, ряд авторов предлагает использовать показатели занятости, безработицы, производительности труда, уровня цифровизации экономики и профессионально-квалификационной структуры рабочей силы в качестве базовых инструментов диагностики рынка труда [6; 1; 11]. Эти методы обладают высокой степенью формализации и позволяют проводить межрегиональные сопоставления социально-трудовых процессов. Однако применительно к трудоизбыточным развивающимся странам данные методы/подходы имеют определенные ограничения, поскольку официальные показатели зачастую не отражают реальные масштабы сезонной миграции и неформальной трудовой активности населения.

Отдельного внимания заслуживают исследования, ориентированные на использование социологических методов анализа цифрового рынка труда. Так, Е.С.Берестовая рассматривает цифровой рынок труда как самостоятельный объект социологического исследования [2]. Подходы, основанные на социологическом опросе, на наш взгляд, являются особенно важными в условиях цифровой трансформации экономики, поскольку именно социологические методы позволяют выявлять реальные модели трудового поведения населения (в частности, мотивационные установки работников, особенности цифровой адаптации и т.п.).

Сходной позиции придерживается А.Н.Цыганкова, рассматривающая преобразование форм занятости в цифровой экономике через призму социологического анализа трудовых отношений и изменения моделей занятости населения. Автор отмечает, что рынок труда «... следует исследовать не только как систему распределения рабочей силы, но и как сложную социальную среду, в рамках которой трансформируются трудовое поведение населения» [12, с. 69].

Заключение. На наш взгляд, именно социологические методы обладают наибольшими аналитическими преимуществами при исследовании трудоизбыточного рынка труда в условиях цифровизации экономики. Это обусловлено тем, что статистические и экономико-математические методы преимущественно фиксируют уже сложившиеся количественные параметры занятости и безработицы, тогда как социологический подход позволяет выявлять куда более широкие изменения в трудовом поведении населения.

В частности, посредством социологических методов становится возможным исследование:

- скрытой и неформальной занятости населения;

- цифровой мобильности рабочей силы;
- адаптивности трудового потенциала;
- уровня цифровых компетенций населения;
- мотивационных моделей трудового поведения;
- социального восприятия цифровизации труда.

Следует особо отметить, что авторская позиция не сводится к использованию исключительно классических социологических обследований населения. В отличие от существующих подходов, ориентированных преимущественно на традиционные опросы и анкетирование работников, предлагаемый подход основывается на сочетании социологических, цифровых и пространственно-аналитических методов исследования рынка труда.

В данном случае принципиальными особенностями авторского подхода выступают:

- использование цифрового мониторинга трудовой активности населения (опросы проводятся посредством социальных сетей, специализированных онлайн-анкет);
- анализ платформенной занятости и цифровых трудовых сервисов (исследуются особенности дистанционной занятости, самозанятости);
- исследование цифровых следов трудового поведения населения (осуществляется анализ активности пользователей на интернет-сервисах поиска работы);
- интеграция социологических и межрегиональных методов анализа (сопоставлением особенностей функционирования региональных рынков труда).

В целом, авторская позиция основывается на том, что при исследовании трудоизбыточного рынка труда в условиях цифровизации экономики наибольшими аналитическими преимуществами обладают адаптивные социологические методы исследования, интегрированные с цифровыми и пространственно-аналитическими инструментами диагностики социально-трудовых процессов (рис. 3).

СОЦИОЛОГО-АДАПТИВНЫЙ АЛГОРИТМ АНАЛИЗА ТРУДОИЗБЫТОЧНОГО РЫНКА ТРУДА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

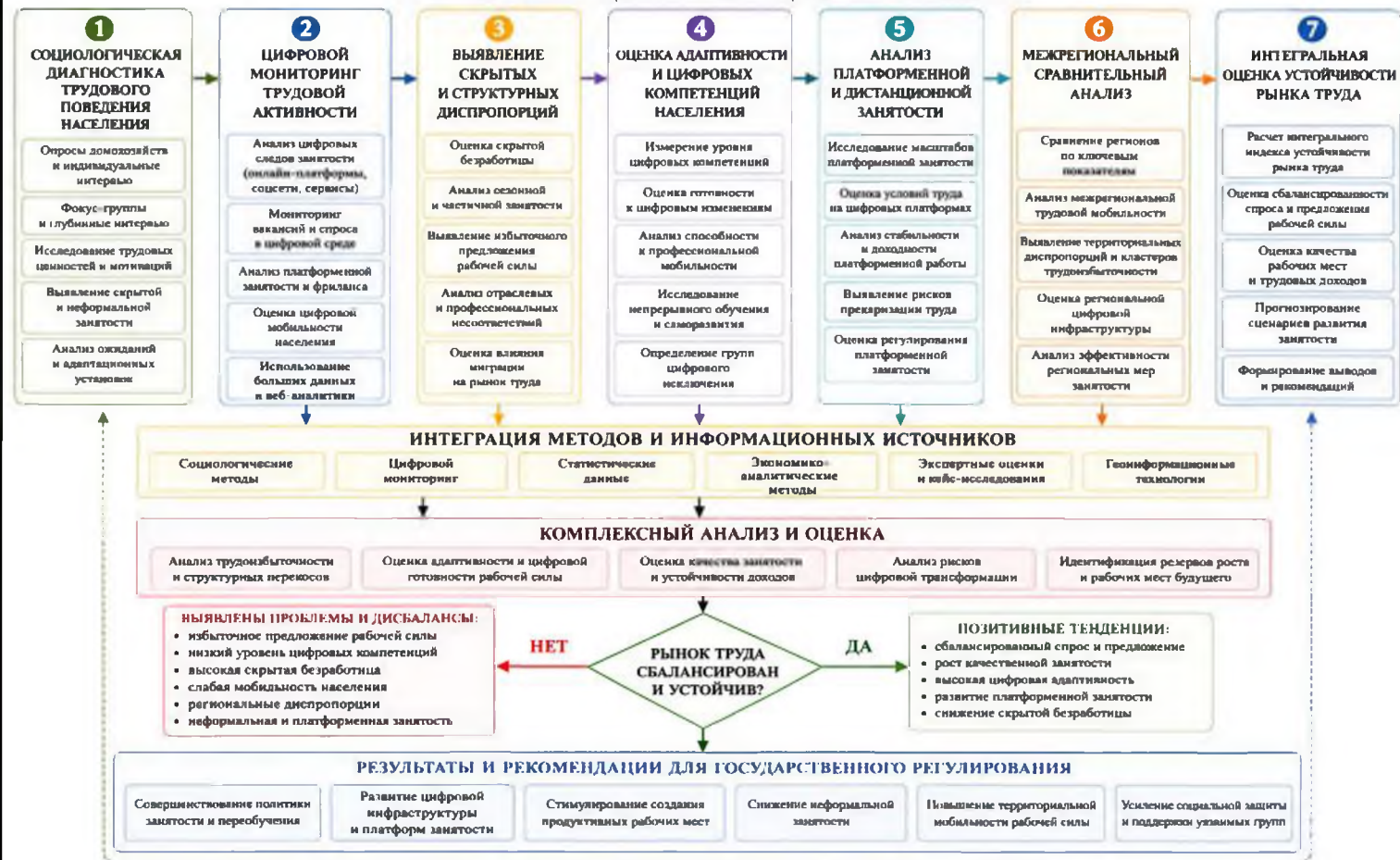

Рис. 3 – Социолого-адаптивный алгоритм комплексного анализа трудоизбыточного рынка труда
в условиях цифровизации экономики (составлено автором)

Принципиальной особенностью предлагаемого подхода выступает расширение объекта исследования за счёт включения в систему анализа платформенных работников, сезонных мигрантов, самозанятого населения, скрыто безработных и цифрово-исключённых групп населения. Нам представляется, что в случае эффективного использования данной методики обеспечивается возможность более объективной оценки состояния рынка труда в условиях цифровизации экономики. Последнее, безусловно, создает соответствующие условия для принятия эффективных решений в плане регулирования социально-трудовых отношений.

В условиях Республики Таджикистан эффективный мониторинг рынка труда приобретает особую значимость, поскольку страна находится на этапе реализации концепции продуктивной занятости населения, ориентированной на повышение эффективности использования трудового потенциала, создание устойчивых рабочих мест и снижение масштабов неформальной занятости. Качественный мониторинг рынка труда позволяет оптимизировать структуру государственной политики в сфере занятости населения и повысить эффективность распределения инвестиционных ресурсов, направляемых на создание новых рабочих мест. В данном случае своевременное выявление структурных диспропорций занятости, региональных различий трудовой активности населения и потребностей экономики в трудовых ресурсах обеспечивает возможность более обоснованного определения приоритетных направлений инвестиционной поддержки. Особое значение приобретает, безусловно, ориентация государственных инвестиций на количественное расширение занятости и формирование продуктивных рабочих мест, соответствующих современным требованиям цифровой экономики. В связи с этим, применение адаптивного социолого-цифрового подхода к мониторингу рынка труда в республике позволяет оценивать текущее состояние занятости населения и формировать более обоснованные механизмы государственного регулирования рынка труда с учетом реализации основных принципов концепции продуктивной занятости.

Таким образом, проведённый анализ показывает, что существующие методические подходы к исследованию рынка труда отражают отдельные аспекты функционирования социально-трудовой сферы, однако ни один из них в полной мере не учитывает совокупное воздействие трудоизбыточности, миграционной мобильности населения и процессов цифровой трансформации экономики. В этой связи, наиболее перспективным направлением исследования представляется использование адаптивного социологического подхода, дополненного цифровыми и пространственно-аналитическими инструментами анализа. Его эффективное применение может способствовать созданию методической основы для более объективной диагностики состояния рынка труда и формирования научно обоснованных решений в сфере регулирования занятости населения.

Литература

1. Акимов Н.Н. Статистика трудовых ресурсов и рынка труда. – М.: Финансы и статистика, 2021. – 256 с.
2. Берестовая Е. С. Цифровой рынок труда как объект социологического исследования // Социологические исследования. – М., 2022. – №8. – С.82-91.
3. Васиев Ф.М., Ван Т.Т. Неформальная занятость и особенности функционирования рынка труда в Республике Таджикистан // Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических наук. – Душанбе, 2023. – №4. – С.33-40.
4. Камарова Т.А., Тонких Н.В. Цифровизация занятости и трансформация рынка труда // Экономика региона. – Екатеринбург, 2022. – Т.18. – №2. – С.551-563.
5. Капельюшников Р.И. Российский рынок труда: статистический портрет на фоне кризисов // Вопросы экономики. – М., 2023. – №8. – С.5-37.
6. Климова О.А. Методические подходы к оценке регионального рынка труда // Региональная экономика: теория и практика. – М., 2022. – №10. – С.27-35.
7. Кодирзода Д.Б., Шамсов И.С. Цифровая экономика и трансформация занятости населения // Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических наук. – Душанбе: ТНУ, 2024. – №2. – С.92-99.
8. Комилов С.Дж. Управление занятостью населения в системе социально-экономического развития региона / С.Дж.Комилов, Шодибеки С., Б.К.Шарипов. – Душанбе: Ирфон, 2023. – 214 с.
9. Кострова Ю.Б. и др. Региональный рынок труда: факторы формирования и развития. – М.: Инфра-М, 2022. – 198 с.
10. Кутаев Ш.К. Сущность трудоизбыточности региона и подход к ее определению // Экономические и гуманитарные науки. – Орёл, 2025. – №5 (400). – С.46-54.
11. Резникова С.О., Умерова С.Э. Трансформация воспроизводства трудовых ресурсов в условиях цифровизации экономики // Экономика труда. – М., 2023. – Т.10. – №1. – С.81-92.
12. Цыганкова А. Н. Социологический анализ трансформации занятости населения в условиях цифровой экономики // Социологический журнал. – М., 2021. – №4. – С.65-78.
13. Шодибеки С., Юдина Т.Н. Совершенствование управления занятостью населения в Таджикистане в контексте развития цифровой экономики // Таджикистан и современный мир. – Душанбе: ЦСИ при Президенте Республики Таджикистан, 2025. – №1 (89). – С.114-126.
14. Яновская А.А. Цифровые инструменты анализа платформенной занятости // Экономика и управление. – СПб., 2022. – №11. – С.102-111.
15. Kapeliushnikov R.I. The Russian Labor Market: Long-Term Trends and Short-Term Fluctuations // Russian Journal of Economics. – 2023. – Vol.9. – №3. – P.245-270.

**METHODOLOGICAL APPROACHES TO RESEARCHING
THE LABOR MARKET AND EMPLOYMENT**

Saidova Khumayro Ubaydulloevna

Candidate of economic sciences,
doctoral student of the chair of public finance management and digital economy
Academy of public administration under the President of the Republic of Tajikistan
734003, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Said Nosir str., 33
Ph.: (+992) 93 884 60 05 (m.)
khumayro.saidova@mail.ru

The article examines modern methodological approaches to analyzing the labor market and employment under conditions of economic digitalization. Statistical, institutional, reproductive, spatial, digital and sociological approaches to the study of labor processes are considered. Their advantages and limitations in relation to labor-surplus developing economies are identified. Particular attention is paid to hidden unemployment, labor migration, platform employment and digital competencies of the workforce. It is substantiated that traditional methods of labor market analysis do not fully reflect structural changes in employment caused by digital transformation. An adaptive socio-digital approach is proposed, combining sociological research methods, digital monitoring of labor activity and interregional comparative analysis. A comprehensive algorithm for assessing labor-surplus labor markets is developed, enabling consideration of demographic, economic, institutional and technological factors affecting employment. The study concludes that labor market monitoring systems and state employment regulation mechanisms should be improved in accordance with the requirements of the digital economy.

Keywords: labor market; employment; labor surplus; digitalization of the economy; digital employment; platform employment; digital competencies; labor potential; labor market monitoring; state regulation of employment.

РАВИШҲОИ МЕТОДОЛОГИИ ТАҲҚИҚИ БОЗОРИ МЕҲНАТ ВА ШУҒЛИ АҲОЛӢ

Саидова Хумайро Убайдуллоевна

Номзади илмҳои иқтисодӣ,
докторанти кафедраи идоракунии молияи давлатӣ ва иқтисоди рақамии
Академияи идоракунии давлатии
назди Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон
734003, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯчаи Саид Носир, 33
Тел.: (+992) 93 884 60 05 (м.)
khumayro.saidova@mail.ru

Дар мақола равишҳои муосири методологии таҳқиқи бозори меҳнат ва шуғли аҳоли дар шароити рақамизатсияи иқтисодиёт мавриди омӯзиш қарор гирифтаанд. Равишҳои омории, институционалӣ, тақрибистеҳсолӣ, фазоӣ, рақамӣ ва сотсиологӣ нисбат ба таҳқиқи равандроҳои иқтисодӣ муҳимро таҳлил шудаанд. Афзалиятҳои ва маҳдудиятҳои онҳо дар таҳқиқи кишварҳои рӯ ба рушд ба бозори меҳнати изофӣ муайян карда шудаанд. Ба масъалаҳои бекории пинҳонӣ, муҳчираҳои меҳнатӣ, шуғли платформаӣ ва салоҳиятҳои рақамии қувваи кори таваҷҷуҳи махсус дода шудааст. Асоснок карда мешавад, ки усулҳои анъанавии таҳлили бозори меҳнат имконият на медиҳанд тағйироти сохтори шуғл, ки дар натиҷаи рақамизатсияи иқтисодиёт ба вуҷуд меоянд, ҷудо арзёбӣ карда шаванд. Равиши мутобикшавандаи сотсиологӣ-рақамӣ пешниҳод гардидааст, ки ба ҳамгирони усулҳои сотсиологӣ, мониторинги рақамии фаъолияти меҳнати аҳоли ва таҳлили муқоисавии байниминтақавӣ асос ёфтааст. Алгоритми баҳодиҳии маҷмуии бозори меҳнати минтрақҳои дорон қувваи кори изофӣ таҳия гардидааст, ки имконияти ба ҳисоб гирифтани таъсири омилҳои демографӣ, иқтисодӣ, институционалӣ ва технологиро ба ташаккули шуғли аҳоли фароҳам меорад. Зарурати тақмили низоми мониторинги бозори меҳнат ва механизмҳои танзими давлатии шуғл дар шароити иқтисоди рақамӣ асоснок карда шудааст.

Калидвожаҳо: бозори меҳнат; шуғли аҳоли; қувваи кори изофӣ; рақамизатсияи иқтисодиёт; шуғли рақамӣ; шуғли платформаӣ; салоҳиятҳои рақамӣ; иқтисоди меҳнат; мониторинги бозори меҳнат; танзими давлатии шуғл.

УДК 339.9 (~)

ПРОЕКТ CASA-1000 И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ

Раджабеков Гуломсафдар Джамиевич

Кандидат экономических наук,
старший преподаватель кафедры экономической географии и экологии
Международный университет туризма и предпринимательства Таджикистана,
734055, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. Борбад, 48/5
Тел.: (+992) 93 570 30 30 (м.)
safdarrajabek@gmail.com

Додаева Насиба Ахмадовна

Докторант PhD
Институт гуманитарных наук имени Б.Искандарова
Национальная Академии наук Таджикистана
736000, Республика Таджикистан, Хорог, ул. У. Холдорова, 4
Тел.: (+992) 93 398 00 88 (м.)
nasiba_dodaeva@mail.ru

Проект CASA-1000 был разработан под руководством Всемирного банка с учетом опыта западных стран в строительстве совместных линий электропередачи, практики, успешно применяемой как в Европе, так и в Северной Америке. В статье представлены краткая история развития проекта и его текущее состояние, которое по ряду причин еще не реализовано. Однако позитивный настрой стран-участниц способствовал выделению соответствующих инвестиций для его реализации и созданию необходимой инфраструктуры вдоль линии электропередачи. Строительные работы по проекту практически завершены в Кыргызстане, Таджикистане и Пакистане, а в последней стране, Афганистане, находятся на завершающей стадии. Важность этого проекта заключается не только в его способности продавать электроэнергию странам Центральной Азии и обеспечивать энергией регион Южной Азии в летний сезон, когда он в этом остро нуждается, но и в том, что открывает путь для взаимовыгодного сотрудничества между этими двумя регионами Азии, которое может быть в дальнейшем развито в других областях на благо как отдельных стран, так и их общего развития, поскольку у них есть широкие возможности для взаимного обогащения и прогресса в экономической, социальной и культурной сферах. В то же время проект способствует быстрому экономическому росту самой многострадальной страны – Афганистана как в плане энергоснабжения, так и инвестиций за счет транзита электроэнергии.

Ключевые слова: Центральная Азия; Южная Азия; линия электропередачи; дефицит электроэнергии; сезонный излишек; экономическое сотрудничество; инфраструктура; переменный ток; постоянный ток; транзит электроэнергии.

Введение. Географическое положение Республики Таджикистан, расположенной в горных районах Центральной Азии с обширными континентальными ледниками и крупнейшими в регионе водными ресурсами, создало благоприятные условия для роста и развития гидроэнергетики, которая лежит в основе почти всей электроэнергетической отрасли страны. В настоящее время 98% электроэнергии Таджикистана вырабатывается за счет гидроэнергетических ресурсов [17], и ожидается, что эта доля увеличится в ближайшем будущем с вводом в эксплуатацию Рогунской гидроэлектростанции и завершением строительства нескольких других малых гидроэлектростанций, которые планируется использовать для освоения обширных запасов страны.

Несмотря на этот огромный потенциал развития электроэнергетической отрасли страны, Таджикистан в настоящее время испытывает дефицит электроэнергии зимой и зависит от почасовой подачи электроэнергии для жителей деревень и поселков за пределами крупных городов. Это связано с уменьшением доступности воды зимой и увеличением спроса на электроэнергию для приготовления пищи, отопления и жилых помещений. Между тем, в летний сезон, когда водные ресурсы страны значительно увеличиваются из-за таяния снега и ледников, Таджикистан может генерировать большой избыток электроэнергии, для которой не удастся найти подходящий рынок. Аналогичная ситуация наблюдается в соседней горной республике - Кыргызстане, который сталкивается с подобными трудностями на своей территории. Поэтому, анализируя ситуацию в этих странах и учитывая острую нехватку электроэнергии в странах Южной Азии в летний период, международные организации предложили вариант передачи электроэнергии из этих стран в Южную Азию, что потребовало бы строительства соответствующей линии электропередачи между этими двумя регионами. Целесообразность такого подхода изучалась в течение нескольких лет в каждой отдельной стране Центральной и Южной Азии и отражена в многочисленных публикациях международных организаций [2, с.5; 5, с.14-20; 6, с.5; 7, с.6; 8, с.2-5; 9, с.1; 13, с.18; 12, с.5-8; 15, с.4-6].

Следует отметить, что первоначальные соображения по этому вопросу были высказаны еще в 2006 году, основываясь на опыте передачи электроэнергии в Европе и Америке. Например, потенциал британского рынка электроэнергии составляет 9,8 ГВт с другими европейскими странами (4 ГВт с Францией, по 1,4 ГВт с Данией и Норвегией, по 1 ГВт с Нидерландами и Бельгией и по 0,5 ГВт с Республикой Ирландия и Северной Ирландией). В США существует до 35 подобных линий только с Канадой и еще несколько с Мексикой. На основе этих линий электропередачи представители Всемирного банка предложили строительство высоковольтной линии постоянного тока протяженностью более 1300 км от Датки (Кыргызстан) до Пешавара (Пакистан), которая позволила бы передавать более 1000 МВт электроэнергии из Таджикистана и Кыргызстана через Афганистан в Пакистан. Последний, из-за относительного роста экономики страны и быстрого увеличения населения, испытывает острую нехватку электроэнергии в жаркое лето. Это предложение получило положительный отклик от всех стран-участниц, и международные организации договорились разработать техни-

ко-экономическое обоснование проекта и его последующее финансирование. Помимо передачи электроэнергии в Пакистан, оно также создает благоприятные условия для Афганистана, который сможет использовать электроэнергию в нескольких провинциях и, более того, получить значительные выгоды от транзита электроэнергии, первоначально оцениваемого в 45 млн. долл. США [24], позже увеличившегося до 75 млн. долл. США [20], а затем до 99,1 млн. долл. США [30]. Вероятность дальнейшего увеличения этой суммы довольно высока, что дает Афганистану около 100 млн. долл. США из ниоткуда. Более того, вдоль маршрута этой линии будет создана соответствующая инфраструктура, появятся рабочие места для жителей семи провинций, будет обеспечено хорошее интернет-покрытие, станет возможна электрификация и будут созданы новые предприятия, что обеспечит дополнительные преимущества для жителей этих районов и обеспечит их дальнейший экономический рост.

История развития проекта

Следует подчеркнуть, что сезонные перебои и избытки электроэнергии в Таджикистане и Кыргызстане наблюдались и в советскую эпоху, когда избыток электроэнергии летом распределялся между другими республиками, а соответствующий зимний дефицит энергии обеспечивался соседними республиками, удовлетворяя их внутренние потребности. В то же время важно учитывать, что за три десятилетия после обретения независимости население этих стран значительно выросло¹ и, соответственно, увеличился и спрос на электроэнергию.

Международные организации, начавшие работу в этих странах и занимающиеся развитием их экономики, изучая опыт других стран, предложили перенаправлять избыток электроэнергии из этих стран в другие азиатские страны, испытывающие серьезный дефицит электроэнергии в летний период, когда она особенно востребована для кондиционирования воздуха. С этой целью был подготовлен проект под названием CASAREM (Центрально-Азиатский и Южно-Азиатский региональный рынок электроэнергии), и, поскольку первоначальный план предусматривал передачу 1000 МВт электроэнергии, в СМИ он стал известен как CASA-1000. В окончательном варианте этот проект предусматривает прокладку линии электропередачи общей протяженностью 1387 км, где планируется установить 4264 опоры электропередач, то есть примерно по три опоры на каждый километр. Из этой общей протяженности линии электропередачи 456 км приходится на территорию Кыргызстана [14, с.12], 243 км — на Таджикистан, 575 км — на Афганистан и 113 км — на Пакистан² [10, с.2]. Следует отметить, что из общей протяженности линий электропередачи в 243 км в Республике Таджикистан 28 км приходится на участок от границы с Кыргызстаном до Худжанда [8, с.10], 115 км — от Регара до Сангтудской электростанции, а оставшиеся

¹ Так, население Таджикистана за этот период увеличилось ровно вдвое (с 5,361 млн человек в 1991 году [3, с.6] до 10,721 млн человек к началу 2026 года [2, с.105]), а Кыргызстана — более чем в 1,64 раза (с 4,5 млн человек в 1991 году до 7,4 млн человек к началу 2026 года [1, с.8]).

² По первоначальному плану, длина линии электропередачи в Пакистане составляла 71 км и проходила через Хайберский район до окраин Пешавара, из которых 55 км приходились Федерально управляемым племенным районам и 16 км — провинции Хайбер-Пахтунхва [11, с.42].

100 км — от Сангтудской электростанции до границы с Афганистаном [8, с.5; 7, с.6; 13, с.10].

Что касается количества опорных линий, то в Кыргызстане будет установлено 1243 опоры [14, с.12], в Таджикистане — 846 опор, в Афганистане — 1713 опор, а в Пакистане — 462 опоры.

Как уже отмечалось, хотя проект передачи электроэнергии из стран Центральной Азии в Южную Азию обсуждался между странами-участницами с 2006 года, фактически он был одобрен крупными международными институтами только в 2014 году после практического анализа и подготовки технико-экономического обоснования [2, с.7]. Несмотря на это, практическая реализация проекта началась только в 2018 году и планировалась к завершению в 2020 году. Примерный маршрут показан на рис. 1.

Первоначально общая стоимость проекта оценивалась в 1,17 млрд. долл. США, из которых более 68% было выделено на создание инфраструктуры передачи электроэнергии (см. Табл. 1). Еще в начале 2016 года тогдашний посол Таджикистана в Пакистане, г-н Ш. С. Джононов в интервью газете «Даун» заявил, что Таджикистан намерен экспортировать 1000 МВт электроэнергии в Пакистан по линии электропередачи длиной 750 км к 2018 году. Одновременно посол заявил, что еще 300 МВт электроэнергии будет экспортироваться из другой соседней страны, а именно из Кыргызстана в Пакистан [35; 36].

Посол также отметил, что, помимо упомянутой линии электропередачи 500 кВ, Таджикистан работает над строительством еще одной линии аналогичной мощности из Таджикистана в Пакистан через Ваханский коридор Афганистана, тем самым увеличивая общий объем экспорта электроэнергии до 5000 МВт в летний сезон. Помимо строительства этих линий электропередачи, обе страны намерены укреплять сотрудничество в других областях, включая планирование открытия воздушного сообщения для развития взаимного туризма [35].

12 мая 2016 года в Таджикистане состоялась официальная церемония закладки первого камня проекта CASA-1000 по передаче и экспорту электроэнергии из стран Центральной Азии в Южную Азию¹.

¹ Первый камень в фундамент был заложен в присутствии президента Таджикистана Эмомали Рахмона, главы исполнительной власти Афганистана г-на Абдуллы Абдуллы, премьер-министра Кыргызстана Сооронбая Жээнбекова и премьер-министра Пакистана Наваза Шарифа. (См. [16])

Рис.1. Карта маршрута линии электропередачи CASA-1000

Источник: [17]

На церемонии присутствовали представители всех четырех стран. Как отметили представители стран, первоначально будет передаваться только 1000 МВт электроэнергии, из которых Афганистан и Пакистан получают 300 МВт и 700 МВт соответственно, а в дальнейшем объем будет увеличен до 1300 МВт.

Таблица 1 – Общие расходы проекта CASA-1000
Общие расходы проекта CASA-1000

Название	Капиталовложение (млн. долларов США)	%
Создание инфраструктуры для передачи электроэнергии	801	68.46
Обеспечение помощи для осуществления проекта	30	2.56
Обеспечение помощи для общества	70	5.98
Расходы, связанные с социальными и экологическими мероприятиями	20	1.71
Прочие неуказанные расходы	145	12.39
Налоги и добавленная стоимость во время строительства	104	8.89
Итого:	1170	100.00

Источник: [29]

Согласно сообщениям СМИ, этот проект разработан на основе североамериканской и европейской энергосетей¹ и, следовательно, пользуется поддержкой Всемирного банка, Исламского банка развития, Агентства США по международному развитию, Государственного департамента США, Министерства международного развития Великобритании (DFID), Австралийского агентства по международному развитию и других донорских организаций.

Следует отметить, что строительство этой линии электропередачи требует прокладки линии электропередачи напряжением 500 кВ протяженностью 477 километров от Датской области Кыргызстана через всю страну до Худжанда в Таджикистане. Оттуда электроэнергия может передаваться по существующей линии электропередачи в Сангтуду, где планируется строительство преобразовательной подстанции переменного/постоянного тока мощностью 1300 МВт. Затем потребуется высоковольтная линия постоянного тока протяженностью 750 километров от Сангтуды до Пешавара через Кабул. Согласно плану проекта, необходимо установить преобразовательную станцию постоянного тока в переменный мощностью 300 МВт в Кабуле и преобразовательную станцию постоянного тока в переменный мощностью 1300 МВт в Пешаваре [5, с.9; 6, с.5; 7, с.6].

В результате подписания межправительственного соглашения по урегулированию существующих вопросов страны договорились в 2014 году о транзитном сборе в размере 1,25 доллара США за киловатт. Одновременно, в феврале 2015

¹ Североамериканская распределительная сеть охватывает расстояние в 430 000 км [26], а европейская сеть — 300 000 км [28]

года было достигнуто соглашение о том, что Пакистан будет закупать электроэнергию по цене 9,35 цента за киловатт в течение первых 15 лет, что также включало транзитный сбор, который планировалось выплатить Афганистану [27]. Стороны пришли к выводу, что экспорт электроэнергии поможет обеим странам получать необходимые доходы. Если первые будут получать электроэнергию за счет экспорта, вторые смогут использовать дешевую электроэнергию для создания необходимой им экономической активности и получения соответствующих доходов.

Текущее состояние проекта CASA-1000

По данным афганской стороны, к концу солнечного календаря (конец марта) 2021 года было завершено лишь 30% строительных работ по проекту CASA-1000. За этот период в провинции Кундуз было установлено 140 опор линий электропередачи, а затем эти же опоры были установлены в провинции Баглан. Г-н Тавхиди, представитель Афганской энергетической компании (ДАБШ – Ды Афганистан Брешно Ширкет) заявил, что Афганистан уже завершил оценку маршрутов, установку линий электропередачи и строительство фундаментов [27]. Хотя завершение проекта было запланировано на конец 2020 года, возникли различные проблемы, и проект так и не был фактически реализован.

Пакистанские СМИ связывают задержки проекта с выходом Всемирного банка и Агентства США по международному развитию из проекта, что фактически задержало его реализацию на два года [23]. Согласно пакистанской газете Business Recorder, Всемирный банк отозвал 245 миллионов долларов после смены режима в Афганистане в 2021 году, несмотря на заинтересованность нового режима в завершении проекта, который предоставил бы Пакистану возможность развивать электроэнергетику мощностью 300 МВт и получать дополнительные транзитные доходы в размере от 45 до 50 млн. долл. [23].

По данным пакистанских СМИ, ссылающихся на источники в Министерстве экономики страны, отзыв Всемирного банка и Агентства США по международному развитию (USAID) привел к двухлетней задержке в реализации проекта в Афганистане. Несмотря на это, работа в других странах-участницах продолжалась по плану.

В конце 2023 года в пресс-релизе представитель Всемирного банка в Кыргызстане г-н Н.Х.Накви подчеркнул одобрение и выделение дополнительного финансирования для проекта в размере 18,3 миллиона долларов, отметив важность проекта для всех стран-участниц. Он выделил ряд ожидаемых преимуществ от реализации проекта, включая относительно более устойчивый доступ к энергии как для жителей, так и для существующих предприятий, содействие дальнейшему развитию и экономическому росту, вклад в глобальную борьбу с изменением климата за счет использования чистой гидроэнергетики, а также расширение взаимовыгодной торговли и развитие интеграции между электросетями вышеупомянутых регионов [33]. К концу 2023 года в Кыргызстане были установлены все запланированные 1243 опоры на протяжении 456 км, соединяющие Датскую область с Худжандом в Таджикистане. При этом кыргызская сто-

рона завершила натяжение линии электропередачи на протяжении 287 км от общей протяженности, что составило 63% от выполненных работ [33].

Следует отметить, что кыргызская сторона получила в общей сложности 216 млн. долл., из которых 85 млн. долл. были выделены Европейским инвестиционным банком, 68 млн. долл. — Всемирным банком и Многосторонним донорским трастовым фондом, а 63 млн долл. — Исламским банком развития [33].

В феврале 2024 года Всемирный банк объявил о возобновлении строительства проекта CASA-1000 в Афганистане по просьбе Таджикистана, Кыргызстана и Пакистана, которые возлагают большие надежды на возобновление проекта и уверены, что он окажет существенное влияние на афганскую экономику как в плане энергоснабжения, так и в плане получения дополнительного дохода от транзита электроэнергии. При этом подчеркивается, что вдоль линии электропередачи будет проложена интернет-линия, что также может принести определенные выгоды Афганистану [34]. Месяц спустя, в марте 2024 года, афганские официальные лица объявили о возможном возобновлении строительства проекта по всей стране и подтвердили, что соглашение о продолжении работы между четырьмя странами-участницами было подписано в конце марта 2024 года. Этот проект значительно смягчает проблему нехватки электроэнергии в Афганистане. Представитель энергетической компании «Брешна» Хекматулла Майванди заявил в интервью, что Всемирный банк дал добро на строительство, которое планируется начать в конце апреля (начале афганского месяца Савра) 2024 года и которое продлится два года. Другой представитель этой компании, Абдулла Галиб, отметил в интервью, что примерно 40% строительства проекта уже завершено, а оставшиеся 60% будут построены двумя компаниями, которые ранее работали над проектом и готовы возобновить свою работу [31]. Проект CASA-1000 пройдет через территории шести провинций Афганистана — Кундуз, Панджшир, Каписа, Кабул, Лагман и Нанграхар, как уже упоминалось, общей протяженностью 575 км.

Как отмечает афганская сторона, несмотря на долгий и трудный путь реализации этого проекта, первоначальный меморандум о взаимопонимании между четырьмя странами был подписан еще в 2010 году, а более подробные соглашения по проекту были подписаны только в 2018 году. Этот проект, по мнению Афганистана, наряду с обеспечением электроэнергией, также создаст благоприятные возможности для развития местного бизнеса в области прокладки линий электропередач, который может достигать 40 млн. долл. [20].

По словам представителей Афганской энергетической компании, Всемирный банк выделил на проект в Афганистане 360 млн. долл. США, из которых 260 млн. долл. США уже были выделены предыдущему правительству (во время существования Республики), а оставшиеся 100 млн. долл. США выделяются талибам [22].

После возобновления работы над проектом в Афганистане работа в других странах также ускорилась, что подтверждают и другие страны-участницы. В частности, Таджикистан еще в феврале 2025 года подтвердил завершение проекта к 2027 году. Об этом заявил министр энергетики Таджикистана Далер Джума,

подтвердив, что работы на таджикском и киргизском участках уже завершены, и электросети обоих участков готовы к подключению в ближайшем будущем. Кроме того, он отметил, что пакистанская часть работ также идет хорошо и будет завершена к концу 2025 года [21]. Что касается афганской части, СМИ подтвердили приостановку финансирования со стороны международных партнеров по развитию, и после снятия запрета на строительство этого участка планируется завершить его к концу этого года.

В марте 2025 года Таджикистан объявил о завершении ключевого объекта в рамках проекта: преобразовательной подстанции мощностью 1300 кВт в Кушонёвском районе Хатлонской области на юге страны. По словам главного специалиста проекта И.Бобохонзода, эта станция будет преобразовывать переменный ток, получаемый из – Кыргызстана, Рогунской и Сангтудинской гидроэлектростанций, в постоянный ток для поставки в Пакистан. Строительство станции началось в августе 2019 года и было завершено при поддержке Всемирного банка. Она уже готова на 99% и готова к тестовому запуску. Для строительства станции было выделено 43 гектара земли, из которых 25 гектаров занимает сама станция [31]. По словам г-на Бобохонзода, 2 млрд. кВт·ч электроэнергии будет поставлено из Кыргызстана и 3 млрд. кВт·ч из Таджикистана, которые поступят в Джайхунскую область, а оттуда на электростанцию и будут отправлены нашим южным соседям.

В то же время 5 марта этого года афганская сторона объявила, что 70% работ по проекту завершены и 95% оборудования доставлено в необходимые точки в рамках проекта. К этому времени стоимость транзита электроэнергии по проекту, по расчетам афганской стороны, могла достигать 70 млн. долл. в год [19]. Следует отметить, что бывший глава Департамента энергетики Афганистана Аманулла Галиб, отмечая важность этого проекта, подчеркнул, что проект CASA-1000 одновременно связывает экономические и оборонные интересы соседних стран и тем самым способствует укреплению безопасности в Афганистане и значительно влияет на экономическое будущее страны. Как отмечалось выше, одним из важных участков проекта было завершение строительства линии электропередачи от Датской области Кыргызстана до города Худжанд в Таджикистане протяженностью 477 км. По данным таджикских СМИ, она была завершена и подключена 31 марта 2025 года президентом Таджикистана Эмомали Рахмоном и президентом Кыргызстана Садыром Жапаровым из Худжанда в Таджикистане [32].

Таким образом, северная часть проекта, или центральноазиатская часть проекта, была практически завершена в первой половине 2025 года и готова к передаче электроэнергии в страны Южной Азии. Строительство пакистанского участка будет завершено к концу августа 2025 года, а строительство афганского участка планируется завершить к концу 2026 года. Если эти работы будут завершены в срок, для чего сегодня существуют все возможности, и Всемирный банк и другие международные партнеры выделили соответствующий объем финансирования, то передача электроэнергии начнется уже в начале 2027 года.

Общая стоимость проекта, как ожидается, составит приблизительно 1,2 млрд. долл. США, из которых 544 млн. долл. США выделены Таджикистану и Кыргызстану [32], что составляет чуть более 45% от общей стоимости проекта. Этот проект предусматривает строительство линии электропередачи протяженностью 1387 км по всей длине проекта, с двумя конвертируемыми подстанциями, соединяющими все четыре страны высоковольтной линией и обеспечивающими бесперебойную передачу электроэнергии. Важно отметить, что Афганистан очень заинтересован в реализации проекта по передаче электроэнергии в Южной Азии и, чтобы ускорить эту работу, направил в Душанбе в середине мая этого года делегацию во главе с Абдулом Бари Омаром, директором Департамента энергетики Афганистана (Ди Афганистан Брешно Ширкат). Представители Кыргызстана и Пакистана также прибыли одновременно, где они обсудили совместные вопросы, связанные с решением проекта, проанализировали ход реализации, выявили существующие проблемы, предложили решения и рассмотрели планы на будущее для проекта CASA-1000. В ходе обсуждения проекта Министерство энергетики Афганистана подтвердило свою приверженность финансированию Всемирного банка для ускорения завершения проекта с целью укрепления политических и экономических связей между двумя странами [18].

После этой встречи, 16 мая, стороны подписали четырехсторонний технический кодекс, подтверждающий важность проекта для всех сторон. Кодекс был подписан министром энергетики Таджикистана г-ном Далером Джумой и его киргизским коллегой г-ном Таалайбеком Ибраевым; генеральным директором Министерства энергетики Афганистана г-ном Абдул Бари Омаром; и представителем Министерства энергетики Пакистана г-ном Сардаром Авайсом Ахмадом Ханом Легари [18].

Таким образом, можно заключить, что проект CASA-1000 приближается к заключительному этапу реализации и наконец-то начнет долгожданный этап практической реализации. Этот проект принесет значительные экономические выгоды всем участникам, обеспечивая страны Южной Азии необходимой электроэнергией благодаря ее избытку в летний период в странах Центральной Азии, а также принесет значительный экономический доход странам-экспортерам.

Важно также отметить, что положительное влияние проекта распространяется не только на экономические показатели всех стран-участниц. Он также будет способствовать развитию взаимовыгодных, многосторонних торгово-экономических, культурных и политических отношений между участниками. Это заложит прочную основу для роста и развития экономик всех участников и их более тесного сближения, укрепления сотрудничества и открытия новых путей многостороннего взаимодействия между этими странами, к которому они уже постепенно привыкают.

Литература

1. Кыргызстан. Краткий статистический сборник. – Бишкек, 2026. – 48 с.
2. ОЭСВ ПУЭСВ проекта передачи электроэнергии Центральная Азия – Южная Азия (CASA 1000) / Отчет компании Интегрейтэд Енвайронмент. – 2011. – Май. – 443 с.
3. Социально-экономическое положение Республики Таджикистан – январь 2026. – Душанбе, 2026. – 148 с.
4. Численность населения Республики Таджикистан на 1 января 2021 года. 30 лет государственной независимости / Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан. – Душанбе 2021. – 55 с.
5. CASA-1000. Central Asia South Asia Electricity Transmission and Trade Project. Regional Environment Assessment of the WB. – 2014. – 46 p.
6. CASA-1000. Final Resettlement Policy Framework / Government of Kyrgyz Republic. –2014. – 30 p.
7. CASA-1000. Resettlement Policy Framework / Government of Republic of Tajikistan. – Dushanbe, 2014. – 33 p.
8. CASA-1000 Transmission Line – North Segment. Environment and Social Impact Assessment. Vol.1. –Dushanbe, 2020. – October. –177 p.
9. Central Asia South Asia Electricity Transmission and Trade Project (CASA-1000) Environment and Social Impact Assessment. Da Afghanistan Breshna Sherkat (DABS). –Kabul, 2019. – September. –817 p.
10. Central Asia South Asia Electricity Transmission and Trade Project (CASA-1000) – 500 KV HVDC Transmission line. Environment and Social Impact Assessment. National Transmission and Dispatch Company. – Islamabad, 2022. –May. –332 p.
11. Land Acquisition and Resettlement Framework (LARF). – Islamabad, 2014. – 42 p.
12. Montague L. Regional Economic Integration in Central Asia and South Asia // MPRA. Paper №66436. –2015. – September. – 275 p.
13. Regional Environment Assessment. CASA-1000: Central Asia South Asia Electricity Transmission and Trade Project. Final report. – 2014. – 201 p.
14. Resettlement Action Plan for 500 KV S/C Transmission Line in Kyrgyz Republic (Batken oblast). Part 1 of Central and South Asia Transmission and Trade (CASA-1000) Project. –Bishkek, 2020. –September. –88 p.
15. Resettlement and Compensation in connection with the South Asia Regional Electricity Trade Project (CASA-1000)/ Resettlement Policy Framework. – Kabul, 2014. – 75 p.
16. Проект CASA-1000 свяжет Центральную и Южную Азию – BBC News Русская служба [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.bbc.com/russian/international/2016/05/610512_casa-project-launch
17. Строительные работы CASA-1000: Кыргызстан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.casa-1000.org/ru/stroitelnye-raboty/#constrcountries_KG_ru
18. Afghan delegation visits Tajikistan to advance CASA-1000 project [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.ariananews.af/afghan-delegation-visits-tajikistan-to-advance-casa-1000-project/>
19. CASA-1000 Project in Afghanistan Reaches 70% Completion [Electronic resource]. – Access mode: <https://tolonews.com/afghanistan-193316>
20. CASA-1000 Project to Start After Eid al-Fitr: Ministry [Electronic resource]. – Access mode: <https://tolonews.com/business-188104>
21. CASA-1000 to Be Operational by 2027 [Electronic resource]. – Access mode: <https://thediplomaticinsight.com/casa-1000-to-be-operational-by-2027/>
22. DABS: CASA-1000 Project to Begin Next Month [Electronic resource]. – Access mode: <https://tolonews.com/business-188470>
23. Hakimi A. CASA-1000 project Reportedly Delayed for Two More Years [Electronic resource]. – Access mode: <https://tolonews.com/business-182159>

24. Istanbul to host discussions on CASA-1000 project next month [Electronic resource]. – Access mode: <https://amu.tv/85617/>
25. Jahanmal Z. Afghan part of CASA-1000 project 30% completed [Electronic resource]. – Access mode: <https://tolonews.com/business-171036>
26. Koshelev D. Canada's Electrical Grid Part 1: Current Grid Structure and Operational Framework. [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.larkscientific.org/in-depth-research/canadas-electrical-grid-pt1>
27. Marty F.J. CASA 1000 – High Voltage in Central Asia [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.cacianalvst.org/publications/analytical-articles/item/13152-casa-1000--high-voltage-in-central-asia.html>
28. MedTSO and ENTSO-E map 500000 km of power network in the Euro-Mediterranean [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.entsoe.eu/news/2018/02/26/medtso-and-entso-e-map-500-000-km-of-power-networks-in-the-euro-mediterranean/>
29. Q&A: Central Asia-South Asia Electricity Transmission and Trade Project (CASA-1000) [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.worldbank.org/en/news/speech/2016/05/10/central-asia-south-asia-electricity-transmission-and-trade-project-casa-1000>
30. Tajikistan Announces CASA-1000 Project to Be Operational by 2027 [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.bakhtarnews.af/en/tajikistan-announces-casa-1000-project-to-be-operational-by-2027/>
31. Tajikistan completes construction of converter station as part of CASA-1000 power transmission project [Electronic resource]. – Access mode: <https://interfax.com/newsroom/top-stories/110164/>
32. Tajikistan, Kyrgyzstan commission power line to connect energy systems under CASA-1000 project [Electronic resource]. – Access mode: <https://interfax.com/newsroom/top-stories/110670/>
33. The Kyrgyz Republic to Create the Conditions for Sustainable Electricity Trade under the CASA-1000 Project with Support from the World Bank [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2023/11/01/additional-financing-for-casa-1000-project-for-the-kyrgyz-republic>
34. World Bank: CASA-1000 in Afghanistan Will Be Resumed [Electronic resource]. – Access mode: <https://tolonews.com/afghanistan-187449>
35. Dawn (E-paper of Pakistan). – 2016. – January 9.
36. The Express Tribune (E-paper of Pakistan). – 2016. – January 8.

THE CASA-1000 PROJECT AND ITS PRACTICAL IMPLEMENTATION ASPECTS

Rajabekov Gulomsafdar Jomievich

Candidate of economic sciences,
senior lecturer of the chair of economic geography and ecology
International university of tourism and entrepreneurship of Tajikistan
734055, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Borbad str., 48/5
Ph.: (+992) 93 570 30 30
safdarrajabek@gmail.com

Dodaeva Nasiba Ahmadovna

PhD student

Institute of humanities named after B. Iskandarov

National Academy of Sciences of Tajikistan

736000, Republic of Tajikistan, Khorog, U. Kholdorov str., Khorog, 4

Ph.: (+992) 93 398 00 88

nasiba_dodaeva@mail.ru

The CASA-1000 project was developed under the leadership of the World Bank, drawing on Western countries' experience in building joint power transmission lines, a practice successfully used in both Europe and North America. This article presents a brief history of the project's development and its current status, which, for a number of reasons, has not yet been implemented. However, the positive attitude of the participating countries contributed to the allocation of appropriate investments for its implementation and the creation of the necessary infrastructure along the transmission line. Construction work on the project is nearly complete in Kyrgyzstan, Tajikistan, and Pakistan, and is in its final stages in the last country, Afghanistan. The importance of this project lies not only in its ability to sell electricity to Central Asian countries and provide energy to South Asian countries during the summer season, when they desperately need it, but also in the fact that it paves the way for mutually beneficial cooperation between these two regions of Asia, which can be further developed in other areas for the benefit of both individual countries and the overall development of these regions, where they have ample opportunities for mutual enrichment and development in the economic, social, and cultural spheres. At the same time, the project contributes to the rapid economic growth of the most long-suffering country – Afghanistan, both in terms of energy supply and investment through electricity transit.

Keywords: Central Asia; South Asia; power line; power shortage; seasonal surplus; economic cooperation; infrastructure; alternating current; direct current; electricity transit.

ЛОИҲАИ CASA-1000 ВА ҶАНБАҲОИ АМАЛИИ ТАТБИҚИ ОН

Рачабеков Гуломсафдар Ҷомиевич

Номзади илмҳои иқтисодӣ,

муаллими калони кафедраи ҷуғрофияи иқтисодӣ ва экологияи
Донишгоҳи байналмилалӣ сайёҳӣ ва соҳибкорӣ Тоҷикистон

734055, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯчаи Борбад, 48/5

Тел.: (+992) 93 570 30 30 (м.)

safdarrajabek@gmail.com

Додаева Насиба Аҳмадовна

Докторанти PhD

Институти илмҳои гуманитарии ба номи Б. Искандаров

Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон

736000, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Хоруғ, кӯчаи У. Холдоров, 4

Тел.: (+992) 93 398 00 88 (м.)

nasiba_dodaeva@mail.ru

Лоихаи CASA-1000 таҳти роҳбарии Бонки Ҷаҳонӣ бо истифода аз таҷрибаи кишварҳои Ғарб дар бунёди хатҳои муштаракӣ интиқоли барқ, ки таҷрибае, ки ҳам дар Аврупо ва ҳам дар Амрикои Шимолӣ бомуваффақият истифода мешавад, таҳия шудааст. Дар ин мақола таърихи мухтасари рушди лоиҳа ва вазъи кунунии он, ки бо як қатор сабабҳо то ҳол амалӣ нашудааст, оварда шудааст. Аммо, муносибати мусбати кишварҳои иштирокчӣ ба ҷудо кардани сармоягузориҳои мувофиқ барои татбиқи он ва эҷоди инфрасохтори зарурӣ дар тӯли ҳатти интиқол мусоидат кард. Корҳои сохтмонӣ дар ин лоиҳа дар Қирғизистон, Тоҷикистон ва Покистон қариб ба анҷом расидаанд ва дар кишвари охири, Афғонистон, дар марҳилаи ниҳони худ қарор доранд. Аҳамияти ин лоиҳа на танҳо дар қобилияти он барои фуруши нерӯи барқ ба кишварҳои Осиёи Марказӣ ва таъмини нерӯи барқ ба кишварҳои Осиёи Ҷанубӣ дар мавсими тобистон, вақте ки онҳо ба он саҳт ниёз доранд, балки дар он аст, ки он роҳро барои ҳамкориҳои мутақобилан судманд байни ин ду минтақаи Осиё ҳамвор мекунад, ки онро метавон дар дигар соҳаҳо ба манфиати ҳарду кишвари алоҳида ва рушди умумии ин минтақаҳо, ки дар он ҷо онҳо имкониятҳои фаровон барои ғайи гардонидани мутақобила ва рушд дар соҳаҳои иқтисодӣ, иҷтимоӣ ва фарҳангӣ доранд, минбаъд низ рушд дод. Ҳамзамон, ин лоиҳа ба рушди босуръати иқтисодии кишвари аз ҳама ранҷашида – Афғонистон – ҳам аз ҷиҳати таъминоти энергия ва ҳам аз ҷиҳати сармоягузорӣ тавассути транзити нерӯи барқ мусоидат мекунад.

Калидвожаҳо: Осиёи Марказӣ; Осиёи Ҷанубӣ; хатти барқ; норасоии нерӯи барқ; изофави мавсимӣ; ҳамкориҳои иқтисодӣ; инфрасохтор; чараёни тағйирёбанда; чараёни доимӣ; транзити нерӯи барқ.

УДК 331.7(575.3)

**ПОДГОТОВКА КВАЛИФИЦИРОВАННЫХ РАБОЧИХ КАДРОВ
ПО ПОТРЕБНОСТЯМ ВНУТРЕННЕГО – ВНЕШНЕГО РЫНКА
КАК ОСНОВА ПРОДУКТИВНОЙ ЗАНЯТОСТИ МОЛОДЁЖИ**

Раимдодов Умед Сешанбиевич

Кандидат экономических наук,
заведующий отделом миграции населения
Государственное учреждение «НИИ труда, миграции и занятости населения»
при Министерстве труда, миграции и занятости населения
Республики Таджикистан
734026, Республика Таджикистан, Душанбе, пр. Борбад, 86-41
Тел.: (+992) 93 101 09 71 (м.)
umed_r64@inbox.ru

Назаров Мирфозил

Соискатель отдела миграции населения
Государственное учреждение «НИИ труда, миграции и занятости населения»
при Министерстве труда, миграции и занятости населения
Республики Таджикистан
734026, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. Пушкин 1-34
Тел.: (+992) 94 605 080 81 (м.)
Nazarov.mirfozil@mail.ru

Происходящие в Республике Таджикистан социально-экономические преобразования, обусловленные переходом к рыночной экономике, обусловили изменение методологических, теоретических и практических подходов к системе профессиональной подготовки кадров и всех ее звеньев. Рабочая сила стала товаром, объектом купли-продажи на рынке труда, опосредующим отношения работодателей и рабочих, что предопределило новые отношения, в первую очередь, в области обеспечения формирования рабочей силы высокой квалификации через систему подготовки рабочих кадров.

В этой связи усиливается необходимость исследования проблемы подготовки квалифицированных рабочих кадров с учетом требования внутреннего и внешнего рынков труда. Адаптация системы подготовки рабочих кадров к новым экономическим условиям требует, наряду с решением проблем, порождаемых содержательной стороной профессиональной подготовки рабочих кадров, совершенствования ее организационно-экономического механизма. Выработка такого механизма предполагает комплексный подход к исследованию, прогнозированию и организации подготовки рабочих кадров.

В статье обозначены проблемы подготовки квалифицированных рабочих кадров к контексте продуктивной занятости молодёжи на внутреннем и внешнем рынках труда, обоснована необходимость совершенствования формы подготовки квалифицированных рабочих кадров в соот-

ветствии с современными требованиями рынка труда и с учётом комплексного подхода, обоснованы приоритетные направления подготовки квалифицированных рабочих кадров в системе начально-профессионального образования, отличающегося определённым набором социальных и профессиональных навыков для эффективной трудовой деятельности. уточнено место и роль социального партнёрства в обеспечении соответствующего качества подготовки квалифицированных рабочих для потребностей рынка труда.

Ключевые слова: рабочие кадры; квалификация; рынок труда; начальное профессиональное образование; подготовка; отрасли; работодатели; социальное партнёрство.

Система начально-профессионального образования (ПО), обеспечивая квалификационную структуру экономически активного населения, непосредственно воздействует на хозяйственные процессы, состояние культуры и науки в стране. Организованный рынок рабочей силы, во многом управляемый государством и поддерживаемый предприятиями товарной экономики, постоянно совершенствуемый по мере развития народного хозяйства, является одним из ключевых, жизненно важных звеньев социально-экономической системы любой страны. «Функционально-организационная структура рынка труда включает в себя в условиях развитой рыночной экономики следующие элементы: принципы государственной политики в области занятости и безработицы; систему подготовки кадров; систему найма, контрактную систему; фонд поддержки безработных; систему переподготовки и переквалификации; биржи труда; правовое регулирование занятости» [5, с.68].

Поэтому подготовка и выпуск на рынок труда образованной и творчески активной рабочей силы, обеспечение ее квалификационной и территориальной мобильности является одной из приоритетных задач профессионального образования. И чем выше общий уровень развития экономики, чем более сложные задачи ей приходится решать, тем значительнее потребность в рабочей силе высокой квалификации.

Анализ научно-педагогической литературы показал, что российскими учеными достаточно широко изучены различные вопросы, характеризующие особенности организации процесса подготовки конкурентоспособных рабочих кадров в соответствии с социально-экономическими задачами, стоящими перед современным обществом. Это отражено в работах П.Р.Атутова, С.Я.Батышева, А.Т.Глазунова, Г.Н.Жукова, Э.Ф.Зеера, А.М.Новикова, А.П.Сейтешева, М.П.Сибирской, В.А.Скакуна, Ю.А.Якуба и др.

Различные аспекты теории и практики процесса подготовки рабочих кадров нашли отражение в работах таких западных теоретиков, как Г.Беккер, Дж.Гелбрейт, П.Друкер, А.Маршалл, Э.Мейо, Дж.А.Миклетвей, М.Портер, Т.Петерс, Ф.Шейлор, Т.Шульц.

В Таджикистане различные аспекты проблемы подготовки квалифицированных рабочих кадров исследованы в работах С.Б.Ашурова, С.Дж.Комилова, М.Нурмахмадова, Р.К.Раджабова, Х.У.Умарова, У.С.Раимдодова, Н.Хоналиева, Ю.Р.Юсуфбекова и др.

В современных производственных процессах все шире используются высокие технологии и управляющие устройства, внедряются новые технологические процессы, что, в свою очередь, приводит к повышению уровня интеллектуализации труда рабочих и росту их персональной ответственности за эффективное использование и техническое состояние оборудования. «Изменились профессиональные функции рабочего: от изготовления узлов и деталей к управлению автоматизированными системами по выпуску сложной, высокоточной и дорогостоящей продукции» [9, с.86].

Дефицитным ресурсом новой экономики является квалифицированный работник: обладающий творческой составляющей и критическим мышлением; лояльный к выбранной профессии; демонстрирующий готовность к непрерывному самообразованию; владеющий деловыми коммуникациями; готовый к кооперации (сотрудничеству), к действиям в нестандартных и неопределённых ситуациях, к принятию ответственных решений; способный к самоуправлению поведением и деятельностью; имеющий навыки работы с различными источниками информации, а также навыки эффективного поведения в конкурентной среде [8, с.271].

Одним из важных требований дня является обеспечение разумного использования кадров, разработка нормативно-правового, финансового, организационного, мотивационного механизма для эффективного и качественного труда. Необходимо уделять особое внимание улучшению качества подготовки работников по редким и перспективным специальностям и профессиям с учетом приоритетных направлений стратегии развития республики, новых задач и требований.

Это нашло свое четкое отражение в Посланиях Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона Парламенту страны 2012-2025 годов, а также в принятых Правительством Республики Таджикистан Национальной стратегии развития Республики Таджикистан на период до 2030 года и Среднесрочной программе развития Таджикистана на 2016-2020 годы, Государственной стратегии развития рынка труда Республики Таджикистан, Концепции непрерывного образования на 2017-2023 годы и других документах [2, с.8].

В своем Послании глава государства Эмомали Рахмон Маджлиси отметил, что сегодня сфера начального профессионального образования во всём мире считается одной из основных и приоритетных ступеней, эти учреждения готовят специалистов различных отраслей в зависимости от требований рынка труда [6, с.52].

Экономический потенциал страны определяется не только уровнем развития науки, техники, энергоресурсами и запасами полезных ископаемых, но и культурно-техническим уровнем рабочих. Помимо этого, современное производство, оснащенное сложными машинами, агрегатами, автоматическими линиями, требует от организации коллективного его обслуживания, наличия у рабочих специальных знаний многих механизмов и устройств, принципов их работы и взаимодействия. Значительное усложнение функционального содержания труда обуславливает расширение производственного профиля рабочего, необходимость повышения его профессионального уровня. Поэтому в условиях рыночных от-

ношений подготовка квалифицированных рабочих кадров является актуальной задачей [3, с.28].

Сегодня во всем мире основными факторами конкурентоспособности стали: обеспеченность квалифицированной рабочей силой, степень её мотивации, организационные структуры и формы работы, определяющие эффективность использования кадрового потенциала.

Прогрессивность модели любого общества определяется качеством рабочей силы и ее эффективной занятостью. Развитие рыночной экономики не может ограничиваться только процессом обновления экономики, требуется социальная программа подготовка людей к новым условиям [7, с.32].

Главный смысл преобразований в ближайшие десятилетия состоят в том, чтобы через технологические, управленческие, институциональные и социальные новшества прийти к устойчивой экономике с высоким потенциалом саморазвития.

Задачей системы начального профессионального образования является подготовка профессионально компетентного, востребованного рынком труда специалиста, обладающего совокупностью знаний, умений и навыков для эффективного выполнения трудовой деятельности.

Для нашей страны подготовка рабочих кадров в зависимости от требований отечественного и мирового рынка труда стала необходимостью, следовательно, возникла проблема расширения сети учреждений начального профессионального-обучения. В 1997 году в республике был принят Трудовой кодекс, который снизил нижний предел трудоспособного возраста и до 15 лет. Опыт жизни и реальная действительность показали, что эти меры оказались для нашей страны преждевременными и неприемлемыми. Они могли бы быть оправданными в стране с развивающейся экономикой, высокими темпами роста, когда необходимо вовлекать дополнительную рабочую силу, притом профессионально подготовленную в количествах, соответствующих темпам роста, когда темпы роста количества рабочих мест опережают темпы роста трудовых ресурсов, но в Таджикистане темпы роста количества рабочих мест отстают от темпов роста трудовых ресурсов.

Большой проблемой для Таджикистана является безработица среди молодежи. Доля молодежи в возрасте 15-29 лет в регистрируемой безработице сохраняется на довольно высоком уровне. Это, в частности является следствием повышения уровня не охваченности молодежи начальным профессиональным образованием.

Таблица 1 – Охват профессионального образования молодежи в Таджикистане

Годы	Охвачено профессиональным образованием (тыс.человек)	Не охвачено профессиональным образованием (тыс.человек)
2024	84157	19143

Источник: Статистический ежегодник Республики Таджикистан. Душанбе, 2025. С.48, 51, 61.

Как видно из таблицы, в рассматриваемый период ежегодно без доступа к получению профессионального образования всех уровней в среднем остаются 19143 (18,5%) молодежи.

По данным Агентства по статистике при Президенте Республики Таджикистан, в 2024 году на рынок труда республики выходят 103300 тыс. молодых людей, из них выпускники высших учебных заведений – 40900 человек, выпускники среднего профессионального образования – 26200 человек, выпускники начального профессионального – 8410 человек и 19143 выпускники общеобразовательных школ которые выходят на рынок труда не имеющие профессии и являясь малопривлекательными рабочей силы для работодателя [10, с.28]. Несоответствие предложения и спроса на рабочую силу, уровня компетентности желающих трудоустроиться и запросов работодателей – одна из причин высокой безработицы в стране.

Проблема охвата профессиональным образованием молодежи в трудоспособном возрасте существовала в Таджикистане и до установления независимости в 1991 году. Еще при существовании СССР из Таджикистана по инициативе Госкомитета по профтехобразованию совместно с министерствами и ведомствами республики начали направлять юношей и девушек на учебу в ПТУ РСФСР и Украинской ССР, куда было направлено свыше 25 тысяч человек. Подготовка рабочих в профтехучилищах осуществлялась по 48 профессиям, необходимых предприятиям республики [7, с.86].

Хорошо функционирующая система начального профессионального образования является важным элементом экономического развития, социальной устойчивости и политической стабильности страны, а также эффективным механизмом социально-экономической адаптации трудовых ресурсов к качественным потребностям внутреннего и внешнего рынков труда, повышения уровня занятости и снижения бедности

В условиях современной рыночной экономики, развития частного сектора, государство не может оставаться монопольным заказчиком и инвестором подготовки кадров, а образовательные учреждения – только бюджетополучателями. Следует стимулировать различные формы многоканального финансирования и инвестиционного партнерства государства и работодателей. Важно, чтобы такие формы были ориентированы на удовлетворение потребностей рынка труда и, прежде всего инвестирующих в образование работодателей.

Подготовка квалифицированных кадров и развитие человеческих ресурсов имеют ключевое значение для подъема экономики Таджикистана и вхождения ее в мировое экономическое пространство. Рыночная экономика предъявляет повышенные требования к качеству рабочей силы, ее образовательному, профессиональному и квалификационному уровню, росту ее социальной мобильности, профессионализму [7, с.54].

Обеспечение сбалансированности спроса и предложения рабочей силы является важнейшей задачей государственной политики занятости, и один из основных механизмов решения этой проблемы – взаимодействие системы профессионального образования с рынком труда.

Возникло противоречие между потребностями рынка труда в рабочих специальностях определенных видов деятельности и перепроизводством специалистов, в которых экономика республики не нуждается или уже удовлетворила спрос.

Возникшие противоречия между рынком труда и рынком образовательных услуг, в некоторой степени, носят объективный характер, так как для открытия новых специальностей требуется определенное время, в то же время учебные заведения вынуждены учитывать порой конъюнктурные образовательные потребности своих абитуриентов. В результате образовательные учреждения слабо реагируют на изменяющиеся потребности рынка труда, обостряется несоответствие между вновь подготовленной рабочей силой и требованиями работодателей.

Поэтому, диспропорция между структурой и объемами подготовки специалистов и профессионально-квалификационной структурой спроса на рабочую силу является одним из существенных факторов, создающих количественные и качественные параметры дисбаланса.

Социально-экономическое развитие свидетельствует о том, что высококвалифицированные рабочие будут пользоваться все большим спросом. В этих условиях важно обеспечить взаимосбалансированность рынка профессионально-образовательных услуг и рынка труда. Дисбаланс рынков труда и образовательных услуг обусловлен несовершенством существующей модели формирования профессиональной структуры кадров. Она ориентирована на унаследованный от прошлого принцип утверждения «контрольных заданий» по приему абитуриентов через заявки самих же образовательных учреждений. Проявляется это в том, что в региональном разрезе перечень профессий, по которым вели подготовку учебные заведения, лишь частично был ориентирован на профессии, необходимые для предприятий и организаций. Кроме того, ликвидация системы проведения производственной практики или придание ей в подавляющем большинстве случаев чисто формального характера обуславливает более низкий уровень профессиональных навыков выпускников.

Происходящие изменения в рыночной экономике выдвигают принципиально новые требования к квалификации, деловым качествам рабочего. Современное производство нуждается в специалистах широкого профиля, хорошо разбирающихся в его экономических основах, способных быстро освоить смежные профессии, владеющих новейшими методами изготовления, а отчасти конструирования самых современных типов изделий, отвечающих требованиям и качеству мировых стандартов. В условиях рыночной экономики для создания конкурентоспособной продукции и услуг возрастает спрос на работника квалифицированного труда, которые могут создавать и эффективно использовать технику, технологию и продукцию новых поколений.

Социально-экономическое развитие Республики Таджикистан ставит перед профессиональным образованием задачи по формированию эффективного рынка образовательных услуг, выполнению государственных приоритетов в подготовке кадров. В соответствии с этим, важным аспектом развития профессионально-технического образования является ориентация на потребности реального сектора экономики, кадровое обеспечение ведущих отраслей производства, прежде

всего гидроэнергетики, сельского хозяйства, строительства, туризма, информационных технологий и других отраслей, играющих значительную роль в формировании экономического потенциала.

В связи с этим подготовка квалифицированных кадров и развитие человеческих ресурсов имеют ключевое значение для подъема экономики Таджикистана и вхождения ее в мировое экономическое пространство. Рыночная экономика предъявляет повышенные требования к качеству рабочей силы, ее образовательному, профессиональному и квалификационному уровню, росту ее социальной мобильности, профессионализму.

Обеспечение сбалансированности спроса и предложения рабочей силы является важнейшей задачей государственной политики занятости, и один из основных механизмов решения этой проблемы – взаимодействие системы профессионального образования с рынком труда [7, с.69].

Основным поставщиком новых рабочих кадров для внутреннего и внешнего рынков труда в республике является система начального профессионального образования. Именно от того, сумеет ли эта система образования обеспечить отечественную экономику высококвалифицированными рабочими, во многом, будет зависеть успех решения стратегической задачи перевода отечественной экономики на путь развития, благополучие многих граждан, получающих первую путевку в жизнь.

В Таджикистане при Комитете по начальному и среднему профессиональному образованию при Правительстве Республики Таджикистан функционирует 65 государственных учебных заведений. Показатели деятельности учреждения начального профессионального образования показаны в таблице 1.

Таблица 1 – Показатели НПО республики за 2021 по 2024 год

№	Показатели	2021	2022	2023	2024
1.	Число учебных заведений по республике	62	60	60	65
2.	Численность учащихся тыс. чел.	20757	19898	18449	23469
3.	Принято учащихся	13261	12063	12457	17518
4.	Подготовлено квалифицированных рабочих	11150	8291	7334	8410

Источник: Статистический Ежегодник Республики Таджикистан. Душанбе, 2025. С.61.

Как показывает анализ показателей деятельности в учреждении начального профессионального образования, число таких учебных заведений в 2024 по сравнению с 2021 годом увеличилось на 4,6%, численность учащихся увеличилось на 11,5%, прием учащихся увеличилось на 24,3%, подготовка квалифицированных рабочих кадров сократилась на 24,5%. Сокращение числа учебных заведений начального профессионального образования, приема, подготовки и выпуска квалифицированных рабочих обусловлены падением престижности рабочих профессий.

Перечень профессий и специальностей НПО включает такие отрасли как: промышленность, строительство, сельское хозяйство, транспорт, связь, торговлю и общественное питание, туризм, энергетику, информационные технологии.

В системе НПО деформирована структура подготовки кадров, то есть подготовка кадров идет по малозатратным направлениям. Разрыв с базовыми предприятиями и реорганизация системы профессионально-технического образования привели преимущественно к негативным последствиям для предприятий и учреждений НПО.

Работодатели практически не участвуют в процессе подготовки рабочих кадров и не несут прямых расходов на профессиональное образование, получаемых из учебных заведений системы профессионально-технического образования. Пока же работодатели привычно тяготеют к прежней системе государственного распределения выпускников, когда можно было заказать и бесплатно получить квалифицированного рабочего, даже если он не нужен предприятию. Не учитывается то, что в отличие от прежних времен, выпускник стал свободным объектом труда, имеющим право на выбор своего жизненного пути. Вслед за созданием экономического рынка необходимо сформировать рынок труда выпускников, на котором работодатели могли бы оценивать их качество, конкурировать за получение лучших из них. Это позволит создать эффективный механизм взаимодействия и обеспечить прямую включенность работодателей в процесс трудоустройства выпускников. Практически ликвидирован социальный институт базовых предприятий, за счет которых традиционно осуществлялось строительство, обеспечение оборудованием, инструментами и материалами, производственное обучение и производственная практика. Это значительно усложняет не только подготовку квалифицированных кадров, но и в еще большей степени перепрофилирует образовательные учреждения в соответствии с потребностями рынка труда.

Трудовая миграция граждан республики имеет сезонный характер и ежегодно в среднем 550 тыс. трудоспособных граждан выезжают на временную работу за рубеж. Основную часть трудовых мигрантов из Республики Таджикистан составляет экономически активное население в возрасте от 18-45 лет, 42% трудовых мигрантов из республики составляет молодёжи в возрасте от 18 до 30 лет. Основной поток трудовой миграции молодёжи из Республики Таджикистан направлен в страны Содружества независимых государств (СНГ), среди них подавляющее большинство выезжают в Россию – 95%. Основные пункты трудовой миграции в России – это, прежде всего, крупные мегаполисы – Москва, Московская область, Санкт-Петербург, Ленинградская область, а также промышленно развитые города – Екатеринбург, Самара, Челябинск, Новокузнецк, Новосибирск, Калуга, Ярославль, Иркутск, Томск, Краснодар, Сочи, Тверь, Тюмень, Иркутск, Владивосток, Хабаровск, Ростов-на-Дону, где есть возможность найти работу.

В России идет процесс разделения труда между местными и приезжими работниками, обусловленный современной экономической ситуацией, неотъемлемую часть которой составляет использование труда мигрантов причём спектр

профессии мигрантов довольно широк. В нем предоставлены все типичные для мигрантов ниши занятости. В торговле – это продавцы, грузчики, перевозчики товара, в строительстве – разнорабочие, в сфере услуг – курьеры, и другие предприятий общественного сервиса. Потенциал экономики, которым обладает Россия, предполагает и далее заполнение большего количества рабочих мест мигрантами. В банке вакансии Федеральной службы занятости России вакансий 70% составляют рабочие профессии. В связи с этим возникает потребность в рабочих кадрах из других государств.

Строительная отрасль в России стала одной из самых пострадавших от кадрового голода. Нехватку работников в этой сфере Министерство труда и социального защиты Российской Федерации оценивало в 789 тысяч человек. Именно столько специалистов, по оценке ведомства, потребуется отрасли до 2030 года. Еще одной проблемой для отрасли является высокая зависимость от мигрантов. Каждый шестой работник на стройке в Российской Федерации – иностранец. После ужесточения требований к приезжим после теракта в Крокус Сити в 2024 году Россию покинули миллионы мигрантов. Это в итоге привело к усилению кадрового голода в строительной отрасли.

Государственное учреждение «НИИ труда, миграции и занятости населения» провело опрос среди молодежи (500 человек) о необходимости получения начального профессионального образования в колледжах Российской Федерации. Анализ данного опроса показал, что 35,2% молодежи хотели бы получить образование в российских колледжах по строительным профессиям, 27,8% – автомеханическим профессиям, 17,6% – экономическим, 10,3% – по информационным технологиям, 9,4% по профессии сферы услуг. Среди опрошенных высока доля лиц, которые бы хотели получить строительные профессии. Это говорит о том, что молодежь республики осведомлена о востребованных профессиях на рынке труда России.

На наш взгляд, учитывая опыт прошлых лет по заключению с регионами России следует, направлять молодежь из Таджикистана на учебу в колледжи по тем профессиям, в которых регионы испытывают потребность.

Учреждения начального профессионального образования России обладают большими потенциальными возможностями для социальной адаптации трудовых мигрантов. Сам по себе факт получения профессионального образования с дальнейшим трудоустройством в России является для большинства молодежи из Таджикистана определяющим условием их адаптации и успешного развития регионов России.

В связи с этим необходимо на всех уровнях ставить вопрос о создании условий для успешного обучения молодежи в учреждениях начального профессионального образования России.

Организация процесса обучения и трудоустройства мигрантов в соответствии с потребностями рынка труда России позволит облегчить проблему социальной адаптации мигрантов, снизить факторы риска, которые делают мигрантов более уязвимыми и социально незащищенными.

Россия позиционирует себя как принимающая страна, заинтересованная в приеме мигрантов. Это должно найти отражение в социальной политике России, включая политику в области профессионального образования. Уязвимое положение данной категории лиц и рост антимигрантских настроений создают угрозу нарушения социальной стабильности, вплоть до возникновения прямых конфликтов. Необходима реализация программ повышения уровня толерантности в обществе, а также институциональное обеспечение принципа недискриминации по национальному признаку в сфере образования.

При уровне профессионального образования трудовых мигрантов в 40%, в Таджикистане по данным Всемирного Банка поступило в 2025 году до 5 млрд. долл. США денежных переводов. А вложение в профессиональную подготовку трудовых мигрантов, может значительно увеличить заработки трудовых мигрантов как профессиональных рабочих и денежные переводы могут увеличиться в 2 раза. Улучшение профессионального и квалификационного потенциала трудовых ресурсов, в том числе трудовых мигрантов, выступает одним из ключевых факторов обеспечения их социальной защищенности и порождает настоятельную необходимость в дальнейшем развитии системы профессионального обучения, которое связано с тем, что каждый обладатель способностей к труду как индивидуальная рабочая сила развивается в рамках развития личности, совершенствования своих способностей применительно к новым условиям деятельности.

Литература

1. Астафева Н.В. Преобразование в системе подготовки кадров. – М.: Экономика, 2008. – 52с.
2. Базовое социально-экономическое исследование по ключевым индикаторам в схеме проектирования и контроля проекта о положении нынешних учащихся выпускников лицеев и центров обучения взрослых, а также их работодателей: Отчет. – Душанбе, 2018. – 124 с.
3. Батышев С.Я. Формирование квалифицированных рабочих кадров в СССР. – М.: Экономика, 1974. – 384 с.
4. Комилов С.Дж. Основы формирования и функционирования рынка труда в Республике Таджикистан: монография. – Душанбе, 2010. – 158 с.
5. Лубанская Н.Л. Подготовка квалифицированных рабочих кадров для современного рынка труда в учреждениях среднего профессионального образования: дис. ...канд. экон. наук: 08.00.07 / Лубанская Наталья Леонидовна. – М., 2014. – 233 с.
6. Послание Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон Маджлиси Оли Республики Таджикистан от 20.04.2013 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.president.tj
7. Раимдодов У.С. Механизм подготовки квалифицированных рабочих кадров в условиях трансформируемой экономики на примере Республики Таджикистан: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / Раимдодов Умед Сешанбиевич. – Душанбе, 2016. – 154 с.
8. Сидоров В.А. Образование и подготовка кадров в условиях новой технической реконструкции. – М.: Высш. шк., 1994. – 271 с.
9. Сенченко И.Т. Повышение квалификации рабочих на производстве. –М.: Педагогика 1992. – 112 с.
10. Статистический Ежегодник Республики Таджикистан. – Душанбе, 2025. – 442 с.

**TRAINING OF QUALIFIED WORKERS ACCORDING TO THE NEEDS
OF THE DOMESTIC AND FOREIGN MARKETS AS A BASIS FOR
PRODUCTIVE YOUTH EMPLOYMENT**

Raimdodov Umed Seshanbievich

Candidate of economic sciences,
head of the department of population migration
State Institution "Research Institute of labor, migration
and employment of the population"
under the Ministry of labor, migration and employment of the Republic of Tajikistan
734026, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Borbad ave., 86-41
Ph.: (+992) 93 101 09 71 (m.)
umed_r64@inbox.ru

Nazarov Mirfozil

Applicant for the population migration department
State Institution "Research Institute of labor, migration
and employment of the population"
under the Ministry of labor, migration and employment of the Republic of Tajikistan
734026, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Pushkin str., 1-34
Ph.: (+992) 94 605 080 81 (m.)
Nazarov.mirfozil@mail.ru

The socio-economic transformations taking place in the Republic of Tajikistan due to the transition to a market economy have led to a change in methodological, theoretical and practical approaches to the system of professional training and all its links. Labor has become a commodity, an object of purchase and sale on the labor market, mediating relations between employers and workers, which predetermined new relations, primarily in the field of ensuring the formation of a highly qualified workforce through a system of training workers. In this regard, there is a growing need to study the problem of training qualified workers, taking into account the requirements of domestic and foreign labor markets. The adaptation of the labor training system to the new economic conditions requires, along with solving the problems caused by the substantive aspect of the professional training of workers, improving its organizational and economic mechanism. The development of such a mechanism presupposes an integrated approach to research, forecasting and organization of training of workers. The article outlines the problems of training qualified workers in the context of productive youth employment in the domestic and foreign labor markets, justifies the need to improve the form of training qualified workers in accordance with modern labor market requirements and taking into account an integrated approach, justifies the priority areas of training qualified workers in the system of primary vocational education, characterized by a certain set of social and professional skills for effective work, the place and role of social partnership in ensuring the appropriate quality of training of skilled workers for the needs of the labor market has been clarified.

Keywords: workers; qualifications; labor market; primary vocational education; training; industries; employers; social partnership.

**ТАЙЁР КАРДАНИ КАДРҲОИ КОРГАРИИ СОҲИБТАХАССУС БО
ТАЛАБОТИ БОЗОРИ ДОХИЛӢ ВА ХОРИҶӢ ДАР ЗАМИНАИ ШУҒЛИ
ПУРМАҲСУЛИ ҶАВОНОН**

Раҳимдодов Умед Сешанбиевич

Номзади илмҳои иқтисод,
мудири шуъбаи муҳоҷирати аҳоли
Муассисаи давлатии «Пажӯҳишгоҳи меҳнат, муҳоҷират ва шуғли аҳоли»-и
Вазорати меҳнат, муҳоҷират ва шуғли аҳолии Ҷумҳурии Тоҷикистон
734026, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, хиёбони Борбад, 86-41
Тел.: (+992) 93 101 09 71 (м.)
umed_r64@inbox.ru

Назаров Мирфозил

Довталаби шуъбаи муҳоҷирати аҳоли
Муассисаи давлатии «Пажӯҳишгоҳи меҳнат, муҳоҷират ва шуғли аҳоли»-и
Вазорати меҳнат, муҳоҷират ва шуғли аҳолии Ҷумҳурии Тоҷикистон
734026, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯчаи Пушкин, 1-34
Тел.: (+992) 94 605 08 08 (м.)
Nazarov.mirfozil@mail.ru

Муносибатҳои иҷтимоӣ-иқтисодӣ, ки дар Ҷумҳурии Тоҷикистон дар заминаи гузариш ба иқтисоди бозорӣ сурат гирифта истодаанд, боиси тағйир ёфтани муносибатҳои методологӣ, назариявӣ ва амалӣ ба тибқи низоми тайёркунии касбии кадрҳо ва тамоми зинаҳои он гардиданд. Қувваи корӣ ба мол ва объекти хариду фурӯш дар бозори меҳнат табдил ёфта, муносибатҳои байни корфармоён ва коргаронро ба танзим мебарорад, ки ин, дар навбати аввал, муносибатҳои навро дар соҳаи таъмин ва ташаққули қувваи кории дорои тахассуси баланд тавассути низоми тайёр кардани кадрҳои корӣ пешбинӣ менамояд.

Дар ин замина, зарурати таҳқиқи мушкilotи тайёр кардани кадрҳои кории соҳибтахассус бо назардошти талаботи бозорҳои дохилӣ ва хориҷии меҳнат устувор мегардад. Мутабоқсозии низоми тайёр кардани кадрҳои корӣ ба шароити нави иқтисодӣ, дар баробари ҳалли масъалаҳое, ки аз мазмуну мундариҷаи тайёрии касбии кадрҳои корӣ бармеоянд, тақмили механизми ташкили иқтисодии онро низ тақозо мекунад. Коркарди чунин механизм муносибати маҷмӯиро ба таҳқиқ, дурнамасозӣ ва ташкили раванди тайёр кардани кадрҳои корӣ талаб менамояд.

Дар мақола мушкilotи тайёр кардани кадрҳои кории соҳибтахассус дар заминаи шуғли самараноки ҷавонон дар бозорҳои дохилӣ ва хориҷии меҳнат нишон дода шуда, зарурати тақмили шаклҳои тайёр намудани кадрҳои кории соҳибтахассус мувофиқ ба талаботи муносири бозори меҳнат ва бо назардошти муносибати маҷмӯӣ асос ёфтааст. Инчунин, самтҳои афзалиятноки тайёр кардани кадрҳои кории соҳибтахассус дар низоми таҳсилоти касбии аввалия, ки бо маҷмӯи муайяни малакаҳои иҷтимоӣ ва касбӣ барои фаъолияти самараноки меҳнатӣ фарқ мекунад, асоснок карда шудаанд. Мақому нақши шарикӣ-иҷтимоӣ дар таъмини сифати дахлдори тайёр кардани коргарони соҳибтахассус барои талаботи бозори меҳнат муайян ва дақиқ карда шудааст.

Калидвожаҳо: кадрҳои корӣ; тахассус; бозори меҳнат; таҳсилоти касбии аввалия; тайёркунии; соҳаҳо; корфармоён; шарикӣ-иҷтимоӣ.

© Издательство РТСУ

Сдано в набор 20.06.2026г. Подписано в печать 30.06.2026г.
Формат 60x84_{1/16}. бумага и печать офсетная. Гарнитура литературная.
Объем 32,25 п.л. Тираж 50 экз. Заказ №96

Отпечатано в типографии РТСУ,
734025, Республика Таджикистан, г.Душанбе,
ул. Мирзо Турсунзаде, 30